Анри Труайя

Прекрасная и неистовая Элизабет

Книга подготовлена пользователями библиотеки . Читайте или скачивайте эту и другие книги на сайте библиотеки бесплатно и без регистрации.

Адрес публикации:

ГЛАВА I

Заложив руки за спину, с большим усилием двигая правой ногой, Элизабет натирала паркет щеткой с металлическим ворсом. Она видела себя в зеркале платяного шкафа: лицо в капельках пота, черные глаза блестят, пушистый локон раскачивается в такт движениям прямо перед ее носом. Ей хотелось рассмеяться, когда она видела себя в зеркале. Раз-два, раз-два! Оставалось натереть всего лишь узкую полоску вдоль стены. Впрочем, паркет был почти везде чистым, без пятен.

— Я уже заканчиваю! — крикнула Элизабет.

С другой стороны перегородки раздался жалобный голос горничной Берты:

— Вам везет, мадемуазель! А мне еще работы на целый час!

— Не огорчайтесь. Я поработаю вместе с вами во второй половине дня. Мы уберемся в пятнадцатом и семнадцатом номерах.

— Спасибо, мадемуазель.

Элизабет с новым рвением принялась за работу. Трудясь так усердно, чтобы привести в порядком гостиницу к зимнему сезону, она одновременно помогала своим родителям и заодно делала спортивные упражнения. Едва проснувшись сегодня утром, она снова измерила себя: пятьдесят пять сантиметров в талии. Это была рекордная цифра. Теперь, когда ей уже стукнуло девятнадцать, она дала себе слово, что никогда не позволит себе растолстеть. Единственно, что она может позволить себе, это более полную грудь. Сейчас она у нее была круглой, высокой, но едва обозначившейся. Элизабет хотелось бы еще только немного подрасти. В туфлях на высоком каблуке она все равно выглядела очень маленькой. Однако многие считали, что такой рост придавал ей больше женственности и очарования. А в прошлом году один клиент гостиницы сказал ей, что она похожа на статуэтку из Танангры. Ей пришлось даже посмотреть в словаре значение этого слова. Если бы этот седовласый полковник мог увидеть ее сейчас задыхающуюся, нервно натирающую паркет, он, конечно бы, изменил свое мнение. Эта мысль рассмешила ее, она провела по паркету ногой в последний раз и удовлетворенно выпрямившись, положила руку на бедро. При этом кусочек металлической щетины врезался в ее домашний тапочек.

— Фу! Ну наконец-то!

На полу скопилось несколько кучек белой пыли. Девушка вытерла пот со лба, встряхнула головой и улыбнулась. В соседней комнате Берта, дородная брюнетка с мощным бюстом, натирала с остервенением паркет.

— Пойду к маме, я скоро вернусь, — сказала ей Элизабет.

— Если ваша мать больше никого не наймет, то мы едва ли справимся с этой работой! — простонала Берта, размеренно двигая ногой.

— Но ведь в прошлом году мы все-таки справились! — ответила Элизабет.

— Конечно, потому что мы работали по двенадцать часов в день! И это ради того, чтобы клиенты все испортили своей обувью!

Элизабет вышла в коридор, застеленный линолеумом шоколадного цвета. В отличие от Берты она была уверена, что уборка будет закончена в срок. Весь персонал был уже на месте. В середине декабря приедет шеф-повар с помощником. Оставалось ждать чуть более десяти дней. Три года тому назад родители Элизабет продали свое кафе на улице Рошешуар и купили гостиницу в Межеве на двадцать пять номеров под названием «Две Серны». Общение с приятной клиентурой после нескольких лет скучной и, как ей казалось, никчемной учебы в Сент-Коломбе в Жейзелу, затем в мрачном пансионе в Кламаре, оказалось для Элизабет настоящей радостью, особенно в этом солнечном и веселом месте. Она не могла себе даже представить более безоблачной жизни. Люди, которых она встречала в гостинице или на лыжне, приезжали в Межев, чтобы развлечься. Сбросив с себя груз повседневных забот, они молодели внешне и даже их характер становился лучше. Элизабет казалось, что вся земля была населена вот такими здоровыми и беспечными людьми.

Она замедлила шаг и заглянула в несколько номеров. Там было чисто, все блестело и приятно пахло мастикой. В каждом номере стояли кровати со спинками из медных прутьев, с розовыми покрывалами из искусственного шелка с перепутанной бахромой, по два стула, кресло, зеркальный шкаф, комод и ночной столик, а также необходимая ночная ваза. С потолка из сосновых досок свисала лампа с абажуром из белого фарфора. Над кроватью и над умывальником — по два бра в форме тюльпана с лампочками из матового стекла. Элизабет посмотрела на этот унылый интерьер и, почувствовав жажду, пошла в двенадцатый номер, чтобы налить себе стакан холодной воды. Когда она открыла кран, из него раздалось урчание и две ржавых капли упали в раковину.

— Вода не идет! — крикнула она, выйдя из номера.

В ответ она услышала голос матери, раздавшийся с первого этажа:

— Папа перекрыл воду! Он работает там за слесаря.

— Ясно! — откликнулась Элизабет.

Это ее не удивило: вода в Межеве была очень щелочной, поэтому приходилось часто чистить засорившийся водопровод.

— Мама, а почты еще не было? — спросила Элизабет.

— Нет, — бросила на ходу Амелия, проходя через вестибюль в кабинет.

Элизабет спустилась по лестнице, перепрыгивая по привычке через ступеньку, прошла по коридору, где висели настенные часы с круглым циферблатом, открыла дверь и остановилась, увидев гору посуды. Стопка тарелок напоминала ей неприступную крепость. Рядом выстроились ряды рюмок. Маленькие и большие, они стояли на своих ножках по стойке «смирно» перед Амелией, которая держала в руке записную книжку, в то время как экономка Леонтина пересчитывала треснувшую и битую посуду:

— Две больших тарелки с трещинами, одиннадцать мелких, тоже с трещинами, семь десертных с трещинами, восемь коньячных рюмок, четыре бокала для шампанского, две рюмки для ликера треснули…

— Это все, что надо заменить?

— Нет, мадам. Еще две салатницы с отбитыми краями, три солонки и два блюдца…

Элизабет поцеловала мать в щеку и прошла в кухню, где судомойка — странного вида девица чистила медные кастрюли, яростно надраивая их смесью соли, уксуса и песка. На кухне стоял резкий неприятный запах. Элизабет было жалко эту нескладуху, потому что та была глупа и другие слуги обходились с ней грубо. Она была единственной служащей гостиницы, фамилию и место рождения которой Элизабет запомнила из-за необычного сочетания согласных. Судомойку звали Камилла Бушелотт, а родом она была из Пуалли-сюр-Серен из округа Ионна.

— Как блестят твои кастрюли, Камилла! — воскликнула Элизабет.

Камилла Бушелотт вздрогнула и взглянула на них, как смотрит скряга на свое богатство. Она довольно долго соображала, о чем ей говорят. Наконец она скривила свое лошадиное лицо в горделивой улыбке и, подмигнув, пробормотала:

— Блестят? Еще бы! А ведь я только начала работу!

Когда Элизабет вернулась в кабинет, матери там уже не было. Раздвижная дверь в столовую была открыта. Все столы с перевернутыми на них стульями были сдвинуты в угол. Они напоминали лес, растущий на нечищенном паркете. Старшая горничная Эмильена натирала пол между столами.

— Вы не видели маму? — спросила Элизабет.

— Она только что ушла, мадемуазель.

На всякий случай Элизабет направилась к холлу. Чисто вымытые окна, кожаные кресла, маленькие столики, пепельницы на ножках — все было предусмотрено здесь для отдыха клиентов. Кабинет администратора занимал небольшую комнату недалеко от входной двери. Сидя за столом, Амелия проверяла бухгалтерские книги. За ее спиной, на крючках висели сверкающие ключи.

Элизабет рухнула на стул, раздвинув ноги и опустив руки и сказала с выдохом:

— Наконец-то я тебя нашла! Мама, ты не могла бы прерваться на минутку?

— Я скоро закончу.

— Жаль, что нет воды! — продолжила Элизабет. — Мне так хочется пить!

Амелия перевернула страницу, посмотрела на дочь строгим взглядом и сказала:

— Сядь как следует, Элизабет! А то уселась как пастушка на склоне горы, охраняющая коз!

— Ой, мама, оставь меня! — возразила ей дочь. — Когда появятся клиенты я буду благовоспитанной.

— Благовоспитанными бывают не для других, а для самих себя. И потом, ты могла хотя бы покрыть

голову платком перед работой.

— Но я ужасно выгляжу в платке!

— Для кого ты хочешь выглядеть красивой?

— Для себя самой, мамочка! Ты же только что посоветовала мне это! — ответила Элизабет смеясь.

Она вскочила и крепко поцеловала мать, которая тут же запротестовала:

— Оставь, пожалуйста! Ты испортишь мне прическу, Элизабет. Какая же ты бываешь резкая в движениях. Сядь на место! И дай мне, пожалуйста, поработать!

— Хорошо-хорошо! Я больше не дотронусь до тебя, — сказала Элизабет.

Она снова села на край стула, выпрямив спину и поджав губы, словно посетительница. Но ее хватило ненадолго. Едва Амелия снова принялась за расчеты, как Элизабет воскликнула:

— Знаешь, мама, я еще раз осмотрела номера. Они просто ужасны!

— Что такое ты мне говоришь? — воскликнула Амелия. — В них все новое: обои, матрацы, валики, покрывала…

— Вот-вот! Поговорим о покрывалах!

— Чем они тебе не нравятся?

— Они с бахромой!

— С бахромой очень красиво!

— Это сильно отдает 1920 годом!

— И что?

— А у нас 1933 год, мамочка. Вкусы изменились! Если ты не видишь, что здесь уже давно все вышло из моды, то наши клиенты замечают это, я в этом уверена! Взять к примеру освещение.

Мать прервала ее строгим тоном:

— Что там еще с освещением?

Элизабет обернулась и увидела, как в холл вошел отец. На нем был его старый рабочий костюм, а в руке он держал разводной ключ.

— Ты закончил с водопроводом, Пьер? — спросила Амелия, увидев мужа.

Тот ответил с величественной простотой человека, который теперь даже и не пересчитывал творимые им чудеса.

— Да, я только что включил воду.

Но ни жена, ни дочь словно и не удивились этому заявлению, поэтому он повторил:

— Так что же там с освещением?

— Ничего, — ответила Элизабет, — но оно довольно дурацкое — выглядит некрасиво и режет глаза.

— Короче, ты находишь, что слишком ясно все видно, — сказал Пьер и иронично улыбнулся.

— Слишком, папа!

— Тебе хотелось бы, чтобы свет был менее ярким.

— Да! Посмотри, как стало уютно в моей комнате после того, как я там все устроила по-своему. Остается сделать так же везде. Купить маленькие лампы с абажурами из цветастой ткани, постелить покрывала из кретона — он недорого стоит! Снять спинки из медных прутьев и положить валики на деревянные спинки, как на диванах.

— Ты считаешь, что так будет лучше? — серьезно спросил Пьер.

— Все будет выглядеть довольно мило, — сказала Элизабет. — Мило, по деревенски и изящно. Мы же в горах, папа! Если нам удастся создать здесь атмосферу швейцарского домика, все наши

клиенты будут просто в восторге! Здесь они будут чувствовать себя как дома.

— В гостиницу селятся не для того, чтобы чувствовать себя как дома, — назидательно сказал Пьер.

— А вот ты и заблуждаешься, папа. Я уверена, что в гостинице «Мон-д’Арбуа» все номера уютные.

— Наша гостиница — не роскошный отель.

— Так надо постараться сделать его таким! Конечно, в миниатюре.

— А ты подумала о расходах? — спросил Пьер.

— Отец прав, Элизабет, — сказала Амелия. — Это было бы прекрасно, но еще слишком рано об этом говорить. Позднее, если дела пойдут получше, мы займемся необходимыми переделками. У меня самой есть на этот счет кое-какие планы. Например, эта дверь с тамбуром: она слишком узка для прохода.

— Да, — подхватила Элизабет. — А бар в глубине столовой. Если бы можно было перенести его в другое место!

— Это было бы легко сделать, если расширить холл.

Пьер нахмурил брови: мать с дочерью предались грандиозным мечтам о гостинице. Как они обе были красивы в этот момент! Элизабет вся горела от возбуждения. Амелия была более сдержана: ее бледное, несколько увядшее лицо, длинные белые пальцы, глубокий взгляд были исполнены спокойствия. Он молча восхищался ими, потом решился прервать их мечты:

— Ну вы уж слишком далеко зашли! Давайте поговорим серьезно.

— Но мы и говорим серьезно, папа, — сказала Элизабет. — Ведь через несколько лет ты не узнаешь «Двух Серн»

— У них, вероятно, родятся малыши, — сказал Пьер.

Амелия взглянула на него с упреком. Она не одобряла подобных шуток в присутствии дочери. Элизабет рассмеялась:

— Прошу тебя, мама, не принимай такой строгий вид: мне уже девятнадцать лет!

Оставив это логичное замечание без ответа, Амелия выглянула в окно и воскликнула:

— А вот и почта!

Элизабет живо вскочила со стула и уткнулась в стекло.

Плотный человек небольшого роста медленно шел по дороге, мокрой от недавно прошедшего дождя. Это был портье гостиницы — Антуан, возвращавшийся с почты с пачкой писем.

— Каким же он бывает порой неповоротливым! — сказала со вздохом Элизабет.

Антуан был одет в просторную ливрею зеленого цвета, на голове у него была фуражка с надписью золочеными буквами, козырек которой был опущен до самых глаз. Он пришел наниматься на работу на должность портье одновременно с несколькими другими кандидатами. Это было в начале месяца. Выбор пал на него, потому что все другие были слишком высокого роста и им была мала униформа.

— Подумать только, что из-за этой ливреи у нас всегда будут работать в должности портье только карлики, — заметила Элизабет.

— А что поделаешь? Надо же доносить эту почти новую одежду, доставшуюся нам от прежних хозяев, — грустно сказала Амелия.

— А разве нельзя удлинить рукава, брюки, расширить пиджак?

— Нет, я посмотрела.

— Я доверяю Антуану, — сказал Пьер. — Он похож на крестьянина, и я считаю его сметливым.

Входная дверь глухо стукнула, и на пороге появился Антуан во всем зеленом.

— Спасибо, Антуан, — сказала Амелия, принимая протянутые ей письма. — А сейчас помогите Берте натереть полы. Только сначала переоденьтесь.

— Да, — сказала Элизабет, — было бы жаль испачкать такую красивую ливрею!

Когда он ушел, Амелия вскрыла конверты ножом для разрезания бумаги, быстро пробежала глазами несколько писем, затем вдруг выпрямилась и сказала победным тоном:

— Порядок! Греви возвращаются!

— Отлично! — воскликнула Элизабет. — Я так люблю кататься с Жаком на лыжах! Они приедут все вместе?

— Конечно. Господин Греви просит дать им те же номера, в которых они жили в прошлом году. Хорошо, что я не обещала мадам де Бельмон пятый номер.

— Но ты же оставила третий номер господину Жобуру, — сказал Пьер.

— Я поселю его в четырнадцатом. Ему там тоже поправится. Теперь у нас все номера будут заняты к праздникам. Кроме двух небольших номеров в пристройке, но я предпочитаю держать их в резерве на непредвиденный случай.

Делая вид, что слушает мать, Элизабет перебирала письма, лежавшие на столе.

Хорошо, что приедет Жак Греви. Но ему всего девятнадцать лет и для нее он будет только товарищем. Она надеялась найти в почте послание от Андре Лебрейя, двадцатичетырехлетнего студента из Алжира, который прошлым летом настойчиво ухаживал за ней. Он был высокого роста, брюнет, со смуглым лицом, очень белыми зубами и серьезным взглядом. Элизабет хотелось увидеться с ним вновь, но после того, как они расстались, он ей ни разу не написал. Вероятнее всего, он не намеревался вновь приехать в Межев. Она не опечалилась, а просто была разочарована. Этот флирт уже стал терять притягательную силу и теперь останется в ее памяти как одна из сезонных идиллий. Элизабет казалось, что прошло много времени с того момента, как она приехала в Межев. Конечно, ее родители были не в курсе этого ее увлечения.

— Надо принести в пятый номер два пружинных матраса, — сказала Амелия. — Я думаю, что дети, как обычно, будут спать в номере с бабушкой. Жак будет жить в двенадцатом. Родители в третьем. Я сейчас же им напишу, чтобы подтвердить…

На бланке красовался престижный заголовок:

«Гостиница «Две Серны» — летний и зимний сезоны. Все удобства. Горячая и холодная вода. Центральное отопление. Отменная кухня. Умеренные цены.

Директор-владелец: П.Мазалег».

Амелия быстро стала писать:

«Межев, 5 декабря 1933 г.

Дорогой клиент,

Держа в руках Ваше уважаемое письмо от 3-го сего года…»

Вся деловая переписка Амелия начиналась так:

«Держа в руках Ваше уважаемое письмо…»

— Тебе не кажется, что следовало бы сменить эту формулировку, мама? — спросили Элизабет. Это выглядит несколько нелепо.

— Я пишу как принято, — сказала Амелия, — и не понимаю, почему эта фраза не нравится тебе и кажется нелепой? Вместо того, чтобы критиковать меня, тебе следовало бы самой заняться перепиской.

Элизабет замолчала, чтобы избежать повторения некоторых упреков, когда ей трудно было оправдываться. Как объяснить своим родителям, что она с удовольствием согласилась бы стать секретаршей, если бы ей не надо было подчиняться этим невыносимым правилам орфографии? Заставляя себя писать слово без ошибок, она считала, что отказывается от своей независимости, что снова ходит в школу-интернат, где ей ставят плохие отметки из-за ее строптивости. Амелия закончила свое письмо «выражением своих самых приятных и лучших воспоминаний», подписала его: «Мадам П.Мазалег» и вложила в конверт проспект гостиницы с фотографией фасада, указанием цен и перечислением самых красивых мест для прогулок.

Она заклеила конверт, когда Эмильена пришла сказать, что стол накрыт. В отсутствие повара еду готовила Камилла Бушелотт. Персонал обедал в буфетной, а хозяева в уголке столовой, сидя

напротив хаотично расставленных стульев. Экономка Леонтина надела свою служебную одежду: черное платье с маленьким воротничком, повязав белый фартук для того, чтобы прислуживать за столом. Пока она суетилась вокруг единственного накрытого стола, Элизабет заметила, что ее родители и она были первыми клиентами «Двух Серн».

После десерта Пьер встал, потянулся и, зевнув, проворчал:

— Сейчас мы с Антуаном принесем в пятый номер два пружинных матраса.

— Нет, Пьер! — воскликнула Амелия. — Не сразу после обеда! Сначала отдохни.

— Да это же ерунда, — сказал он. — Работы на десять минут.

Взгляд Амелии стал властным:

— Не настаивай, Пьер. Тебе следует быть разумным. Иначе ты не сможешь заснуть.

Так как отец все еще не поддавался на уговоры матери, Элизабет в свою очередь вмешалась в разговор:

— В любом случае, папа, еще слишком рано переносить матрасы на место. Берта еще не натерла пол мастикой.

Он подчинился:

— Ну ладно, я умолкаю и иду спать. А матрасами займемся потом.

— Конечно, у тебя еще достаточно времени, — согласилась Амелия.

Он вышел медленным шагом, опустив голову. Леонтина принесла кофе, на который Пьер не имел права из-за запрета врача. Когда служанка ушла, Элизабет прошептала:

— Я умоляю тебя, мама, не командуй папой, как маленьким мальчиком!

— У него мозгов меньше, чем у ребенка, когда речь идет о его здоровье, — ответила Амелия, пожав плечами. — Ты же отлично знаешь, что ему надо беречь себя, избегать слишком больших нагрузок. Пока он будет спать, я попрошу Берту и Антуана поднять матрасы на второй этаж. Они оставят их в коридоре.

— Не делай этого, мама! — сказала Элизабет, скрестив руки на груди.

— Почему?

— Папе будет так неприятно увидеть, что обошлись без него!

— Это ребячество, Элизабет. Я не хочу, чтобы у твоего отца снова начались головокружения и головные боли.

— Но мама, у него их давно уже нет! Он так изменился после нашего приезда в Межев! Не знаю, может это горный воздух так на него хорошо действует, или его развлекает его работа в гостинице, но я нахожу, что он просто помолодел. Смотри, какой он веселый, энергичный, ни на что не жалуется.

— Если бы ты знала его до ранения! — сказала со вздохом Амелия.

— Поверь мне, мама, если доктор позволяет папе жить так, как ему нравится, мастерить что-нибудь целыми днями, водить машину, значит, он считает, что папа совсем выздоровел!

— Ох уж эти мне доктора! — сказала Амелия, отпив глоток кофе. — Я доверяю больше своей собственной интуиции, чем медицине.

Элизабет посмотрела матери прямо в глаза и произнесла серьезным тоном:

— Да, мама, но с твоей интуицией ты не отдаешь себе отчета в том, что вместо того чтобы подбодрить отца, вернуть ему уверенность в себе, ты постоянно напоминаешь ему о том, что ему лучше было бы забыть. Он так рад будет сообщить нам, что вместе с Антуаном они запросто подняли наверх два матраса.

— Может быть, ты и права, — сказала Амелия, улыбнувшись. — Пусть делает как ему нравится. Только бы не было рецидива…

Элизабет подошла к матери, обняла ее за шею и сказала с большой убежденностью:

— Рецидива не будет! Не может быть рецидива!

Прижавшись щекой к щеке, они стояли так несколько минут, молчаливые и смягченные.

— Как же мы счастливы втроем! — прошептала наконец Элизабет.

— Здесь тебе нравится больше, чем в Париже? — спросила Амелия.

— Что за вопрос, мамочка! Для меня Париж был пансионом в Кламаре. Когда я приезжала к вам на воскресенье, то едва могла поговорить с вами. Лавка, касса, а между вами и мной всегда клиенты. Единственное, о чем я сожалею, так это о том, что нет больше с нами дядюшки Дени.

— Он был бы с нами, если бы не эта его глупая женитьба, — сказала Амелия, отступив немного назад.

К ее щекам прилила кровь, и они стали пунцовыми.

— Не говори плохо о Клементине: она просто прелесть! — воскликнула Элизабет.

— Прелесть с апломбом и очень практичной жилкой, — ответила Амелия. — Тем хуже для Дени! Она бы замучила его советами. Зато теперь у него есть то, о чем он мечтал: простая, незаметная женщина, работавшая у нас когда-то на побегушках, свое маленькое бистро на улице Лепик.

— Мама, ты становишься злой, — сказала Элизабет, погрозив Амелии пальцем.

Амелия отодвинула пустую чашку и вытерла губы салфеткой:

— Ладно, не будем больше говорить об этом.

Элизабет встала, расправила юбку и сказала в заключение с озабоченным видом:

— Ах! Мне надо пойти посмотреть, как идут дела наверху. Берта, должно быть, уже нервничает.

— Мне не очень нравится, что ты работаешь вместе с прислугой, — сказала Амелия.

На лице Элизабет появилось комичное выражение мудрости и достоинства.

— Но я не работаю с ними, мамочка, — ответила она, — я руковожу ими.

Кожаный ремешок сильно стягивал ее талию. Твердые груди слегка выделялись под жилетом из голубой шерсти. Маленькая и стройная, она удалилась с важным видом.

Оставшись одна, Амелия долго думала об этом беспокойном и требовательном ребенке, который уже считал, что достиг того возраста, когда позволено спорить с матерью и даже давать ей советы. «Она воображает себе, что в курсе всех дел, но что знает она о своем отце? Она видит его в лучшем свете. Если бы она жила, как я, так близко с ним, она поняла бы…»

Вошла Леонтина и принялась убирать со стола. Амелия встала и пошла в кладовую для белья, потом в прачечную, в кухонную кладовую. Затем вернулась в свой кабинет, находящийся в холле. Со своего места она слышала звуки в доме, где персонал вновь принялся за работу. Скрип передвигаемой мебели, позвякивание серебряной посуды, шарканье щеткой, ритмичные удары, сопровождающие выбивание пыли из ковриков, все эти домашние звуки поддерживали в ней чувство уверенности и власти. Она была рада, что продала кафе на бульваре Рошешуар. Оборот «Кристалла» был так высок в 1930 году, что они с Пьером смогли продать свое торговое предприятие за цену гораздо выше той, которую они уплатили при покупке. Гостиница «Две Серны» стоила недорого, потому что прежние владельцы, люди пожилые и нерадивые, давно перестали интересоваться своим делом. Купив ее по совету агента по недвижимости и обновив по мере своих возможностей, Амелия воплотила в жизнь мечту своей молодости. Любовным взглядом она оглядела кожаные кресла, эстампы на стенах, круглые столики со стеклянными столешницами. Дневной свет угасал в пустом зале, где ощущался медовый запах мастики. Амелия открыла свою записную книжку и погрузилась в список товаров, которые надо было заказать у оптового торговца в Саллаше: марсельское мыло, мыло хозяйственное, туалетную бумагу…

Она резко подскочила от громкого крика, у нее сжалось сердце. По деревянной лестнице кто-то с шумом бежал вниз. В холл вбежала Элизабет. Растрепанная и запыхавшаяся, с испачканной щекой, она вытянула обе руки в сторону окна:

— Мама, мама, ты видела?

— Что? — спросила Амелия.

— Снег. Выпал первый снег!

— Не будь такой сумасбродной, Элизабет! — сказала Амелия. — Ты меня напугала! Я уж подумала, что в доме пожар.

— Хорошо, мама! Но посмотри, как это красиво!

Они подошли к большому окну. Горы вдалеке были окутаны туманом как невеста фатой. В воздухе кружились белые и легкие перья снега. Они тихо ложились на землю и уже не хотели таять. Элизабет побежала к двери.

— Куда ты? — крикнула ей вдогонку Амелия.

Через несколько секунд девушка уже была на крыльце. Она подставила свое лицо и раскрытые ладони для призрачной снежной ласки.

ГЛАВА II

Снег перестал падать, но в лугах и на дороге его тонкий слой начал таять, превращаясь в грязь. Повсюду уже снова преобладал темный цвет. С рюкзаком за спиной, в больших сапогах, Элизабет шла вниз по дороге в Глез, на ферму Куртуазов, снабжавших гостиницу ветчиной и сыром. Она, конечно, могла бы поручить Антуану сходить туда, но ей нравилось бывать у этих мрачных крестьян — брата и сестры, которые не обращали внимания на спортивное оживление в Межеве и продолжали вести трудную крестьянскую жизнь, обрабатывая свою землю и ухаживая за животными. За откосом показалась крыша их старого дома из серой дранки с положенными на нее камнями. Тропинка вела к воротам, с одной стороны которых были уложены дрова, а с другой лежала куча навоза. Раздался лай собаки. Черно-белый шарик выкатился навстречу Элизабет. Это была собака Куртуазов — Фрикетта — очаровательная дворняжка, с кривыми короткими лапами и бородатой мордочкой, неугомонная, шаловливая, ласковая. В прошлом месяце у нее родились щенки, но ее хозяин утопил их. Собачка радостно прыгнула на Элизабет, а та подхватила ее и прижала к своей груди.

— Боже! Какая же ты грязная! — сказала Элизабет. — От тебя пахнет коровьим навозом.

Приняв эти слова за комплимент, собака залаяла от удовольствия и принялась облизывать склонившееся над нею лицо. Всякий раз, когда Элизабет приходила на ферму, Фрикетта встречала ее с неизменной радостью. Старый Куртуаз, огромный с выпученными глазами и усами, обесцвеченными от белого вина, появился на пороге дома и пробормотал:

— А, это вы, мадемуазель. Здравствуйте. Не правда ли, собачья погода? Скоро опять пойдет снег, и целых четыре месяца мы не притронемся к земле. Кому-то это может и нравится, а кое-кого огорчает. Вы далеко собрались? На прогулку?

— Нет, — ответила Элизабет. — Я хотела бы взять у вас две головки савойского сыра и попросить прийти в гостиницу, чтобы принять заказ.

— У вас уже есть клиенты?

— Нет. Первые приедут только через неделю.

— Выходит, кончилась ваша спокойная жизнь! Надо будет кормить и укладывать спать весь этот народец! Вот наказание! Мне жаль ваших бедных родителей. Ладно, я приду. Но скажите-ка мне, ваш отец по-прежнему согласен оставлять для меня жирные отходы?

— Да, — сказала Элизабет. — При условии, если ваши цены на ветчину и сыр будут такими же, что и в прошлом году.

— Отходы мне нужны для скотины, — проворчал Куртуаз. — Но вам не надо пользоваться этим, чтобы заставлять меня продавать товар себе в ущерб. Я ничего для себя не выгадываю.

— Договаривайтесь об этом с папой.

— Ладно. Входи же. Сестра там. А у меня дела. Эй, Элеонора! У нас гостья!

Элизабет с Фрикеттой на руках вошла в темный зал с низким потолком, в котором пахло потом, супом и скисшим молоком. Длинный стол с двумя скамейками по бокам, вытяжка над очагом, плита с котлом, все здесь напоминало девушке кухню в Сент-Коломбе, где ей так нравилось. В приоткрытую дверь она заметила уголок спальни, где брат спал вместе с сестрой с самого их детства. Над их кроватями висела цветная репродукция картинки с изображением Воскресения Христова. За стеной мычала корова. Дверка из неплотно сбитых досок отделяла стойло от кухни. Она скрипнула, процарапав пол. Вошла женщина неопределенного возраста, высокого роста, сухая, с узловатыми пальцами, которые она вытирала о свой черный фартук.

— Мадемуазель Мазалег! — воскликнула она. — Какой приятный сюрприз! Присаживайтесь...

— Я только на минуту, — сказала Элизабет. — Мне надо две хороших головки савойского сыра.

— Наш последний сыр как раз удался. Пойду в погреб и отберу вам самые лучшие. Да отпустите же вы это животное! Прочь, Фрикетта!

— Не гоните ее. Она такая милая, — сказала Элизабет.

— От нее у вас могут быть блохи!

— Да нет! Фрикетта, ты же не заразишь меня блохами? Тебе, наверное, самой будет скучно жить без них?

— Вот это уж верно, — подхватила Элеонора. — Искать блок, жрать и бегать с кобелями, это все, что она умеет делать. Мы взяли ее для борьбы с крысами, но она их не видит, даже когда они пробегают мимо. За нее эту работу делают наши кошки.

— А сколько у вас кошек, Элеонора?

— Было шесть, а осталось две.

— А другие?

— Да сбежали, — ответила женщина уклончиво.

Она толкнула дверцу, спустилась по трем ступенькам и исчезла в погребе, где горой лежали сыры, ветчина и куски сливочного масла. Местные жители поговаривали, что Куртуазы убивали своих кошек и замораживали их на крыше в снегу, а потом ели, приготовив из них рагу. Но Элизабет не могла поверить, что эти люди могли быть такими жестокими. Из подвала появилась Элеонора, неся две головки савойского сыра, серая корочка которого была испещрена маленькими красными точками.

— Вот, — выдохнула она. Я выбирала, как для себя самой. Я положу их в рюкзак?

— Да, спасибо, — сказала Элизабет.

Фрикетта вытянула морду, жадно втягивая воздух носом.

— Ей обязательно надо сунуть свой нос повсюду, — проворчала Элеонора, сильно ударив собаку по морде.

Челюсти Фрикетты щелкнули, она опустила уши, спрыгнула с колен Элизабет и спряталась под столом.

— Бедное животное, — сказала Элизабет.

— Не жалейте ее! — ответила Элеонора. — Она лентяйка и воровка. Впрочем, мой брат больше не хочет держать ее.

— Вы ее отдадите?

— Да что вы! Кому она нужна? Слишком много ест и никакой пользы. Это не то, что наш Боби. Вы знаете его? Это большой черный пес, который в стойле…

— Да, — сказала Элизабет. — Но тогда, что хочет с Фрикеттой сделать господин Куртуаз?

Вместо ответа Элеонора взяла кружку со стола и налила немного молочной сыворотки в стакан:

— Держите! Я знаю, что вы любите это.

Элизабет выпила глоток кисловатой жидкости и спросила:

— Он ведь не убьет ее?

— А что вы хотите, если ничего другого не остается? — вздохнула старая дева, отводя глаза. — Мы не можем кормить собак ради собственного удовольствия. Мы любим Фрикетту, но каждому свое.

— Это ужасно! — прошептала Элизабет. — Она такая ласковая, такая хорошенькая.

— О! Она даже ничего не почувствует, — сказала Элеонора. Уж мы-то никогда не заставляли животных страдать. Мой брат убьет ее из ружья.

Элизабет с ужасом посмотрела на эту женщину, говорившую таким спокойным тоном об убийстве.

— Когда? Когда он собирается сделать это?

— Когда у него будет время.

Высунув голову из-под стола, Фрикетта весело выслушивала свой смертный приговор. Глаза ее блестели, вокруг одного глаза росла белая шерсть, а вокруг другого черная. Ее пасть была приоткрыта, казалось, что собака невинно улыбается.

— Послушайте! — сказала Элизабет. — Это невозможно! Я возьму ее с собой!

Она сказала это, не задумываясь. В глазах старой девы появилось какое-то глупое выражение.

— Ну, так вы отдадите мне ее? — спросила Элизабет.

— Пожалуйста! — ответила Элеонора. — Но это будет не самый лучший подарок от меня.

— Напротив! Очень хороший подарок! — сказала Элизабет.

— Я заберу ее прямо сейчас. Наденьте на нее ошейник с поводком… Ну или какую-нибудь веревочку на шею…

Избавившись наконец от удивления, Элеонора молитвенно сложила ладони, а уголки губ ее беззубого рта сложились в улыбку:

— Ах! Можно сказать, что у вас добрая душа, мадемуазель, и я вам очень благодарна. Мы ужасно переживали бы, если пришлось бы убить это бедное животное, которое никому не сделало ничего плохого. У вас она будет счастлива. Эй, Фрикетта! Посмотри-ка, она уже виляет хвостом! Могу поклясться, что она все поняла! Я сейчас сбегаю за куском веревки, чтобы привязать ее. Но допейте же сыворотку, мадемуазель. У меня есть еще сколько угодно, наливайте сами, если вы хотите пить.

Возвращаясь домой, Элизабет подумала, какова будет реакция ее родителей, когда она предстанет перед ними с Фрикеттой. Несмотря на настойчивость их дочери, они уже ей не раз говорили, что не хотели, чтобы в гостинице была собака. Но на этот раз она решила, что добьется своего. Поставленные перед фактом, они будут вынуждены смириться, конечно, после возражений и соответствующих назиданий. Не ведая проблем, которые вызовет ее удочерение, Фрикетта весело бежала впереди, удерживаемая за веревочку.

«Она действительно очень грязная, — подумала Элизабет. — Мне надо бы вымыть ее, прежде, чем предъявлять. Если бы мне удалось только войти в гостиницу незамеченной!»

Чудо все-таки произошло: в холле никого, в коридоре никого, на лестнице никого. Элизабет взяла в своей комнате мыло, щетку, салфетки и заперлась с Фрикеттой на третьем этаже.

Без сомненья, впервые в своей жизни собаке пришлось выдержать подобное испытание. Когда на нее неожиданно полилась теплая вода, она испугалась, стала вырываться, затем опомнившись, взглянула на свою новую хозяйку с абсолютным доверием и села в ванную. Шерсть на лапах и на животе была в грязи, которую невозможно отмыть. Блохи скакали во все стороны. Но ужасный вид собаки приводил Элизабет в состояние воинственного азарта. Она безжалостно давила убегавших блох.

Между ее ловкими пальцами текла вода, пенилось мыло, а мерзкие насекомые исчезали в сливном отверстии. У нее вспотел лоб, порозовели щеки. Задыхаясь, она сказала:

— Еще немного потерпи, Фрикетта! Ты сама увидишь, какой красивой ты станешь, когда я закончу!

И действительно, после полоскания и сушки на месте несчастного животного с грязной шерстью появилась красивая собака. Гордая от того, что так преобразилась, Фрикетта танцевала на своих тонких — лапах и чихала от удовольствия. Элизабет снова надела собаке веревочку на шею, и обе вышли из запотевшей ванной комнаты. Потом спустились по лестнице, приготовившись к встрече с родителями.

Амелия и Пьер были на кухне, перед ними лежала гора вилок и ножей. При виде дочери, державшей на поводке собаку, они вскочили, и одно и то же предчувствие омрачило их лица.

— Где ты подобрала эту собаку? — спросила Амелия.

— Мне ее дали Куртуазы, — ответила Элизабет.

Пьер громко рассмеялся и проворчал:

— Хороши же мы будем теперь! Ты что же, хочешь оставить ее?

— Об этом не может быть и речи! — воскликнула Амелия. — Я сто раз повторяла тебе, Элизабет, что нам невозможно держать собаку в гостинице!

— Но почему, мама?

— Это может не понравиться некоторым клиентам!

— Но не могла же я позволить убить это несчастное животное! — возразила Элизабет.

— И кто же хотел убить ее? — спросил Пьер.

— Братец Куртуаз. Никто не имеет права отнять у животного жизнь потому, что она вас больше не развлекает, потому, что стала вам обременительной. Посмотри, мама, на эти добрые глаза!

— Это правда, — согласилась Амелия. — Но если бы пришлось подбирать всех кобелей с добрыми глазами…

— Это не кобель, а сука, — сказала Элизабет, словно эта деталь могла изменить мнение матери.

— Тем более, — ответила Амелия. С суками одни только неприятности. Они народят нам кучу щенят, а потом думай, как отделаться от них.

Пьер казался непримиримым. Он щелкнул пальцами, чтобы привлечь внимание собаки, которая мгновенно навострила уши и высунула кончик розового языка.

— О, мамочка, умоляю тебя! Я ее уже так полюбила, — сказала со вздохом Элизабет. — Я сама буду заниматься ею. Вы даже не заметите, что она в доме!

Догадалась ли собака, что ее судьбу решали эти три человека, шумно спорившие на кухне? Внезапно она подошла к Амелии, встала на задние лапы и лизнула ей руку.

— Она забавная, — сказал Пьер.

— Правда? — воскликнула обрадованная Элизабет. — Мне даже кажется, что она немного породистая.

— Ты преувеличиваешь!

— Да нет же, папа. Ее голова похожа на голову жесткошерстного фокса. Во всяком случае она крысоловка! Она будет нам помогать.

— А как ее зовут?

— Фрикетта.

Пьер и Амелия улыбнулись. Дело было выиграно. Элизабет бросилась на шею родителям. Фрикетта гавкнула, помахав обрезанным хвостом, похожим на запятую.

Фрикетте понадобилось меньше трех дней, чтобы усвоить привычки этого дома. После грубого обращения с ней, она с удовольствием открывала для себя преимущества комфортабельной жизни, любви и безопасности. Гордая тем, что вошла в хорошую семью, она любила прогуливаться со своей молодой хозяйкой и рычала, когда бездомные собаки отваживались идти за ними следом. Ее прежние инстинкты просыпались лишь тогда, когда она видела кучу отбросов. Хотя ее и кормили хорошим свежим мясом, она не могла устоять перед запахом помоев, таким незабвенным со времен голода и несчастной прежней жизни. Элизабет приходилось призывать ее к порядку, дергая за поводок.

— Фу, Фрикетта? Где вы находитесь? Побольше достоинства, пожалуйста!

Она добилась от родителей, чтобы те разрешили собаке спать ночью в ее комнате, на подушечке, положенной на пол. Но на рассвете Фрикетта прыгала на ее кровать и укладывалась в ногах девушки. Едва Элизабет раскрывала глаза, как сразу же теплый комочек подбирался к ней, укладывался рядом и принимался лизать ей подбородок. Потом начинались ласки, разговоры, игры. Свернувшись клубочком вместе с собакой в теплых простынях, Элизабет испытывала удовольствие, говоря себе, что это животное принадлежит ей целиком и нуждается в ее нежности для того, чтобы жить.

ГЛАВА III

Три гвоздики и две веточки аспарагуса в каждой вазочке — таково было установленное количество. В еще пустой столовой Элизабет спешила расставить букетики на столах. Фрикетта ходила за ней по пятам. Из холла раздавались голоса клиентов, возвращавшихся с утренней прогулки.

— Побыстрее, Леонтина, уже время! — сказала Элизабет.

— Я делаю все, что могу, мадемуазель! — простонала Леонтина, ходившая в туфлях на низком каблуке.

Держа в руках открытые бутылки, она читала номера столов, написанные карандашом на этикетках и расставляла вина и минеральную воду между приборами. Затем она начала раскладывать лекарства. Несколько пансионеров, озабоченных своим здоровьем, привезли с собой лекарства, которые надо было принимать до, во время и после еды. По коробочкам можно было сразу догадаться, что у господина Жобура было плохое пищеварение, а у детей мадам Дюпен — подростковая дисфункция, потому что они принимали фитин.

— А вот это я уж и не знаю кому: активированный уголь! — сказала со вздохом Леонтина.

— Вы не пометили его? — спросила Элизабет.

— Нет! Эмильена опять забыла.

— Кладите его всегда для мадам Бельмон. Мне помнится, она принимала его в прошлом году.

Вошла Эмильена, держа в руках меню, составленное Амелией в трех экземплярах:

Среда, 27 декабря.

Обед:

Разные закуски.

Жареный мерлан.

Баранья ножка.

Жареный латук.

Салат.

Сыры.

Фрукты.

Элизабет пробежала глазами меню и поморщилась:

— Все это не очень-то возбуждает аппетит.

Она никогда не была голодна к завтраку, обеду или ужину и предпочла бы питаться как ей вздумается, перекусывая в течение всего дня какими-нибудь лакомствами. Зато большинство клиентов предпочитали есть сидя, медленно и обильно. Как раз в этот самый момент в холле видимо уже собрались спортсмены, читая вывешенное там меню, от которого у них текли слюнки. Несмотря на то, что в гостинице никто не жаловался на питание, Амелия все равно была не довольна новым шеф-поваром, который готовил просто и без всякой изобретательности. К тому же он любил выпить и впадал в гнев, если ему выражали хоть малейшее недовольство. По грохоту передвигаемых кастрюль можно было заключить, что он уже был в плохом настроении. Небольшие блюда с закусками стояли в ряд на сервировочном столике у окошечка, через которое их передавали. Элизабет окинула взглядом зал, где тощенькие букетики цветов возвышались над белыми тарелками. Каждый стол носил отпечаток характера сидевших за ним. Самый большой говорил о процветании и многочисленности племени Греви. Парочки размещались по углам. Компания друзей расставляла целый архипелаг своих стульев около большого окна. Холостяков-одиночек разместили около бара. Элизабет завтракала одновременно с клиентами, за отдельным столиком, Пьер и Амелия садились за него, когда все заканчивали еду.

Дав последние указания Леонтине, девушка открыла стеклянную дверь холла, и шум голосов окатил ее словно волна. В кожаных креслах сидели отдыхающие. Они разговаривали, курили или читали газеты в ожидании того момента, когда им предложат сесть за стол. Их лица раскраснелись от свежего воздуха. Все были в разноцветных свитерах из толстой шерсти. И женщины и мужчины были в норвежских брюках и гетрах. Они сидели в креслах, вытянув на паркетном полу ноги в

тяжелых и влажных ботинках. Под их подошвами появлялись темные лужицы талой воды. Фрикетта обнюхивала их с удовольствием. Пожилые люди, не ходившие на лыжах, мирно беседовали друг с другом. Другие, возбужденные утренним катанием, громко говорили о своих достижениях или о качестве снега. Господин Жобур, зубной врач из Лиона, объяснял свою собственную технику резкого торможения поворотом господину Вуазену, который провел прошлую зиму в Арлберге и объявлял себя сторонником австрийского метода, хотя было очевидно, что он не владеет им. Словно оскорбленные доносившимся до них спором, две девушки Сесиль и Глория Легран молча застыли в своих креслах. Они были очень красивы и безнадежно благовоспитанны. Впрочем, обе прекрасные лыжницы, они приехали в Межев на два месяца с собственной гувернанткой, но с момента своего приезда не общались ни с кем, считая это ниже собственного достоинства. Элизабет поприветствовала их улыбкой, и Глория в ответ лишь слегка наклонила голову. Студенты, жившие в пристройке и обедавшие в гостинице, столпились вокруг трех стаканов аперитива, которые они поделили на шестерых в целях экономии. Один из них воскликнул:

— Вас сегодня не было видно на лыжне, мадемуазель!

— Я не смогла выйти. Мне надо было помочь родителям, — ответила Элизабет.

— Жаль! Снег был такой пушистый, просто сказка!

Сидя в своем административном кабинете, Амелия услышала эти слова и изрекла певучим голосом:

— При хорошей погоде, которая должна наступить, снег будет еще лучше во второй половине дня!

— Если уж мама вам обещает солнце, можете ей верить, — сказала Элизабет, смеясь. — Она узнает все гораздо раньше барометра!

Жак Греви быстро подошел к девушке, словно хотел встать между ней и группой студентов. Он был среднего роста, с тонкими чертами лица, со светло-каштановыми вьющимися волосами и мягким взглядом.

— Посидите с нами, Элизабет, — попросил он, указывая ей на свободное кресло, — в семейном кругу.

Она приняла приглашение. Как всегда там были сам господин Греви, высокий и поджарый, носивший усы щеточкой и любивший кататься на лыжах до изнеможения в любую погоду, его жена Эстелла, грустная и бледная блондинка, которая иногда со страхом едва поспевала за ним, его мать, мадам Греви, дородная женщина с седыми волосами, розовым лицом и голубыми глазами, ее вторая невестка — мадам Франсин Дюпен, вдова, с неизменным романом в руке, и ее дети Поль и Сильвия в возрасте соответственно семи и пяти лет, — примерные дети, разумность которых умиляла Амелию и раздражала Элизабет.

— Во второй половине дня я намерена сводить малышей на Рошебрюн, — заявила мадам Франсин Дюпен.

— По канатной дороге? — с испугом воскликнула мадам Греви. — Даже и не думайте!

— Но почему, мадам? Это не опасно! — сказала Элизабет.

— Ее запустили всего несколько дней назад! Машина слишком новая, а значит, практически не испытана. Может произойти авария, разрыв троса! Эта проволока, натянутая над пропастью! Эти раскачивающиеся кабины!

— Не говорите о них плохо, бабуля, — возразил Жак. — Это отличное изобретение. Подумайте только, я смог спуститься три раза с горы за одно утро!

— Это еще пустяки! — сказал господин Греви. — Ты увидишь, что будет в следующем году, когда они установят аналогичную систему на горе Арбуа! Сюда будут приезжать со всего света. Вам придется расширить свою гостиницу, мадам Мазалег.

— Надеюсь, — ответила Амелия. — Мы с гордостью думаем, что Межев — первый лыжный курорт во Франции, который построил канатную дорогу.

— Если бы тебя сейчас слышали жители Шамони, мама! — воскликнула Элизабет.

— Их дорога предназначена не для лыжников, — сказала Амелия. — Межев бесспорно является столицей лыжного спорта. Нигде нет такого количества трасс для спуска, к тому же, таких солнечных!

Элизабет забавлялась, слушая, как ее мать расхваливает прелести зимних видов спорта в этом краю, хотя сама всегда отказывалась встать на лыжи. Но она считала, что знание этого вопроса,

которое она получила благодаря дочери, было необходимо для хозяйки гостиницы, стоявшей высоко в горах. Зарабатывая благодаря снегу, она полагала, что была обязана расхваливать этот элемент ее успешного бизнеса, даже если от одного только вида склона, покрытого снегом, у нее начинала кружиться голова.

Со стороны входа раздался шум. Какой-то человек с лыжами, скрещенными на плечах, и с палками в руке отчаянно барахтался в тамбуре. Это был клиент, прибывший сегодня утром. Он тщетно пытался пройти в холл со своим снаряжением. Амелия подбежала к новому постояльцу:

— Оставьте ваши лыжи на улице, господин Лопик. Портье займется ими.

Раздался грохот лыж, упавших на пол, и господин Лопик появился с выражением усталости и досады на лице. Одна щека у него была оцарапана, вся одежда в снегу. Амелия подняла руки, изображая этим сильное удивление:

— Боже мой! Что с вами произошло!?

— Да ничего особенного! — проворчал Лопик. — Я просто поднялся на Уступ.

— На Уступ?! — воскликнула Амелия. — Но это безумство для человека, приехавшего сюда впервые! Антуан, идите же скорей сюда с вашей щеткой! Вам надо было бы подниматься за гостиницей, господин Лопик, над дорогой на Глез. Там склоны более пологие. Моя дочь с удовольствием покажет вам их.

Подбежал Антуан и принялся чистить щеткой господина Лопика, который стоял, опершись одной рукой о бедро; его поза была задумчивой и горестной. Но постепенно его лицо стало принимать нормальное выражение.

Когда какое-нибудь блюдо было готово, Амелия проверяла его оформление, вытирала брызги от соуса по краям тарелки, встряхивала салат так, чтобы он казался более воздушным и большим по объему, требовала сверх меню добавить горсточку нарезанной петрушки для гарнира из картофеля по-английски, и расставляла блюда, одобренные ею, на десертный столик, откуда их забирала экономка. Отрегулировав котел в котельной, Пьер принес вина и минеральной воды.

— Два «Божоле», один «Монбазийак», две бутылки «Эвияна», две «Перрье» одну «Бадуа», — говорил он, вынимая бутылки из корзины.

Затем, выполнив эти обязанности, он решил пойти расчистить снег у гаража.

— Я буду там. Позовешь меня, если понадоблюсь.

Амелия расслышала его с трудом. По мере того как гости заполняли зал, суета на кухне создавала все больше и больше шума. Кастрюли звенели словно оружие. Над полем гастрономической битвы сгущался запах соусов. Рыжие искры выскакивали из плиты. Шеф-повар ругал своего помощника, который был не очень расторопен.

— Кто сказал тебе посолить, идиот? Это же диетическое блюдо!

Бедняжка Камилла Бушелотт, сгорбившись от страха, скользила как тень сквозь эту феерию запахов приготовляемой пищи. Подходя к столику с пустыми руками, она отходила от него, нагруженная стопкой грязных тарелок, прижимая их к груди, боясь уронить. Впопыхах помощник повара иногда нечаянно толкал ее. Тогда она поддерживала подбородком своего лошадиного лица эту гору посуды.

— А ну, отвали отсюда! — рычал на нее шеф-повар.

И Камилла Бушелотт убегала к своей воде, грязной от посуды, и к очисткам. В окошечке появилось лицо Леонтины: она сообщала об отмене заказа. Амелия передавала это твердым голосом шеф-повару:

— Шеф, клиент передумал. Он возьмет комплексный обед. Отмените омлет.

С раздраженным лицом, взглядом, сверкающим от ярости, шеф-повар отодвигал железный кружок на плите и в бешенстве швырял омлет в огонь. Амелия не моргнула глазом: портить продукты входило в правило во время «перестрелок».

— Тогда сколько же? — спрашивал повар.

— Жаркое: четыре, вместо трех, — отвечала Амелия.

— Понял!

Теперь очередь Эмильены.

— Овощи, четыре! — кричит она.

— Говорите потише, Эмильена, — просит Амелия. — Мы не в забегаловке. Овощи, четыре.

— Понял!

Повар наливал себе кружку вина, выпивал залпом и наливал новую. Серый латук печально томился на медленном огне. «Он слишком много пьет, — подумала Амелия. — Если он будет продолжать в том же духе, то скоро опьянеет так, что начнет говорить грубости. Прошлогодний был все-таки более обходительный и умелый».

Воспользовавшись затишьем в обслуживании, она посмотрела в зал через окошечко. Был какой-то странный контраст между лихорадкой, царившей на кухне, и безмятежностью жующих клиентов.

— Можно идти к столу? — спросил Жак Греви.

— Да, пожалуйста, — ответила Амелия.

Несколько клиентов небрежно встали. Студенты совещались между собой:

— Может, подождем Максима?

— Господин Максим Пуату ушел, взяв сухой паек, — сказала Амелия.

— Он должен был предупредить нас, вот скотина!

Амелия вздрогнула, услышав такое грубое слово, но продолжала улыбаться. А когда все семейство Греви скрылось за стеклянной дверью, она отправилась в буфетную и заняла свое место между окошечком на кухне, через которое передавали блюда, и окошечком в ресторан.

Пьер еще не поднялся из подвала: его беспокоила котельная, вытяжка в которой работала плохо. Зал медленно заполнялся, Эмильена и Леонтина ходили между столиками, принимали заказы и объявляли их через окошечко:

— Первый, семь… Первый, три…

Амелия повторяла эти цифры шеф-повару. Одетый в белоснежную куртку с двумя рядами пуговиц, с полотенцем вокруг шеи, побагровевшим лицом и высоким белым колпаком на голове, тот отвечал, словно лаял:

— Понял!

После этих слов слышалось сердитое шипенье: мерланы падали в кипящее масло.

— Жаркое, два!

— Сколько?

— Два, повторяю: два!

— Понял!

Свет, отражаемый снегом, попадал в ресторан через большие окна и создавал в нем атмосферу необычайной свежести и сердечности. Люди, объединившиеся за столиками, склонялись над тарелками и ели с аппетитом. Позвякивание вилок и ножей, звон бокалов, разговоры вполголоса звучали в душе Амелии как музыка. Она в который раз с удовольствием отмечала для себя, что все эти люди, — а среди них некоторые занимали очень высокое положение в обществе, — ценили комфорт ее дома настолько, что выбрали именно его для проведения своих отпусков. За столом Греви царило оживление. Эмильена предлагала им на выбор два вида савойского сыра. Мадам Вуазен читала газету, грызя сухарь. Господин Лопик требовал горчицы. Но Леонтина не слышала его. К счастью, Элизабет, которая обедала одна в уголке, остановила экономку и что-то сказала ей на ухо. Через две секунды господину Лопику принесли баночку горчицы.

Теперь Элизабет болтала со студентами, сидевшими за соседним столом. Они уже приступили к десерту, а мадам де Бельмон все еще ждала свой диетический антрекот. Поднялся клуб пара. Это принесли антрекот, широкий и тонкий, со следами решетки от гриля.

— Забирайте! — крикнул повар.

Обслуживание подходило к концу. Несколько сытых клиентов направились к холлу. Эмильена и

Леонтина брали заказы на кофе. С победоносным видом шеф-повар вытирал лицо углом своего полотенца. Лицо Элизабет появилось в окошечке для передачи блюд:

— Мама, я не буду тебе нужна во второй половине дня?

— Нет. А что?

— Я хотела бы подняться на Рошебрюн вмести с Греви. Сейчас такая прекрасная погода! Я быстренько переоденусь!

Она присоединилась к семье Греви в холле. Антуан вычистил пепельницы и взбил подушки на креслах.

— Ну как? — шепотом спросил Жак, подойдя к девушке.

— Все в порядке, — ответила она. — Пока вы будете пить кофе, я приготовлюсь!

Он посмотрел ей в глаза с такой радостью, что она вдруг спросила себя, — не был ли он влюблен в нее?

ГЛАВА IV

Когда они проезжали через первую опору, кабина канатной дороги вздрогнула и сразу же раздался тревожный возглас женщины, находящейся среди пассажиров, повисших над пропастью:

— Ой, она сейчас отцепится! Упадет!

— Не бойтесь, мадам! Есть аварийный канат. И потом, если мы и свалимся вниз, то я приземлюсь раньше и смогу встретить вас там!

Застекленная кабина медленно поднималась, увозя к вершинам лыжников, которые стояли, тесно прижавшись друг к другу. Они громко разговаривали и смеялись по пустякам. В кабине стоял резкий запах лыжной мази и крема для обуви.

Элизабет удалось встать у окна; Жак стоял сзади и крепко сжимал ее локти, дыша ей в затылок. Оказавшись в середине кабины, месье и мадам Греви крепко держались за вертикальную стойку. На голове у обоих были баскские береты. Их носы, смазанные белым защитным кремом, торчали на розовых лицах словно у кукол из папье-маше. Элизабет поразил контраст этих старых умудренных жизнью лиц с молодыми и загорелыми лицами. Из восьми женщин, находящихся в кабине, две были красивы и элегантно одеты. Они поднимались на Рошебрюн, конечно же, не для того, чтобы покататься на лыжах, а чтобы позагорать на солнце. Рядом с ними стояли три парня атлетического сложения, похожие на пиратов. На самом высоком был лыжный костюм черного цвета, шелковый платок на его шее выделялся красным пятном. Его глубоко посаженные глаза под выступающими надбровными дугами были прозрачны и неподвижны; губы, растянутые в насмешливой улыбке, обнажали острые белые зубы. Он дерзко рассматривал Элизабет. Она вспомнила, что уже встречала его в прошлом году на улицах Межева и на лыжне, но никогда еще он не смотрел так. Боясь показать свое замешательство, она повернулась к мадам Греви и быстро сказала:

— Как все изменилось с прошлой зимы! Вы помните, как тяжело было карабкаться в этом месте, бывало на это уходили целые часы.

— Да, — ответила мадам Греви. — Но вообще-то, мне это даже нравилось. Во всяком случае, я видела природу. А теперь думаешь только о скоростях.

— Когда ты научишься лучше кататься на лыжах, ты нас поймешь, — заметил господин Греви.

Жак нагнулся вперед, чтобы полюбоваться пейзажем, и Элизабет оказалась прижатой к стеклу. Парень с красным платком на шее исчез из ее жизни. Внизу открывалась белая бездна, по которой струился темный пихтовый мех. Долина ускользала как во сне. В конце длинной извивающейся ниточки канатной дороги Межев казался просто нагромождением маленьких кубиков с сахарными крышами и с шоколадными стенами. Колокольня с куполом в форме луковицы пасла словно пастух стадо неподвижных домиков.

— Отсюда уже не видно гостиницы? — спросил Жак.

— Посмотрите налево, далеко от деревни, на дороге, отходящей от нее…

— Правда, — сказал Жак странно взволнованным голосом.

И воспользовавшись новым толчком, он осмелился положить руку на плечо Элизабет. Вдруг взрыв пронзительного смеха ударил по нервам девушки: смеялся парень с красным платком, видимо в ответ на удачную шутку своего соседа.

— Прибываем! — сказал Жак.

Служащий канатной дороги, крестьянин с низким лбом и недоверчивым взглядом, встал перед дверью. От его одежды исходил запах коровника:

— Да не толкайтесь же так сильно! — проворчал он. — Если будете толкать, то, по-вашему, машина пойдет быстрее, что ли?

Кабина замедлила ход, все ее металлические части задребезжали, и она остановилась на уровне платформы для высадки. Через открытые двери толпа пассажиров высыпала на платформу. Самые прыткие сразу бросились к корзине, закрепленной на внешней стенке вагона, предназначенной для перевозки лыж. Нетерпеливые руки искали свое снаряжение в этом лесе из лыж. Служащий пытался навести порядок, советуя клиентам не разбирать лыж самим:

— Я что, не могу это сделать быстрее? Вы все мне здесь только перепутаете!

Но его никто не слушал. Найдя наконец свои лыжи, Жак, его родители и Элизабет вышли и направились к месту, где начиналась трасса спуска. Свежий воздух вливался в легкие. Солнце било

по снегу, как по ослепительно белому щиту. Вдали Монблан врезался в небо своей ледяной вершиной.

— Ваша матушка была права, — сказала мадам Греви. — Погода действительно улучшилась. Какой великолепный отсюда вид! Это ведь напротив нас гора Жоли.

Элизабет уже не раз перечисляла названия гор многим клиентам. Она протянула руку к горизонту:

— Гора Жоли, сзади Монблан, слева Монблан дю Такюль, Агюий дю Гутер…

— Ну так мы идем? — спросил Жак.

— Подожди секунду! — сказала мадам Греви — это так красиво, что я не могу наглядеться.

На самом же деле она просто не очень-то спешила надеть лыжи. Вокруг нее большие любители скорости уже поправляли крепления застывшими от холода руками.

Человек с красным платком прошел мимо Элизабет. Их взгляды снова встретились. Он улыбался, белые лучики морщин вокруг глаз четко выделялись на загорелом лице. Она надела солнцезащитные очки и попыталась ни о чем не думать. В это время он надел варежки, затем начал натягивать на них ремни палок. Вдруг он сделал прыжок и нырнул под откос, покрытый пушистым как мука снегом. Она инстинктивно вытянула шею. Красный платок удалялся, танцуя словно огонь на ветру. Пренебрегая проложенными маршрутами, незнакомец мчался по направлению к Муйбо. Его товарищи едва поспевали за ним. Элизабет восхитилась его смелостью, однако, когда он исчез из виду, она почувствовала облегчение. Другие более осторожные лыжники поехали направо, к коридору, где была трасса «А», проложенная между двух рядов пихт.

Скользя кто быстро, кто медленно, они скрещивали свои траектории, становясь все меньше и меньше, а потом исчезали в окружающей белизне. Жак уже надел свои лыжи и похлопывал ими по утрамбованному снегу, подпрыгивая между палок:

— Мама, ну как? Ты готова?

— Я еще не решилась, — сказала мадам Греви слабым голосом.

Она смотрела на площадку, откуда начинался спуск, и, слегка согнув колени, откинулась назад, чтобы устоять перед притягательной силой белой бездны.

— Уверяю вас, мадам, что все очень легко, надо только начать спуск, — сказала Элизабет.

— Ну да, Эстелла! — подхватил господин Греви. — Ты же не думаешь, что мы помчимся по прямому спуску, как чемпионы. Видишь тот холмик? Поезжай наискосок прямо к нему. Там ты резко затормозишь. Тебе это очень хорошо удается. А потом…

— Дай мне немного привыкнуть, Марк, — сказала со вздохом мадам Греви. — Пока я сосредотачиваюсь, изучаю площадку…

— Но через несколько минут прибудет новая кабина, и мы снова окажемся в толпе, — сказал Жак.

— Тогда поезжай с отцом и Элизабет, — меланхолично ответила мадам Греви. — При необходимости я спущусь по канатной дороге.

— Ну нет! — воскликнул господин Греви. — Если ты откажешься, то не научишься никогда. Чтобы быть уверенной, поедешь со мной. Мы затратим столько времени, сколько понадобится. А Жак и Элизабет будут впереди нас.

Напрасно Элизабет протестовала и убеждала, что могла бы быть с мадам Греви, чтобы подбодрить ее в трудные моменты. Господин Греви был непреклонен, отказываясь разделить эту ответственность с кем бы то ни было. Жак сразу же поддержал отца:

— Ты прав. Именно с тобой мама будет чувствовать себя уверенной.

Сконфуженная мадам Греви опустила голову. Элизабет сняла варежки и закрепила лыжи.

— Я пошел первым, — сказал Жак.

Она пронаблюдала за ним: ноги у него были выпрямлены, спина согнута, локти прижаты к бокам — вся его поза была напряженной, и в ней чувствовалась неуверенность, от чего, видимо, он никак не мог избавиться, несмотря на все советы инструкторов. На одном из поворотов Жак упал, потом поднялся и продолжал спуск на меньшей скорости. Элизабет каталась лучше, чем он. За два зимних спортивных сезона она научилась, благодаря ежедневным тренировкам, более уверенно чувствовать себя на спуске. Жак остановился на вершине гребня и, опершись о палки, воткнутые в снег,

перевел дыхание. Элизабет покатилась по склону, сильно укатанному сотнями лыжников. Она держала лыжи параллельно, одну чуть впереди другой, и ей казалось, что ее движениями управлял не склон, по которому она катилась, а ее желание скользить все быстрей и быстрей. Резкий ветер обдувал ее щеки. На небольших бугорках, она отрывалась от земли, и тогда ее сердце замирало от страха и восторга. Элизабет выскочила на участок с ненакатанным снегом, лыжи слегка затормозили. На какую-то долю секунды она потеряла равновесие, но потом сразу же принялась набирать скорость. Ей хотелось катиться все дальше и дальше, испытывая бесконечность мягких волнообразных движений. Через дымчатые стекла очков снег казался сине-зеленым. Доехав до Жака, она резко затормозила и сделала разворот на правой лыже, подняв фонтан снега, рассыпавшийся веером.

— Великолепно! — воскликнул Жак. — Вы стали кататься гораздо лучше по сравнению с прошлым годом. Я же просто в отчаянии. Вы видели, как я шлепнулся? Я не могу как следует научиться тормозить ребром от лыжи, когда начинаю поворот, они слишком глубоко врезаются в снег, и я падаю.

— Да? — сказала Элизабет. — Но для спуска с гор иного способа пока не придумано.

На лице Жака появилось выражение нежности и серьезности, что обеспокоило ее.

— Продолжим? — спросила она.

Вместо ответа он с чувством сказал:

— Мне бы хотелось остаться в Межеве на весь зимний сезон.

— А когда вы уезжаете?

— В середине января.

— Это уже решено?

— Почти. В виду того, что я наконец-то сдал экзамены на степень бакалавра, папа хочет, чтобы я участвовал в его делах. А ему обязательно надо быть в Париже к пятнадцатому. Вот видите…

— Мне кажется, что в последний момент он изменит свое решение и даст вам отдохнуть еще несколько дней. По-моему, он такой милый!

— Несколько дней, этого недостаточно, — сказал Жак со вздохом.

Он смотрел на нее с какой-то настойчивостью, не осмеливаясь сказать ничего больше, умоляя ее понять его намеки.

Элизабет пожалела, что он не был постарше и попривлекательнее. Подняв голову, она взмахнула палкой и весело воскликнула:

— Проедем там и выйдем на трассу при входе в лес! Согласны?

— Если вы хотите, — пролепетал Жак.

Она устремилась вперед, описав кривую в девственно чистом снегу. Юноша последовал за ней. Она обернулась:

— Видите, как отлично получается, когда применяешь ребра?

Едва она закончила фразу, как кто-то с воплем пронесся мимо нее, как метеор, едва не сбив ее с ног. За это мгновение она успела узнать Максима Пуату, студента с факультета права, живущего в пристройке гостиницы. Катался он плохо, но с таким пренебрежением к опасности, что казалось, никакое препятствие не может свернуть его с пути. Несколькими метрами ниже его занесло на повороте. Он пригнул колено к лыже, чтобы сделать настоящий телемарк, но в результате покатился кубарем, а потом перевернулся на спине со скрещенными лыжами, растеряв палки. Элизабет подумала, что при падении тот мог пораниться, и подъехала к нему, чтобы оказать помощь. Запутавшись в лыжах, с перекрещенными ногами, с лицом и волосами мокрыми от снега, парень, однако, смеялся.

— Я еще издалека заметил вас, — сказал он, задыхаясь. — Мне хотелось догнать вас. Но я набрал слишком большую скорость! Впрочем, мне никогда не удавалось сделать телемарк, не разбив себе физиономию. Но каков пируэт! Вы испугались, а, мадемуазель?

— Конечно! Как вы неосторожны. Вы не сильно ушиблись?

— Нет, — ответил он. — Я даже хочу продолжить!

— Вам так нравится падать?

— Перед вами, да, — сказал он, весело подмигнув.

— Дурачок!

Элизабет помогла ему перевернуть лыжи и подняться. Он не мог сдержать смех. Глядя на него, она тоже принялась смеяться. Максим был ростом меньше Жака, но более крепким, с квадратным подбородком и открытым взглядом. Снег таял у него за воротом.

— Брр-рр! Стекает! Все равно здорово! — сказал он.

Запыхавшийся и рассерженный, Жак тоже подъехал к ним.

— Поедем вместе? — спросил Максим Пуату.

Отказаться было просто неудобно. Элизабет разогналась, и вскоре ее быстрые лыжи покатились уже не по утрамбованному, а по мягкому снегу, лежавшему на пологом участке склона. Максим Пуату скользил вслед за девушкой, дурашливо крича ей вслед:

— Не так быстро, мадемуазель, а то я опять упаду!

Жак намного отставал от них, скользя осторожно, как новичок. Они въехали в лес, в котором было срублено много деревьев. На опушке просеки высились пихты, черные и влажные, похожие на монахов. На повороте трассы Элизабет остановилась и подождала своих спутников. Мимо нее проехали незнакомые лыжники, одни промелькнули быстро, как птицы, другие помедленнее, то и дело тормозя палками с выражением испуга на лицах. Максим Пуату затормозил и слегка толкнул девушку.

— Извините, — сказал он, — я думаю, что это тоже хороший способ, чтобы остановиться.

— Вы давно занимаетесь лыжным спортом? — спросила она.

— Три года, но никогда больше двух недель подряд. Этого маловато! О, я вижу у вас лыжи из ясеня?

— Да, — ответила Элизабет.

— А не лучше ли гикори?

— Я не знаю. Ясень, по-моему, легче.

Подъехал Жак, и они прервали свой разговор. Он с подозрением взглянул на обоих. Было очевидно, что присутствие Максима Пуату портило ему прогулку. «Уж не ревнует ли он?» — подумала Элизабет. Это предположение позабавило девушку. Она почувствовала себя красивой, неотразимой. Солнце и снег были ее стихией. Сама гора помогала ей околдовать двух юношей. Оттолкнувшись палками, она ускользнула от них в лучистой белизне снега. Юноши пустились за ней вдогонку. Она догадывалась, что оба соревнуются друг с другом в ловкости и смелости, догоняя ее. Оставив их далеко позади себя, Элизабет остановилась на краю расщелины. И вновь Максим Пуату был первым около нее. Он был обессилен, но счастлив. Пот струился по его лицу, обожженному солнцем. Сколько ему было лет? Двадцать? Двадцать один?

— Браво! — воскликнула девушка. — У вас действительно есть способности!

— Когда я один, то катаюсь хуже, — сказал он.

— Почему?

— Потому что у меня нет цели!

— А теперь она у вас есть?

— Да.

— Какая?

— Догнать вас как можно быстрее.

Она услышала, то, что хотела услышать. Но нельзя было допускать, чтобы Максим Пуату сказал ей больше. В таком случае, он нарушил бы очарование этих острых и невинных шуток, позволявших Элизабет ощущать свою власть над юношами, ничего не предлагая им взамен.

— Вам следовало бы снять очки, — прошептал Максим.

— Вот это мысль!

— Я не вижу ваших глаз.

Она помахала рукой Жаку Греви, который, изменив немного свою позу, скользил к ней, стоя на лыжах прямо, по швейцарскому методу. Он снял куртку, связал ее рукавами вокруг бедер и расстегнул ворот рубашки.

— Антуан натер мои лыжи столярным клеем, — проворчал он, остановившись. — Какое, однако, с его стороны свинство!

— Может, вы предпочитаете ехать впереди, — спросила она.

— Чтобы вы из-за меня задержались? Большое спасибо! Нет уж, поезжайте. И не беспокойтесь ни о чем. А я когда приеду, тогда приеду!

Такая пассивность не понравилась Элизабет. Пожав плечами, она сказала:

— Как хотите!

Зато Максим Пуату готов сломать себе шею, только бы следовать за нею. Они поехали рядом, оставив далеко позади себя недовольного Жака. Внизу большая толпа окружала станцию канатной дороги. Деревянная лестница содрогалась под тяжелыми ботинками карабкавшихся на штурм кассы лыжников. Одна кабина, уже нагруженная счастливчиками, взмывала к небесам, другая спускалась, везя словно с сожалением в своей стеклянной клетке смущенного пассажира, не умевшего кататься на лыжах. На обледенелой дорожке появлялись спортсмены; выныривая словно из пустоты, они мчались к площадке, пытаясь как можно эффектнее затормозить резким поворотом перед знатоками. А в другом месте, на отлогих склонах, инструкторы подбадривали целую армию дебютантов, издали похожих на больших неуклюжих мух с толстыми лапами. Максим Пуату предложил сразу же вернуться на Рошебрюн. Но Жак устал. Он решил подождать родителей. Дружба и приличие требовали от Элизабет, чтобы она осталась с ним, но соблазн повторить спуск оказался сильнее. Элизабет встала вместе с Максимом Пуату в очередь лыжников, цепочкой растянувшуюся к дверце фуникулера.

Они сделали еще два спуска. Закат солнца уже обагрил небо, когда они наконец решили вернуться. Крепкий мороз обжигал лицо. У станции канатной дороги стояло лишь несколько лыжников. Жака среди них не было. В том месте, где утром катались новички, снег отдыхал, залечивая свои раны. Кругом стояла тишина. Горы натягивали на себя одеяла синих теней до самых вершин, освещенных последними лучами солнца. Прозвонил колокол. Деревня призывала своих жителей вернуться до наступления сумерек. Смеющиеся и замерзшие лыжницы набились в деревянные, окрашенные голубой краской сани. Кучер накрыл их ноги козлиной шкурой. Из ноздрей старой косматой лошади валил пар.

— Какая прекрасная прогулка! — сказал Максим Пуату. — Что будем делать дальше?

— Вернемся в гостиницу, — ответила Элизабет.

— Вы не хотели бы пойти со мной выпить чаю в «Мовэ-Па»? Потанцевали бы…

Это предложение позабавило Элизабет, и она сдержанно улыбнулась:

— Хотела бы, но, к сожалению, это невозможно. Меня ждут родители. Я и так возвращаюсь слишком поздно.

— Тогда, может быть, в другой раз?

— Может быть.

Они спустились к гостинице на лыжах. Перед дверью Элизабет расстегнула крепления, похлопала лыжами, чтобы стряхнуть с них снег и приставила их к стене. В это время Максим Пуату, которому хотелось поскорее переодеться, катил к пристройке, находящейся пятьюдесятью метрами ниже, по дороге на Глез.

Войдя в холл, Элизабет ощутила тепло дома, в котором живут домоседы. Запах поджаренного хлеба приятно щекотал ей ноздри. Фрикетта бросилась ей навстречу, виляя хвостиком. Несколько клиентов, сидевших за круглым столом, пили чай с тостами. Семья Греви была там в полном составе.

— А вот и наша маленькая чемпионка! — воскликнула мадам Греви. — Вы довольны тем, как провели вторую половину дня?

— Очень! Снег был отличный! — ответила Элизабет. — А у вас, мадам, все хорошо?

— Она отважно прошла всю трассу! — удовлетворенно ответил господин Греви, и в его глазах засветилась гордость за свою супругу.

— Не считая одного большого склона за лесом, где мне пришлось проехать десять метров прямо на попе! — смеясь сказала мадам Греви.

— Ну это еще ничего! — сказала Элизабет.

Она чувствовала себя стесненно. Жак смотрел на нее с упреком. Ей вдруг показалось, что он похож на барана. Внезапно он нахмурил брови и опустил глаза. Неужели в его чашку сейчас закапают слезы?

— Я немного приведу себя в порядок и вернусь, — сказала Элизабет небрежным тоном.

Она направилась к лестнице, но мать, выходившая из буфетной, остановила ее на ходу:

— И ты только сейчас возвращаешься?

— Ну да, мама, — ответила Элизабет.

— Откуда?

— С Рошебрюн.

— Но Греви вернулись уже час назад!

— Мне захотелось спуститься еще раз.

— Одной!

— Нет.

— С кем же?

— С мсье Максимом Пуату.

— Мсье Максим Пуату?! — воскликнула Амелия. — Прими мои поздравления. На кого же ты была похожа, катаясь с молодым человеком, с которым ты едва знакома?

— О, мама! Это клиент гостиницы!

— Студент! — с негодованием произнесла Амелия, едва сдерживаясь от более резких замечаний.

Они были одни в коридоре, однако слуги могли услышать их.

— Ну, положим, студент. И что из этого?

— Я-то знаю, что говорю, — сказала Амелия.

— Если ты знаешь, что говоришь, то Жак ведь тоже студент!

— Но Жак — мальчик из хорошей семьи. А что касается этого Максима Пуату, то я даже не знаю откуда он. А его манеры просто раздражают меня. Отныне изволь избегать подобных прогулок вдвоем с первым попавшимся. В конце концов, ты можешь кататься одна или с группой. Это и приличнее и веселее.

— Хорошо, мама! — послушно ответила Элизабет и вяло опустила руки. Ее мать действительно была очень старомодна и консервативна. Она никак не хотела понять, что отношения между мальчиками и девочками стали уже не такими, как во времена ее юности. Разве веселая жизнь в Межеве не должна была бы излечить ее от устаревших взглядов?

Под взглядом дочери, молча осуждавшей ее, Амелия слегка приосанилась и сказала:

— Теперь иди и приведи себя в порядок. У тебя встрепанный вид, как у дикарки.

Элизабет побежала по лестнице, стуча своими лыжными ботинками. Фрикетта кинулась за ней.

— Не топай, Элизабет! — крикнула ей вдогонку Амелия.

Девушка продолжила свое восхождение на цыпочках. На третьем этаже она толкнула дверь с номером двадцать три. В прошлом году ей пришлось снова сменить комнату, из-за наплыва клиентов. Несколько раз, чтобы не отказывать клиентам, родители велели ей спать в их комнате на раскладушке. Но с начала этого сезона у нее наконец-то был свой собственный особняк, как

говорила Амелия. Всякий раз, когда она входила туда, ей становилось легче на сердце оттого, что она чувствовала себя независимой. Все в этой комнате в виде мансарды было выбрано и расставлено ею самой: диван-кровать, кретоновые занавески, ночник в виде подсвечника, этажерка с книгами, секретер, в котором хранились письма и фотографии. Напротив окна росла старая пихта, вершина которой слегка была наклонена в сторону, словно ей хотелось получше разглядеть, что происходит в комнате Элизабет.

Раздевшись до пояса, девушка сполоснулась над умывальником. Теплая вода тихо струилась по лицу, грудям. Элизабет ласкала их твердые округлости массажной перчаткой, и розовые соски резко напряглись. У нее была плотная гладкая матовая кожа. На левом плече родинка. Повернув голову, она могла достать до нее губами. Сполоснувшись, Элизабет слегка взбила свои короткие шелковистые каштановые волосы. Она решила, что выглядит симпатичней, если волосы ее будто взлохмачены ветром.

Никакой пудры! Легкий загар равномерно покрывал ее лицо. Чуть-чуть кармина, чтобы подчеркнуть контуры губ. Сидя на своей подушечке, Фрикетта с обожанием смотрела на свою хозяйку. Элизабет схватила ее, крепко поцеловала за ушами и подумала в этот момент о приглашении, которое ей сделал Максим Пуату. Правильно ли она поступила, отказавшись? «Мовэ-Па» притягивал ее как магнит. Там был отличный оркестр, полно молодежи, прекрасная раскованная атмосфера. Она так любила танцевать, что, кажется, проводила бы все вечера в этом заведении. Но какой же предлог она могла бы придумать для своих родителей, чтобы оправдать свой уход из гостиницы? В конце концов, Максим Пуату не так уж ей нравился, чтобы из-за него выслушивать дополнительный выговор.

Ах, если бы это был Андре Лебреи, с которым она флиртовала в прошлом году, она повела бы себя, вероятно, менее благоразумно. Некоторое время Элизабет оставалась в задумчивости, вспоминая о нем. Потом встала, посадила Фрикетту на подушечку, приподняла наматрасник и вытащила из-под него свои красивые брюки темно-синего цвета. Брюки выглядели отглаженными, с безупречной стрелкой. В коридоре послышались шаги и голоса. Это клиенты расходились по своим номерам. Старая задумчивая пихта покачивала вершиной на ветру. Элизабет тщательно оделась, улыбнулась своему отражению в зеркале и решила, что уж сегодня вечером она будет чрезвычайно любезной с Жаком.

ГЛАВА V

Семейству Греви нельзя было отказать в любезности: на следующий день, после лыжной прогулки с Элизабет, они предложили ей выпить чашечку чая в «Избе» или в «Мовэ Па», и Амелия, которая так их уважала, сразу же разрешила дочери пойти с ними. С нескрываемой радостью Элизабет одевалась перед зеркалом в своей комнате. Ее нетерпение усиливалось еще и потому, что накануне она отказалась пойти туда с Максимом Пуату. Встретит ли она его в баре? Это было бы забавно. Во всяком случае, танцевать она будет, конечно, с Жаком.

Семейство Греви уже поджидало ее в холле. Извинившись за небольшое опоздание, она взглянула на Амелию и прочла в ее глазах гордость. Взгляд матери подтвердил, что она действительно была красива в темно-синих брюках и замшевом пиджаке темно-красного цвета.

— А где папа? — спросила она у Амелии.

— Кажется, на кухне, — ответила та.

Элизабет побежала туда и увидела отца, который разговаривал с шеф-поваром, сидя за столом перед начатым куском ветчины.

— Папа, я ухожу! — воскликнула она. — Сегодня я намерена потанцевать вволю!

Она, явно, пришла некстати. Повар, с лицом, побагровевшим от злости, наверняка получил выговор по поводу ветчины, который он был просто не в состоянии вынести. Пьер взглянул на дочь восхищенными глазами и спросил:

— Для кого это ты так вырядилась?

— Не для кого, для всех! Я так рада, папа!

Она поцеловала отца и упорхнула, присоединившись к Греви, которые уже были на крыльце. На улице в темном и холодном воздухе кружилась искрящаяся снежная пыль. Небо было серым, а от заснеженной земли исходило сияние. Высокие насыпи заледенелого снега возвышались по обеим сторонам дороги. Снег скрипел под ногами. Элизабет хотела заставить Жака побежать наперегонки, чтобы побыстрее добраться до «Мовэ Па». Но они должны были соразмерять свой шаг с шагом его родителей, шедших чинно под руку, боясь поскользнуться. Вот уже появились первые дома деревни. В окнах горел свет, а на крышах лежал толстый слой пушистого снега. Мимо них проехал автомобиль, на колесах которого звенели цепи. На улицах было много народа. Смеющиеся лица отражались в освещенных витринах. Казалось, что колокольня, монастырь, мэрия и старая пузатая башня собрались на одной площади вокруг стола, покрытого снежной скатертью. Перед дверью аптеки высился большой сугроб; тропинка, посыпанная песком, вела от ее порога до выступа тротуара. Напротив старого кладбища стояли в ряд несколько низких и вместительных саней. Кучера в ожидании клиентов постукивали и притопывали ногами на морозе. Застывшие от холода лошади иногда встряхивали головами, и тогда в ночи раздавался чистый звон колокольчиков. Перед дверью «Избы» стоял негр Бубуль в своей красной униформе. Он весело приветствовал Элизабет.

— Здравствуй, Бубуль! — сказала Элизабет.

— Здастуй, мадимуазель! У тиби красивые глазы. От них умереть все парни. Вы не заходить с господа на минуту? Много люди! Много весело!

Элизабет вопросительно посмотрела на господина и госпожу Греви. Но те предпочитали «Мовэ Па».

— В другой раз, Бубуль, — ответила Элизабет.

И они снова тронулись в путь. «Мовэ Па» находился выше, на дороге, ведущей к горе Арбуа. Путь показался девушке бесконечным. Наконец звуки долетающей до них музыки объявили о приближении цели путешествия.

Прежде чем войти в зал, мадам Греви и Элизабет зашли в туалет, чтобы поправить прическу. Затем они присоединились к мужчинам, ожидавшим их в вестибюле. Клиентов в Мовэ Па было пока еще не очень много. На свободных столиках стояли сложенные углом карточки с надписью: «Заказано». Метрдотель, впрочем, убрал одну из них и усадил вновь прибывших на лучшие места, в нише.

Оркестр на эстраде играл медленное слоу. На площадке танцевали млеющие от восторга, тесно прижавшиеся друг к другу, пары в брюках; мужчин можно было отличить от женщин только по лицу. Там было несколько красивых девиц, очень броских, перекрашенных в блондинок или в брюнеток, с ярко накрашенными губами и подведенными глазами, и несколько высоких парней с суровыми лицами, с важностью дышавших в волосы своих партнерш. Господин Греви заказал чай и

тосты на четверых. Жак нетерпеливо ерзал на своем стуле.

— Потанцуем? — предложил он.

Элизабет встала.

— Ну что за нетерпение! — сказала мадам Греви со смехом. — Неужели не можете посидеть даже пяти минут! Может быть, Элизабет хотелось бы выпить сначала чая.

— О нет, мадам! — воскликнула она.

— Вы так любите танцевать? — продолжила мадам Греви.

— Да, мадам, просто обожаю!

Элизабет с удовольствием отдалась волнообразному ритму мелодии. Теплая рука Жака лежала у нее на спине. После нескольких па она почувствовала, что объятие становилось сильнее. Хрипловатый голос прошептал ей в ухо:

— Мне безумно нравится танцевать с вами, Элизабет!

— Да, — сказала она осторожно. — Оркестр очень хороший.

— А в особенности хорошо быть здесь вместе. Вы не находите?

— Да, конечно.

— Кругом люди, а впечатление такое, что мы здесь одни.

Они прошли в танце мимо мсье и мадам Греви, глядевших в другую сторону. Люди входили, отыскивали взглядом свободные места, притопывали в такт музыки, снова выходили, снова возвращались и подсаживались к стойке бара. Элизабет заметила Максима Пуату, который направлялся к столику вместе с тремя товарищами и двумя девушками. Она улыбнулась ему. Тот приветствовал ее жестом мушкетера, отставив назад ногу и прижав руку к сердцу.

— Только его здесь не хватало! — тихо проворчал Жак.

— Что вы против него имеете?

— Не знаю. Просто он раздражает меня. Он хочет казаться умным, когда на самом деле он глуп. Но зато с какими претензиями!

— А я нахожу его очень милым.

— Да, я это заметил! Признайтесь, что вы питаете к нему слабость.

— А вот тут-то вы совсем не правы, мой бедный Жак! — ответила Элизабет. — Он слишком молод!

— Ему двадцать один год!

— Вот именно!

Он ослабил давление своей руки, словно был сильно оскорблен этими словами, которыми его отстранили так же, как и его соперника.

— Выходит, вам нужны старики? — спросил он с некоторой дерзостью.

Не удостаивая его ответом, Элизабет повернула голову к двери и воскликнула:

— О! Посмотрите!

Пятеро молодых людей, все как один блондины, атлетического сложения входили в зал. Это были знаменитые австрийцы, недавно приехавшие в Межев, чтобы обучать лыжников методу Арльберга. Их лица были красивы и суровы. Они почти не говорили по-французски. Все женщины смотрели на них с обожанием.

— Правда, они великолепны?! — спросила со вздохом Элизабет.

— Были бы это были французы, вы даже бы их не заметили! — ответил с упреком Жак.

Оркестр внезапно смолк на пронзительной ноте, несколько человек зааплодировали. Не покидая площадки, саксофонист поднес к губам свой инструмент, и с первых же нот пары снова соединились в танце. Жак вновь обнял Элизабет. Музыка была так красива и нежна, что ни ей, ни ему не

хотелось говорить. После второго танца они вернулись, пробираясь между танцующими парами, на свои места. Элизабет очень хотелось пить. Но едва она успела сделать глоток чая, как Максим Пуату предстал перед ней, сделав поклон. С улыбкой извинения, адресованной мсье и мадам Греви, она встала и пошла с ним между столиками. Жак остался за столом с потухшим взглядом и перекошенным ртом, вынашивая планы мести.

Максим Пуату крепко сжал девушку и поднял ее руки вверх, словно желая подвесить ее на крючок. Она с удивлением взглянула на него. У него абсолютно не было чувства ритма, он просто толкал партнершу перед собой, слегка покачиваясь и сгибая колени. Его движения были столь неловки, что пары отодвигались от него, боясь с ним столкнуться. Наступив Элизабет на ногу, он весело воскликнул:

— Правда я плохо танцую, мадемуазель?

— Очень плохо, — подтвердила она, смеясь.

— Я так и не смог научиться, и все же, мне так нравится!

— Делайте так, как я вам покажу, и все пойдет как надо.

— Я повинуюсь!

— Сначала рука! Опустите вашу руку! Вот так! Иначе ее сведет судорогой. И потом, не прижимайте меня к себе с такой силой!

— Я ничего не могу с собой поделать: это чувство!

— А вы не думайте о чувстве, а думайте о музыке… Итак: раз-два, раз-два… Слышите? Раз-два. Это же так просто!

Она вела его в танце. Но Максима было тяжело расшевелить: он был как сундук. Время от времени он вставлял:

— Чувствую, что что-то начинает получаться! Вот, вот! Я явно делаю успехи! Вы довольны?

И тут в голову ему пришло разуться, чтобы лучше выполнять танцевальные фигуры.

— Ну нет уж! Оставьте ваши глупости! — запротестовала Элизабет.

Но ее охватил такой смех, что ей пришлось остановиться прямо посреди площадки. Рядом с ними кружились лица в табачном дыму. Она увидела мсье и мадам Греви, которые тоже танцевали, местного инструктора по лыжам, сжимавшего в своих объятиях какую-то женщину, двух австрийцев, танцевавших с хрупкими девушками, млеющими от счастья.

— Продолжим? — серьезно спросил Максим Пуату.

Но тут музыка смолкла, и Элизабет воспользовалась паузой, чтобы вернуться к своему столу.

— Я потренируюсь вечером в номере, — сказал Максим Пуату, расставаясь с Элизабет. — В следующий раз вы меня не узнаете! Впрочем, я приду в тапочках!

Она не прекращала смеяться, даже когда садилась за стол. Супруги Греви присоединились к ней. За это время Жак заказал коктейль и смотрел неподвижным и злым взглядом в свой стакан, как человек, решивший утопить в алкоголе свое горе. Но эффект беспокойства, который он хотел произвести на окружающих, был испорчен его отцом, который бодро произнес:

— Отличная идея, Жак. Я тоже выпью коктейль!

Зал постепенно заполнялся. Все столики были уже заняты. Перед стойкой бара не было ни одного свободного табурета. Танцующие организовали плотную кучку, тихо раскачивающуюся на одном месте, словно пучок водорослей, колеблемый подводным течением. После блюза оркестр заиграл танго. Синий свет залил всю площадку. При этом свете, подобном лунному, чувства обострялись. Жак пил свое зелье. Элизабет взглянула на господина Греви: у него были усы и глаза испанца. Его супруга, перенесенная в незнакомую для нее обстановку, очарованная, покачивала головой в такт музыке. Вдруг она прошептала:

— Взгляните-ка! Вроде бы эти две девушки из нашей гостиницы!

Бродя между столиками, Сесиль и Глория Легран отчаянно искали свободное место. Метрдотель следовал за ними, все время повторяя:

— Я же говорю вам, мадемуазель, что свободных мест нет!

— Какая давка! Если бы мы знали, то пришли бы пораньше, — сказала Глория, проходя мимо Элизабет.

Они собирались идти дальше, когда мадам Греви окликнула их, предложив сесть на скамье рядом с ней. Сестры поблагодарили ее, сказав, что не хотели бы никого беспокоить, но в конце концов согласились. Элизабет, считавшая их высокомерными и манерными, вынуждена была признать, что они были намного любезнее и проще без их гувернантки. У Сесиль, младшей сестры, оказался даже очень веселый характер. Беспрерывно болтая, она разглядывала посетителей и для каждого находила точное и смешное определение. Более серьезная Глория часто даже была вынуждена призывать сестру к порядку. В присутствии двух девушек Жак медленно восставал из пепла.

— Где вы были сегодня после полудня? — спросил он.

— На горе Арбуа, — ответила Глория.

— Я завидую вам, — сказала мадам Греви. — С тех пор как построили подвесную канатную дорогу, все стремятся на Рошебрюн. Но я предпочитаю гору Арбуа из-за ее красоты и еще потому, что там больше солнца.

— Мы сможем пойти туда завтра, — сказал господин Греви, — если подъем пешком на лыжах, обмотанных тюленьей шкурой, вас не пугает.

— Наоборот, это будет очень забавно! — сказала Элизабет. — Надо будет выйти в девять утра, взять с собой еду. Целый караван: мсье и мадам Греви, сестры Легран, Жак, я, а может быть, еще кто-нибудь из нашей гостиницы. Поедим супу у «Тетушки», затем взберемся на вершину горы Жу, а оттуда спустимся на лыжах.

Она была так возбуждена этим планом, что с удивлением увидела, что мадам Греви наклонилась к ней и дотронулась до ее руки, предлагая ей помолчать. Инстинктивно она подняла глаза, и ее сердце упало, словно камень в колодец. Мужчина, стоящий напротив, с важным видом сделал ей поклон. Он был одет во все черное, а на его шее цвел красный шелковый платок.

— Извините, — сказала девушка, обращаясь к мсье и мадам Греви с бледной улыбкой.

Она направилась к площадке, шагая как по облаку. Незнакомец обнял ее. Он едва касался ее, однако у нее сложилось впечатление, что это крупное тело целиком сливалось с ней в тесном объятии.

Ее вел уже не юнец, а мужчина, о котором она ничего не знала. Мужчина, выбравший ее из всех. Она дала ему лет двадцать восемь — тридцать, и волнение ее усилилось. Танцевал он превосходно. Малейшие его движения точно соответствовали музыкальному ритму. Оторвавшись от земли, Элизабет желала только одного — чтобы оркестр никогда не переставал играть. Красный платок зачаровывал ее. Вдруг незнакомец заговорил низким голосом:

— Вы очаровательны. Мне кажется, что я танцую с маленькой девочкой. Сколько же вам лет?

Как будто легкий удар сдвинул слои тумана в голове Элизабет. Обидевшись за то, что ее приняли за ребенка, она гордо ответила:

— Девятнадцать!

Он повторил проникновенным голосом:

— Девятнадцать лет!

— Да, — заносчиво сказала она.

— А этот господин и дама рядом с ним — ваши родители? А этот мальчик — ваш брат?

— Нет, это мои друзья.

— Очень близкие друзья?

— Не очень…

— Значит, вы одна здесь проводите каникулы?

— Я не на каникулах. Я живу в Межеве вместе с родителями.

— Круглый год?

— Почти.

— Вот как! И чем же занимаются ваши родители?

— Они содержат гостиницу «Две серны». Вы знаете ее?

Он недоуменно пожал плечами.

— Это за деревней, — пояснила Элизабет. — На дороге, идущей в Глез.

— Конечно! — воскликнул он. — Знаю! Мне казалось, что я видел вас где-то раньше. Но я боялся ошибиться. Вы часто катаетесь на лыжах?

— Да, — ответила она. — И вы тоже. Я видела вас вчера на горе Рошебрюн.

— Вполне возможно. Как вас зовут?

— Элизабет Мазалег.

Он слегка отстранился и посмотрел на нее, слегка наклонив голову, как если бы хотел удостовериться идет ли ей это имя. Она почувствовала себя вещью в витрине. Покупатель спокойно разглядывал ее.

— Элизабет, — повторил он наконец. — Это очень серьезное имя, имя женщины!

— Но с этим ничего нельзя поделать, — сказала она, пожав плечами.

— Элизабет! Элизабет! Мне надо привыкнуть к этому. Вас зовут Элизабет. Вы живете в Межеве и вам девятнадцать лет! Когда я вас снова увижу?

Он придвинулся к ней. Она снова ощутила горячую твердь чужого тела на своей груди, на животе. Она почувствовала себя его пленницей. Ей стало дурно, но это доставляло ей необъяснимое удовольствие.

Он вновь повторил свой вопрос:

— Так когда же я снова увижу вас, Элизабет?

— Но я не знаю, мсье, — пробормотала она.

— Меня зовут Кристиан, — сказал он.

Она повторила про себя его имя. Ей казалось, что за несколько минут она прошла очень важный этап в своей жизни, что у нее больше ничего общего не было с парнями, окружавшими ее раньше. Музыка блюза стала завораживающей, интимной, соединяя сердца.

— Вы завтра подниметесь на Рошебрюн? — спросил Кристиан.

— Нет, не думаю, — ответила Элизабет.

— Жаль! Тогда, может быть, послезавтра?

— Может быть.

Она ощутила его дыхание на своей щеке. Счастливые лица людей проплывали в оранжевом свете прожектора. В воздухе пахло пудрой, духами и табаком. Австриец, танцевавший с крашеной блондинкой, наклонился к Кристиану, и они обменялись несколькими словами на непонятном языке. Элизабет задалась вопросом, не был ли Кристиан немцем? Никогда она не осмелится задать ему этот вопрос. Внезапно он разразился смехом. Она вздрогнула, неприятно удивленная этим каскадом гортанных звуков, как тогда, на канатной дороге. Австриец отошел со своей партнершей, положившей ему на грудь голову. Кристиан продолжал смеяться. Подняв глаза, Элизабет увидела его красный язык, дрожавший между двумя рядами белоснежных зубов. Оркестр смолк, и ей вдруг показалось, что в наступившей тишине она может потерять равновесие. Она уже собиралась уйти с площадки, но Кристиан схватил ее за руку:

— Пожалуйста, останьтесь!

— Но танец окончен! — ответила она.

— Но сейчас начнется другой.

Он похлопал в ладони. Все подчинялось ему: музыканты заиграли первые такты блюза «Плохая погода». Элизабет очень нравилась эта медленная ностальгическая мелодия. Разве не было чудно то, что Кристиан вновь обнял ее и понес под звуки ее любимой мелодии? Оркестр теперь играл только для нее. Через какое-то время Кристиан остановился и сказал:

— Пойдемте со мной, пройдемся по снегу.

— Когда?

— Сейчас. Здесь душно. Ночь должна быть такой морозной и прекрасной!

— Даже и не думайте об этом! — ответила Элизабет. — Я здесь с друзьями.

— Друзей можно ненадолго покинуть!

— Нет, нет! Это невозможно!

Он опять рассмеялся. Его язык снова показался между рядами зубов. Огненные искорки засверкали в его зрачках.

— Невозможно! Невозможно! — повторял он. — Вы так думаете?

Он обнял ее снова и шепнул на ухо:

— Маленькая девочка! Умненькая и нежная маленькая девочка!

Танец продолжался. Элизабет не чувствовала под собой ног. Кристиан молчал. Она видела, как он был внимателен к ней, как очарован, и это наполняло ее гордостью. Казалось, перед ней открылась вечность. Внезапно звон медных тарелок вырвал ее из мечты. Наваждение исчезло.

— До свидания, Элизабет, — сказал Кристиан. — До скорого свидания.

— До скорого, — тихо ответила девушка.

Он проводил ее до столика, поклонился семейству Греви и исчез.

— Уже восемь часов! — сказала мадам Греви. — Мы можем опоздать на ужин. Попроси побыстрее счет, Марк.

Элизабет смотрела на эти знакомые ей лица с таким чувством, будто вновь увидела их после долгой разлуки. Сидя около нее, господин Греви открывал свой бумажник, мадам Греви пудрилась, Жак и сестры Легран обсуждали завтрашнюю прогулку на гору Арбуа. Но она этих слов не слышала. Она шла рядом с мужчиной по снегу.

ГЛАВА VI

Элизабет вошла в комнату родителей и услышала, как мать говорила отцу:

— Умоляю тебя, Пьер, этот шеф-повар просто невыносим!

Амелия сидела на своей кровати красного дерева, накинув на плечи вязаную ночную кофточку из розовой шерсти. На коленях у нее лежала раскрытая конторская книга. Поздно ложась спать, она никогда не вставала раньше десяти часов, тогда как Пьер, ложившийся рано, был уже в семь часов на ногах и осуществлял руководство персоналом, а также прием клиентов.

— Доброе утро, мои дорогие, — бодро сказала Элизабет.

Она поцеловала мать, лицо которой оставалось невозмутимым, затем отца, неподвижно стоявшего у постели жены с серьезным видом.

— Нам попался бездарный человек! — продолжала Амелия. — Он не может приготовить ничего особенного, кроме этих своих жареных мерланов и профитролей в шоколаде!

Пьер развел руками. На руке у него висел кусок скатерти из гофрированной бумаги, на которой повар нацарапал предполагаемое меню на следующий день.

— Ты не согласен со мной? — спросила Амелия.

— Согласен, — ответил он. — Но не можем же мы уволить его в разгар сезона. Где же найдешь ему замену?

— А если написать повару, который работал у нас в прошлом году? — предложила Амелия.

— Он наверняка сейчас занят. Да и он, впрочем, был не лучше.

— По крайней мере, он не пил. Когда же этот выпьет, я начинаю его бояться. А уж когда примется точить свои ножи и так выразительно на тебя смотрит…

— Может, он исправится после нагоняя, который я ему дал сегодня утром?

— Будем надеяться, — вздохнула Амелия.

Вдруг, словно вспомнив о присутствии дочери, она оглядела ее с ног до головы, увидела лыжный костюм, платок, варежки и лыжные ботинки и спросила:

— Куда это ты собралась?

— На Рошебрюн, — ответила Элизабет.

— В такой туман? — сказал Пьер. — В пяти шагах ничего не видно!

— Для катания с гор он не мешает, папа. И потом, мне это даже интересно! К сожалению, нам сегодня не повезло. Мы же все организовали с Греви и сестрами Легран, чтобы вместе пойти на гору Арбуа. И, как назло, погода испортилась.

— Пойдете в другой раз, — сказала Амелия. — С кем ты идешь на Рошебрюн?

— С сестрами Легран. Я жду их. Они еще не готовы.

Лицо Амелии расслабилось. Она была довольна, что ее дочь в дружеских отношениях с такими воспитанными девушками, как сестры Легран.

— А Греви? — спросила она.

— Мадам Греви, наверное, еще в постели, как и ты, — ответила Элизабет. — А вот господин Греви и Жак даром времени не теряют: они уже катаются! Ты знаешь, мама, Сесиль и Глория очень милые. Мне бы очень хотелось сделать один-два спуска вместе с ними. Но если я тебе нужна, то я скажу им, чтобы они шли без меня.

— Нет-нет, — возразила Амелия. — Я очень довольна тем, что ты уделяешь внимание этим девушкам.

В дверь постучала Леонтина и сообщила, что сестры Легран ждут Элизабет в холле. Элизабет побежала к ним, и все трое пошли за лыжами в темный чулан, где Антуан хранил спортивный инвентарь клиентов. Склонившись над верстаком, портье растапливал лыжную мазь, резкий запах которой распространялся в воздухе. Вдоль стен стояли пары лыж разной высоты.

— Для вас все готово, девушки, — сказал он. — Я натер лыжи лишь слегка.

Они поблагодарили его и вышли, положив лыжи и палки на плечи. Дорога, ведущая к фуникулеру, была окутана туманом. Девушки слышали впереди голоса, но никого не видели.

— Если и наверху также, — сказала Глория, — то мы не найдем даже места, откуда начинается спуск.

— Не бойтесь, — сказала Элизабет, — я уверена, что на Рошебрюне туман рассеялся. Впрочем, спуск такой простой, что мы запросто съедем вниз даже с закрытыми глазами.

— Да, лапками вверх! — смеясь подхватила Сесиль.

Кабина стояла на отправке, когда контролер на входе закрыл застекленную дверь перед носом девушек.

— Не везет! — проворчала Элизабет.

Она посмотрела в окошко. С другой стороны платформы группа лыжников ожидала появления следующей кабины. Элизабет вздрогнула. Там стоял Кристиан, отделенный от нее лишь тонким стеклом. Красный платок, белые зубы, черная шерстяная головная повязка, натянутая на уши. Он разговаривал со своим соседом. Внезапно он обернулся и, узнав девушку, указал пальцем наверх. Может быть, этим жестом он хотел сказать, что будет ждать ее на вершине горы? Она надеялась на это и немного опасалась. Сверкающая кабина медленно спускалась к нему. Он вошел в нее в общей суматохе.

— Уф! — сказала Сесиль. — Теперь наша очередь.

Минуты казались часами. Наконец девушки вошли в переполненную кабину. Раздался предупредительный звонок, и кабина тяжело начала подниматься в небо. Канаты подвесной дороги терялись в тумане. Кабина скользнула, казалось, без опоры посреди белой бесконечности, к призрачной цели. Понемногу туман начал рассеиваться, плотные массы деревьев выныривали из пустоты, вокзал-мираж приближался к пассажирам. Бледное солнце едва освещало снег на Рошебрюне.

— Вы видите, я была права! — сказала Элизабет.

Пассажиры разобрали свои лыжи, палки и пошли к трассе, каждый неся на плече свое снаряжение. Элизабет заметила Кристиана. Он стоял на откосе среди других лыжников. Он явно ждал ее. Он смотрел на нее. Он улыбался ей. Подойдет ли он к ней? Тут она вспомнила, что была не одна, и застеснялась своего собственного нетерпения. У этого человека были такие странные манеры! Она опасалась, что он может повести себя с ней слишком фамильярно в присутствии Сесиль и Глории Легран. Она украдкой взглянула на него еще раз. Он не двигался с места. Тогда она присела, чтобы защелкнуть крепление. Но левый замок заклинило, и она никак не могла закрепить лыжу, несмотря на все усилия. Наконец это ей удалось. Она ощутила на пальцах ледяной укус мерзлого металла и подняла голову. Но на белом откосе уже никого не было. Кристиан исчез, словно его унес порыв ветра.

— Вы готовы? — спросила Глория.

Погруженная в свои мысли, Элизабет поехала с девушками к тому месту, где начинался склон. Сесиль и Глория стали спускаться первыми. Их фигуры быстро уменьшались и, войдя в слой тумана, вовсе исчезли из вида. Элизабет тоже устремилась вперед. Навстречу ей неслись клочья тумана. Рельеф становился все менее и менее различимым. Вдруг все в мире перестало быть прочным. Даже снег казался просто слоем тумана, только более толстым. Загнутые носки лыж служили единственным ориентиром. Похожие на две остроконечные лисьи мордочки, они скользили в молоке.

— Эй! — крикнула девушка.

Слабый голос откликнулся в густом тумане:

— Мы здесь, Элизабет!

Она пошла по направлению звука. В рассеянном свете сгруппировались неясные тени. Из белой бездны появились два черных стража: Глория и Сесиль. Элизабет остановилась.

— Это безумно интересно! — сказала Сесиль. — У нас даже нет времени пугаться, потому что в этом тумане ничего не видно. Быстрее! Если мы поторопимся, то до обеда успеем сделать еще один спуск.

Нагнув голову, она нырнула в туман. Сестра последовала за ней. Элизабет подождала, пока они исчезнут из вида, и оттолкнулась палками, чтобы сразу увеличить скорость. Но проехав немного, ей пришлось остановиться, сделав поворот рывком, так как кто-то звал ее в тумане:

— Элизабет! Э-ли-за-бет!

Она узнала голос Кристиана. Какой-то серый призрак размахивал внизу руками. Постепенно его силуэт стал вырисовываться, как бы выплывая из гряды молочных облаков. Он энергично поднимался, ставя лыжи елочкой. Вскоре он был перед ней: худое загорелое лицо, глаза словно из зеленого камня и пар, идущий изо рта в морозном воздухе.

— Наконец-то я вас нашел! — сказал он. — Я ждал вас на переходе, чтобы увидеть, как вы будете спускаться. Но в таком тумане ничего не было видно. Теперь покажите, что вы умеете!

— О, я не очень-то сильная лыжница, — ответила она. — И потом вы меня смущаете. Вы как преподаватель в школе.

— Никаких извинений. Вперед!

Он слегка подтолкнул ее. Элизабет хотелось удивить его своим элегантным стилем. Она выбрала самый большой склон, чтобы набрать скорость. За своей спиной она услышала восхищенный вопль:

— Молодец! Великолепно!

Напрасно она увеличивала скорость, он преследовал ее неотрывно, как хищник свою добычу. Даже не оборачиваясь, она знала, что он догоняет ее.

— Не подъезжайте слишком близко! Вы пугаете меня!

— Не думайте обо мне. Вперед!

Она моргнула. Острые иголочки инея кололи лицо. Впереди все было глухо, мутно, серо и бело. Если бы она была одна, она бы притормозила, чтобы зря не рисковать в этом тумане. Но за ней следовал он, и она не могла позволить себе снизить скорость. Однако через какое-то время она решила сделать «снегоочиститель»: соединив углом носки лыж, она медленно перенесла тяжесть тела с одной ноги на другую. И вдруг почва ушла из-под ног. Элизабет поняла, что ее занесло на выступ. Пустота. Удар, смягченный снегом. Искры из глаз. Она почувствовала, что провалилась в снег, пригвождена к нему лыжами и палками. Боль не чувствовалась, но голова была как в тумане. Элизабет, тяжело дыша и отфыркиваясь, пыталась стряхнуть с лица залепивший его снег. Кристиан, подъехав к девушке, резко затормозил, потом перешагнул через нее и остановился, нагнувшись над ней — одна лыжа слева, другая справа. Опершись о локоть, она смотрела на него снизу вверх, как на дерево: черные брюки, укороченный торс, смеющееся лицо. Он казался таким огромным. Она пыталась встать, но снова упала навзничь.

— Позвольте мне, — сказал он.

Он снял варежки и шерстяные перчатки. Она подумала, что он протянет ей руку, чтобы помочь подняться, но он отступил немного назад, поставил обе лыжи с одной стороны перпендикулярно склону и, согнув колени, присел возле нее. Он погладил ее по лицу, стряхивая снег, засыпавший ей глаза, волосы, набившийся в уши.

— Ну-ну! — повторял он.

Своими легкими и теплыми пальцами он дотрагивался до ее кожи, как будто хотел слепить ее новое лицо. Это было так приятно, что Элизабет перестала ощущать себя. Все, что происходило с ней здесь, в тумане, было чем-то нереальным. Взгляд Кристиана проникал в нее все глубже и глубже. Он прошептал:

— Какие у вас красивые глаза, Элизабет!

Она молчала, ошеломленная, с бешено бьющимся сердцем. Тогда он наклонился над ней и продолжил еще более нежным голосом:

— Элизабет, поцелуйте меня.

Она даже не удивилась. Все должно было произойти именно так. Она медленно повернула голову, подняла подбородок и приготовилась к короткому и нежному поцелую. Но своими губами он с силой раздвинул ее губы, вдохнул в себя ее дыхание, нашел ее язык. Сначала Элизабет отбивалась, хотела кричать, но затем подчинилась этому мужскому лицу, поглощавшему ее лицо. Она вздрагивала от наслаждения и тихо стонала. Мускулистая рука крепко держала ее. Убежать невозможно. Да ей и не хотелось этого. Язык Кристиана покинул ее рот. Элизабет почувствовала,

как он целует ее в лоб, виски, мочку уха. Она отвечала ему короткими неловкими поцелуями, иногда попадая мимо, иногда целуя его в жесткую обветренную кожу, пахнущую снегом. С другого края земли раздался голос:

— Ау-у-у!

Элизабет вспомнила о Сесиль и Глории Легран.

— Вы должны уйти, — сказала она шепотом. — Я здесь с подругами. Они, видимо, уже начали беспокоиться обо мне.

Кристиан отодвинулся и улыбнулся, лукаво посмотрев на нее зелеными глазами. Его лицо неестественно четко выделялось на молочном фоне тумана.

— Помогите мне встать, — попросила она.

— Вы действительно хотите, чтобы я ушел? — спросил он.

— Да, прошу вас.

Он выпрямился, высвободил лыжи Элизабет, воткнутые в снег наискосок и, потянув ее за руки, поднял и стряхнул снег со спины и плеч. Элизабет поблагодарила его. Стоя рядом с ним, она ждала, что он снова заговорит, но он упорно хранил молчание и натягивал свои варежки с нарочитой медлительностью. Лицо его было непроницаемо. Был ли он рассержен, думал о чем-нибудь другом? В самом деле, не ей спрашивать: «когда я увижу вас снова?» Он взял свои палки в руки и пробормотал:

— Ну, до свидания, Элизабет!

— Вы уходите?

— Разве вы меня об этом не просили?

Почувствовав неловкость, она решила удержать его, но он, легко скользнув мимо нее, описал широкую дугу и растворился в тумане. Элизабет снова услышала зов:

— Эй!

— Эй! Я еду, — ответила девушка.

Сильно оттолкнувшись палками, она продолжала спуск. Мгновения, которые она только что пережила, казались ей и чудесными и тревожными. С необъяснимым волнением она вспоминала слова, поцелуи этого человека и не могла понять, почему он оставил ее так внезапно. Наверняка она увидит его внизу.

Вскоре Элизабет присоединилась к сестрам Легран и извинилась с излишней многословностью, что мол потеряла одну лыжу при падении и ее долго пришлось искать между пихт, в рыхлом снегу. Почему им ей не поверить? Девушки закончили спуск втроем. Подъехав к нижней станции канатной дороги, Элизабет взглядом окинула ближайшие склоны, поднялась по лестнице, проскользнула сквозь толпу в зал ожидания: его там не было. Может быть, он опять поднялся на Рошебрюн? Это было вполне вероятно. Потом она успокоилась, подумав, что даже если и не договорилась о свидании с Кристианом, она все равно скоро встретит его в деревне или на горе.

— Вы кого-нибудь ищете? — спросила Сесиль.

— Нет-нет, — ответила Элизабет. — Мне показалось, что я увидела Греви, но ошиблась.

Туман сгущался, и Глория предложила вернуться в гостиницу.

Когда они вошли в холл, Амелия прикрепляла кнопками к рамочке меню на сегодняшний день. Возле нее стояло несколько клиентов.

— Хорошо прогулялись? — спросила Амелия, повернувшись к девушкам.

— О да, мадам! — ответила Сесиль. — Ничего не было видно, но от этого было только забавнее.

Затем, прочитав меню, она воскликнула:

— Блеск! Сегодня профитроли в шоколаде!

— И жареные мерланы, — с невинным видом добавила Элизабет.

Амелия строго посмотрела на дочь и, обращаясь к сестрам Легран, спросила:

— Вам нравятся профитроли в шоколаде?

— Очень, мадам! — ответила Глория.

— Хорошо, тогда я попрошу нашего повара, чтобы он делал их почаще.

ГЛАВА VII

Каждый раз, когда Элизабет покидала гостиницу, она надеялась встретить Кристиана. Была ли она с Греви или с сестрами Легран, в деревне или на склоне Рошебрюна, она думала постоянно об одном и том же. Но время шло, а Кристиан не объявлялся. Он растаял вместе с туманом. Элизабет все еще не могла понять, как она могла позволить поцеловать себя мужчине, фамилии которого она даже не знала. Кто он был на самом деле? Где он жил? Откуда он прибыл? Чем он занимался в жизни? Сколько времени он пробудет в Межеве? Она знала вкус его губ, но не могла ответить ни на один их этих вопросов. В этой ситуации было что-то шокирующее, это волновало ее, но она предавалась мечтам помимо своей воли. Иногда она говорила себе, что Кристиан уехал отсюда. И тогда ее охватывало беспокойство. Но, спустя некоторое время, она признавала, что это предположение было маловероятным. После того, что произошло между ними, не мог он уехать, не повидавшись с ней. Скоро недоразумение рассеется и она посмеется над своими опасениями. В ожидании этого она проводила время в обществе сестер Легран, которые как нельзя лучше помогали ей вынести эту неопределенность. Они были такими милыми, живыми, настолько открытыми, что Элизабет сожалела порой, что не могла признаться им в своих душевных муках. С большой благодарностью она выслушивала рассказы о тысяче увлекательных событий их жизни. Родители девушек уехали на три месяца на Мадагаскар, где у них была большая сельскохозяйственная ферма, и оставили своих дочерей под присмотром гувернантки, этой сухой, невзрачной и претенциозной мадемуазель Пьелевен, которая, впрочем, и не думала сопровождать сестер во время их лыжных прогулок. Она была жуткая мерзлячка, не выносила снега и мороза, всегда старалась устроиться поближе к теплой батарее, чтобы погреть свои тощие плечи, укутанные вязаным платком баклажанового цвета. Все свое время она посвящала разгадыванию кроссвордов или игре в бридж с другими клиентами гостиницы. «Это единственное, на что она способна, — объясняла Сесиль. — Мы можем творить, что хотим — она ничего и не заметит!» Впрочем, ни Сесиль, ни Глория, несмотря на свои восемнадцать лет, и не собирались «творить, что хотят»: Сесиль, потому что она все еще задавалась вопросом, мог ли какой-нибудь парень действительно увлечь ее, а Глория, потому что была официально помолвлена с будущим врачом, проходящим военную службу в Нанси. Каждое утро она получала от него письмо, и после завтрака с серьезным видом шла в маленький салон где писала ему ответ. По словам Сесиль, они так много писали, что после свадьбы им, видимо, нечего будет сказать друг другу. Элизабет завидовала Глории, потому что та столь благоразумно согласилась на долгую разлуку с любимым человеком, в то время как она сама приходила в отчаяние от того, что не видела Кристиана вот уже целых два дня.

Но все объяснилось утром, в день Святого Сильвестра, когда Элизабет пришла в комнату сестер, чтобы позвать их на прогулку.

На ночном столике старшей сестры стояла в рамке из зеленой кожи фотография ее воздыхателя: бледноватый, с впалыми щеками и острым носом, он едва ли мог вызвать всепожирающий огонь страсти. Однако из вежливости Элизабет сказала, что у него эдакий загадочный и умный вид. Но перед ее взором стоял Кристиан, казавшийся еще более красивым, чем раньше, по сравнению с женихом Глории.

31 декабря было отмечено в «Двух сернах» исключительным меню, гневом шеф-повара, несколькими бутылками шампанского и шестью цветками вместо трех на каждом столике. Большинство собравшихся радовалось началу нового года. Но только не Элизабет. Первый день января со своим белым и холодным светом не принес ничего, что могло бы сделать ее жизнь более счастливой, чем прежде. А после праздников многие уехали: Максим Пуату, трое его товарищей, мадам де Бельмон, господин Жобур, старая мадам Греви, мадам Франсин Дюпэн с детьми… Пьер взялся отвезти клиентов на автобусную станцию. Его древний «Рено» с замерзшими стеклами стоял перед гостиницей с включенным для разогрева мотором и весь содрогаясь. Антуан, в своей зеленой болтавшейся на нем форме, прихрамывая, шел через холл. Нагруженный множеством сумок и пакетов, он смахивал на ходячую новогоднюю елку. Когда последний счет был оплачен, Амелия проводила отъезжающих до крыльца с любезным видом и оттенком грусти:

— Надеюсь, что вы были довольны вашим пребыванием здесь! Как жаль, что вы не можете остаться подольше! Сезон ведь только начинается!

Прощаясь с ней, каждый мог подумать, что был ее любимым клиентом. А в это время наверху Эмильена и Берта уже готовили комнаты для следующего заезда горожан с бледными и усталыми лицами. Новенькие всегда вызывали любопытство у старожилов. Пьер поочередно привез с автовокзала в гостиницу серьезного молодого человека и его мать, беременную женщину с мужем, толстого господина с эльзасским акцентом и мадам Лористон, уже побывавшую здесь в прошлом году, о супружеских несчастьях которой нельзя было не догадаться, глядя на ее увлажненные глаза и слушая ее частые вздохи и причитания. Едва устроившись в «Двух сернах», она отвела Амелию в сторону, чтобы поделиться с ней тем, что в этом году супруг снова отправил ее на два месяца в Межев, чтобы самому пожить веселой холостяцкой жизнью в Париже. Неисправимый бабник, он заслуживал презрения мадам Лористон. Но что же она могла поделать, ведь она любила своего

мужа. Она была его вещью.

Услышав случайно эти признания, Элизабет растерялась. В другой раз она бы посмеялась над удрученным видом этой сорокалетней жертвы любви, толстой, близорукой и бесцветной. Но теперь она пожалела ее, прекрасно понимая ее отчаяние.

— Я уверена, что вы ошибаетесь, мадам Лористон, — говорила Амелия. — Если муж отправил вас сюда, значит, он посчитал, что это полезно для вашего здоровья.

— Мое здоровье! Плевать ему на него! — отвечала мадам Лористон, закатывая глаза и прижимая к носу платок.

У Элизабет было предчувствие, что сегодня во второй половине дня она обязательно увидит Кристиана на горе Рошебрюн. Но, как и прежде, ее ждало разочарование. Она была настолько огорчена, что, возвращаясь с прогулки, отказалась от чая, несмотря на уговоры сестер Легран, и поднялась с Фрикеттой в свою комнату. Встретив дочь на лестнице, Амелия окинула Элизабет подозрительным взглядом и спросила:

— Надеюсь, ты наконец послала поздравительные письма дедушке и дяде Дени?

— Нет еще, мама, — ответила Элизабет.

— Как это нет? Сегодня уже 9 января! Если ты пошлешь письма завтра…

Элизабет быстро поцеловала мать в щеку и сказала:

— Не сердись! Я как раз шла к тебе, чтобы написать их.

Эта ложь была произнесена таким естественным тоном, что Амелия была обезоружена.

— Давно пора! — тихо сказала она.

Элизабет продолжала подниматься по ступеням, думая о несоответствии мелких забот матери ее личной серьезной проблеме. Войдя в комнату, она взяла бумагу, ручку, села за стол и вдруг вообразила, что сейчас будет писать Кристиану. Жаркая волна прилила к ее щекам. Она посмотрела в окно на согнувшуюся темно-зеленую пихту и предалась своей мечте. В дверь постучали.

— Кто там? — спросила Элизабет.

Никто не ответил, но дверная ручка повернулась, и дверь медленно отворилась. На пороге стоял Жак с трагическим выражением на лице.

— Это я, Элизабет, — тихо произнес он.

— Я вижу, — сказала Элизабет.

Юноша прикрыл за собой дверь, откашлялся и изобразил вялую улыбку:

— Вы не хотите прогуляться со мной в деревню?

— Не теперь, — ответила она. — Я пишу письма.

— Кому?

Элизабет засмеялась, польщенная, что он подозревал ее в том, что она вела тайную любовную переписку.

— Это вас не касается.

Он надулся.

— Ну и ладно! Вы не очень-то великодушны, Элизабет. Ходите гулять всегда с другими, а со мной никогда. У вас плохое настроение оттого, что уехал Максим Пуату?

— Вовсе у меня не плохое настроение! — воскликнула она. — И мне совершенно безразличен Максим Пуату!

— Вы так только говорите, — угрюмо сказал Жак.

— Именно так, Жак. Я говорю и думаю так.

— Тогда почему же вы дуетесь на меня? Вы имеете что-нибудь против меня?

— Ничего я против вас не имею. Я даже считаю, что вы очень милый. Но сейчас я занята. Вот и все.

— Это правда, что вы находите меня милым?

— Конечно.

— Я тоже нахожу вас очень милой, — продолжил он глухим голосом. — Милой и очень красивой!

Сидя неподвижно на стуле, Элизабет с удивлением смотрела на этого аккуратно причесанного юношу с голубыми умоляющими глазами, покрасневшим носом, облупившимся от загара. Он сделал шаг вперед — пол скрипел под его большими ботинками.

— Элизабет, — произнес он.

— Что?

Вместо ответа он наклонился над ней и неловко поцеловал в шею.

Она вскочила:

— Что это с вами?

Он уже схватил ее в свои объятия. Она почувствовала на своих губах его горячие губы, вздрогнула от отвращения и высвободилась. Воспоминание о Кристиане обожгло ее как молния. Она взмахнула рукой. Звон пощечины удивил ее саму. Жак стоял перед ней смертельно бледный от сдерживаемого гнева и обиды, с открытым ртом, выпучив голубые глаза. «Я ударила по щеке клиента!» — в ужасе подумала Элизабет. Сердце так и стучало в ее груди. Правая ладонь горела.

— Вот это да! — криво усмехнувшись, наконец сказал Жак, и снова набросился на нее. Фрикетта лаяла, подпрыгивая, хватала за брюки непрошенного гостя. Схваченная за талию, Элизабет качнула головой и угрожающе прошептала:

— Жак, если вы немедленно не отпустите меня, то клянусь вам, я буду кричать.

Он отпустил ее, пытаясь удержать на лице улыбку.

— Не надо кричать! Я понял… Я отваливаю!

В его глазах полыхала ненависть.

— Да, уходите, пожалуйста, — сказала Элизабет.

Он вышел не спеша, вразвалочку, как бы бросая девушке вызов царственной непринужденностью своего отступления.

Этот инцидент очень огорчил Элизабет. Она надеялась, что после приступа злости Жак успокоится и снова станет Для нее товарищем. Но за обедом он ни разу не взглянул в ее сторону. Она видела его в профиль. Затылок его был напряжен, он мало ел и много пил.

После десерта, когда клиенты пошли в холл, он демонстративно уединился и стал читать «Пти Дофинуа». Впрочем, у большинства мужчин в этот вечер была в руках газета. Во всех компаниях разговор шел на одну и ту же тему: мошенник международного класса по имени Ставицкий недавно покончил жизнь самоубийством на вилле в Шамони. Все пансионеры были согласны в том, что политическая поддержка, которой пользовался этот тип для своих махинаций, говорила о том, что власть прогнила. Произносились одни и те же имена: Гара, Тиссье, Далимье… Но по мнению господина Греви, это были мелкие сошки. Он задавался вопросом, хватит ли у правительства смелости разоблачить настоящих виновников. Элизабет, которую это дело не интересовало, была удивлена, услышав голос своего отца, обычно такого сдержанного, который с жаром вмешался в спор:

— Вы абсолютно правы, господин Греви! Наши парламентарии превратили республику в притон! Следовало бы гнать поганой метлой всю эту шваль!

— Да, мы живем в странную эпоху, — сказал толстый эльзасец. — По ту сторону Рейна Гитлер заставляет свой народ ходить строевым шагом, а что происходит здесь, у нас? Людей интересуют какие-то грязные похождения Виолетты Нозьер. Рассказывают, как Оскар Дёфрен — министр — был убит каким-то юнгой, который был якобы его партнером по удовольствиям. Обнаруживается, что некоторые государственные чиновники были связаны с ворами… Да! Куда идет Франция?

— К пропасти, к пропасти, мсье! — ответил Пьер.

Амелию беспокоило, что ее муж поддерживает пессимистические настроения клиентов, вместо того

чтобы поддерживать в них желание как можно лучше провести свой отпуск. Так как он упорствовал в своем антикоммерческом поведении, она прошептала ему с милой улыбкой:

— Так ты идешь, Пьер? Наш стол уже накрыт.

И Амелия увела мужа в столовую, где они всегда обедали после всех пансионеров. Когда они ушли, мадам Лористон подошла к Элизабет и прошептала, краснея от смущения:

— Я хотела бы позвонить в Париж: Майо, 12–15.

В гостинице не было телефонной кабины. Единственный аппарат находился в кабинете администратора, в холле. Элизабет покрутила ручку, попросила номер и сказала:

— Придется подождать двадцать минут, мадам.

По выражению лица мадам Лористон можно было понять, что она приготовилась ждать вечность. Но звонок, раздавшийся через десять минут, заставил ее подскочить в полном напряжении.

— Не беспокойтесь, мадемуазель! — крикнула она Элизабет. — Это наверняка мне.

Она кинулась к телефону и приложила трубку к уху. Ее широкая радостная улыбка, появившаяся вначале, сразу погасла: на ее лице появилось выражение портнихи, держащей во рту булавки. Она положила трубку и сказала:

— Номер не отвечает.

Разговоры, стихшие, пока она держала телефонную трубку, снова стали громче. Мадам Лористон кивнула всем головой и поднялась в свою комнату, чтобы скрыть ото всех свое горе. Элизабет присоединилась к группе, в которой были сестры Легран.

— Ну и морду она скорчила! — сказала Сесиль. — Кому она звонила?

— Конечно, своему мужу, — ответила Элизабет.

— Да, — сказала мадемуазель Пьелевен. — Я немного поболтала с ней сегодня после обеда. Думаю, что она не очень счастлива в семейной жизни.

— Почему? — спросила Сесиль. — Он изменяет ей?

— Вам рано интересоваться такими вещами, дитя мое.

Сесиль прыснула от смеха, и Элизабет взглянула на нее с укором. Разве можно быть до такой степени веселой и беззаботной. И вдруг ей самой захотелось так же убежать ото всех, зарыться в своей постели под присмотром большой пихты. Но клиенты не торопились расходиться по номерам. А вежливость требовала того, чтобы Элизабет оставалась среди них до возвращения родителей.

Проснувшись, она была сильно удивлена тишиной, царившей вокруг. Холодный нос ткнулся ей в щеку, язычок лизнул подбородок — Фрикетта пришла за своей порцией ласки. Элизабет поиграла немного с собачкой, почесала ей брюшко и за ушками, нежно разгладила шерсть, закрывавшую ей глаза, затем вскочив с постели, побежала к окну и открыла ставни. Зеленые ветви пихты сгибались под тяжестью снежного покрова. Шел сильный снег. Не могло быть и речи о катании на лыжах сегодня утром. Элизабет вызвала звонком Леонтину, которая принесла ей завтрак на подносе. Фрикетта, как всегда, выпросила кусочек сахара и ушла грызть его на свою подушечку. Запах кофе с молоком распространился по комнате. Девушка откусывала от тоста, меланхолично глядя в окно на падающие хлопья снега. Так как она никуда не спешила, то уделила внимания больше, чем обычно, своему туалету. Затем она быстро написала поздравительные письма: пятнадцать строчек дедушке, пятнадцать строчек дядюшке Дени и Клементине.

В холле она увидела группу пансионеров, не знавших чем себя занять. Что делать в такое время? Одни читали, другие писали открытки или играли в бридж. Пьер и Антуан расчищали снег перед гостиницей. Сесиль и Глория подошли к Элизабет, стоявшей на крыльце, и предложили ей сходить в деревню, чтобы размяться.

— Антуан! — крикнула Элизабет, — на обратном пути мы заберем письма на почте!

— Спасибо, мадемуазель, — сказал он, выпрямившись. — Меня это очень устраивает, потому что здесь полно работы. Столько снега навалило за ночь, просто невозможно!

В это время Пьер продолжал сгребать снег, беря его на лопату большими блоками и отбрасывая далеко, справа от себя. Лицо его порозовело, он слегка задыхался, но был счастлив. Элизабет

подошла к нему и поцеловала:

— Ты не очень устал, папочка?

— Да что ты? Я никогда не был в такой хорошей форме!

Снегоочиститель еще не успел разгрести дорогу на Глез. Девушки шли по девственно чистому снегу, проваливаясь в него при каждом шаге. Пушистые холодные бабочки летели им навстречу. Они смеялись, ослепленные этим снежным ласковым вихрем. С радостным лаем, высоко задирая лапы, за ними бежала Фрикетта. В деревне был базарный день. Перед церковью были натянуты холщовые навесы, защищавшие разложенные товары от снега. Грязновато-белые тенты контрастировали с белизной только что выпавшего снега. Хлопчатобумажные платья, жилеты, связанные из деревенской шерсти, пиджаки и брюки из бонневальского сукна, кастрюли, кофейники, обувь, белье — все эти товары лежали на морозном воздухе, а продавцы и покупатели пританцовывали на месте от холода и торговались на местном диалекте. Элизабет смотрела по сторонам, питая слабую надежду увидеть Кристиана. А Глории, думавшей о своем ежедневном письме, не терпелось зайти на почту и забрать письма. Огромный черный пес подошел к Фрикетте сзади и стал обнюхивать ее, но та с возмущением опустила обрубок своего хвоста и, сморщив нос, угрожающе зарычала. Пристыженный невежда удалился, и Фрикетта, обласканная девушками за хорошее поведение, зашла вместе с ними на почту.

В сером запыленном зале, обогреваемом рядом батарей, несколько человек стояли в очереди перед окошками. Пол был весь в лужицах от растаявшего снега, принесенного с улицы. На стене располагались ряды маленьких металлических дверец с отверстиями и пронумерованных — почтовые ящики. Своим ключом Элизабет открыла один из них, вынула оттуда пачку конвертов и рассортировала их, перекладывая из одной руки в другую:

— Господину Флеку, господину Жаку Греви, мадам Вуазен, господину Вуазену. А вот и вам, Глория!

Та схватила письмо, сразу распечатала и с жадностью принялась его читать. В пачке обнаружилось и письмо из Мадагаскара, адресованное сестрам Легран. Сесиль взвесила его на ладони и сказала:

— Шесть страниц с маминых инструкциями и три строчки постскриптума от папы. Обычная норма. Вы позволите?

Она вскрыла конверт. Элизабет продолжила рассматривать конверты и остановилась, увидев почерк своего дяди Дени: «Господину и госпоже Мазалег. Гостиница «Две серны».

— О Господи, — воскликнула девушка.

Она, оказывается, забыла в комнате поздравительные письма. Пойти сейчас за ними? Рассердившись на саму себя, она с досадой вздернула подбородок и посмотрела на дверь. И вдруг ее сердце вздрогнуло. Недалеко от нее стоял мужчина и разговаривал через решетку с почтовым служащим. Это был Кристиан! Когда же он вошел? Она видела его со спины. На его крепких широких плечах красовался пуловер с высоким воротником стойкой из толстой серой шерсти. На этот раз он отказался от красного шейного платка. На голове у него была круглая вязаная шапочка. Не раздумывая, Элизабет быстро подошла к нему и дотронулась до его руки. Он повернул голову: солнце снова осветило землю.

— Вы! — воскликнул он. — Я ищу вас столько времени!

— Вы ищете меня? — проговорила она, делая над собой большое усилие, чтобы казаться спокойной и веселой.

— Ну да. На Рошебрюне, в деревне, повсюду! Я уже было подумал, что вы заболели. Я собрался пойти в «Две серны» справиться о вас.

То, что он говорил, казалось ей настолько неправдоподобным, что она задалась вопросом — уж не лгал ли он? Фрикетта подошла к хозяйке и, задрав мордочку, с недоверчивым видом слушала их разговор.

— Это ваша собачка? — спросил Кристиан.

— Да.

— Она очень забавна с этим синяком под глазом и перьями вместо бровей. Чем вы занимались с тех пор, как мы расстались?

— Ничем особенным… Каталась с друзьями на лыжах…

— На Рошебрюне?

— Да.

— Значит, мы разминулись. Вот досада!

Сварливая работница почты потеряла терпение:

— Ну так вы решились, мсье?

Кристиан протянул ей квитанцию на получение денег. Рядом с ним, на столике, лежало нераспечатанное письмо. Элизабет успела быстро прочесть адрес: «Господину Кристиану Вальтеру. Межев. До востребования». Теперь она знала его фамилию!

— Триста пятьдесят франков, — сказала служащая. — У вас при себе удостоверение личности?

Кристиан протянул свои документы, расписался, взял деньги, письмо и сказал, громко рассмеявшись:

— Теперь, когда я вас нашел, Элизабет, я вас больше не отпущу!

— Дело в том, что… мне надо вернуться сейчас же, — ответила она, указывая глазами на подруг.

Сесиль наблюдала за ней с улыбкой, а Глория, погрузившись в послание своего жениха, ничего не замечала вокруг.

— Вы, конечно же, вернетесь, — сказал Кристиан, — но после обеда выходите, и мы увидимся.

— Где?

— У меня.

— Вы с ума сошли! — сказала Элизабет шепотом.

— Напротив, никогда более я не был таким разумным. Мы же не можем разговаривать друг с другом на лыжне, на улице или на почте. А мне надо так много вам сказать! Я живу в двух шагах отсюда, за монастырем. Вы знаете маленькую мясную лавку на правой стороне?

— Да, — ответила она.

— Так вот, моя квартира — и какая квартира! — находится как раз над ней. Вы войдете во двор рядом с входом, взбежите по лестнице на второй этаж и увидите мое владение. Я живу в роскошной квартире, а в приготовлении мне нет равных!

Она знала, что не пойдет к нему, но это приглашение льстило ее самолюбию и возбуждало любопытство.

— Согласны?

— Нет, — ответила Элизабет, — я не смогу…

Он опять разразился громким смехом, отрицающим все и вся. Люди стали оборачиваться. Элизабет покраснела.

— Нет сможете, — сказал он твердо. — Я никуда не пойду сегодня после обеда и буду вас ждать.

Сложив губы в улыбку, он добавил:

— До скорого, Элизабет.

— Нет, не до скорого, — резко ответила она. — Вы не хотите встретиться завтра со мной около подвесной дороги?

Он отрицательно покачал головой и вышел. Какое-то время Элизабет чувствовала себя словно захлестнутая волной, оглушенная и ослепленная. Но тут новая волна ликования подняла ее на свой гребень. Теперь она была уверена в том, что Кристиан привязан к ней. Даже если она не придет к нему во второй половине дня, она теперь будет знать, где найти его.

Облегченно вздохнув, она подошла к сестрам Легран и сказала:

— Прошу извинить меня. Я задержала вас…

— Нисколько! — сказала Сесиль. — Глория еще не выучила письмо наизусть.

Глория только пожала плечами, не отрываясь от письма.

— Мужчина, с которым вы только что говорили, очень хорош! — продолжила Сесиль. — Кажется, я его уже видела на Рошебрюне.

— Да, — сказала Элизабет небрежно. — Это Кристиан Вальтер, один из моих приятелей.

— Во всяком случае, вы ему не безразличны!

— Да что вы!

— Да, да! Он прямо-таки пожирал вас глазами. Кстати, у него самого очень красивые глаза. И очень красивые зубы. Что же касается его шапочки, то я тоже хочу такую!

— Какая вы язва! — рассмеялась Элизабет.

— Нет, правда, ведь красивая была шапочка на этом господине, правда, Глория?

Но Глория не ответила, потому что ничего не видела.

— Я уверена, что если мы сейчас уйдем на цыпочках, она даже не заметит, что мы оставили ее одну, — прошептала Сесиль. — Вы идете, Элизабет?

Они вышли. Глория последовала за ними, продолжая на ходу читать письмо, словно кюре свой молитвенник. Фрикетта сбежала от них, скрывшись в маленьком переулочке, где ей надо было поприветствовать своих друзей. Пять минут спустя она догнала девушек около лавки аптекаря, где перед барометром собралась целая толпа. Сесиль вспомнила, что ей надо сделать кое-какие покупки: крем «Нивея», вата, тушь для ресниц. С продуманной небрежностью они вошли в магазин. Пробежав письмо в третий раз, Глория вдруг стала благоразумной:

— Поторопитесь! Люди ждут почту в гостинице!

Весело болтая, они возвращались в «Две Серны» под падающим прямо и бесшумно легким снегом. В холле Элизабет увидела мать и бросилась ей на шею:

— Элизабет! — воскликнула Амелия. — Ты задушишь меня! Что случилось?

— Ничего, мама. Ты видела этот снег? Это же чудо!

Жак с книгой в руке сидел около большого окна. Он приветствовал девушек сдержанным кивком головы. Мысли Элизабет были так далеки от него, что сначала она удивилась его поведению, затем вспомнила об их ссоре, как о давно прошедшем инциденте, не имеющем никакого значения. Находящиеся вокруг люди только и говорили о деле Ставицкого. Запах из кухни проникал в холл. Несколько клиентов поднялись и подошли к столу. Элизабет сидела перед тарелкой с двумя сардинами. Обед казался ей бесконечным. Она с трудом проглатывала пищу, казалось, что ее желудок сжался. После обеда мадам Лористон снова попросила заказать разговор с Майо. На этот раз ее попытка увенчалась успехом. Приложив трубку к щеке, с блестящими влюбленными глазами, она шептала:

— Это ты, Гастон?.. Да, здравствуй… Это я… Колетт… Я пыталась дозвониться тебе вчера вечером… А! Тебя не было дома, ты обедал в ресторане… Жози справляется с делами? Что она приготовила тебе на обед? Почему телячьи эскалопы? Я же сказала… Ну, ладно… Ты это любишь!.. Алло, не разъединяйте! Алло! Какая погода в Париже? У нас идет снег… Нет, я берегу себя… А ты?.. Я говорю: а ты?..

Сжавшись в своих кожаных креслах, клиенты молчали и делали вид, что не слушают разговор. Элизабет с нежностью наблюдала за мимикой этой женщины, которую волшебная нить связывала с далеко находящимся супругом, которого она слишком любила. Ее собственное счастье, казалось, усиливалось от счастья, которое она читала на лице другой женщины.

— У тебя много работы в конторе? Ах! Бедняжка!.. Если бы ты мог приехать ко мне!.. Это невозможно?.. Конечно! Алло, алло!.. Не разъединяйте!..

Она повторила три раза «не разъединяйте» тоном жертвы, умоляющей своего палача, затем положила трубку и задумчиво произнесла:

— Ну вот, разъединили.

Все разом вздохнули. За столами вновь послышались голоса. Леонтина подала кофе. Глория, Сесиль и мадемуазель Пьелевен вышли из столовой.

— Вы видели, Элизабет? — воскликнула Сесиль. — Снегопад прошел!

— Неужели? — сказала Элизабет.

— Да-да, посмотрите!

Они подошли к окну. Завеса тумана рассеялась. В воздухе не кружилось ни единой снежинки. В плотной белизне пейзажа темными пятнами выделялись лишь изгороди палисадников, торчащие ветви деревьев и редкие дымящиеся трубы.

— А не покататься ли нам? — предложила Сесиль.

— Что за мысль! — сказала мадемуазель Пьелевен. — Снег, вероятно, еще слишком сырой для катания. Будет лучше, если после обеда вы почитаете или напишете несколько писем.

— О нет, мадемуазель. Позвольте нам пойти туда! — попросила Сесиль. — У нас будет время почитать и написать в Париж. Мама велела нам как можно чаще бывать на свежем воздухе.

— У вас в голове только одни развлечения! — со вздохом сказала мадемуазель Пьелевен, положив на стол газету, открытую на странице с кроссвордами.

ГЛАВА VIII

Шагая к подвесной дороге на Рошебрюн, Элизабет все время думала о приглашении Кристиана. Прийти к нему в квартиру казалось ей абсолютно нелепой затеей, и все-таки у нее пропала охота кататься на лыжах с Глорией и Сесиль. Дойдя до станции, она, однако, смирилась и встала с подругами в очередь перед окошечком кассы. Лыжники немного продвинулись, вместе с ними и Глория. Сесиль собиралась подойти к ней, но Элизабет удержала ее. Почему? Она и сама не знала. Люди, стоящие за ними, воспользовались этим и перешли вперед. Внезапно Элизабет приняла решение.

Она шепнула девушке на ухо:

— Послушайте меня, Сесиль! Мне надо побывать в деревне.

— Ах, да! — ответила та с лукавой улыбкой.

— Да. Поэтому я не смогу подняться с вами на Рошебрюн. Но я также не хочу возвращаться в гостиницу без вас. Мама не поймет…

Сесиль улыбнулась еще шире, и на щеках ее образовались ямочки.

— Я понимаю, — прошептала она. — У вас свидание с господином, у которого красивые зубы?

Элизабет посмотрела ей прямо в глаза и сказала:

— Да.

Такая откровенность удивила Сесиль. Из приятельницы она превратилась в доверенное лицо, в сообщницу. Ее взгляд стал серьезным.

— Как нам поступить? — спросила она.

— Нам надо будет где-нибудь встретиться в пять часов, — ответила Элизабет. — Ну, например, в кондитерской.

— Хорошо, — сказала Сесиль. — Можете на меня рассчитывать.

— Вы не очень сердитесь на меня?

— Конечно, нет. Это же так естественно.

— А Глория?

— Я разберусь с ней. Не беспокойтесь о таком пустяке.

— Благодарю вас, — сказала Элизабет. — Вы оказываете мне такую услугу!

Глория повернулась к ним и крикнула:

— Я беру билеты на всех?

— Нет, — возразила Сесиль. — Только на нас двоих. Элизабет не может пойти с нами. Я объясню тебе после.

И подтолкнув Элизабет за плечи, она добавила:

— Торопитесь!.. До скорого!

Они заговорщически улыбнулись друг другу. Элизабет ушла со станции, быстро надела лыжи и заскользила в сторону Межева по свежевыпавшему снегу. Все прошло нормально с сестрами Легран. Об остальном ей пока не хотелось думать. Ей так нравилось все неожиданное, что она предпочитала не лишать себя новизны своих радостей и огорчений, заранее представляя их себе. Может быть, это опыт катания с гор на лыжах научил ее видеть препятствие в тот самый момент, когда оно возникало перед ней? Как будто жизнь была всего лишь игрой, сравнимой с той, в которую она играла на заснеженных склонах. При всех обстоятельствах она рассчитывала на моментальное вдохновение, если придется выкручиваться из затруднительного положения или же получить дополнительное удовольствие.

Скорее к нему! Зажав палки под мышками, она катилась по извилистой дороге, покрытой пушистым снегом, едва выступающими бугорками. Внизу, вдали от домов, запряженный в шестнадцать лошадей, городской снегоочиститель расчищал участок дороги. Звенели колокольчики. Деревянный клип, врезаясь в белую массу, разбрасывал по обе стороны тяжелые вспененные комья. Через

секунду эта картина исчезла. Склон становился все более пологим. Чтобы побыстрее проехать по деревенским улицам, Элизабет стала отталкиваться палками. Церковные часы показывали три. Ярмарочные торговцы складывали свои тенты. Элизабет пересекла площадь, свернула на маленькую улицу и остановилась, запыхавшись, перед лавочкой, покрашенной красной краской. За стеклами витрины на крючках висели мясные окорока. Справа от входа в мясную лавку Элизабет увидела дверь с молоточком.

Девушка сняла лыжи, прислонила их к стене у входа и, держа палки в руке, стала подниматься по узкой лестнице с деревянными ступеньками. Маленькая лестничная площадка. Низкая дверь. Она постучала в створку двери, и этот стук, казалось, раздался в ее сердце. У нее не хватило даже времени на то, чтобы пожалеть о своей смелости. Дверь открылась. Перед ней стоял Кристиан. На нем был шелковый халат, перетянутый в талии шнурком. Шея и грудь обнажены.

— О! Да это же Элизабет! — воскликнул он. — Я не ожидал вас так рано. Входите же. Поставьте палки вон там в углу. Я сейчас оденусь и буду в вашем распоряжении.

Она миновала коридорчик размером с платяной шкаф и вошла в квадратную, хорошо освещенную комнату, оклеенную желтыми в белую полоску обоями. Пузатая железная печурка на высоких ножках распространяла вокруг себя дружеское тепло. На ее крышке кипел чайник. Черная труба, сморщенная в изгибе и подвешенная на проволоке, выходила на улицу через отверстие в углу потолка.

— Садитесь, — пригласил Кристиан, сделав элегантный жест в сторону низкого широкого кресла, покрытого желтой тканью.

Сам он удалился в пристройку к комнате, где находился туалет, и задернул занавеску. Элизабет продолжила осмотр помещения. Воздух был пропитан запахом табака. Широкий и низкий диван накрыт покрывалом из шкурок сурка. На письменном столе лежали книги, газеты, папки. Полки этажерки были забиты книгами до отказа. Два плетеных деревянных стула стояли вокруг великолепного круглого стола из красного дерева с мраморной столешницей. Элизабет заметила старинный кованый сундук, около которого был постелен потертый коврик, несколько эстампов на стенах. Она настолько была заинтригована этой чисто мужской обстановкой, что любопытство притупило ее страх. Наконец-то она узнает, что он из себя представляет! Даже если он и был скуп на откровения, эта мебель, эти безделушки говорили сами за него. Она уже подводила итог своим первым наблюдениям: «Живет он один. Курит. Любит читать». Взлетела занавеска. Кристиан появился в обтягивающем грудь черном пуловере с закатанными до локтя рукавами, в лыжных брюках и — мягких туфлях.

— Я так рад видеть вас у себя! — сказал он, сжав руки девушки.

Она была готова прижаться к его груди, но, взяв себя в руки, прошептала:

— Я забежала ненадолго. Мне надо будет уйти через четверть часа. Кристиан отпустил ее руки и сказал с улыбкой:

— Я не стану вас задерживать. Согласны? Через четверть часа?

— Да, — пробормотала она с сожалением.

— Вот мои часы.

— Он взял настольные часы в сине-зеленом кожаном футляре и поставил их на круглый стол так, чтобы был виден циферблат.

— У вас очень мило! — сказала она.

— Да, но не совсем — я живу в центре деревни, и мне это не нравится. Пару месяцев назад я заприметил для себя кое-что другое, отдельная комната в доме на большой ферме, расположенной недалеко от дороги, ведущей в Лади. Кругом земля, снег. Если я уговорю хозяев сдать мне ее, я буду самым счастливым человеком на свете!

— А они не соглашаются?

— Пока еще нет! Знаете, они, эти крестьяне, такие упрямые. Вы курите?

Он протянул пачку сигарет. Его рука была загорелой, жилистой, слегка покрытой волосами.

— Нет, спасибо, — ответила Элизабет.

Она подумала, что Кристиан будет настаивать, но он, прикурив сигарету, выпустил дым через ноздри, поднялся и направился в коридор. Там стоял небольшой шкаф из светлого дерева с

зарешеченными дверцами, служивший ему для провизии. Он достал оттуда три яйца, горшочек сливочного масла и большой кусок ветчины.

— Что вы собираетесь делать? — поинтересовалась Элизабет, когда он переносил эти продукты в комнату.

— Вы не голодны?

Она рассмеялась:

— Голодна? Да я только что из-за стола!

— А я еще не завтракал. Что за нелепая затея, принимать пищу в строго определенное время, как по предписанию врача! Я, например, ем, когда мне захочется. Раз вам мое меню не нравится, то вам придется довольствоваться видом жующего мужчины.

— Я вам могу помочь приготовить!

— Нет — нет! Сидите: вы так сногсшибательно выглядите в этом кресле!

Он накрыл на стол с мраморной столешницей, отрезал два ломтика ветчины, бросил кусочек масла на сковородку. Эти приготовления забавляли Элизабет. С иронией и умилением смотрела она на этого мужчину, занятого хозяйственными делами. Чем меньше он обращал на нее внимания, тем легче ей было наблюдать за ним. Она незаметно следила за движениями его рук, разглядывала форму его затылка. Он ворошил дрова в печке, отодвинул кружок, поставил сковородку на огонь и положил два ломтика ветчины на растопленное масло, которое сразу же зашипело. Из двух ловко разбитых яиц в центр сковородки вытекли белки и желток. В довершение своего священнодействия сверху он посыпал соль и перец. По комнате поплыл крепкий запах крестьянской пищи.

— Я покупаю ветчину, яйца и масло на ферме, — сказал Кристиан.

— А кто же убирает в вашей комнате?

— Одна милая старушка, правда, немного глуховатая. Она приходит каждое утро.

Когда яичница с ветчиной была готова, он переложил ее со сковороды на тарелку, сел за стол и принялся есть.

— Вкусно? — спросила Элизабет.

— Восхитительно! — ответил он с набитым ртом.

Челюсти его двигались. Он наслаждался пищей не спеша, обстоятельно. Затем налил себе стакан вина. Когда он пил, его адамово яблоко поднималось и опускалось, словно маленький зверек. Элизабет прошептала:

— Кто вы, Кристиан?

— В самом деле, — ответил Кристиан, поставив стакан на стол. — Вы даже не знаете моей фамилии. Меня зовут Кристиан Вальтер.

— Вы француз?

— Конечно.

— А мне показалось, что вы немец.

— Почему?

— Потому, что я слышала, как вы говорили по-немецки в «Мовэ Па».

— Это ни о чем не говорит. Моя семья родом из Эльзаса. Точнее — семья моего отца. А мать была австрийкой. Детство я провел в Австрии, в Тироле. Когда мать умерла, отец вернулся вместе со мной во Францию и снова женился. Ему хотелось, чтобы я, как и он, стал архитектором. Но учеба показалась мне слишком утомительной. Я достаточно люблю жизнь, чтобы жертвовать ею ради работы. Как только представилась возможность, я переехал в Межев. Это единственное место, где я действительно чувствую себя великолепно: солнце, снег, деревенская тишина. Знали бы вы эту деревню до наплыва туристов! Вообразите себе несколько домов вокруг колокольни, белые девственные черные склоны, стадо прирученных оленей…

— Но чем вы занимаетесь в Межеве? — спросила Элизабет.

— Я преподаватель немецкого языка в частном деревенском колледже. У меня несколько уроков утром. Это позволяет немного заработать.

— Вы преподаватель? — сказала Элизабет. — Как странно!

— Почему?

— Не знаю…

Она подумала о своем дяде Жюльене, преподавателе в Жейзелу, таком важном, с белым воротничком, куском мела в руке, тонкими усиками, напоминающими черту, проведенную под словом, имеющим важное значение.

— Вы совсем не похожи на преподавателя, — продолжила она.

— Я им стал случайно, — сказал он. — Но мне это нравится. Некоторые из моих учеников очень привязчивы. И я изучаю их характеры. Слежу за их развитием.

— Вы говорите, как старик.

— А я не так уж и молод.

— Сколько же вам лет?

— Двадцать восемь.

Она не ошиблась: это был действительно опытный мужчина.

Он помакал кусочком хлеба и желток и поднес его ко рту. Кристиан ел с таким аппетитом, что Элизабет вдруг почувствовала, как ее рот наполняется слюной и засосало под ложечкой. В гостинице, говоря по правде, она ничего не ела.

— Глядя на вас, я тоже захотела есть, — сказала она, рассмеявшись.

— Вот и хорошо! — воскликнул он. — Угощайтесь. Осталось еще одно яйцо. Я отрежу вам ломтик ветчины…

Она поджарила яичницу и съела ее прямо со сковородки. Никогда еще она не пробовала такой вкусной пищи. Кристиан отодвинул тарелку и закурил, глядя на нее из-под полуприкрытых век.

— А вы, — спросил он наконец, — кто вы на самом деле, Элизабет? Чистокровная савойка?

— Нет, — ответила она.

— Тогда парижанка?

— Можно сказать и так. Большую часть моего детства я прожила в Париже.

— А ваши родители?

— Они из Коррезы. Там еще живет мой дедушка.

— Вы не жалеете о том, что уехали из Парижа?

— Ничуть! Да и жили-то мы там между сезонами.

— Почему ваши родители переехали в Межев?

— Из-за папиного здоровья.

— Ваш отец болен?

— Он был ранен в голову в 1916 году.

— А какая у вас мама? Такая же красивая, как и вы?

Глаза Элизабет заблестели:

— Что вы! Мама намного красивее меня. Она просто красавица. Если бы вы ее видели!

— Я очень надеюсь, что увижу ее, — сказал Кристиан с легкой улыбкой.

— Конечно, она уже не так молода.

— Сколько ей лет?

— Почти сорок.

— Это прекрасный возраст для женской красоты.

— Вы так считаете?

— Ну да, — сказал он. — Она расцветает перед увяданием.

Он сложил пальцы венчиком. Элизабет прошлась по сковородке кусочком хлеба и вздохнула:

— Может быть, я этого не замечаю…

— Значит, в детстве вы жили в Париже, — продолжил он. — Какая жалость! И чем же занимались ваши родители?

— Какой вы, однако, любопытный!

— Да, я очень любопытный, — подтвердил он, окинув ее пронизывающим взглядом.

— У них было одно торговое заведение.

— Это очень неопределенно. Какое?

— Кафе на бульваре Рошешуар.

— А! Позвольте я представлю себе обстановку. Кафе, до блеска начищенная стойка, лампы, шум улицы, клиенты, которые входят и выходят, любители игры в белот, сидящие в уголке, и вы, маленькая в фартучке, затерянная среди взрослых, все видящая, все слышащая, правильно?

— Абсолютно точно.

— У вас были подружки?

— Да, но только в школе. Я почти всегда была с няней. Позже, когда меня отправили в пансион…

— Вас отправили в пансион? В каком возрасте? Куда?

Он с такой настойчивостью задавал вопросы, что она воскликнула:

— Не стану же я рассказывать вам всю мою жизнь!

— Наоборот. Это необходимо. Всю вашу жизнь маленькой девочки, — сказал он.

— А когда, по-вашему, заканчивается моя жизнь маленькой девочки?

— Она еще не закончена, Элизабет. Итак, пансион…

— Он находился в Сент-Коломбе, в департаменте Лот, — сказала она. — Директриса была необыкновенная женщина!

— Я представляю ее себе. Старая уродина, сухопарая и злая…

— Вовсе нет, мадемуазель Керон была красивой, несколько бледной, с тонкой талией. Она всегда была одета в черное. Она была очень набожна…

— А вы, Элизабет, вы очень набожны?

— Я была такой в десять-одиннадцать лет… Теперь нет… Ну, я не думаю… Я больше не хожу в церковь… Но в Сент-Коломбе мы ходили в часовню три-четыре раза в день. Это было так далеко! Ну вот теперь вы знаете все.

Он сел на диван напротив нее и сказал:

— Нет, я не знаю всего, Элизабет. Продолжайте.

Она никогда бы не поверила, что кто-нибудь заинтересуется ее скудными воспоминаниями о детстве. Поначалу вопросы Кристиана забавляли ее, но потом даже взволновали. Воспоминания, нахлынувшие на нее, приобретали новую окраску, потому что ему хотелось слушать их.

— Что я могу сказать вам еще? — прошептала Элизабет. — После пансиона в Сент-Коломбе родители отправили меня к своим кузенам, работающим учителями в Коррезе. Затем в пансион в

Кламару.

— Какой вы были девочкой? — спросил он.

— Думаю, очень ленивой в учебе, очень недисциплинированной, своенравной. Грустно маленькой девочке жить отдельно от своих родителей. Но если они не могли меня держать при себе из-за этого кафе.

— А вы были счастливы, учась в школе в Коррезе?

— Да. Я чувствовала там себя хорошо.

Поощряемая им, она рассказала ему о кузине Женевьеве, о дяде Жюльене, говорившем о грамматике и арифметике даже во время еды, о тете Терезе, маленькой женщине, трепетавшей от восхищения перед своим мужем, такой смешной в ночном хлопчатобумажном чепчике, о ее приступах астмы, о ее пирогах и о ее веселой снисходительности, о ребятах из школы, о Мартенс Байссе, рыжем мальчике, который украл коллекцию минералов из застекленного шкафа в классе. Щеки Элизабет горели от возбуждения, а Кристиан смотрел на нее, слушал с очаровательным вниманием, словно она рассказывала о сотворении мира. Синеватые сумерки окутали комнату. Элизабет посмотрела на часы, циферблат которых был едва различим:

— Без десяти пять! Мне надо идти…

Он встал одновременно с ней и сказал:

— Нет, побудьте еще немного, Элизабет.

— Это невозможно, Кристиан. Невозможно!

Она повторяла это слово, и зрачки ее глаз расширялись, а в груди бешено колотилось сердце. Все ее поле зрения было заполнено лицом Кристиана. Призыв невероятной нежности исходил от этого человека с зелеными глазами, стоявшего молча и неподвижно. Вдруг она бросилась в его объятия и простонала, словно избавившись от какой-то тяжести.

— Я люблю вас, Кристиан!

Их губы встретились, и Элизабет закрыла глаза. Руки Кристиана ласкали плечи, бедра девушки, поворачивали ее слегка и касались ее груди. Элизабет чувствовала пробегающие от живота к голове темные волны. Наконец она оторвалась от него и, задыхаясь, прошептала:

— Позвольте мне уйти, Кристиан!

Он нежно поцеловал ее в лоб и тихо спросил:

— Вы придете завтра?

— Куда? Сюда?

— Конечно.

Готовая уступить, она сжалась, словно увидев ловушку:

— Нет, Кристиан… Я не смогу…

Зубы Кристиана заблестели на его загорелом лице. В тот момент, когда Элизабет этого менее всего ожидала, он рассмеялся. Она вздрогнула, нервы ее напряглись.

— Вы не сможете? — спросил он. — Тогда не будем больше говорить об этом!

Удивившись, она отступила. Он заметил ее волнение и продолжал более мягким тоном:

— Встретимся завтра у канатной дороги на Рошебрюн, в три часа. Покатаемся на лыжах вместе. В этом-то вы не можете отказать мне, Элизабет?

— А если я буду не одна?

— А вы устройте так, чтобы оторваться от ваших друзей.

— Хорошо, — сказала девушка.

Он взял ее руки, осмотрел их, словно это были драгоценные предметы, поцеловал их и проводил ее, полную восхищения, до самой двери.

На улице темнота и сильный мороз отрезвили ее. На небе сверкали звезды, снег на крышах казался голубым и золотистым перед освещенными окнами домов. Элизабет пересекла деревню, неся лыжи на плечах. Окна кондитерской сковало морозным узором. Было невозможно увидеть, что происходит внутри. Девушка встряхнула волосами, приставила лыжи к стене и прямо из ледяной мглы шагнула в тепло, наполненное запахами миндального крема, шумом разговоров и звоном ложечек. Сесиль сидела одна за круглым столиком.

— Вы давно меня ждете? — спросила Элизабет.

— Нет, мы только что вошли, — сказала Сесиль.

И добавила с заговорщической улыбкой:

— Мы тоже немного побегали.

Рядом с ней на столе валялись газеты и журналы.

— А где Глория? — спросила Элизабет.

— Она наводит красоту в туалете. Сегодня на горе было так здорово, и мы пожалели, что вас не было с нами.

Царственной походкой из туалета вышла Глория. Она села, подозвала официантку и заказала три чашки чая с лимоном.

— Нам надо торопиться, — сказала Элизабет. — Иначе мама начнет беспокоиться.

— Мадемуазель Пьелевен тоже будет беспокоиться, — сказала Глория с озабоченным видом.

— Сейчас мы им позвоним. Мне так хорошо здесь, — вздохнула Сесиль.

— Во всяком случае, тебе надо пойти причесаться. Если бы ты сейчас видела себя!

Не слушая сестру, Сесиль дернула Элизабет за рукав и прошептала:

— Осторожно оглянитесь!

— А кто там?

— Этот серьезный парень, который недавно приехал с матерью! Мадемуазель Пьелевен сказала мне, что его зовут Патрис Монастье.

— Я знаю, — ответила Элизабет.

— Да, но вы не знаете, что он пианист.

— Неужели?

— Очень талантливый пианист. Конечно, еще не знаменитый, но он уже давал концерты. Мадемуазель Пьелевен уверяет, что он приехал в Межев, чтобы отдохнуть после болезни. У него было что-то легочное… Я нахожу, что он просто великолепен!

Элизабет повернула голову и за соседним столиком увидела бледного брюнета с лихорадочным блеском глаз и слегка оттопыренными ушами. Его мать, худощавая женщина маленького роста, с обесцвеченными волосами и накрашенным ртом, говорила с ним вполголоса, надавливая вилкой на слоеное пирожное с сахарной пудрой. Заметив Элизабет, оба вежливо улыбнулись ей. Она ответила им улыбкой и сказала шепотом сестрам:

— Не понимаю, что вы нашли в нем великолепного?

— Я тоже, — сказала Глория.

— Значит, вы плохо рассмотрели его, — сказала Сесиль. — У него глаза… горят как угли! А его лоб. Вот это лоб! Большой, открытый.

— Настолько открытый, что скоро у него не останется волос, — сказала Глория.

— Кто бы говорил! — воскликнула Сесиль. — Я думаю, что через три года у твоего жениха тоже будет лысина!

Глория покраснела, задетая за живое, и проговорила:

— Прошу тебя, Сесиль. Не станешь же ты сравнивать Паскаля с этим несчастным!

Элизабет никак не могла заставить себя заинтересоваться этим разговором. Счастье переполняло ее. Она оживляла в памяти встречу с Кристианом, представляла, как он сидит один в своей комнате, спрашивала себя, что он думает о ней после ее ухода. В своей задумчивости Элизабет не заметила официантку, подошедшую с подносом, на котором стояли чашки. Сесиль вскочила и сказала:

— Я пойду за пирожными.

— Мне так хотелось бы познакомиться с вашим женихом, Глория! — сказала Элизабет, делая некоторое усилие, чтобы показаться искренней. — Может быть, мы увидим его когда-нибудь в Межеве?

— Да. Он очень надеется, что сможет провести с нами сорок восемь часов в феврале месяце. Но в каждом письме он говорит, что увольнительную ему дадут, вероятно, позже. Вы не находите, что эта военная служба какая-то глупость?

Сесиль вернулась с кусочками разных тортов и ромовыми бабами на тарелке.

— Ромовые бабы для вас, Элизабет, — сказала она. — Я знаю, что вы их любите.

Элизабет смотрела как завороженная на два маленьких пирожных, пропитанных сиропом, сверху которых лежали засахаренные вишни. Перед ее мысленным взором все еще стояла скворчащая маслом яичница, желтая с белым на черном фоне сковородки. Элизабет благодарно улыбнулась и ответила:

— Спасибо. Я не голодна.

ГЛАВА IX

Элизабет сбежала по лестнице в лыжных ботинках, чуть не упав из-за Фрикетты, путающейся у нее под ногами, быстрым шагом направилась в холл и, увидев своих родителей в комнате администратора, спросила:

— Сесиль и Глория уже ушли?

— Да, — ответила Амелия, — вместе со всеми Греви. Они подождали тебя, а потом ушли, сказав, что ты найдешь их на Рошебрюне.

Именно этого ей и было надо.

— Какая досада! — сказала она, притворно вздыхая. — Теперь мне надо поспешить, чтобы встретиться с ними там.

— Почему же ты опоздала?

— Мне надо бы пришить пуговицы к лыжным брюкам.

— Раз уж так поздно, ты не пойдешь кататься после обеда, — сказал Пьер. — Можно подумать, что ты без лыж просто не можешь жить.

— А что ей делать в гостинице? — сказала Амелия. — Я предпочитаю, чтобы она была с клиентами на горе.

— Ой! уже без двадцати три, — воскликнула Элизабет. — У кабины теперь соберется целая толпа. Пока, папа! Пока, мама!

Она поцеловала обоих и, забежав за лыжами в кладовку Антуана, направилась с легким сердцем к станции канатной дороги.

Переполненная кабина поднималась на гору, и Элизабет повторяла про себя как заклинание: «Хоть бы он пришел на встречу, как обещал мне вчера! Лишь бы Сесиль, Глория и Греви уже начали спуск!» Когда она добралась наконец до вершины, первое лицо, которое она увидела, было лицо Кристиана.

— Я опоздала, — проговорила она виновато. — Но мне надо было кое-что предпринять, чтобы прийти одной.

— Да, — ответил он. — Я видел ваших друзей, они только что приехали.

— Они ушли?

— Десять минут тому назад.

— Уф! — сказала девушка. — Теперь я могу быть спокойной. Снегу для них достаточно.

— Вы знаете, о чем я думаю, Элизабет? — продолжил он. — Вместо того чтобы катиться вниз по лыжне, лучше пойдем на Па де Сион и спустимся до До де Шевр.

— Отличная идея, — сказала Элизабет. — Но чтобы подняться, нужны чехлы из тюленьих шкур, а я их не взяла.

— Я все предусмотрел, — сказал он. — Дайте-ка мне ваши лыжи.

— У вас есть чехлы для меня?

— Нет, и мои вам будут слишком велики. Но я взял с собой пару веревок.

Он взял лыжи Элизабет, надел на них веревочную сетку и закрепил чехлы из тюленьих шкур на своих лыжах.

— Вот и все. А теперь в путь, Элизабет!

Они проехали мимо швейцарского домика Шварца, засыпанного снегом. В нем было полно народа, судя по числу лыжных пар, воткнутых прямо в снег перед дверью. Короткий спуск, затем небольшой подъем. Веревочные сетки, закрепленные на задней части лыж, не давали им соскальзывать вниз. Это устройство ей мешало, поэтому Элизабет поднималась прерывистым шагом вслед за Кристианом, который легко скользил на своих тюленьих шкурах. Его широкая черная спина маячила перед ней. Зимнее солнце обжигало лицо. Справа и слева из снега торчали маленькие пихты. Они походили друг на друга как овцы из одного стада. Элизабет радостно улыбалась. Было

какое-то чудесное согласие между ритмом ее шагов, девственной красотой пейзажа и любовью к Кристиану. Он не оборачивался, не заговаривал с ней, потому что, без сомнения, тоже радостно переживал эти минуты вдвоем, вдали от людей. Склон становился все круче и круче. В голове Элизабет звучал марш: раз-два, раз-два… Под ногами сияло царство белых кристаллов. Ей стало так жарко, что когда они добрались до вершины Альпетт, она сняла свою курточку и обвязала ее вокруг бедер рукавами. Тут же горный воздух обдал ее ледяным холодом. Остановившись справа, Кристиан смотрел на нее странным взглядом. Снег заставлял его глаза отсвечивать рудным.

За горой Альпетт начинался легкий спуск, ведущий к Па де Сион. Они сняли лыжи, освободили их от ставших ненужными веревок и чехлов. Кристиан обернул их вокруг бедер. Его нога погружалась в снег почти по самые икры. Он зажег сигарету, сделал несколько затяжек и бросил ее. Глядя в сторону горизонта, он впитывал в себя пространство глазами, ртом, ноздрями.

— Как красиво! — прошептал он. — Снег все сравнял, все очистил. Мир начинается с нуля. И вы здесь со мной, Элизабет, вы видите все это.

Она прижалась к нему, и он поцеловал ее. Крепко обнявшись, они стояли, покачиваясь в глубоком снегу, не отрывая губ. Наконец Кристиан выпрямился: желание придавало злое выражение его лицу. Он крепко сжал руками плечи девушки. Потом слегка встряхнул ее, чтобы возвратиться с неба на землю, и проговорил сквозь зубы:

— Ты действительно любишь меня, Элизабет?

— Да, Кристиан, — ответила она шепотом.

— Тогда что же мы здесь делаем? Идем ко мне. Немедленно!

Обращение к ней на «ты» очаровало ее. Сегодня все ее существо было готово к тому, в чем она отказала себе накануне. Она кивнула головой, соглашаясь. Они надели лыжи. Кристиан стал спускаться первым. Элизабет устремилась за ним следом. Никогда еще она не чувствовала себя такой легкой на спуске. Скорость скольжения увеличивалась, что абсолютно не пугало ее. Белые бугорки быстро раздвигались, давая ей дорогу, пихты в страхе расступались по сторонам. Перед собой она видела только скользящий черный силуэт; он делал виражи, исчезая в облаке снежной пыли. Элизабет пыталась представить себе, что ее ждало внизу, в его комнате, но в голове у нее была пустота, словно в тишине, внезапно наступившей после пушечного выстрела. Следы ее лыж пересекались с двойной линией, прочерченной Кристианом. Впереди виднелась деревня Тур.

Элизабет догнала Кристиана перед первыми фермами. Снег был чистым только на крышах: из труб не шел дым, маленькие окна смотрели недоверчиво, двери были низкими. Домишки стояли, сжавшись от мороза, между сложенными дровами и кучами навоза. Вокруг этих обитаемых островков исхоженный снег был грязным от пепла и мусора. Какая-то собака беспрерывно и сильно лаяла, виляя хвостом. Коровы мычали в стойлах. После деревни дорога шла без наклона. Им надо было пересечь ручеек с темной водой, протекающий между двумя белоснежными холмами. Кристиан шел рядом с Элизабет, Она исподтишка наблюдала за ним, и серьезное выражение его лица усиливало ее беспокойство. Наконец они подошли к пологому спуску, ведущему в Межев.

Этот последний отрезок пути Элизабет прошла в абсолютной прострации, пока не заметила витрину мясной лавки. Они сняли лыжи и поднялись по лестнице. Ключ повернулся в замке. Из всего рухнувшего мира с его горами, снегами, домами оставалась только комната с желтыми в белую полоску обоями. Дверь закрылась от удара ногой.

Она лежала на диване. Стоя перед ней на коленях, он целовал ее веки, щеки, подбородок. Но она чуть вздрагивала от прикосновения его губ. Она еще не была готова. Его лицо было холодным от мороза. Он отошел от нее и зажег спичку. Запах дыма заполнил комнату. Лежа на спине, Элизабет поглаживала ослабевшей рукой широкое меховое покрывало. Приятное тепло распространилось по всему телу. Она чувствовала, как согреваются ее ноги, живот, щеки. Вдруг перед ее глазами возникло огромное лицо. Со всей решимостью она приблизилась к нему. Элизабет обняла Кристиана за шею, крепко прижалась к его груди и тихонько потерлась об нее головой, чтобы острее почувствовать удовольствие от этого объятия. Поцеловав, Кристиан стал ее раздевать. Элизабет не сопротивлялась, она лежала, сдерживая дыхание и ощущая учащенное сердцебиение в своей груди. Расшнурованные ботинки с грохотом упали на пол. Он расстегнул на ней кофточку, обнажив пугливые груди, соски которых он принялся нежно и с благоговением целовать. Элизабет вздрогнула и сжала губы. Острое, почти необъяснимое удовольствие распространилось по обоим холмикам нежной плоти, которые начали распускаться с молчаливой требовательностью. Она слабо запротестовала, когда его пальцы вцепились в ремень ее брюк, чтобы расстегнуть их и спустить до бедер. Но в то же время она сжала ягодицы так, чтобы Кристиану легче было это сделать. Теплый воздух обласкал ее бедра. Наконец она осознала себя абсолютно голой и что на нее впервые смотрел мужчина. Он покрывал ее тело бархатными поцелуями. И ей не было стыдно. Ей так хотелось, чтобы Кристиан еще раз обратился к ней на «ты». Но он молчал, глядя на нее и лаская. Затем он накрыл ее меховым покрывалом.

— Отдохни и согрейся, девочка моя, — сказал он наконец хриплым голосом. — Я сейчас вернусь.

Кристиан вошел в пристройку и задернул за собой занавеску. Элизабет услышала, как он раздевается.

Часы на церкви показывали двадцать минут седьмого. Ночная тьма легла на заснеженные крыши домов. Все окна в Межеве были освещены. Элизабет надела лыжи, чтобы поскорее добраться до гостиницы. Она скользила длинными шагами, с силой отталкиваясь палками. Морозный воздух проникал в ее легкие. Девушка слегка задыхалась от быстрого бега. Ее родители, наверное, сошли с ума от беспокойства. Они уже, конечно же, спросили у Греви, у сестер Легран и у всех лыжников в гостинице, не видели ли те ее на горе. А так как никто не мог им что-нибудь сказать о ней, родители наверняка вообразили себе, что с ней что-то случилось, например, она лежит раненая в снегу, совсем одна. Что скажет она им в свое оправдание за столь позднее возвращение? Она лихорадочно искала хоть какую-нибудь причину и не находила ее. Тем лучше! Когда она предстанет перед матерью, то положится на свое вдохновение, чтобы дать ответы на все ее вопросы. Навстречу ей попадались люди в шапках, натянутых на самые уши, уткнувшиеся носами в шарфы. Кто-то поздоровался с ней. Это был Куртуаз, бывший хозяин Фрикетты.

— Добрый вечер, мадемуазель! Как здоровье?

Проехали сани, весело звеня колокольчиками. Элизабет поднялась по небольшому склону и, сильно запыхавшись, остановилась. Минутой раньше, минутой позже, что это меняет? Ничто не шло в сравнение с событием, которое перевернуло всю ее жизнь. Ей достаточно было вспомнить о мужском теле, ощущении его тяжести, о его движениях, чтобы снова почувствовать всей своей плотью слабый отголосок боли и наслаждения, которые она испытала. Вся ее кожа под одеждой еще трепетала от томления, от воспоминания о его ласках. Все ее тело было покрыто его поцелуями. С каким победным и нежным видом смотрел на нее Кристиан, овладев ею впервые! Она часто пыталась представить себе, что же это такое — наслаждение от любви, но то, что она когда-то воображала себе, не имело ничего общего с тем открытием, которое она сделала для себя сегодня. Это грубое и в то же время такое нежное обладание ею, эта сладостная слабость на вершине блаженства! А те слова, которые он шептал ей в темноте, не разжимая объятий. А его тело, этот запах счастливого животного! Закрыв глаза, Элизабет широко раздувала ноздри, чтобы втянуть в себя запах его комнаты, разобранной постели. Но в ее грудь проникал только ночной холод. Надо было продолжать путь. Она снова оттолкнулась палками. Изо рта, клубясь, валил пар. На спуске она увеличила скорость. На ухабистой колее кончики ее лыж задрожали. Это была дорога на Глез. После большого поворота — гостиница. Сердце Элизабет сжалось от беспокойства. Освещение в заснеженном доме было тревожным. Каждое окно смотрело на нее с упреком. Родители Элизабет ждали ее, глядя в окно вместе со всеми клиентами. Она оставила лыжи у ворот и пошла навстречу буре с поднятой головой.

В холле стояла необычная тишина. Там не было ни Греви, ни сестер Легран. Люди, наслаждаясь теплом и покоем, читали газеты или играли в бридж в ожидании ужина. Когда девушка вошла, несколько человек оторвались от газет и повернули головы в ее сторону, однако она не увидела в их глазах никакого удивления. Улыбаясь, она медленно перевела взгляд на кабинет администратора: никого. Амелия и Пьер были наверняка заняты делами в буфетной. Путь был свободен. Откуда-то появилась Фрикетта и радостно подбежала к хозяйке. Она вся извивалась, прижав к полу передние лапки и задрав хвост.

— Да, да, ты у нас красавица! — прошептала Элизабет, лаская собаку.

Фрикетта побежала за ней, а Элизабет быстро пересекла холл и стала подниматься по лестнице вопреки своей привычке — на цыпочках. Ей не терпелось взглянуть на себя в зеркало. Она, конечно, уже видела себя в зеркале у Кристиана, когда одевалась, но ей казалось, что только собственное ее зеркало могло дать точное отражение. Девушка вошла в свою комнату, зажгла лампу и увидела в зеркале над раковиной свое отражение. Нет, она не изменилась! Во всяком случае, этого не было заметно с первого взгляда. И все-таки, этот блеск черных глаз, эта тень под глазами, эти губы, покрасневшие от поцелуев! Она вгляделась в себя внимательнее и решила, что женщиной она стала намного красивее. Пихта наблюдала в окно за всеми ее движениями. Элизабет повернулась к ней спиной, чтобы ополоснуть лицо и причесаться. Ощущение собственной красоты придавало ей уверенность в предстоящей встрече с матерью и отцом. Никакие упреки не смогут разрушить ее счастья. Ей даже хотелось, чтобы разразилась буря, после которой она сможет уединиться и думать только о Кристиане.

— Ты идешь, Фрикетта?

Бросив в зеркало последний взгляд, Элизабет вышла из комнаты и спустилась по лестнице с очень естественным видом. Когда она достигла первого этажа, из кухни быстро вышла ее мать. Лицо Амелии было бледным и страдальчески сморщенным, с двумя красноватыми пятнами на скулах, что

являлось признаком большого недовольства, «Ну, началось!» — подумала Элизабет. Мысленно она уже приготовилась к отпору, ожидая удара.

— Пришла! — воскликнула Амелия. — Очень кстати. Я просто вне себя. Какой страшный человек! Какой мерзавец! Грязный тип!

— О ком ты говоришь, мама? — равнодушно спросила Элизабет.

— О шеф-поваре, о ком же еще! — с негодованием воскликнула Амелия.

Элизабет почувствовала внезапный прилив облегчения, но еще не осмеливалась радоваться.

— А что случилось, — тихо спросила она.

— Видишь ли, он пошел прогуляться в деревню. А в пять часов вернулся мертвецки пьяным. Стал кричать, размахивать ножом. Ну, отец-то дал ему отпор.

Теперь Элизабет поняла, что спасена. Весь гнев ее матери был направлен против шеф-повара! Амелия даже и не заметила, что ее дочь вернулась так поздно.

— И что вы сделали, мама? — спросила Элизабет.

— А что же нам оставалось делать? Мы его немедленно уволили! Но этот тип не хотел уходить. Нам пришлось пригрозить ему, что мы вызовем жандармов. Только после этого он убрался!

— Так его здесь нет?

— К счастью! Мы заплатили ему за работу, и он покинул гостиницу час тому назад. Но он увел с собой и своего помощника. Тоже веселенький тип! Они составляли отличную парочку! Но я предпочитаю их больше здесь не видеть. А теперь, в разгар сезона у нас нет никого на кухне! Ты представляешь?

— А клиенты слышали скандал?

— Нет, — ответила Амелия. — Благодарю небо, что все произошло в буфетной. Иначе это была бы катастрофа! Мы объяснили клиентам, что повар внезапно заболел и решил пойти домой подлечиться. О Боже! При одном только воспоминании об этом скандале кровь приливает к голове. Если бы ты видела отца перед этим взбесившимся наглецом! Они говорили друг с другом на настоящем казарменном языке, иначе не скажешь.

— Как это ужасно! — сказала Элизабет и сжала руки, чтобы успокоить сердце, готовое вот-вот выпрыгнуть из груди от радости.

— Теперь мы должны все взять на себя, — продолжила Амелия. Я буду готовить еду, отец мне в этом поможет. Ты заменишь меня у окошечка для передачи блюд во время обслуживания. Завтра же я напишу письма, чтобы попытаться найти другого шеф-повара. Хотя в это время года трудновато будет нам найти такого человека.

— Не беспокойся, мама. Я уверена, что все устроится! — ласково ответила Элизабет, потеревшись щекой о щеку матери.

Амелия вздохнула, попросила Элизабет пойти в холл к клиентам и вернулась на кухню.

Ужин был подан как обычно в восемь часов. Элизабет сидела у окошечка. Новое занятие очень развлекало ее. Эмильена и Леонтина подходили к ней и передавали заказы:

— Первый, три… Первый, четыре…

Она передавала их матери, которая отвечала ей четким голосом:

— Поняла!

На кухне был просто ад от клубившихся паров и шипения готовящейся пищи. С суровым взглядом, каплями пота, струящимися по лицу со лба, с фартуком, повязанным на талии, Амелия несла большой медный котел, чтобы поставить его на огонь. Пьер вынимал из водяной бани яйца, уложенные в подставки.

— Полей их скорее! — сказала Амелия.

— Где сливки? — спросил Пьер.

— Они должны быть у тебя под рукой! Боже мой, какой же ты нерасторопный! Камилла, подайте

ему сливки, они на столе!

Все еще не пришедшая в себя после ссоры хозяев с шеф-поваром, Камилла Бушелотт заглатывала слезы и металась по кухне, жалобно причитая:

— О-ля-ля! Боже! Только этого и не хватало. Никогда мы не справимся с этим…

Пьер разливал сливки: по одной ложке на каждое яйцо. «И кто бы мог поверить, что всего три часа назад я лежала обнаженной в объятиях мужчины!» — думала Элизабет с легким опьянением.

— Забирайте! — говорила Амелия строгим голосом.

Элизабет брала блюдо, на котором были уложены яйца, и ставила его на столик, Эмильена забирала его. Приказы следовали один за другим:

— Жаркое, два… Овощи, три…

Пьер отрезал ломтики от большого куска поджаренного мяса с обгоревшей корочкой. Амелия переворачивала на сковородке поджаренный картофель. «… Неужели она была влюблена в папу так же, как я сейчас влюблена в Кристиана?» — задавалась вопросом Элизабет. Чем больше думала она об этом предположении, тем менее вероятным оно ей казалось. Ее родители были так заняты своей коммерцией, настолько привыкли друг к другу, такими сдержанными были в отношениях между собой, что их брак, видимо, был следствием разумной любви, а не бешеной юношеской страсти.

— Сколько порций жаркого, Элизабет? Я не расслышала.

— Три, мама, — сказала Элизабет мечтательно.

Она вновь видела себя в постели с Кристианом и испытывала стеснение при мысли, что ее мать и отец так же ласкали когда-то друг друга. Она посмотрела в зал, наполненный жующими клиентами, и пары, сидящие там, тоже предстали перед ней в новом свете. Находясь во власти недавно пережитого, она пыталась представить себе всех этих мужей и жен, испытывающими наслаждение в супружеских объятиях: мсье и мадам Греви, мсье и мадам Лопик, бедняжку Лористон, удрученную отсутствием своего неверного мужа, толстую мадам Вэвр и ее бледного тощего супруга… Это было почти немыслимо для большинства из них. Элизабет парила над этими людьми, запряженными в брачные возы и печально отмеченными возрастом, привычками или физическими недостатками. В мире существовала только одна прекрасная любовь — ее любовь. «Я увижу его завтра, в тот же час. Все повторится. Он любит меня, любит, любит!» У Элизабет было желание кричать на весь мир о своей любви, а вместо этого она вытирала соус с краев блюда, подавая его Леонтине, шептавшей:

— Поторопитесь, мадемуазель. Греви ждут.

После обслуживания она поужинала за столом вместе с родителями. За столом разговор снова зашел о шеф-поваре. Кому бы написать по поводу его замены? Тут Пьер вспомнил, что в начале сезона получили предложение от одного русского, который хотел бы поработать в Межеве и заодно поправить свое здоровье.

— В твоей папке есть его адрес, Амелия. Мне кажется, что у него даже были очень хорошие рекомендации.

— Да, — ответила Амелия. — Но меня немного смущает то, что он русский.

— Почему, мама? — спросила Элизабет.

— Так просто. Я не люблю иметь дело с иностранцами. И к тому же, если он русский, вряд ли он знает рецепты французской кухни.

— Во всяком случае, он назвал нам несколько больших отелей, в которых он работал в Париже и Лионе, — сказал Пьер.

Но Амелия скептически покачала головой. Ломтик мяса уже остывал в ее тарелке.

— Ты не хочешь есть, мама? — спросила Элизабет.

— Нет! У меня нет аппетита, — вздохнула Амелия. — Я слишком разнервничалась из-за этой истории.

Пьер обнял ее за плечи:

— Поешь хоть через силу. Может быть, тебе это не нравится? Хочешь, мы приготовим тебе что-нибудь другое?

Элизабет взглянула на лица родителей. «На них все-таки приятно смотреть, когда они рядом», — подумала она.

— Нет, нет! Оставь меня, — ответила Амелия. — Я сейчас думаю о другом шеф-поваре, о котором нам говорили в профсоюзе работников гостиниц.

— Он итальянец, — сказал Пьер.

— Ну и что? — сказала Амелия.

Элизабет рассмеялась:

— Ты же не хочешь иметь дело с иностранцами, а предлагаешь нам итальянца!

— Ну этот как-то ближе к нам, чем русский! — ответила Амелия. — Впрочем, если вы настаиваете, я напишу обоим.

Выйдя из-за стола, Пьер и Амелия вернулись на кухню, где Камилла Бушелотт, все еще потрясенная происшедшим событием, роняя слезы, мыла грязные тарелки. Пока родители успокаивали ее и обсуждали меню на завтрашний день, Элизабет пошла в холл. Сесиль и Глория и их гувернантка оторвались от своих газет.

— Что случилось? Мы ждали вас на Рошебрюне, — сказала Глория.

— Извините, но я задержалась, — тихо ответила Элизабет.

Сесиль погрозила ей пальцем.

— А сегодня вы и не ужинали с нами, негодница!

— Да. Но дело в том, что я была занята обслуживанием.

Настал момент сообщить о болезни шеф-повара — сердечный приступ. Объяснение никого не удивило. Вся Франция переживала смутное время. Мадемуазель Пьелевен заговорила о деле Ставицкого и о вызовах министров в судебную палату. Она чувствовала себя оскорбленной. Необходимо было сменить правительство. К разговору присоединились другие клиенты. Греви придвинули свои стулья. Жак сел рядом с Элизабет. Он не избегал ее больше, но все в его поведении говорило о том, что он больше не вздыхал о ней. Теперь он не сводил глаз с Сесиль. Под его взглядом девушка розовела, становилась возбужденной, более красивой. Элизабет наблюдала эту сцену с благодушным удовлетворением старшей сестры. «Я с удовольствием отдаю его ей», — сказала она себе. И снова она увидела дистанцию, отделявшую ее от этого детского кокетства. Перейдя в разряд женщин, она даже удивилась тому, что когда-то была ребенком, игравшим в любовь, не зная ее странной и чудесной развязки. Мадам Лористон опять вызвала по телефону Париж. Все умолкли, чтобы дать ей возможность спросить у своего мужа, не нуждался ли он в чем-нибудь, не слишком ли устал от работы в конторе, часто ли обедал вне дома. Когда она повесила трубку, ее глаза были подозрительно влажными: она почувствовала ложь в словах своего супруга. Когда клиенты вновь заговорили, нежная музыка проникла в холл. Кто-то играл на пианино, стоящем в салоне.

— Нельзя ли мне подать горячего чаю с липовым цветом и мятой? — спросила мадам Лористон голосом умирающего.

— Конечно, мадам, — ответила Элизабет. — Я сейчас вам его закажу.

Она вышла из холла и остановилась в коридоре зачарованная. Как называлась эта мелодия, которую она уже слышала где-то?

Пансион в Сент-Коломбе. Уроки игры на фортепьяно в холодном зале, тонкие пальцы мадемуазель Керон, порхающие по пожелтевшим клавишам. Мелодия была такая нежная, что Элизабет казалось, что она услышала свое собственное признание в любви. Волнение ее росло с каждым аккордом и, поднимаясь, расцветало в благодарности и надежде. Она была так счастлива, что ей хотелось плакать.

Элизабет на цыпочках подошла к полуоткрытой двери. Патрис Монастье сидел на табурете, его ловкие тонкие пальцы бегали по клавишам. Прядь волос упала ему на лоб. Закрыв глаза, сжав губы, он раскачивался в такт музыке, словно в муке, которую его заставляла испытывать какая-то высшая сила. Его мать вязала, сидя рядом с ним в кресле.

ГЛАВА I

Увольнение шеф-повара осложнило жизнь Элизабет. Вынужденная помогать родителям, она могла выходить во второй половине дня только под предлогом какого-нибудь срочного дела в деревне. Так как она никогда не знала, в каком точно часу сможет сбежать, Кристиан дал ей ключ от своей комнаты. Поэтому, даже если его не было дома, она не рисковала оказаться перед закрытой дверью. Впрочем, эта предосторожность оказалась бесполезной. Каждый раз, когда Элизабет приходила, Кристиан был дома. К несчастью, у нее всякий раз было так мало времени, что он не пытался больше раздевать ее и любить так, как в первый раз. «Это удовольствие слишком дорогое, — говорил он, — чтобы вкушать его поспешно». Он, без сомнения, был прав, но Элизабет сожалела о том, что он противился желанию опрокинуть ее на постель тогда, как ей так этого хотелось. Кристиан обнимал ее, покрывал лицо поцелуями, ласкал через одежду, а потом отпускал обезумевшую, взвинченную. Она быстро возвращалась в гостиницу, но мать была недовольна ее длительным отсутствием.

Все четыре дня подряд Элизабет возмущалась тем, что эта глупая кухонная история не позволяла ей быть полностью счастливой. Когда же явится он, этот повар-освободитель? Итальянец уклонился от предложения. Русский соблазнился им, но запросил очень высокую плату. Он не нуждался в помощнике, потому что имел похвальную привычку работать вместе со своей женой. Письмо он подписал именем Владимир Балаганов. Амелия и Пьер долго советовались. Элизабет попросила принять его условия, потому что несмотря на свое странно звучавшее имя, письмо он составил на правильном французском языке и предоставил хорошие рекомендации. Родители прислушались к ее совету. И вот настало утро, когда Пьер поехал на автобусную станцию встречать эту семейную пару. Выйдя из комнаты и спускаясь по лестнице, Элизабет увидела мать, вставшую раньше обычного, которая сидела с Пьером в кабинете администратора. У обоих был праздничный вид.

— Они уже здесь? — спросила шепотом Элизабет.

— Да, — ответила Амелия. — Они только что приехали. Сейчас они распаковывают чемоданы в своей комнате. Пока они произвели на меня очень хорошее впечатление.

— Просто отличное! — подхватил Пьер. — Он — бывший донской казак. Участник мировой войны. Он сразу же сообщил мне об этом. Мне было это приятно услышать. А жена его — француженка.

— Она родом из центральной Франции, — сказала Амелия. — И это приятно.

— А он хорошо говорит по-французски? — спросила Элизабет.

— Конечно. Он уже много лет живет во Франции. Зато акцент у него просто ужасный!

Тихо переговариваясь, они втроем пошли на кухню, где Камилла Бушелотт в страхе ожидала своего нового шефа.

— Да не расстраивайтесь вы так, — сказала Амелия. — Я уверена, что он очень любезный человек.

— Про того тоже говорили, что он очень любезен, а он чуть всех нас не зарезал своим ножом, — простонала посудомойка.

Дверь внезапно распахнулась, сухощавый и прямой мужчина с высоким белым колпаком на голове появился на пороге. У него были выступающие вперед скулы, курносый нос, светлые усы и голубые навыкате глаза. Щелкнув каблуками, он безупречно отдал честь, поднеся руку к колпаку и сказал, громыхая буквой «р», словно катил куски гранита:

— Владимир Афанасьевич Балаганоф уже готоф служить фам!

Затем он положил на стол набор своих личных ножей и взмахнул рукой, желая представить кого-то еще. Только тогда Элизабет увидела стоящую на пороге маленькую женщину, розовенькую и пухлую, похожую на пион.

— Моя жена Рене и я тоже, — продолжил Балаганов, — будем рады работать под вашим кровом. У нас в России говорят: не красна изба углами, а красна пирогами. Что мы приготовим на обед, мсье, мадам и очаровательная мадемуазель, которая, конечно же, ваша дочь? Примите выражение моего восхищения! Так что мы приготовим? Очень поздно для кулебяки, но, может быть, биточки в сметане?

Амелия через силу улыбнулась и тихо спросила:

— Это, конечно, русское блюдо?

— Конечно, мадам, — ответил шеф-повар, снова щелкнув каблуками. — Это очень вкусное блюдо, если вы его еще не пробовали.

— Да-да, — поспешила сказать Амелия. — Но дело в том, что наши клиенты привыкли совсем к другим блюдам. Вот что я предполагала приготовить на сегодня.

С этими словами она протянула ему меню, которое только что написала на листочке картона. Владимир Балаганов нахмурил брови и медленно прочел:

«Закуски:

Мерлан

Ростбиф

Шпинат

Сыры

Фрукты».

Его губы презрительно искривились. Он вздохнул:

— Не густо!

— Да нет, же Владимир, это будет как раз то, что нужно, — тихо возразила его жена.

— В таком случае, если все этого хотят, то я тоже этого хочу, — ответил тот. — Никаких возражений в первый день. Владимир Афанасьевич умеет готовить все: он знает и французскую и русскую кухню!

Камилла Бушелотт смотрела на него во все глаза, теребя пальцами тряпку.

— Вы, мадам, конечно, посудомойка? — осведомился новый шеф-повар.

Он сделал глубокий поклон перепуганной страшненькой девице. Элизабет распирало от еле сдерживаемого смеха.

— Да, — ответила Амелия. — Это очень хорошая и трудолюбивая девушка. Она нам оказывает большие услуги. Я оставляю кухню полностью на вас, шеф. Муж покажет вам, где лежит то, что может вам понадобиться. Ты идешь, Элизабет?

Они вышли вдвоем. В коридоре Амелия возбужденно спросила дочь:

— Ну, как ты его находишь?

— Он просто великолепен! — ответила в восхищении Элизабет. И подумала: «Сразу же после обеда пойду к Кристиану. Лишь бы он был дома к моему приходу! Мы сможет провести вместе три часа!»

Обед был действительно хорош. Амелия приняла комплименты от пансионеров с большой скромностью, светясь при этом от радости. После кофе Элизабет вышла из гостиницы с группой клиентов; подождала, когда они поднимутся на станцию канатной дороги, а потом отправилась в деревню.

Она постучала в дверь Кристиана — гробовое молчание. Очевидно, он вышел на несколько минут. По возвращении он увидит ее у себя. Вот так сюрприз! Элизабет порылась в кошельке, пристегнутом к ремню: губная помада, расческа, носовой платок, мелочь и среди всего этого ключ. Она взяла его и тут вдруг почувствовала себя хозяйкой этой квартиры, хозяйкой своей жизни. Замок легко открылся. Элизабет вошла и заперла за собой дверь на ключ. Лыжи Кристиана стояли на обычном месте в коридоре: значит, он недалеко ушел. В комнате никого не было. Печка тихо гудела. Сначала мебель смотрела на нее как на непрошенную гостью, но потом, узнав ее, смирилась. Кончиками пальцев она осторожно дотронулась до хрустальной пепельницы, до черепахового ножа для разрезания бумаги, до спинки кресла, до покрывала из шкурок сурка. Все здесь принадлежало ей. Анемоны в вазе из синего стекла на мраморной столешнице. Как Кристиан мог догадаться, что всем цветам она предпочитала анемоны? Потом у нее дома всегда будет стоять букет этих цветов.

На улице послышались голоса. Элизабет подошла к окну. Куда он мог пойти: за сигаретами или за газетами? На подоконнике она увидела маленькую корзиночку с красными яблоками, взяла одно, обтерла и надкусила. Яблоко было твердым и сочным. Немного кисловатым. «Он любит то, что люблю я, — подумала Элизабет. — Это здорово!» Затем взгляд упал на письменный стол Кристиана, заваленный книгами. Она взяла одну и сразу же положила обратно: книга была на немецком языке. Другая заинтриговала ее своим названием — «О любви» Стендаля. Она перелистала несколько страниц и прочитала: «Не любить, когда Небо послало тебе душу, созданную для любви, значит, лишить себя и другого большого счастья… Душа, созданная для любви, не может с восторгом

вкусить другого счастья…» Элизабет закрыла книгу и положила ее на стул с намерением взять ее с собой. Затем ее внимание привлекла толстая книга в зеленой обложке — Шопенгауэр. Текст был напечатан очень мелкими буквами. На полях карандашом были сделаны пометки. Может, это Кристиан подчеркнул отдельные параграфы? «Любая страсть, какой бы эфемерной она не выглядела, основывается на половом инстинкте… Настоящий мужчина всегда будет искать настоящую женщину, и наоборот».

На улице снова послышались голоса. Мимо прошли два австрийских инструктора с лыжами на плечах. «Если Кристиан пошел за сигаретами или за газетами, то он должен был бы уже вернуться. Наверное, он задержался на почте. Он же не знает, что я жду его. Лишь бы он не заболтался с друзьями на площади! Уже половина четвертого! Сколько времени пропало зря!» Элизабет бесцельно ходила по комнате из угла в угол. Затем зашла в туалетную комнату и обнаружила рядом с умывальником пижаму из темно-синего поплина, висевшую на вешалке. Она дотронулась до шелковистой ткани. Потом решительно сняла ее и понюхала. Острый кисло-сладкий запах ударил ей в нос. Она ощутила близость Кристиана, поставила себя на его место, сама стала Кристианом. Ее охватило непреодолимое желание раздеться и надеть пижаму. «Быстрее! Пока он не пришел!» Элизабет лихорадочно стащила с себя одежду, надела курточку, потом брюки и вздрогнула, почувствовав обнаженным телом легкую прохладную ткань слишком широкой для нее пижамы. Какой же он был большой! И какой же она была маленькой! Мысль о такой разнице в росте возбудила ее. Она посмотрела на себя в зеркало на стене и нашла, что в мужской пижаме она выглядит смешной и очаровательной. Она запуталась в складках пижамы, не было видно ни ног ни рук. Подвернув рукава по локоть, она откинула меховое покрывало и проскользнула между прохладными простынями. Впервые ложилась она в постель Кристиана. Здесь каждую ночь отдыхало тело мужчины, которого она любила. Она легла во вмятину, оставленную его телом. Все в комнате выглядело так, как она себе и представляла перед тем, как заснуть.

«Когда мы поженимся, — подумала она, — мы не сможем жить в одной комнате. Мы снимем квартиру в Межеве. Я обставлю ее по своему вкусу. Что мы возьмем отсюда из мебели? Мраморный столик, желтое кресло… Эти занавески будут очень хорошо выглядеть в нашей спальне! Обои будут бледно-зелеными. У меня будет туалетный столик. Кристиан будет по-прежнему работать в колледже. Я буду помогать родителям в гостинице. Я уверена, что мама будет без ума от Кристиана, когда познакомится с ним. Все ночи с ним… Спать в объятиях друг друга…» Элизабет встала, подбросила в печку дров, поворошила их, чтобы они получше разгорелись. Яркое пламя ударило ей в лицо. Сгоревшие поленья бесшумно осыпались в угли. Начинало темнеть. Часы громко тикали в тишине. Двадцать минут пятого. «Надо, чтобы он пришел сейчас. Иначе все будет как вчера, позавчера. У нас не хватит времени для любви». Вся ее плоть дрожала от нетерпения. Неужели он не чувствовал на расстоянии, что она была здесь, ждала его? «Иметь от него ребенка». Эта мысль укоренялась в ней, согревая ее сердце. «Мальчика, а потом девочку…»

Девушка подошла к окну и раздвинула занавески. По улице бежали дети, таща за собой сани, нагруженные пакетами. Над деревней спускались мглистые сумерки. В окнах начал зажигаться свет. «А если он ушел на целый день?» Она со страхом подумала об этом, но именно в этот момент на лестнице раздались шаги. Это был он! Подпрыгнув от счастья, она подбежала к дивану и нырнула под покрывало. «Он может рассердиться, увидев меня в своей кровати, да еще в своей пижаме!» Она уже была готова прыснуть от смеха, когда в дверь три раза постучали. Кто-то пришел к нему? Элизабет затаила дыхание. Еще три удара. Потом все стихло. Застыв в тревоге, она не сводила глаз с двери. Хорошо, что она закрыла дверь на ключ, когда сюда вошла. Дверная ручка повернулась, потом еще раз. Кто-то потоптался на лестничной площадке. Просунутый под дверь, на блестящем полу коридора появился листок бумаги. Шаги, раздававшиеся на лестнице, подсказали Элизабет, что человек уходил. Кто это мог быть? Элизабет быстро подбежала к окну. Из дома вышла женщина в лыжных брюках и меховой куртке. Невозможно было разглядеть молода она была или нет. Элизабет вышла в коридор и подняла с пола страничку, вырванную из записной книжки и сложенную вчетверо; на ней было несколько строк, написанных карандашом:

«Уважаемый господин Вальтер!

Не застав Вас дома, я просунула под дверь эту записку, чтобы подтвердить Вам, что мой сын будет на Вашем частном уроке завтра, в 6 часов, а не сегодня вечером. Примите выражение моей признательности.

Мадам Луи Сольнье»

Элизабет положила записку на мраморный стол рядом с часами.

Скоро будет пять часов. В комнате было темно. Она зажгла лампу. При виде разобранной постели сердце ее сжалось. А она так надеялась! Теперь было уже слишком поздно. Разочарование давило на сердце, как тяжелый камень. Надо перед уходом навести порядок. Она расправила простыню, взбила подушку, постелила покрывало. Затем взяла на письменном столе лист бумаги и написала просто: «Я приходила». Куда положить его, чтобы Кристиан сразу же заметил? Она положила лист к букету. Было двадцать минут шестого. Элизабет подождала еще десять минут и ушла.

На главной улице деревни царило оживление. Элизабет шла быстро, время от времени глядя по сторонам, в надежде встретить Кристиана. Так она дошла до кондитерской. Хотя она и не договаривалась встретиться здесь с Сесиль и Глорией, Элизабет открыла дверь и заглянула внутрь. Одни лишь незнакомые лица. Девушка продолжила путь. «Может быть, он только что вернулся? Прочел мою записку, огорчился, что мы не встретились, и теперь бежит за мной по улице…» Она остановилась, оглянулась еще раз, но никто не бежал за ней. Опустив голову, она пошла по дороге на Глез.

В этот час в гостинице, как обычно, пили чай, читали газеты и играли в карты. Из маленького салона долетали звуки фортепьяно. Господин Греви звонил по телефону в Париж, Жак показывал Сесиль фотографии. Два клиента обсуждали меню, вывешенное Амелией в холле. В нем слова «суп-жюльен» были тщательно зачеркнуты, а ниже можно было прочесть «кулебяка по-русски…»

ГЛАВА II

Обнаженная, Элизабет лежала, прижавшись к плечу Кристиана и прищурившись смотрела на этот мужской торс, массивный, белый и мускулистый, с черными волосами в ложбинке груди. Лицо и руки, ставшие смуглыми от свежего воздуха и солнца, существовали как бы отдельно от его тела. Любой мог видеть их в течение дня. Все же остальное принадлежало ей одной. Скосив глаза, она разглядывала это тело, отдыхавшее после любви. Задернутые занавески не пропускали в комнату уличного света. От набитой до отказа дровами печи шел жар. «А ведь вчера, в это же самое время, я была так печальна!» — подумала Элизабет.

Он в нескольких словах объяснил причину своего отсутствия: друзья, приехавшие в Межев, пригласили его пообедать, и он остался с ними, чтобы потом помочь им в устройстве их швейцарского домика. Удовольствие, полученное сегодня, компенсировало вчерашнее разочарование. Кристиан сделал ее такой счастливой! Даже более счастливой, чем в первый раз! Откинув голову, Элизабет все еще ощущала это движение отлива и прилива, от которого испытывала головокружительное наслаждение. Она отобрала его силу и продолжала наслаждаться ею, а он лежал неподвижно рядом с ней, гордясь своей победой. Почему Кристиан не разговаривал с ней? Он зажег сигарету и наблюдал за струйками дыма, поднимающимися к потолку. Элизабет положила свою маленькую пухлую ручку на большую сухую смуглую руку Кристиана, сравнивая ширину ладоней и длину пальцев. От этого сравнения ей захотелось рассмеяться. Поистине эти две руки были не одной породы! А бедра, ступни, колени, грудные мышцы и этот мужской орган, дремавший в своем кудрявом меху. Элизабет замерла, оглушенная смелостью своих мыслей, затем робко спросила:

— О чем ты думаешь, Кристиан?

— О твоем лице, — ответил он, повернув к ней голову.

— А что ты нашел в моем лице?

— У тебя невероятно тонкие черты. Как такие хрупкие линии могут удержать такие огромные глаза? Если бы я был художником, то изобразил бы твой портрет карандашом, почти не касаясь бумаги, и поставил бы два больших чернильных пятна там, где должны быть зрачки. А если бы я был скульптором…

Он улыбнулся, погасил сигарету в пепельнице, стоявшей на полу рядом с диваном, и продолжил более низким голосом:

— Но сейчас я стану скульптором.

Он провел указательным пальцем по носу Элизабет, потом по ее бровям, щеке, дотронулся до ее губ. Она поддавалась этим точным движениям, желая помочь ему в имитации лепки ее лица.

— Теперь шею, — сказал он. — Плечи…

Он оперся на локоть. Она ощутила запах горячей подмышки.

— Плечи… Плечи маленькой девочки!..

— Ты злишь меня, называя всякий раз маленькой девочкой, — неубедительно сказала Элизабет.

— Вот как? Однако ты и есть просто маленькая девочка. Записка, которую ты мне вчера оставила: «Я приходила». Точка и все! Маленькая девочка и не написала бы ничего другого.

— Не могла же я написать тебе длинное письмо!

— Нет-нет! Это было очаровательно… Подожди… я вдыхаю тебя. Чем ты пахнешь? Жимолостью? Бергамотом? Точно не могу сказать, но я узнаю твой запах из тысячи…

Она закрыла глаза, смущенная и одновременно обрадованная рвущимся из него желанием. Он осторожно прикоснулся губами к соску ее правой груди, затем втянул в себя сосок левой. Элизабет прерывисто задышала от охватившего ее желания. Сейчас он возьмет ее снова. Она уже поворачивалась, раздвигая ноги, чтобы приготовиться к встрече с этим загадочно вооруженным телом. Теперь Кристиан целовал ее в губы. Элизабет ничего не ощущала, в ее голове взрывались белые искры, Кристиан медленно оторвался от нее, прищурил глаза, и поморщившись, словно испытывая сильную боль, прошептал:

— А теперь надо быть разумной, Элизабет.

— Почему? — воскликнула она.

— Ты знаешь, который теперь час?

— Ну и что?

— Я должен идти на частный урок.

Элизабет удивленно посмотрела на него.

— Ты же отлично знаешь, что вчера приходила женщина и оставила мне записку, — сказал Кристиан.

— Да-да, — пробормотала Элизабет.

Ее желание стало стихать. Она чувствовала себя ненужной. Кристиан встал. Покрывало соскользнуло с постели. Элизабет с силой потянула его на себя обеими руками, чтобы прикрыть грудь.

— Не закрывайся, — попросил он.

Но ей больше не хотелось, чтобы он видел ее обнаженной, раз он решил уйти. Прижав покрывало к подбородку, она смотрела, как он ходил в полутьме из комнаты в туалет. Это большое тело, гладкое и бесстыдное, зачаровывало ее. Кристиан чувствовал себя абсолютно свободно, он ходил, поворачивался, наклонялся, выпрямлялся перед лежащей женщиной, следившей за каждым его движением с жадностью, нахмурив брови. Он зажег лампу в изголовье постели и стал одеваться. Понемногу Элизабет начала успокаиваться, ее желание становилось менее острым. Она улыбнулась, чувствуя себя зрителем на каком-то невероятном спектакле. Между тем Кристиан надел лыжные брюки, застегнул ширинку и слегка согнул колени, чтобы шов между ног встал на место. Это чисто мужское движение позабавило Элизабет.

— Тебе тоже следует одеться, — сказал он небрежно. — Уже поздно…

— Мне все равно, — ответила она. — Я что-нибудь наплету дома. Сколько уроков в неделю ты должен дать этому мальчику?

— Три, — сказал Кристиан, надевая рубашку. — Правда, он уже не мальчик, ему шестнадцать лет. И он очень красивый. Такой красивый, со светлыми волосами, немного похожий на девочку. А черты почти такие же тонкие, как у тебя.

Его голова исчезла в черном пуловере. Элизабет почувствовала, что какая-то тень проскользнула по ее радости.

— Это единственный ученик, с которым ты работаешь во внеурочное время? — спросила она.

Лицо Кристиана выплыло из темноты:

— Нет. Есть еще две девочки, одной четырнадцать лет, другой пятнадцать.

— Красивые?

— Страшней войны, бедняжки!

Он сел на край кровати, чтобы обуться. Элизабет был виден его затылок, крепкие пальцы, затягивающие шнурки.

— А завтра у тебя есть уроки? — спросила она.

— Нет, — ответил Кристиан. — Но я завтра буду занят.

— Чем?

— Мне придется подняться на Арбуа с Жоржем и Франсуазой Ренар. Это те самые друзья, о которых я тебе говорил. У нас это займет весь день.

— Это слишком глупо! — воскликнула она. — Ты мог бы устроить так, чтобы отменить эту встречу!

Он потянулся и сказал:

— Но я не хочу ее отменять, Элизабет. Это мои очень близкие друзья.

— А я?

— Мы увидимся послезавтра.

— Слишком долго ждать!

— Пожалуйста, будь благоразумной!

Она с вызовом посмотрела на него:

— А я не хочу быть благоразумной! Я люблю тебя. Мне хочется приходить сюда каждый день.

— Если бы ты приходила сюда каждый день, твои родители уже заподозрили бы неладное.

— И дальше что? Я не боюсь родителей! Когда я представлю тебя им, они поймут и согласятся…

— Согласятся с чем? Что ты моя любовница?

Элизабет вздрогнула, услышав это непривычное для нее слово.

— Но… Кристиан… я не любовница.

Он разразился коротким смехом, сверкнув белыми зубами, и приблизил свой подбородок к ее лицу:

— Тогда кто же ты, малышка?

— Я не знаю, — растерянно ответила Элизабет.

Она секунду поколебалась и добавила тихо:

— Твоя жена…

— Моя жена? Ну да, конечно! Только мы не женаты.

— Мы поженимся однажды, Кристиан.

Он сделал глубокий вдох. Глаза его потемнели.

— Нет, Элизабет, — медленно сказал он. — Мы никогда не поженимся.

Эта тихо произнесенная фраза перевернула в ней все. Элизабет чувствовала себя словно рыба, выброшенная на берег. Ей не хватало воздуха, глаза утратили ясность, словно покрылись мутной пеленой. Лицо Кристиана было лицом незнакомого ей человека.

— Как же это? — прошептала она. — Но это просто невозможно! Я не смогу жить без тебя, Кристиан!

— Кто сказал, что ты будешь жить без меня, дорогая? — улыбнулся он. — Мы будем продолжать встречаться как и теперь.

— Тайком?

— Да. Разве это не чудесно?

Элизабет покачала головой:

— Тебе этого, может быть, и достаточно, Кристиан, но не мне! Я хочу любить тебя всегда и чтобы все знали об этом! Я хочу иметь от тебя ребенка!

— У тебя не будет от меня детей, Элизабет, — ответил он.

— Почему?

— Потому что ты слишком прекрасна, и я не хочу изуродовать тебя.

— Ты что, сумасшедший?

— Это ты сумасшедшая! Ты живешь мечтами маленькой девочки. Ты не подумала о привычке, Элизабет. Брак — это преступление против любви. Представь себе двух существ, приговоренных жить друг с другом днем и ночью. Истинное наслаждение может испытать только свободный человек. С того момента, как я узнаю, что связан с тобой чем-то другим, кроме желания, — да, подписью в книге записей актов гражданского состояния, детьми, денежными интересами, домом, мебелью, хозяйством, — запомни, с этого момента я, который тебя так любил, отвернусь от тебя!

Он протянул руку, чтобы обнажить грудь девушки. Она увернулась и прошептала:

— Не дотрагивайся до меня, Кристиан!

— Что?

Он склонил голову на бок с видом собаки, которая слушает своего хозяина. Улыбка обнажила его зубы.

— Я сказала, не дотрагивайся до меня! — уже громче повторила она.

Продолжая улыбаться, он оперся коленом о край кровати, обнял Элизабет за плечи и отыскал ее губы. Она хотела вырваться, но он уже целовал ее и она начала слабеть.

— Жду тебя послезавтра, — тихо сказал он, вставая.

Элизабет посмотрела на него своими черными глазами, полными горечи, и сказала:

— Я не приду.

Кончиками пальцев он провел по ее щеке:

— Нет, Элизабет, ты придешь!

Затем он завязал на шее красный платок, накинул на плечи кожаную куртку и вышел.

ГЛАВА III

Через день Элизабет не пошла к Кристиану, а поднялась на Рошебрюн с Сесиль, Глорией и Греви. Вернувшись вечером в гостиницу, она была такой печальной, что от перспективы показаться за столом, разговаривать и улыбаться клиентам, Элизабет заранее утомилась. Жак крутился около Сесиль, глядя на нее голодными глазами. Зрелые мужчины вели разговоры о политике. Мадам Лористон, которой наконец-то позвонили из Парижа, жеманилась перед Амелией, возбужденно изображая из себя обожаемую и избалованную женщину: ее мужу надо было ехать по делам в Гренобль и он сказал ей, что по пути заедет к ней в Межев.

— Он будет завтра утром! К сожалению, всего лишь на один день! То есть я хотела сказать, что он пробудет здесь весь день и ночь. Но я попытаюсь задержать его подольше!

После обеда она сбегала к парикмахеру, и теперь завитые колечками волосы обрамляли ее увядающее напудренное лицо. Глория и Сесиль уже развлекались, строя догадки: блондин господин Лористон или брюнет? Носит ли он усы? Выглядит ли он как спортсмен или как интеллектуал? Еще совсем недавно Элизабет с удовольствием присоединилась бы к ним. Она тоже горела бы от нетерпения увидеть этого донжуана, а теперь ее собственные муки мешали ей интересоваться чужими сентиментальными историями. После обеда, сославшись на головную боль, она раньше, чем обычно, ушла в свою комнату. Элизабет плохо спала и проснулась с ощущением, что впереди ее ждал длинный и пустой день. Раньше, едва открыв глаза, она думала: «Скоро я увижусь с Кристианом». И этой надежды хватало для того, чтобы жизнь ее становилась светлее. Теперь же у нее не было желания видеться с ним. Ей была отвратительна сама мысль о том, что ей снова придется выслушивать его разглагольствования, выносить его ласки, терпеть его смех. «Мы никогда не поженимся». Несколькими словами он все испортил, все изгадил. По его вине она не только больше не любила его, но и не находила в жизни ничего приятного. Элизабет рассеянно погладила Фрикетту, позавтракала в постели, полежала еще какое-то время под одеялом. Она спустилась в холл в тот момент, когда Амелия бросилась к входной двери со словами:

— Приехал господин Лористон! Пьер и госпожа Лористон ездили встречать его на вокзал!

На пороге появилась мадам Лористон, сияющая словно заря, в берете альпийского охотника, лихо сдвинутом на ухо, в широких брюках с ярко-красной трикотажной отделкой на лодыжках, рукавах и вокруг шеи. Ее вел под руку пузатенький и усатый господин небольшого роста, державший в другой руке толстый портфель из кожи рыжего цвета. Он снял шляпу, и на голове у него заблестела лысина цвета слоновой кости. И это был тот самый соблазнитель, чьих шалостей на стороне так опасалась мадам Лористон?!

— Позвольте представить вам моего мужа, — сказала с гордостью мадам.

Все сомнения отпали. Антуан подхватил чемоданы. Когда счастливая пара поднималась в свой номер, Элизабет присоединилась к Сесиль и Глории, сидевшим в уголке холла. Они немного позабавились разговорами о вновь прибывшем, скрывавшем распутную сущность за честным лицом бухгалтера. Было уже поздно идти на гору, и Сесиль предложила пойти на каток. Тут же объявился Жак и предложил сопровождать их.

Небо было серым. Зеваки окружили большую ледяную площадку, где катались пестро одетые люди. Оглушительная музыка подбадривала начинающих и мастеров. Репродуктор вопил модную песенку: «В твоих объятиях я чувствую себя такой маленькой!..» С тяжелым от горя сердцем Элизабет скользила между радостными фигуристами. Ближе к полудню она подала всем знак, что пора уходить. Вернувшись, молодежь увидела, что в холле было полно народа. Мадам Лористон о чем-то кудахтала, стоя в группе отдыхающих, а ее молчаливый и мрачный супруг исподлобья рассматривал женщин. В комнате администратора Амелия проверяла счета в конторской книге. Мадемуазель Пьелевен была в отчаянии оттого, что не могла отгадать слово по вертикали, чтобы закончить очень сложный кроссворд. Элизабет и Сесиль подсели к ней, чтобы помочь. Глория витала в облаках, держа в руке очередное письмо от своего жениха. Вдруг со стороны двери послышалось какое-то движение. Элизабет подняла голову, и у нее перехватило дыхание. В зал вошел Кристиан. Он был не один: с ним были мужчина, достойного вида, уверенный в себе, с седыми висками и в роговых очках и красивая женщина лет тридцати пяти, высокого роста, чьи светлые крашеные волосы блестели, как металлические стружки. Амелия оторвалась от своей книги и сказала:

— Ты не займешься этими людьми, Элизабет?

— Что угодно, мсье? — спросила Элизабет, подходя к Кристиану на ставших вдруг ватными ногах.

Насмешливо взглянув ей в глаза, он спросил:

— Мы можем здесь пообедать, мадемуазель?

— Я не знаю, — пробормотала Элизабет, бледнея.

Вся кровь отлила от ее лица. «А я даже не причесалась!» — с досадой подумала она. Подбежавшая к Кристиану Фрикетта радостно залаяла.

В разговор вмешалась Амелия:

— Вы хотели бы пообедать, мсье? Пожалуйста! Три персоны?

— Да.

— Прошу вас пока присесть.

Она упорхнула на кухню и вернулась оттуда с меню, которое подала сначала Кристиану. Господин с седыми висками и дама с крашеными волосами склонились над меню.

— Шашлык? — сказал Кристиан. — Если не ошибаюсь, это блюдо из русской кухни.

— Кавказской — поправила Амелия с видом знатока.

— Я обожаю это, — сказала женщина, на пальце которой сверкнул крупный бриллиант.

— Хорошо, пусть будет шашлык, — сказал мужчина. — А для начала я попросил бы три коктейля.

— Охотно, мсье. Какой коктейль вы желаете?

Внутренне сжавшись, Элизабет страдала при виде матери, стоявшей с выражением почтения на лице перед этими тремя неожиданными клиентами. Если бы она только знала, что один из них был любовником ее дочери! Зачем Кристиан пришел к ней в гостиницу? Чтобы посмеяться над ней, унизить ее, испугать своей дерзостью? Элизабет пожалела, что не могла разоблачить его перед всеми. После долгих колебаний господин в роговых очках сделал заказ: один коктейль с розовым вином, один с «Мартини» и один коктейль «Александра».

— Вы правильно сделали, заказав «Александру», — сказала Амелия. — Это наш фирменный коктейль.

— Как, впрочем, и шашлык! — сказал Кристиан, рассмеявшись.

— Именно так! — улыбнулась Амелия.

Нервы у Элизабет были на пределе. «Он очаровывает ее», — подумала девушка. — Это низко! И потом, почему мама сказала ему, что коктейль «Александра» наш фирменный? Коктейли смешивает папа, и они все одинаковы на вкус». Элизабет была точно прикована к своему месту, и через пять минут услышала, как в шейкере забулькала жидкость. Стоя в столовой, за стойкой бара, отец готовил напиток для человека, которого он никогда бы не пустил под свою крышу. Леонтина принесла на подносе три коктейля. Кристиан отпил глоток «Александры». Уголком глаз Амелия следила за его реакцией.

— Превосходно! — воскликнул он, склонив голову.

И Амелия расцвела, словно он преподнес ей букет цветов.

Не в силах более выносить этот спектакль, Элизабет демонстративно развернулась и ушла в буфетную. В столовую прибывали первые посетители.

— Ты не сядешь за стол? — спросила подошедшая к дочери Амелия.

— Я хотела бы пообедать с вами после клиентов, — ответила Элизабет.

— Что за идея! Нет-нет, я хочу, чтобы ты была в зале и, как обычно, наблюдала за обслуживанием. Тем более, что сегодня у нас посторонние люди. Они ведь неспроста пришли сюда. Видимо, в округе уже знают о нашем шеф-поваре.

— Да, мама, — сказала Элизабет, вздохнув.

— Если эти господа будут довольны обедом, они скажут об этом другим, — продолжала Амелия, — и постепенно наша гостиница прославится своей кухней. Именно на это я всегда и рассчитывала.

— Первый, три, — сказала Леонтина, нагнувшись к окошечку.

Амелия певучим голосом повторила заказ.

— Понял! — молодецки крикнул шеф-повар, словно отдавал команду эскадрону и потом добавил:

— Прелестная мадемуазель, я видел вас на лыжах — настоящая нежная фея. Мы, русские, любим

снег. Я сказал своей жене, что вы похожи на Снегурочку, то есть по-французски на Белоснежку. И вы действительно… Первый, три… Забирайте!

Кухня стала совсем другой после воцарения в ней русского шеф-повара. Плиты и кастрюли сверкали. Продукты были разложены в строгом порядке на разделочном столе. Из-за утонченного кокетства, Рене надевала фартук из такой же белой ткани в синюю клетку, что и брюки ее мужа. Улыбка не сходила с лица Камиллы Бушелотт.

— Мадемуазель, примите тарелки! — кричал шеф-повар.

Она сразу же подбегала к нему, радуясь тому, что может услужить ему. Из подвала поднялся Пьер, волоча две корзины с полными бутылками. Со стола новых гостей поступил заказ на водку. Осталась всего одна бутылка.

— Я же советовал вам, патрон, купить побольше, — ворчливо сказал шеф-повар. — Раз здесь Владимир Афанасьевич Балаганов, то все клиенты скоро будут заказывать водку.

— Чего ты ждешь, Элизабет? — сказала Амелия. — Ты же видишь, что нам мешаешь!

Элизабет неохотно ушла и скрылась в комнате матери, чтобы причесаться и подкрасить губы. Машинально расчесывая свои волосы, она перечисляла причины своего гнева. Увидев в зеркале отражение своего недовольного лица, она решительным шагом направилась в столовую. Она села одна перед своей тарелкой и, поднимая голову, каждый раз видела Кристиана, сидевшего напротив нее за круглым столом. Разговаривая с друзьями, он все время смотрел на нее. Всякий раз, когда их глаза встречались, она испытывала неприятный толчок в груди. Сесиль незаметно наблюдала, как они обменивались взглядами. Элизабет ела нехотя, и обед ей показался бесконечным. Потом она выпила бокал вина, от которого ее щеки раскраснелись, и, отказавшись от десерта, поспешила вернуться в холл. Там она укрылась в кабинете администратора. Несколько пообедавших клиентов уже открыли застекленную дверь и, усаживаясь в кресла, вытягивали ноги и заказывали Леонтине крепкий кофе. Кристиан и его друзья тоже вошли в холл и сели около большого окна. Амелия подошла и спросила у них, довольны ли они обедом. Она с улыбкой выслушала их комплименты и сказала:

— Я позволю себе вручить вам карточку нашей гостиницы. Сегодня у нас было обычное меню. Но если вы предупредите нас по телефону, мы с удовольствием приготовим вам блюда по вашему выбору.

— Да, конечно же, — сказал Кристиан, — мы придем еще раз.

Амелия удалилась, наслаждаясь своим триумфом. Пьер поджидал ее, чтобы вместе сесть за стол. Господин с важным видом потребовал два коньяка и один шартрез, а также кофе. Сесиль подошла к Элизабет и сказала шепотом:

— Он пришел. Это потрясающе!

— Да, — ответила Элизабет, покраснев.

— Вам это неприятно?

— Немного.

— Во всяком случае, ваша мама ни о чем не догадывается! И все-таки какой же он красивый! Я сейчас рассмотрела его и…

Выражение ее лица внезапно изменилось, и она поспешно добавила:

— Я оставлю вас.

Элизабет втянула голову в плечи: к администраторской медленным шагом подходил Кристиан. Теперь их разделял только стол. Она приняла строгий вид и сухо спросила:

— Что вам угодно?

— Я хотел бы знать, почему ты не пришла вчера, — сказал он тихим голосом.

— Я и не собиралась приходить… Я больше не приду, — пролепетала она.

— Никогда?

— Никогда!

В его глазах полнилось выражение грустной нежности.

— Ты не права, — вздохнул он. — Ты ничего не поняла, малышка. А я ждал тебя с таким нетерпением!

— Если только для того, чтобы повторить мне то, что ты сказал в прошлый раз…

Она осеклась, поймав себя на том, что вновь говорит ему «ты».

— Для того чтобы обнять тебя, Элизабет, — сказал он, — чтобы любить тебя. Я снова буду ждать тебя сегодня, во второй половине дня.

— Это бесполезно, — живо возразила Элизабет.

Он оперся обеими руками о край стола:

— Я буду дома после трех часов.

— А мне какое дело? Уходите!

— Я уйду, если ты пообещаешь мне, что придешь.

Она с ненавистью взглянула на него:

— Если бы я и пришла, то только для того, чтобы сказать вам все, что я о вас думаю!

— Хорошо! — прошептал он. — Большего я и не прошу. До скорого, Элизабет.

Он улыбался. Она с облегчением увидела, как он удаляется.

— Кто там? — послышался его голос.

— Это я, Элизабет.

Дверь распахнулась. Кристиан стоял в халате с обнаженной шеей, на ногах мягкие туфли.

— Извините меня, я только что принял душ, — сказал он.

Он нисколько не удивился ее приходу. Вероятно, чтобы быть более неотразимым, он предстал перед ней в таком виде. Она взглядом окинула комнату, где недавно была так счастлива: маленькая пузатая печь, меховое покрывало, стопки книг на столе… Комок подкатил к горлу.

— Элизабет, дорогая моя! Наконец я вновь обретаю тебя, — сказал Кристиан.

Он схватил ее за запястья и прижал их к своей груди. Запах его чистой и еще влажной кожи взволновал ее.

— Нет! — крикнула она и оттолкнула его обеими руками.

Кристиан сел на подлокотник кресла, опершись локтями о колени, раздвинув ноги. Полы его халата распахнулись.

— Я никогда не буду твоей любовницей! — продолжила Элизабет прерывающимся от волнения голосом.

— Да-да, ты мне это уже говорила, — устало сказал он.

Элизабет взвилась:

— Ты не за ту меня принял! В Межеве есть сотни девиц легкого поведения. Если тебя это интересует.

— Нет, эти как раз меня не интересуют.

Спокойствие этого человека выводило ее из себя. Чем он был увереннее в себе, тем больше она его презирала. В своей надменности он был ужасно красив. «Если он улыбнется и покажет мне свои роскошные зубы, я ударю его!» — подумала Элизабет. И, глубоко вздохнув, добавила:

— Кто ты такой?! Демон-искуситель?.. Ты бросаешь мне вызов!.. Но ты не отдаешь себе отчета в том, что ты сам все испортил!

— Но, Элизабет!..

— Дай мне сказать!

Он умолк, не сводя с нее вопросительного взгляда. Его губы были влажными. Элизабет уже и не знала, что еще сказать. Потом вдруг слова потекли из нее неудержимым потоком:

— Я хотела быть твоей женой, Кристиан, прожить всю жизнь вместе с тобой, как мои мать с отцом! Но ты не способен… оценить мои чувства! Ты просто чудовищный эгоист! Ты думаешь только о своем удовольствии!.. Для тебя в любви существует только это!

И театральным жестом она указала на диван. Он нахмурил брови. Взгляд его был оценивающим.

Это? — сказал он наконец. — А это, между прочим, очень важно! Можно построить целую жизнь на этом, ради этого!

— Нет, Кристиан!

— Да, Элизабет. Я не сказал бы этого первой попавшейся мне девке. Но тебе я могу с уверенностью сказать, потому что ты создана для того, чтобы понимать меня.

— Это неправда!

— Да брось ты! Я хорошо тебя изучил. Мы с тобой одной породы. Вдыхать запах снега, прикасаться к меху, надкусывать фрукт, погладить обнаженную хожу — каждое из этих наслаждений имеет для нас такое значение, какое не имеет для других. Ты именно та женщина, которая мне нужна. А я именно тот мужчина, который нужен тебе. Наши тела получают вместе удовлетворение, ни в какое сравнение не идущее с тем, которое испытывают семейные пары, судьба которых кажется тебе завидной. Такие люди, как ты и я, должны уметь смеяться над маленькими буржуазными условностями и жить только ради чувственного удовольствия. Я научу тебя… Ты увидишь…

Она тряхнула головой, словно отметая только что услышанное. Ее волнение было таким сильным, а ужас таким огромным, что у Элизабет не хватало сил сказать ему что-нибудь в ответ. «Это дьявол!» — подумала она. Глаза Кристиана заблестели, потом погасли.

— Успокойся, — продолжил он. — Я не буду больше пытаться поцеловать тебя сегодня. Но хорошенько подумай над тем, что я тебе сегодня сказал.

Он встал, завязал шнурок на халате и прошептал со странной нежностью:

— Уходи!

Она стояла как вкопанная с потерянным видом, будто не слыша его. Он повторил:

— Уходи, Элизабет.

Она не помнила, как очутилась на улице с лыжами на плечах и палками в руке. Что произошло? Почему ей так хотелось плакать? Небо было еще светлым. Она пошла по дороге, ведущей к дому.

ГЛАВА IV

— Что с тобой, Элизабет? — спросила Амелия.

— Ничего, мама!

— Три дня подряд сестры Легран зовут тебя пойти с ними на Рошебрюн, но ты все отказываешься. Это не очень любезно с твоей стороны. Я только что видела их в холле: они выглядели такими расстроенными из-за того, что должны идти без тебя.

— Совсем нет! Они встретятся с Греви! Пойду я с ними или нет, они все равно отлично проведут время.

— А что ты будешь делать?

— Я хотела бы прибраться в комнате, постирать пуловеры, носки.

— Ты не устала? Не больна?

— Да нет же, мама! Просто в последнее время у меня отпало желание кататься на лыжах.

Элизабет поцеловала мать и убежала к себе в комнату. После обеда она все ждала случая побыть одной, чтобы больше не контролировать выражение своего лица. Закрыв дверь, она заметила, как Фрикетта бесшумно проскользнула следом за ней.

— Лежать! — сказала Элизабет. — Будь умницей.

Закатав рукава, она приготовилась к стирке. Яростно комкая шерстяной жилет в мыльной воде, она вспоминала лицо Кристиана таким, каким запомнила его в последнее время. Позавчера она неожиданно увидела его выходящим из почтового офиса с молодым худеньким блондином, которого он обнимал за плечи. Увидев Элизабет, он улыбнулся ей издалека, словно простой знакомой, и увлек своего спутника в сторону катка. Был ли это тот самый симпатичный ученик, сын мадам Сольнье? Почему Кристиан вел себя с ним так, словно был его старшим любящим братом? Ее почему-то раздражало это обстоятельство. А вчера она опять столкнулась с ними по пути на фуникулер. Они спускались на лыжах к деревне, и, поравнявшись с Элизабет, Кристиан окликнул ее: «Здравствуй!», подняв палку, но так и не остановился. Наконец, сегодня утром, когда она шла в аптеку, она встретила его на площади, разговаривающим с друзьями. Он отвернулся, что бы не видеть ее. Все было ясно: раз она отказывалась быть его любовницей, он не желал больше терять с ней времени. Как же она презирала его!

Так она освобождалась от него, презирая и ненавидя! Он оказался презренным лжецом и развратником. «И как я могла полюбить этого человека, лежать с ним обнаженной, прижавшись к его телу, хотела стать его женой? Если бы теперь он и попросил моей руки, то я сказала бы ему «нет!» Ей хотелось бы держать его в своих руках, как вот это белье в тазу. Ее пальцы впивались в мокрый трикотаж, словно в тело врага. Элизабет вдруг увидела в зеркале выражение своего лица. Мрачный, неподвижный взгляд убийцы. Убить его! Нет, лучше обезобразить, обезобразить на всю жизнь! Она попыталась представить себе черты лица Кристиана. В памяти ее возникали какие-то смутные очертания. И вдруг он появился перед ней с такой ясностью, что она буквально застыла на месте. Зеленые глубоко посаженные глаза, пухлые губы, ослепительно белые зубы, маленькая ямочка на подбородке. Именно эти черты очаровывали ее когда-то в этом лице, которое теперь она презирала больше всего. Ах! Выбить бы эти белые ровные зубы, расквасить этот жадный рот, подавить этот смех, раскаты которого все еще преследовали ее! Страсть разрушения кипела в ее жилах! Она выжимала пуловер, вода звонко капала в умывальник «Прости, Элизабет!» Он стоял перед ней на коленях, некрасивый, несчастный, отверженный. Она стояла к нему спиной. Ей вроде бы кто-то сказал, что он заболел, что звал ее в бреду. Она шла к нему, склонялась над его постелью и плевала ему в лицо. Чувство острого удовлетворения охватило ее при мысли об этой невозможной мести. Гордость ее успокаивалась, нервы расслаблялись, пуловер медленно погружался в прозрачную воду для полоскания.

Отжав пуловер, она разложила его на столе и приступила к стирке носков. Мыльные пузырьки лопались между ее пальцев. Скоро она перестанет думать о Кристиане, излечится от него окончательно и станет такой же беззаботной, как и до знакомства с ним. Папа, мама, обычные дела в гостинице, прогулки на лыжах, чай в кондитерской, вечер в «Мове Па», флирт с каким-нибудь парнем, которого она не увидит в следующем сезоне… Фрикетта дремала на своей подушечке. Старая пихта за окном смотрела, как Элизабет стирает белье, думая о своем горе… Элизабет пожалела, что не пошла с Сесиль и Глорией на Рошебрюн. Окончательно решив забыть Кристиана, она больше не боялась случайных встреч с ним. При каждой новой встрече ее отвращение к нему будет только возрастать. Вода журчала, стекая в сливное отверстие. Носки свисали с края умывальника словно утопленники. В зеркале на нее смотрела девушка со смуглым лицом, большими усталыми глазами, околдованная пустотой своей комнаты, своего сердца, своей жизни.

Элизабет откинула рукой прядь волос со лба и поискала губную помаду в сумочке на ремне. Ее пальцы нащупали маленький металлический предмет: ключ, который ей дал Кристиан. Она вздрогнула, и ее глаза наполнились слезами. «Что со мной?» Пихта шевелила своими ветвями. С первого этажа доносились приглушенные звуки пианино.

В течение последующих дней Элизабет старалась жить, не думая о своей муке. Стоило ей только перестать думать о Кристиане, как в ней появлялась какая-то выжидательная пустота, словно боль и радость в ней были взвешены на весах и теперь уравновешивали друг друга. Она двигалась как марионетка в декорациях из картона, среди обитающих здесь бездушных людей. Несколько раз Амелия выражала беспокойство по поводу того, что ее дочь плохо выглядела и была рассеянной.

— Да что ты мама, я прекрасно себя чувствую, — отвечала ей Элизабет.

И, боясь показаться слишком удрученной, она становилась слишком возбужденной. Сесиль и Глория уговорили ее опять ходить с ними на прогулки. Она каталась как никогда хорошо, но теперь любила рискованные спуски и скатывалась вниз как в полусне. Иногда ей хотелось, чтобы над Межевом пронесся какой-нибудь ураган, чтобы он раскидал всех клиентов «Двух Серн» и вывел бы ее саму из состояния оцепенения.

Но жизнь в гостинице продолжалась в неизменном ритме. После отъезда господина Лористона его супругу вновь обуяла печаль и подозрительность, которые только наполовину рассеивались после телефонных разговоров. Амелия просто не знала, куда ей деваться от обрушивающихся на нее откровений. Насколько общение с мадам Лористон стало для нее невыносимым, настолько нравилось ей быть в компании мадам Монастье, матери пианиста. Часто по вечерам они усаживались в маленьком салоне и тихо беседовали. Патрис Монастье садился за пианино. Привлеченная звуками музыки, Элизабет входила тихо на цыпочках, садилась и с восторгом слушала музыку. Играя, Патрис Монастье иногда смотрел на нее. Потом внезапно останавливался и прижимал подбородок к груди. Он казался очень слабым. Пальцы у него были длинные и какие-то прозрачные.

— Тебе не следует так утомлять себя, — говорила его мать. — Врач рекомендовал тебе возвращаться к работе постепенно.

Он улыбался, поглаживая колени своими нервными пальцами.

— Я устаю именно тогда, когда не играю, мама. Я так люблю Шуберта, этого прекрасного импровизатора. Мне бы хотелось сыграть его сегодня.

Однажды Элизабет сказала ему:

— А если я попрошу вас сыграть что-нибудь для меня?

— Что вы хотите, чтобы я вам сыграл?

— Не знаю… Шопена…

— Вам нравится Шопен?

— О! Я не очень большой знаток в музыке, но… да мне нравится Шопен… И Моцарт тоже…

— Тогда послушайте Шопена. Этюд «До-диез минор».

По мнению Элизабет, мелодия была слишком быстрой, искрящейся и нервной. В ее состоянии она предпочла бы более лиричную мелодию. Но она не осмелилась сказать это Патрису Монастье. Впрочем, пианист исполнил этот этюд с истинной виртуозностью. Когда прозвучал последний аккорд, Амелия рассыпалась в комплиментах Патрису и его матери. Элизабет сидела, не проронив ни слова, но в ее взгляде было такое восхищение, что юный пианист опустил глаза и склонил голову, показав ей, что понял ее.

Выходя из салона, Амелия взяла дочь под руку и тихо сказала:

— Какой талант! Какое благородство! Если бы все пансионеры были такими, наше дело доставляло бы нам одно удовольствие! Но увы! Мы так далеки от этого.

Элизабет поняла, что этот намек был адресован новой клиентке, мадам Регине Сальвати, чьи развязные манеры и эксцентрические одежды Амелия просто не выносила. Ее пять кожаных чемоданов красно-коричневого цвета, без единой царапины и пятнышка, явно принадлежали женщине, живущей не по средствам.

Опьяняющий запах ее духов ощущался даже в коридоре. Она куда-то уходила каждый вечер и

возвращалась очень поздно. По утрам она открывала окно и делала на балконе гимнастику в черном облегающем трико. Прохожие останавливались и смотрели, как она подпрыгивает, вытягивает в стороны руки, нагибается, приседает, ходит вприсядку, вращает бедрами. Высокая, стройная, красивая, с черными волосами и глазами зелеными как изумруд, с полными красными губами, она, без сомнения, приехала на зимний курорт, чтобы нарушить спокойствие отдыхающих здесь. В ресторане она всегда разглядывала в упор господина Вуазэна, который, сидя к ней в профиль, хорохорился, раздувал ноздри, переставая слушать то, о чем ему говорила жена. Все в зале заметили это. Считая себя оскорбленной, мадам Вуазэн вся как-то напряглась и теряла аппетит. Ее тарелки с нетронутой едой возвращались в буфетную. Возмущенная назревавшей в ее гостинице семейной драмой, Амелия вмешалась с дипломатичной твердостью. Под предлогом лучшей расстановки столов, мадам Сальвати оказалась за столом, стоящим у стены в глубине зала. Теперь она могла видеть только спину господина Вуазэна. Униженная супруга снова обрела способность улыбаться. Что же касается этой роковой женщины, то она успокоилась, когда в ее поле зрения попало мужественное худощавое лицо господина Греви. Теперь Амелия опасалась, что и здесь что-нибудь произойдет. Но господину Греви были совершенно безразличны ухищрения этой наглой особы. Тогда от отца она перешла к сыну. Но сын оказался достойным своего отца. Если Жак и отворачивался иногда от родителей, то только для того, чтобы посмотреть в противоположный угол, на стол, за которым сидели Сесиль, Глория и мадемуазель Пьелевен.

Греви наметили отъезд на двадцать пятое января. Но накануне Жак, к несчастью, подвернул ногу на горе Мандаринов. Его пришлось нести на носилках. Пока срочно вызванный врач осматривал больного в номере, Амелия стояла расстроенная перед Элизабет и сестрами Легран, словно этот несчастный случай бросал тень на ее коммерческую репутацию. Амелии очень хотелось обеспечить своим клиентам приятное пребывание в гостинице, и ей всегда казалось, что она ответственна за все неприятности, которые случались с ними во время катания на лыжах. Мадам Греви уверяла ее в том, что, по мнению доктора, вывих у Жака был пустяковый. Однако из-за того, что мениск колена несколько сдвинулся при падении, ему был необходим длительный покой.

— Мне кажется, я поняла в чем тут дело! — простонала Амелия. — Он, видимо, хотел затормозить резким поворотом и в последний момент неправильно поставил лыжи на ребра! Сколько вы еще пробудете в Межеве?

— Недели две по крайней мере, — ответила мадам Греви.

Эта новость обрадовала Сесиль, которая приготовилась к расставанию. Она уже поведала Элизабет, что Жак ей очень нравится. Господин Греви, которого ждали дела, уехал в Париж один. На следующий день в газетах появились статьи о волнениях, охвативших столицу. Тридцать тысяч демонстрантов потребовали отставки кабинета Шотама. Схватки с полицией, разбитые стекла витрин, угроза переворота. Все отдыхающие были в панике. Некоторые даже поговаривали о том, что надо бы уехать пораньше. Мадам Греви позвонила мужу, и тот успокоил ее: кабинет был готов к отставке; Даладье, чувствовавший, что все же придется формировать новое правительство, должен без сомнения принять отставку. Теперь можно было снова подумать о снеге. Вечером, когда Жак скучал в своем номере, Элизабет понесла ему газеты. Постучав в дверь, она с удивлением услышала шепот и какую-то поспешную возню.

— Кто там? — спросил Жак.

— Это я, Элизабет.

— Войдите.

Жак, бледный, сидел, прислонившись спиной к подушкам. Ворот его пижамы был расстегнут. Одеяло топорщилось над арматурой из металлических дисков, надетых на больную ногу. У его изголовья стояла Сесиль с растрепанными волосами и покрасневшими губами. У нее был расстроенный взгляд.

Элизабет строго взглянула на нее, осуждающе подумав: «Она проскользнула к Жаку в номер, рискуя быть застигнутой врасплох. Она просто потеряла голову! Сама она чувствовала себя очень холодной, благоразумной, повзрослевшей, благодаря горькому опыту отречения.

— Тогда я унесу спои газеты? — спросила Элизабет.

— Побудьте с нами немного, — неуверенно сказал Жак. — Поболтаем…

Она улыбнулась с видом все понимающей женщины. «Как он неумело лжет! Все они одинаковы! А эта Сесиль, которая думает, что полюбила этого парня, ухаживающего еще недавно за мной!»

— Нет, — сказала Элизабет. — Я пойду. Глория ждет нас в холле за чаем.

Ее не стали удерживать.

После обеда Сесиль увела Элизабет в маленький салон и заговорила о Жаке:

— Он такой храбрый! Страдает, но не подает и виду. Вы не находите, что ему очень идет быть немного больным?

— Вы что, и правду влюблены в него, Сесиль? — спросила Элизабет.

Девушка, склонив голову, призналась:

— Да, безумно!

— Тогда мне жаль вас.

— Почему?

— Сами подумайте, к чему приведет этот флирт? Вы привяжетесь к нему. Через несколько дней он уедет. И все будет кончено.

— Вовсе нет! Мы увидимся в Париже. Мы уже договорились об этом. Только ничего не говорите сестре, она может вообразить Бог весть что!

— Возможно, по-своему она будет права!

— Прошу вас, перестаньте! Сегодня Жак только первый раз поцеловал меня! Он же очень робкий, вы знаете? Это не то, что ваш красивый ухажер с красным платком… Вот он как раз весьма нахален! Когда он вошел в гостиницу, я чуть было не прикусила язык… У него все в порядке?

— Все отлично, — ответила Элизабет.

— Боже мой, что случилось? У вас такой рассерженный вид…

Элизабет прикрыла ей рот пальцем. Послышались шаги, приближающиеся к маленькому салону. Это был Патрис Монастье. Сесиль попросила его сыграть что-нибудь современное. Он стал наигрывать блюз «Сен-Луи». Элизабет подумала о Кристиане, которого не видела так давно, и сердце ее наполнилось печалью: «Почему он не хочет быть просто счастливым, как другие? Он воображает себе, что я создана только для того, чтобы понимать его, но это не так. Не так! Я вовсе не одной с ним породы… Я презираю его!»

Мелодия блюза убаюкивала ее горе.

На другой день, четвертого февраля, в воскресенье, Амелия согласилась, чтобы объявившийся в Межеве бродячий фокусник показал свои трюки в гостинице после обеда. Ей казалось, что это представление сможет как-то отвлечь клиентов от политических проблем. И действительно, первые решения, принятые правительством Даладье, никого не удовлетворяли. В холле мужчины с возмущением говорили об этом, ожидая начала представления. Мадам Сальвати надела платье с глубоким декольте, на ее пальцах сверкали кольца.

Фокусник сгибал монеты, извлекал яйца из пустоты, превращал пикового туза в бубнового, находил пудреницу в волосах мадам Лористон, проходя по кругу с протянутой шляпой, срывая аплодисменты. Элизабет попросила Патриса Монастье сыграть несколько джазовых мелодий. Фрикетта, не любившая музыки, скрылась с мрачным видом в кабинете администратора. Двое молодых людей пригласили Сесиль и Глорию на танец. Третий подошел к Элизабет. Она не смогла отказаться, хотя ей очень хотелось постоять за спиной Патриса Монастье и посмотреть, как по клавишам бегают его длинные белые пальцы. Воспользовавшись недолгим отсутствием жены, господин Вуазэн пригласил мадам Сальвати на слоу-фокс. Покачивая бедрами, с томным взглядом, она буквально прилипла к своему кавалеру. Амелия, наблюдавшая эту сцену, наклонилась к Пьеру и прошептала:

— Эта дама! Право же, она переходит все границы!

Лицо господина Вуазэна налилось кровью. Вдыхая запах волос прижавшейся к нему партнерши, он крепко держал ее за талию и, видимо, представлял себе несбыточные наслаждения. Танец уже закончился, когда мадам Вуазэн появилась вновь, а мадам Сальвати, в несколько помятом платье, пудрилась перед зеркалом. Патрис Монастье сыграл первые такты «Плохой погоды». Элизабет полуприкрыла глаза: она танцевала под эту музыку с Кристианом в «Мове Па». А сейчас незнакомый ей парень с влажными ладонями неловко вел ее под звуки той же мелодии. Она почувствовала стеснение оттого, что совершает святотатство, остановилась и тихо сказала:

— Извините меня, я немного устала…

В это же время господин Вуазэн дошел до крайности в своем коварстве, сделав галантный поклон своей супруге, приглашая ее на танец, она заняла на груди своего мужа еще теплое место

соперницы. Та посмотрела на нее с чувством презрительного сострадания, стряхнула элегантным жестом несуществующую пылинку со своего плеча и поднялась в свой номер. Через пять минут громкий отчаянный крик остановил всех танцующих. Прибежала перепуганная Леонтина:

— Это мадам Сальвати. Она потеряла свое самое красивое кольцо!

— Где? Когда? — спросила Амелия, нахмурив брови.

— Только что. Когда мыла руки. Кольцо соскользнуло с пальца и проскочило в сливное отверстие умывальника. Наверное, оно попало в сточную канаву! Разве его теперь найдешь?

«Сколько шума из-за одного кольца!» — подумала Элизабет с тоской.

Пьер хладнокровно воспринял случившееся.

— Кольцо не могло попасть в сточную канаву, — сказал он. — Оно наверняка застряло в сифоне. Сейчас возьму разводной ключ и пойду посмотрю.

— Несколько клиентов последовали за ним. Амелия и Элизабет шли сзади. В номере, пропахшем духами, стояла мадам Сальвати и заламывала себе руки. На кровати валялось очень прозрачное розовое неглиже.

— Это произошло мгновенно. Раз — и нет кольца!

— Подумать только. Такое дорогое кольцо! — сказала со вздохом Леонтина. — Какой ужас!

Пьер встал на колени на пол и подставил тазик под умывальник. Все окружили его. Тяжело дыша, мадам Сальвати внимательно наблюдала за всеми его движениями. Гайка сифона была замазана краской. Нажимая что есть силы на ключ, Пьер приговаривал:

— Сейчас отвинтим, сейчас!..

Наконец гайка поддалась. Пьер отвинтил крышку отстойника. Клок скользких мыльных волос выпал из отверстия, затем что-то твердое стукнулось о дно тазика. С ловкостью иллюзиониста Пьер выпрямился, держа в руке драгоценное кольцо.

— Мое кольцо! — завопила мадам Сальвати. — Спасибо, мсье! Не знаю, что бы я делала без вас!

Скромный удачливый слесарь-любитель, Пьер с трудом скрывал свое удовлетворение. Амелия подумала, что он выглядел смешно, стоя с опущенными руками и робкой улыбкой на лице перед этой женщиной, не прекращающей оглушительно восхищаться им. Вычистив дно сифона, Пьер поставил его на место. Мадам Сальвати вымыла кольцо и повернула его так, чтобы все увидели игру сапфира и маленьких бриллиантов.

— Ты идешь, Пьер? — спросила Амелия.

На другой день мадам Сальвати попросила Пьера отремонтировать шпингалет на ее окне. А на третий день, когда Амелия искала своего мужа, Леонтина сказала ей, что Мсье работает на втором этаже.

— Он прочищает батарею отопления.

— Где?

— В номере мадам Сальвати.

— Да? — рассеянно сказала Амелия, почувствовав укол в сердце.

Когда Пьер спускался по лестнице, он увидел свою жену, с ледяным взглядом поджидавшую его в коридоре.

— Ну и как? Ты прочистил эту батарею?

— Да, — сказал Пьер. — Давно надо было это сделать. Из шести секций работало только три.

— А теперь они все работают?

— Да.

— Мадам Сальвати довольна?

— Думаю, что да.

— Завтра она, без сомнения, заметит, что ее выключатель тоже не работает, или замок не запирается, или же ножка у кровати вот-вот сломается… Просто невероятно сколько поломок в номере этой дамы! Хорошо, что ты здесь и можешь все отремонтировать сам!

Он с удивлением взглянул на жену и сказал:

— Я вынужден…

— Ты думаешь, что Антуан не смог бы прочистить батарею, даже ту, которая находится в номере мадам Сальвати?

— Антуан глуп как пробка!

— А ты, конечно, очень умный! Но ты не отдаешь себе отчета в том, что становишься смешным, подчиняясь прихотям этой женщины. Ей достаточно позвать тебя, как ты уже бежишь. И ты не думаешь о том, что могу подумать я, что, наконец, может подумать персонал. Ты не очень хитер, уверяю тебя! Если бы ты был повнимательнее к своей жене…

Она замолчала, чтобы улыбнуться очень усталому, с обожженным солнцем лицом клиенту, возвращающемуся с лыжной прогулки:

— Как прогулялись, мсье Рео? Снег сегодня был хорошим?

— Немного сыроват, — ответил тот, и стал подниматься по лестнице.

Пьер подождал, когда он поднимется на второй этаж, и проговорил:

— Я не понимаю, в чем ты меня упрекаешь, Амелия. Мадам Сальвати такая же клиентка, как и все остальные.

— Нет, Пьер, и ты это хорошо знаешь!

— Я ничего не знаю. Раз она красивая, то это вовсе не повод отказывать ей в услугах!

— Ах, так ты находишь ее красивой? — прошипела Амелия. — Браво, Пьер! Хорошо хоть, что ты не скрываешь своей игры…

— Какой игры? Объяснись…

Он хотел взять ее за руки, но Амелия отступила на шаг, щеки ее покрылись красными пятнами, взгляд стал колючим. Она прошептала:

— Оставь меня!

Затем она ушла в свою комнату и закрыла за собой дверь на ключ.

Вернувшись с Рошебрюна вместе с Сесиль и Глорией, Элизабет застала своего отца в кабинете администратора. Он сидел за столом с опущенной головой.

— А где мама? — спросила она.

— У себя в комнате, — проворчал он.

— Что она там делает?

— Иди спроси у нее!

И он с сердитым видом углубился в газету. Заинтригованная, Элизабет прошла в коридор и постучала в дверь Амелии:

— Мама, это я.

— Подожди, сейчас открою.

Ключ повернулся в замке.

— Почему ты заперлась? — спросила Элизабет, переступив через порог.

— Так просто, — сухо ответила мать.

— Да нет же, мама, я вижу, что есть причина! Что-нибудь случилось? Ты очень расстроена.

Амелия пожала плечами. В руках она теребила носовой платок, ставший похожим на белую мышь.

— Из-за твоего отца, — сказала она наконец. — Достаточно, чтобы ему улыбнулись, и он — готово дело — потерял голову! Впрочем, эта бестия способна на все… Сеять раздор в семьях доставляет ей огромное удовольствие. Сначала она взялась за господина Вуазэна. Потом за господина Греви, но тот-то сумел поставить ее на место! Теперь ее выбор пал на твоего отца.

— Ну что ты такое говоришь, мама!? Этого не может быть! — сказала Элизабет.

— Я думала так же, как и ты. Но факты — упрямая вещь, дитя мое!

— Какие факты?

— Вот уже три дня он только и занят ремонтом в номере мадам Сальвати, у которой почему-то все ломается!

— И это все? — спросила Элизабет, еле сдерживаясь от смеха.

Амелия подошла к двери и прикрыла ее: она услышала голос мужа в коридоре.

— Ну дай же папе войти, мама, — сказала Элизабет. — Это просто глупо!

Амелия отпустила ручку двери. Пьер вошел в комнату с застывшим взглядом и искривленным ртом. Обогнув жену и дочь, он решительным шагом подошел к платяному шкафу и снял с вешалки пальто.

— Я иду в гараж, — зло заявил он, хотя его никто ни о чем не спрашивал.

— Можешь идти куда тебе угодно, — холодно ответила Амелия.

Он вышел, хлопнув дверью.

— Ну вот! — сказала Амелия, вздрогнув от стука. — Сам виноват, а изображает из себя обиженного. Согласись, что это уже слишком!

— Да оба вы уже слишком! — ответила Элизабет. — Неужели можно ссориться из-за подобных глупостей? Объяснитесь же наконец, поцелуйтесь и дело с концом.

— Нет, — упрямо сказала Амелия.

Когда клиенты кончили обедать, Амелия и Пьер как обычно сели за стол, Элизабет приоткрыла дверь столовой и украдкой взглянула на них. Сидя напротив друг друга в большом пустом зале, они не разговаривали и едва смотрели друг на друга. Необходимость есть за одним столом отнюдь не способствовала тому, чтобы они забыли о своей ссоре. «Приступ ревности? И это в их-то возрасте? После двадцати лет совместной жизни? Это просто немыслимо! Мама слишком чувствительна, а папа слишком добр». Элизабет тихонько подошла к ним и сказала:

— Знаете, на вас не очень-то приятно сейчас смотреть.

Ни одна из враждующих сторон не удостоила ее улыбкой. Тогда Элизабет ушла, решив, что утро вечера мудренее.

Проснувшись утром, Пьер и Амелия так и не помирились, но их ссора скоро забылась, когда они узнали новости из газет. Важные события, происходившие в Париже, отодвинули их личные проблемы на второй план. В очень подробных статьях, снабженных документальными фотографиями, наводящими ужас, говорилось о бунте шестого февраля, во время которого в столице пролилась кровь. Перестрелка на площади Согласия, отряды жандармов на Кур-ля-Рен, кафе, превращенные в пункты скорой помощи: десятки убитых и раненых. Пьер считал, что кровопролития можно было бы избежать, если бы Даладье оставил Шиаппа в префектуре полиции. «Огненные Кресты», «Союз патриотической молодежи», «Ветераны войны» и даже объединения французских националистов были, по его мнению, правы, в то время как радикал-социалисты и франкмасоны вели страну к бесчестью. Большинство клиентов согласились с ним, но выразили опасение, как бы компартия не воспользовалась волнениями на улицах города для захвата власти. Несколько экзальтированных молодых людей из постояльцев, верных читателей газеты «Грингуар», сожалели о том, что не приняли участия в этой справедливой борьбе. Глория была уверена, что военным запретят увольнения и отпуска из-за этих беспорядков и опять задержат ее жениха. Обеспокоенные жены звонили из гостиницы своим мужьям: им долго приходилось ждать связи, и их разговоры часто прерывались. Несмотря на отставку кабинета министров Даладье, седьмого февраля продолжились демонстрации около зданий общественных организаций. Пансионеры «Двух Серн» собирались в холле перед радиоприемником и слушали последние известия. Когда, наконец, девятого февраля Гастон Думерг, уже бывший к этому времени на пенсии, согласился по призыву президента Лебрена сформировать правительство «национального спасения», ветер надежды охладил горячие головы. Даже Элизабет, мало что понимавшая в политике, почувствовала облегчение. На следующий день она пошла с Сесиль и Глорией на гору Арбуа. Они взяли с собой

еду, рассчитывая перекусить в шале «Тетушки».

Подъем на лыжах, зачехленных тюленьими шкурами, был долгим и трудным. Девушкам стало жарко. Они сняли куртки и привязали их рукавами на бедрах. Расстегнув кофточки, девушки медленно поднимались, глядя на ослепительный снег. Даже темные очки не спасали глаза от этого слепящего потока света. Они остановились неподалеку от фермы, чтобы намазать кремом обожженные лица и съесть по апельсину. Белый склон был усеян кожурой, отливающей на солнце золотом. Неподалеку от них поднималась группа молодых людей, идущих параллельной дорогой. Их силуэты выделялись на фоне залитого солнцем пространства. Они шли друг за другом, двигаясь в одном ритме. Большие черные очки делали их похожими на огромных насекомых. Еще ниже растянулись пунктиром в снежной пустыне другие группы. Отдохнув и утолив жажду, Элизабет снова двинулась в путь. Сесиль и Глория пошли по следу, проложенному ее лыжами. Она слышала позади себя равномерный скрип и прерывистое дыхание. Элизабет и теперь не могла отделаться от воспоминаний. Не так давно, на другом заснеженном склоне, она видела перед собой мужскую широкую спину; тогда она была счастлива и верила в будущее. Плотный ряд пихт. Снег, испещренный следами лыж. А там, на блестящей, как серебряное озеро, платформе — шале «Тетушка» с дощатыми ярко-желтыми стенами, заснеженной крышей и изгородью из лыж, воткнутых в снег перед дверью.

— Наконец-то! — с облегчением воскликнула Сесиль. — А то я уже стала думать, что эту хибару переставили на другое место!

Переступив через порог дома, девушки, еще ослепленные ярким горным светом, попали в сумеречный задымленный зал. Повсюду виднелись смуглые лица, на которых ярко выделялись белки глаз и зубы. Сидя за длинным столом, люди с жадностью ели посреди беспорядочно валяющихся раскрытых рюкзаков, смятой бумаги, бутылок и котелков. Одним только запахом, идущим из кухни, можно было насытиться. Звенела посуда, слышались громкие голоса:

— Дадут нам, наконец, хлеба?

— Эй, Делаша, сюда три супа!

— Поторопись, Эмиль, или мы уйдем без тебя!

— Здравствуйте, тетушка!

— Здравствуйте, барышни! Давненько вас не было видно. Эта канатная дорога на Рошебрюн отбивает у нас клиентов. Все в порядке?

Женщина, которую просто звали тетушкой, была упитанной, с розовыми пухлыми щеками и пушистыми светлыми волосами, придающими ей вид сорванца.

— Сейчас освободятся места в конце зала, — сказала она. — Идите быстрее! Вы возьмете суп?

— Конечно, — сказала Сесиль. — И бутылочку красного вина. Оно у вас такое вкусное.

Люди выходили из-за стола, громко стуча лыжными ботинками. Девушки прямо-таки рухнули на еще теплые деревянные скамейки.

— Уф! Как я устала, — выдохнула Глория.

— А я еще ничего, — сказала Сесиль. — Но затылок у меня просто горит от солнца.

«Племянник» Делаша принес пузатую супницу и наполнил тарелки до краев. Сесиль и Глория были в восторге:

— Здесь все такие спортивные, приятно посмотреть!

После супа они съели все, что взяли с собой: два крутых яйца, два ростбифа, кусок савойского сыра, шоколад и апельсины. Вернулся «племянник», неся под мышкой толстую тетрадь в обклеенной тканью обложке: «Книга отзывов».

— Вы уже расписывались в ней? — спросил он.

— Нет, покажите-ка нам ее, — попросила Сесиль.

Тот стряхнул крошки со стола, торжественно раскрыл книгу перед девушками и сказал:

— Я вас оставляю. Можете не спешить.

Они забавлялись, читая ироничные, поэтичные, а порой и резкие отзывы, написанные в столбик среди различных рисунков на хорошей мелованной бумаге. Дойдя до последней страницы, Элизабет едва сдержала свое удивление. Рамочкой были обведены следующие слова: «Незабываемый день дружбы, непомерной усталости и неиссякаемой радости. — Жорж и Франсуаза Ренар». Ниже можно было прочесть: «Кристиан Вальтер» и дата: 9 февраля 1934 года. Вчера он был здесь со своими друзьями, радуясь снегу и солнцу. Его смех раздавался в этих закопченных стенах. Он прикасался рукой к этой книге, оставляя свою подпись. Мог ли он подумать, что двадцать четыре часа спустя Элизабет обнаружит этот след его пребывания здесь? Нет, он больше не думал о ней, она ему больше была не нужна, чтобы прожить «незабываемый день»!

— Что напишем? — спросила Сесиль.

Втроем они начали изобретать что-нибудь оригинальное. Но Элизабет с трудом вслушивалась в их предложения. Наконец Сесиль вынула из сумочки маленькую авторучку и написала:

«На вершине нашего счастья находится Тетушка, ее суп, ее снег и ее улыбка». Они расписались по очереди.

Выйдя из домика, они вновь были ослеплены голубым небом и белым снегом. Само совершенство окружающей природы усиливало печаль Элизабет. Зачем столько красоты, если рядом не было дорогого существа, чтобы вместе созерцать ее? Сидя на террасе, лыжники загорали на солнце. Другие, надев лыжи, начинали спускаться наискось по склону. Посоветовавшись, девушки решили пойти на трассу горы мандаринов. Спуск между пихтами показался им легким. Доехав до долины, они обогнули гостиницу «Гора Арбуа» и вышли на дорогу, ведущую к «Голгофе». Вдоль этого извилистого маршрута стояло множество маленьких часовен. Из-за оград на снег пристально глядели деревянные статуи с потрескавшейся краской. На большой скорости Элизабет проехала мимо большой скульптурной группы, изображающей распятого Христа, воинов с хлыстами, апостолов, застывших от холода, заплаканной Девы Марии… Вскоре с городского катка до нее донеслись звуки музыки, Межев был уже близко.

Небо уже начинало бледнеть, когда девушки снимали лыжи перед входом в гостиницу «Две серны». Осоловевшие от усталости и чистого морозного воздуха, Сесиль и Глория сразу же поднялись к себе в номер. Элизабет заглянула в буфетную, чтобы попить воды. Амелия, которая помогала Леонтине подготовить подносы для чая, повернулась к дочери и воскликнула:

— Сразу видно, что ты сегодня хорошо погрелась на солнце. У тебя такой вид, будто ты только что вышла из печи. Хорошо прогулялась?

— Отлично, мама. Я тебе сейчас не нужна?

— Пока нет.

— Тогда пойду немного отдохну. Я безумно устала! Ты идешь со мной, Фрикетта?

Войдя в комнату, Элизабет разделась и с удовольствием вымылась с головы до ног. Лицо горело, и она намазала его кремом. Затем легла на постель, взяв на руки Фрикетту. Расслабив мускулы и устремив глаза в потолок, Элизабет старалась ни о чем не думать. Но смутные воспоминания навязчиво притягивали ее внимание. Ей не удавалось бесконечно долго отмахиваться от них. И девушка поняла, что куда как опаснее отрицать свое горе, чем переживать его. Неужели придет наконец такой день, когда она будет вспоминать о Кристиане с полным безразличием? За окном сгущались сумерки, и в комнате заметно потемнело. Лестница дрожала под ногами клиентов, спускающихся в холл. Элизабет зажгла ночник и стала медленно одеваться к обеду. Причесываясь перед зеркалом, она поняла, что дошла до последней степени отчаяния. Ей еще предстоит страдать, но вряд ли так глубоко, как сегодня. Не так были печальны ее мысли, как ее кровь и плоть… Ей было необходимо вновь ощутить мужское тепло на своем теле. Но у нее, кроме Кристиана, никого не было.

Элизабет умылась и придирчиво оглядела себя в зеркале. Бесспорно, она была красива. Ей захотелось стать еще красивее, чтобы вновь поверить в то, что она еще способна быть соблазнительной. Она слегка подкрасила свое лицо, и оно словно засияло. Улыбнувшись своему отражению, она подумала, что подкрасилась только для того, чтобы провести тоскливый вечер в одиночестве.

На обед подали борщ с пирожками. Оживленные голоса в столовой свидетельствовали о том, что кухня русского шеф-повара начинала пользоваться успехом. Сидя за столом, Элизабет наблюдала за всеми этими проголодавшимися людьми, в жизни которых наверняка не было никаких забот. Покрасневшие лица сестер Легран ярко выделялись на фоне их светлых волос. Сесиль дотронулась тыльной стороной ладони до своей щеки и комично встряхнула пальцами, словно обожглась. Затем заморгала глазами, показывая, что ей очень хочется спать. Элизабет хотела ей ответить в том же духе, как вдруг почувствовала, что очутилась в каком-то вакууме. Дверь столовой отворилась.

Леонтина отошла в сторону, чтобы пропустить двух клиентов: Кристиана и австрийского инструктора по лыжам.

Амелия выглянула в раздаточное окошечко, заметила посетителей и пошла им навстречу. Им поставили столик возле бара. «Он пришел, — думала лихорадочно Элизабет. — Значит, он любит меня!» И огромная радость оглушила ее. Она не осмеливалась смотреть в сторону Кристиана и машинально отрезала кусочки мяса в тарелке. Мать уже вернулась в буфетную. Берта и Леонтина быстро сновали между гостями. Эта бесполезная суета еще больше усилила чувство одиночества, которое испытывала Элизабет среди всех этих людей. Что произойдет после обеда? Подойдет ли Кристиан, как в прошлый раз, поговорить с ней? Да еще этот обед, которому не было конца! Курица, поджарка с грибами, сыр… наконец, десерт! Она с трудом проглотила две ложки крем-карамели, вытерла губы салфеткой и направилась в холл, стараясь идти медленно и с достоинством.

Подождав минут десять, она увидела первых пансионеров, выходящих из столовой и рассаживающихся по своим креслам. Кристиан с австрийцем вышли последними. Амелия спросила их, остались ли они довольны обедом, обменялась несколькими любезностями с другими клиентами и пошла к мужу, который, сидя за столом, уже ждал ее. Наступил желанный миг, которого Элизабет так боялась. Сидя в кабинете администратора, Элизабет вновь и вновь переживала сцепу, малейшие подробности которой врезались в ее память. Как и в прошлый раз, Кристиан поднялся из кресла и пересек холл четким шагом. И снова перед ее глазами возникло это лицо, которое, как она полагала, было навсегда вычеркнуто из ее жизни. Они посмотрели друг на друга, и их взгляды были удивительно нежными и глубокими. Он сказал тихим голосом:

— Это глупо, Элизабет. Я не могу жить без тебя! Мне необходимо увидеться с тобой сегодня вечером.

Ей ни на секунду не пришла в голову мысль оттолкнуть его, и она прошептала:

— Но я не смогу выйти.

— Тебе не надо будет выходить, я сам приду.

— Как это? — Элизабет в изумлении посмотрела на Кристиана.

— Когда все заснут, ты откроешь мне дверь. Я поднимусь к тебе в комнату. Мы вместе проведем ночь, а на рассвете я уйду…

Она, потупившись, пробормотала:

— Это безумие!

Но она уже летела навстречу этому приключению: провести ночь с Кристианом! Вся ненависть, которую она испытывала к Кристиану, мгновенно улетучилась. Она и не помышляла о риске, которому подвергалась, принимая его в своей комнате. То, что ее разум отказывался принять, с таинственной настойчивостью требовала плоть, которая утихнет только после того, как получит удовлетворение.

— Ну как? — спросил Кристиан. — Ты согласна?

Чувствуя, что на карту поставлена ее спокойная и безмятежная жизнь в доме родителей против одного-единственного счастливого мига с Кристианом, она ответила:

— Да! Но не раньше двух часов. Я открою тебе маленькую дверь с черного хода, которая ведет в сад…

Кристиан вернулся к своему спутнику. Леонтина подала им кофе. Выпив его, они уплатили по счету и вышли.

Казалось, что этот вечер никогда не кончится. Клиенты, испытывая терпение Элизабет, словно нарочно долго читали свои газеты, болтали, играли в карты. Сесиль включила радио, чтобы послушать концерт джазовой музыки. Амелия и Пьер сменили дочь в кабинете администратора: они выискивали ее ошибку в расчетах, в сумме семнадцати франков. Затем Сесиль выключила радио, и Патрис Монастье сыграл прелестную мелодию своего собственного сочинения. Впервые эта музыкальная пауза вызвала у Элизабет раздражение. Медленно текущее время выматывало ей нервы. Ей хотелось крикнуть всем этим людям, которым не спалось: «Уходите!». Наконец, часам к одиннадцати многие из присутствующих стали клевать носом. Вскоре Сесиль, Глория и мадемуазель Пьелевен удалились, за ними последовали мадам Греви, мадам Монастье, ее сын и супруги Вуазен, а следом за ними и другие клиенты стали подниматься к себе. Четверо игроков в бридж продержались еще минут тридцать пять. Мадам Сальвати, обедавшая в другом месте, вернулась только в четверть первого: какой-то господин подвез ее на машине. В руках она держала букет роз. Теперь все были на месте. Амелия заперла двери, погасила везде свет и, пожелав дочери

спокойной ночи, пошла к мужу, который уже давно спал. Элизабет поднялась к себе, разделась и, накинув пеньюар на ночную сорочку, принялась терпеливо ждать. Свернувшись клубочком на своей подушечке, Фрикетта наблюдала уголком глаза за своей хозяйкой.

Элизабет на ощупь спустилась в темноте по лестнице. Перила скользили у нее под рукой, но ступеньки не издали ни единого звука под ее босыми ногами. На втором этаже она услышала громкий храп. Должно быть, его источником был господин Вуазен. Свет луны, струящийся сквозь окно в коридор, освещал лыжные ботинки, стоявшие парами перед каждой дверью. Из плохо завернутого крана в ванной комнате капала вода. В одном из номеров кто-то громко закашлял. Элизабет ускорила шаг. Сознание грозящей опасности еще больше усилило радость, которую она ожидала от этой встречи. То ли ночь, то ли тишина подстегивали ее желание быть во что бы то ни стало счастливой. Элизабет не узнавала себя в этой женщине, идущей на свидание к любовнику, которого она еще так недавно презирала, но который был ей так нужен. «Если родители проснутся и станут меня спрашивать, почему я оказалась тут в такой поздний час, я скажу им, что спустилась выпить стакан молока». Она прошла коридор первого этажа, потом буфетную и бросилась на кухню, где подвешенные в ряд медные кастрюли тускло светились в темноте, словно дальние планеты. Было пять минут третьего. Был ли Кристиан уже в саду? Решительно и в то же время дрожа от ужаса, она подошла к черному ходу, быстро повернула ключ в замке и открыла дверь.

Ночь искрилась снегом. От гаража отделился темный силуэт. Стоя в дверном проеме, Элизабет видела, как вырастает перед ней этот незнакомец, этот вор. Наконец он пересек порог.

— Сними ботинки, — прошептала она, закрывая за ним дверь. Он безмолвно подчинился. Она повела его по коридору. Бой настенных часов заставил ее вздрогнуть. Элизабет, приложив палец к губам, быстро прошла мимо комнаты родителей. «Ведь они там, за этой дверью, такие доверчивые, такие спокойные». Она почувствовала боль в сердце и сжала руку Кристиана, словно моля его о помощи. Они стали тихо подниматься по лестнице. Одна ступенька скрипнула, затем вторая, третья. Каждый раз Элизабет останавливалась, дотрагиваясь до руки Кристиана, сдерживая его.

На третьем этаже все было спокойно. Комната Элизабет находилась в конце коридора, рядом с кладовой для белья. Отсутствие поблизости соседей немного успокаивало. Еще несколько шагов. Под линолеумом затрещали половицы. Но это было уже не страшно. Они пришли. Элизабет осторожно открыла дверь. Мужчина в ее комнате! Среди ночи! Она до сих пор не могла понять, как не осмелилась привести его сюда. На ночном столике горела лампа, отбрасывая тени на стену. Фрикетта вскочила с подушечки и с удивлением посмотрела на незнакомца, нарушившего ее покой. Она зарычала в знак протеста.

— Тихо, Фрикетта. Лежать! — шепотом приказала Элизабет.

Фрикетта, поджав под себя лапки и прижав уши, продолжала выражать свое неудовольствие громким сопением.

Измотанная ужасным напряжением, Элизабет вздохнула:

— О, Кристиан, любовь моя!..

Она бросилась в его объятия с неимоверной радостью, с неистовым желанием принадлежать ему, быть в его власти, ища защиты в его ласках, охваченная изумлением, что они так счастливо избежали катастрофы. Слившись в поцелуе, смешивая прерывистое дыхание, оба упали на постель.

— Прижми меня крепче, еще крепче! — шептала она. — Еще крепче. Я люблю тебя!..

Затем, задыхаясь, она высвободилась из его объятий, распустила волосы и расстегнула пеньюар дрожащими руками.

Дом еще спал, когда они вышли из комнаты. Кристиан шел с ботинками в руке. Они спустились по темной лестнице, прошли мимо настенных часов в коридоре, которые показывали двадцать минут шестого, затем проскользнули на кухню. Там Кристиан обулся и застегнул куртку.

— До вечера, дорогая моя! — сказал он. — Я жду тебя в три часа. Ты придешь?

— Конечно! Иди быстрее, — сказала она, прикрыв грудь пеньюаром.

Они обнялись. Элизабет открыла Кристиану дверь, и он исчез в темном морозном воздухе.

Когда она вернулась к себе, Фрикетта лежала на том же месте. Положив мордочку на передние лапы, широко раскрыв глаза под мохнатыми бровями, она недовольно смотрела на свою хозяйку.

«Она все видела!» — подумала Элизабет, и ей стало неловко от этой мысли. Нагнувшись над собачкой, она погладила ее по спине, но та даже не удосужилась лизнуть ее в знак благодарности.

— Вот ведь вредная! Я знаю, ты дуешься, потому что ревнуешь.

Фрикетта тяжело вздохнула и отвела глаза.

— Спокойной ночи, противное животное, — сказала Элизабет, потрепав собачку за бороду.

Затем она скинула пеньюар, открыла форточку и нырнула под одеяло, понимая, что все равно не сможет заснуть.

ГЛАВА V

Теперь у нее была только одна забота: каждый день придумывать предлог, чтобы уйти из гостиницы на встречу с Кристианом. Желание видеть его было столь сильным, что она с легкостью лгала родителям, клиентам, всему свету. Она была горда тем, что предавалась любви так, словно исповедовала тайную религию. От одной встречи к другой ее тело все больше расцветало от наслаждения. Она не стеснялась никакой ласки, даже самой смелой и необычной. Даже наоборот, она чувствовала себя чище, если ее экстаз в объятиях Кристиана был полнее. «Он еще сам не подозревает до какой степени привязан ко мне, — думала Элизабет. — Но рано или поздно он поймет это. Тогда сама мысль прожить день в разлуке со мной станет для него невыносимой. И тогда мы больше никогда не расстанемся и все будет так, как я хочу».

По возвращении с этих праздников наслаждений Элизабет с удивлением констатировала, что гостиница стоит на том же самом месте, что отец, мать, клиенты, персонал и Фрикетта ничуть не изменились. Но старые привычки были настолько сильны, что она самым естественным образом вновь ощущала себя молодой девушкой в этой привычной обстановке. К тому же душа ее была спокойна — Кристиан довольно прочно обосновался там, поэтому Элизабет была весела, любезна с господином Монастье, господином Греви, смеялась по пустякам с сестрами Легран, прибегала словно послушный ребенок по первому зову матери. Она даже испытывала какое-то физическое удовольствие, вращаясь в этой привычной и спокойной атмосфере, потрясенная тем, что Кристиан еще час назад обладал ею. Здесь все способствовало нервной разрядке, позволяло ей лучше отдохнуть. Всевозможные инциденты гостиничной жизни казались ей мелочными и в то же время забавными с тех пор, как она стала смотреть на них с вершины своей любви.

Три дня подряд цветочник из Межева приносил букеты красных роз для мадам Сальвати, и Амелия, сдерживая свое возмущение, приказывала Антуану передавать их клиентке. На четвертый день мадам Сальвати потребовала счет и попросила, чтобы ее письма пересылались в гостиницу «Гора Арбуа», где она решила продолжить свой отпуск. За ней прислали машину с шофером, который погрузил в нее слишком новые лыжи и слишком яркие чемоданы мадам Сальвати. Наконец-то сосредоточие порока было удалено из дома. Пропахнувшую духами комнату хорошо проветрили. В ее номере поселилась добропорядочная мать семейства с четырнадцатилетней дочерью. На другой же день девочка подвернула себе ногу, а немного позже то же случилось с одним из студентов, снимавшем комнату в пристройке.

— Ну вот, — простонала Амелия, — наступила черная полоса.

К счастью, к этому времени Жаку уже разрешили вставать. Он ходил, опираясь на палку, с задумчивым взглядом, волоча левую ногу в теплом носке. Сесиль сопровождала его, ухаживая за ним как сестра милосердия. Их каждый вечер видели вдвоем, тихо беседующими о чем-то в салоне или в холле. Мадемуазель Пьелевен снисходительно наблюдала за этой идиллией, иногда поднимая голову от своих кроссвордов. Что касается мадам Греви, то она заметно гордилась успехом, которым пользовался ее сын, и все откладывала дату отъезда, хотя ее муж настоятельно требовал их возвращения.

Ко всеобщему удивлению внезапно уехала мадам Лористон. Ветреный супруг не отвечал более ни на ее письма, ни на телефонные звонки. Был ли он в Париже? Она захотела убедиться в этом сама. С покрасневшими от бессонницы глазами она попрощалась со всеми с горькой и мужественной улыбкой вдовы, долго и нудно трясла руку Амелии и наконец, смахнув набежавшую слезу, села в машину Пьера, который пообещал подвезти ее прямо к вокзалу Селланш. Накануне Амелия сообщила мужу новость, поразившую их обоих: русский шеф-повар стал ухаживать за Леонтиной. Амелия видела их в буфетной. Он обнимал экономку за талию, а та хихикала и пожимала плечами, и это вместо того, чтобы дать ему достойный отпор!

— Я сделала вид, что ничего не заметила, чтобы избежать скандала, — сказала Амелия. — Но этого нельзя так оставлять!

Элизабет, присутствовавшая в комнате родителей при этом разговоре, вмешалась, чтобы успокоить мать:

— Может быть, он просто хотел пошутить с Леонтиной, вот и все…

— Не говори того, чего не понимаешь, — ответила Амелия. — Есть некоторые вольности, которые женщина допускает только в том случае, если она готова уступить и в остальном. Теперь я буду следить за ними в оба!

За вторым завтраком Элизабет с улыбкой наблюдала за маневрами матери. Подходя к окошечку, Леонтина нагибалась, чтобы взглянуть на шеф-повара, стоявшего у плиты. Амелия тут же вставала перед ней, говоря строгим голосом:

— Передавай заказ.

— Овощи, два, — говорила Леонтина, вытянув шею, пытаясь хоть что-нибудь увидеть из-за плеча хозяйки.

Но Амелия передвигалась одновременно с экономкой, загораживая ей вид. Потом, повторив заказ, раздраженно говорила:

— Чего вы ждете, Леонтина? Вы же слышите, вас зовет мадам Греви!

К удивлению Элизабет, эта игра в прятки длилась в течение всего завтрака. «Как мама, однако, наивна, — подумала она, — как она не может понять того, что уж если они захотят видеться и говорить друг с другом, они это сделают и за ее спиной после работы?»

Однако урок, данный Амелией, сделал свое дело, судя по тому, что Леонтина подавала кофе с бледным и недовольным лицом. Фрикетта по очереди подходила к каждому, выпрашивая кусочек сахара. Она настолько обнаглела, что Элизабет отчитала ее перед всеми, обращаясь к ней нарочито на «вы». Тогда собачка попросилась на улицу и, когда ей открыли дверь, она с трагическим видом уселась на крыльце.

Несколько клиентов уже собирались идти на Рошебрюн. Глория присоединилась к ним. Сесиль предпочла с Жаком пойти на каток. Но только как он дойдет до него? Жак вышел, прихрамывая и опираясь одной рукой на лыжную палку, а другой на плечо девушки. Элизабет смотрела на их удаляющиеся фигуры и почувствовала себя неприкаянной: Кристиан сказал, что сегодня не сможет увидеться с ней во второй половине дня, потому что дает частный урок в четыре часа. И все-таки она решила пойти к нему без предупреждения и провести с ним хоть немного времени до прихода ученика.

— Тебе ничего не надо, мама, — спросила она у Амелии. — А то я хочу пройтись по магазинам в деревне.

— По каким магазинам?

— Мне нужно купить лыжные носки, а то мои совсем износились. Говорят, что в магазине у Лидии есть отличные носки! А потом я встречусь на катке с Сесиль и Жаком.

— Только не задерживайся допоздна!

— Хорошо, мама.

Часы показывали три, когда она постучала в дверь Кристиана. Он принял ее в коридоре, потому что ученик уже пришел.

— Я думала, что он придет только в четыре, — разочарованно сказала Элизабет.

— Я тоже. Но, как видишь, он пришел пораньше. Входи же, я представлю тебя ему. Это очень милый мальчик!

— Нет, нет, — Элизабет покачала головой. — Мне совсем не хочется знакомиться с ним.

Вытянув шею, она увидела в полуоткрытую дверь красивого юного блондина, сидящего на диване. Ворот его рубашки был расстегнут. Сигарета дымилась в его руке. Он листал какую-то книгу.

— Как долго он пробудет у тебя? — спросила она.

— До пяти, до пол-шестого. Для тебя это будет не слишком поздно?

— Да…

— Тогда увидимся завтра, как и договорились. Я люблю тебя, ты знаешь! Я думаю о тебе! Я сгораю от нетерпения!..

Кристиан поцеловал Элизабет в щеку и проводил по лестнице до двери. Когда он поднялся к себе, Элизабет, поколебавшись, вернулась, поднялась на четыре ступеньки и прислушалась. За закрытой дверью слышался мужской смех. Взволнованная, она снова вышла на улицу. Фрикетта сидела перед мясной лавкой и ждала ее.

— Что ты здесь делаешь, Фрикетта? — воскликнула девушка. — Я же запретила тебе идти за мной!

Счастливая собака тяжело задышала, высунув язык. В ее глазах было столько нежности, что Элизабет почувствовала себя обезоруженной.

— Ну ладно, идем, — сказала она примирительно. — Купим носки у Лидии.

В магазине Лидии полки ломились от притягивающих взор товаров: пуловеры с геометрическим рисунком из межевской шерсти, лыжные ботинки, варежки, непромокаемые куртки, ремни. Стоя перед прилавком, три элегантно одетые покупательницы рылись в картонной коробке с платками.

— А этот сколько стоит, Лидия?

— Лидия, вы уступите мне подешевле этот слегка подлинявший голубой платок?

— Не бери его. У Жильберты Коэн точно такой же, правда, Лидия?

Оставив своих клиенток, Лидия подошла к Элизабет и показала ей последние модели носков в широкую полоску ярких расцветок. Но девушка так задумалась о Кристиане, о блондине, об этом смехе за дверью, что никак не могла решиться что-нибудь выбрать. Выйдя из магазина, она не смогла бы даже сказать, что в конце концов купила. На каток она пошла безо всякого энтузиазма.

Жак сидел на краю террасы, подставив лицо солнцу. Больную ногу он положил на стул. Сесиль выполняла перед ним различные фигуры, скользя по серому поцарапанному льду. Элизабет приказала Фрикетте сидеть на месте, а сама зашла за коньками в пункт проката и тоже выкатилась на лед. Но от музыки, льющейся из репродуктора, у нее только разболелась голова. Катающихся было очень много. Она подошла к Жаку и облокотилась о перила. Сесиль сразу же подлетела к ним, словно ангел-хранитель. «Вот это славно! — сказала себе Элизабет. — Она не хочет оставлять меня наедине с ним. Я им мешаю».

— Правда, я делаю успехи, Жак, — проговорила Сесиль медовым голосом, стуча коньками по деревянному полу террасы.

— О! Вы катаетесь просто отлично! — ответил он. — Когда заживет моя нога, мы составим отличную спортивную пару!

Сесиль уселась рядом с ним на табурет, и они обменялись еще несколькими словами уже шепотом. Держась за руки, они улыбались друг другу. Элизабет стало скучно. Вдруг она почувствовала, что кто-то стоит за ее спиной. Она оглянулась и увидела Патриса Монастье.

— Я прогуливался и увидел вас со стороны дороги. Вы уже не катаетесь?

— Нет, — ответила она. — Слишком много народу!

— А что вы сейчас собираетесь делать?

— Не знаю. Скорее всего вернусь в гостиницу.

— Вы не хотите выпить со мной чаю в «Мовэ Па»?

Элизабет была абсолютно свободна, и это предложение заинтересовало ее.

— С удовольствием, — недолго думая, сказала она.

Обращаясь к Жаку и Сесиль, она спросила:

— Вы идете с нами?

— Может быть, попозже, — ответил Жак.

Элизабет сняла коньки, положила их в шкафчик и подошла к Патрису Монастье. Фрикетта тоже вознамерилась пойти в «Мовэ Па». Ее хозяйке пришлось выразить возмущение по этому поводу:

— За кого вы себя принимаете, Фрикетта? Немедленно возвращайтесь домой!

Фрикетта явно колебалась.

— Домой! Домой! — повторила Элизабет строгим голосом, показывая пальцем в сторону гостиницы.

И Фрикетта ушла, опустив уши, как и положено порядочной собаке.

Зал в «Мовэ Па» был освещен мягким оранжевым светом. Оркестр играл для нескольких танцующих пар. Элизабет и Патрис Монастье сели за маленький столик в нише и заказали чаю с тостами.

— Вы часто ходите сюда? — спросил юноша.

— Нет, — ответила Элизабет. — Но мне здесь нравится. У них очень хороший оркестр, вы не находите?

— Отличный. Когда я слушаю его, то начинаю сожалеть о том, что не умею танцевать.

— Этому можно научиться, — улыбнулась Элизабет.

Он отрицательно покачал головой:

— Я не умею танцевать, кататься на коньках и на лыжах… Вы, наверное, подумали, зачем в таком случае я приехал в Межев?

— Вы приехали отдохнуть! Ваша мать сказала мне, что вы были серьезно больны…

— Да, плеврит. Но сейчас мне гораздо лучше. У меня вновь появился интерес к жизни, к музыке…

— Вы опять начнете давать концерты?

— Нет. Мне никогда не стать виртуозом. У меня нет воли, терпения, наконец, умения создать себе рекламу. Мои бабушка и мать, у которых амбиций хватит на четверых, отдали меня в руки импресарио. Два жалких турне по второразрядным курортам! Я вернулся домой разочарованный, разбитый и больной… Больше этого не повторится…

— Вы хотите бросить игру на фортепьяно?

— Нет, конечно же, я не брошу, но и не буду больше играть для публики. Мой старый учитель Шульц, преподававший мне композицию и гармонию, тысячу раз повторял, что мое предназначение творить, сочинять, а не исполнять… После его смерти я пытался последовать его совету… но у меня очень плохо получается… Я поочередно подражаю то классикам, то современным композиторам. Я не создал пока ничего своего. Ой, да я наскучил вам наверное со своими проблемами!

— Вовсе нет! — воскликнула Элизабет. — Но мне не совсем понятны наши переживания, ведь у вас такой талант!

— Талант? У меня?

— Конечно! Я слышала вашу музыку. Однажды вы сыграли нам одно свое произведение. Это была очень красивая музыка.

— Это была просто вариация на тему Листа. Нет, Элизабет — вы позволите называть вас Элизабет? — может быть, однажды я напишу что-нибудь великое, новое, ни на что не похожее…

— И тогда вы будете в себе так же не уверены, как и сейчас!

— Почему?

— Потому что вы будете задаваться вопросом, не могли бы вы создать что-нибудь еще более совершенное, если бы у вас было больше времени, если бы вы еще больше работали, если бы вам больше повезло…

— Вы правы, — тихо ответил он, улыбнувшись. — Музыканты и художники невозможные люди.

— Я не это хотела сказать!

Патрис пристально смотрел на нее своими красивыми темными глазами, полными беспокойной нежности. Элизабет была польщена его вниманием, но запретила себе подбадривать его хоть каким-нибудь кокетливым жестом. Их отношения должны строиться только на дружбе.

Постепенно зал заполнился. Оркестр заиграл танго. Синий прожектор осветил танцевальную площадку. Лица танцующих стали серебряными, а губы — словно из черного бархата. Элизабет отпила глоток чая и спросила:

— В Париже у вас есть возможность спокойно работать?

— Мы живем не в Париже, а в Сен-Жермен-ан-Лей, в старом доме, принадлежащем моей бабушке. Мои родители поселились там, когда я был совсем маленьким. Потом отец умер. Там я и вырос, среди двух женщин, которые обожают меня и ухаживают за мной.

— Вообще-то видно, что вы избалованный ребенок, — сказала Элизабет. — И я нахожу это прелестным!

Их колени случайно соприкоснулись под столом. Элизабет слегка отодвинулась от Патриса, продолжая спокойно смотреть ему в лицо: лукаво приподнятые уголки губ, высокий выпуклый лоб, маленький шрам над левой бровью, слегка оттопыренные уши и прекрасные беспокойные глаза. Его, без сомнения, что-то постоянно мучило, чего он не мог или не умел выразить.

— Элизабет, — сказал он вдруг глухим голосом. — Я так счастлив, что нахожусь с вами. В гостинице вы всегда в окружении людей…

«Этого только не хватало! — подумала она. — Сейчас он начнет объясняться, а я и не знаю, что ему ответить». Патрис тем временем взял ее за руку. Элизабет осторожно высвободила ее и мечтательно сказала:

— Послушайте! Они играют «Китайскую ночь». Когда мне было десять лет, мне очень нравилась эта мелодия. Теперь же она мне кажется такой старой, такой…

Она так и не договорила. Двое мужчин, вошедших в зал, обходили танцующих. Ими были Кристиан и его ученик. Они прошли мимо Элизабет. Кристиан, увидев ее, удивленно поднял брови, изобразил жалкое подобие улыбки и увел своего спутника в бар. Там они оба уселись на высокие табуреты. Девушка была просто вне себя от возмущения. «Что он здесь делает? Он, конечно, слишком занят, чтобы видеться со мной, однако находит время для какого-то мальчишки!» Ей потребовалось немалое усилие, чтобы взять себя в руки и сделать вид крайне заинтересованной разговором с Патрисом Монастье. Слушая его и отвечая ему иногда невпопад, она исподтишка следила за двумя мужчинами, сидевшими плечом к плечу. Ей страшно захотелось поймать выражение их глаз, услышать, о чем они говорят, прочитать их мысли. Кристиан встал с табурета и небрежной походкой пересек танцевальную площадку. Элизабет подумала, что он направляется в гардероб. Но он шел прямо к ней.

— Извините, мсье, — сказал он, нагнувшись к Патрису Монастье. Затем, повернувшись к девушке, добавил низким голосом: — Пойдем потанцуем, Элизабет?

Она вздрогнула и покраснела. Почему он говорит ей «ты» перед незнакомым человеком. Готовая разразиться гневом, она все-таки сдержалась и сказала с некоторым усилием, стараясь казаться спокойной:

— Подожди. Я должна представить тебя. Мсье Патрис Монастье! Мсье Кристиан Вальтер! Может быть посидишь с нами, Кристиан?

— Нет, — ответил он, холодно глядя ей в глаза и повторил:

— Потанцуем?

— Не стесняйтесь меня, Элизабет, прошу вас, — сказал Патрис Монастье.

Сначала она решила отказаться, но потом, подумав, встала. Ноги ее буквально подкашивались. Как только они вышли на площадку, Кристиан обнял ее и спросил?

— С кем это ты?

— С клиентом из гостиницы.

— Он ухаживает за тобой?

— По-моему, нет.

— Да брось ты! Он не сводит с тебя глаз, так и млеет, разговаривая с тобой.

— Ты смешон! Между нами абсолютно ничего нет.

— Надеюсь, — сказал Кристиан, усмехнувшись. — Впрочем, этот парень выглядит как живой труп.

Он прильнул щекой к щеке Элизабет и прижал ее к себе так грубо, что это разозлило ее — ведь Патрис Монастье мог их видеть! Слегка отстранившись, она спросила:

— А ты? Почему ты пришел сюда с этим мальчишкой?

— А это запрещено?

— Нет… но у тебя для меня нет и минуты, тогда как ты находишь время, чтобы пойти с ним в бар.

— Я давно обещал ему это, — сказал Кристиан. — Мне хочется, чтобы он немного проветрился, выпил и посмотрел на красивых девушек… Впрочем, его интересуют мальчики.

— Мальчики? — с изумлением повторила Элизабет.

— Да, этот милый маленький извращенец, который еще сам себя не знает. Думаю, что через год он поймет свое призвание.

— О! Но это же мерзко! — возмущенно проговорила Элизабет.

— Почему? Ты знаешь, что такое извращения?

— Думаю, что да, — ответила Элизабет. — Это чересчур нежные отношения между мужчинами.

— Примерно так. И что же мерзкого ты в этом видишь?

— Это… это противоестественно…

Музыка была медленной и сентиментальной. Кристиан развернул Элизабет, сжав ее ногу своими твердыми бедрами, заставил ее отступить на три шага и сказал:

— Ничто из того, что доставляет радость, не является противоестественным. Если мы обладаем телом, то это для того чтобы получить от него максимум удовольствия. Тем или другим способом, что это меняет?

Танцующие пары окружали их со всех сторон. Возмущенная Элизабет тихо сказала:

— Значит, ты одобряешь этого мальчика и его вкусы?

— Разумеется! Я даже подталкиваю его к тому, чтобы он начал их воплощать.

— Давая ему уроки немецкого?

— Между упражнениями по грамматике мы говорим о наших личных делах, о жизни…

— И он слушает тебя, восхищается тобой?

— Я думаю, что он очень любит меня. И в моих силах заставить его потерять голову.

Они танцевали на краю площадки. Элизабет смотрела на Кристиана с изумлением.

— И ты бы смог?

— Конечно, но у меня нет никакого на это желания.

— Ты… ты уже пробовал… ну, с другими?

— А кто не пробовал? Все надо познать.

— Ты мне противен, — сказала она ему сквозь зубы.

Он разразился металлическим смехом:

— Какой же ты еще ребенок? Я повторяю тебе, что этот мальчик интересует меня только как подопытный объект. Я наблюдаю за его жизнью, анализирую его поступки, направляю его, как если бы он был моим младшим братом. У тебя абсолютно нет причин для ревности.

— Я не ревную! — возразила Элизабет.

— Если бы ты видела свои глаза. Они мечут громы и молнии! Впрочем, это придает тебе еще больше шарма.

Они сделали еще несколько па, не сказав друг другу ни слова. Элизабет удивлялась, что уже не понимала причины своего гнева. Вдруг она спросила:

— Почему ты сейчас позволил себе говорить со мной на «ты» при этом юноше?

Кристиан еще крепче прижал ее к своей груди, словно хотел заставить замолчать:

— А почему бы мне не говорить тебе «ты»? Ты же моя, Элизабет.

— Он вообразит себе…

— Мне плевать на то, что он себе вообразит. Меня волнует только то, что ты себе воображаешь. И ты не можешь на меня сердиться только за то, что я пригласил тебя на танец, когда ты сидишь с другим. И вообще, ты не можешь на меня сердиться, потому что ты любишь меня, я люблю тебя, а все остальное не имеет для нас значения. Сейчас ты беспокоишься, стараешься сохранить свою репутацию. Но завтра, очутившись в моих объятиях, ты забудешь об этом и все покажется тебе простым, необходимым, чудесным!.. В котором часу ты придешь?

Элизабет не могла собраться с мыслями. Ее тело напряглось в предвкушении завтрашнего счастья.

— Как всегда, в три часа, — наконец ответила она.

Кристиан поцеловал ее в ухо и прошептал:

— Заранее благодарю тебя за удовольствие, которое ты доставишь мне, девочка моя!

Музыка смолкла. Публика зааплодировала. Элизабет стояла неподвижно с отсутствующим видом. У нее было тяжело на сердце. Ей хотелось на воздух, ей хотелось света, прохладной воды.

— А сейчас мне придется вернуть тебя твоему воздыхателю.

Кристиан проводил ее до столика, снова поклонился Патрису Монастье и вернулся в бар, где его ждал ученик, потягивая содержимое своего стакана через соломинку.

— Извините меня, — сказала Элизабет, садясь.

Музыкант печально взглянул на нее и сказал:

— Конечно, Элизабет. Хотите посидеть еще немного или вернуться в гостиницу?

— Который час?

— Скоро шесть.

— Думаю, что пора идти, — сказала она. — Я не предупредила маму, что меня долго не будет.

— А ваши друзья Сесиль и Жак? Мы не будем их дожидаться?

— Они уже не придут.

Она попыталась быть любезной с этим молодым человеком, чувствуя, что разочаровала его.

— Я довольна, Патрис, что поболтала с вами немного, — продолжила она. — Вы еще расскажете мне о ваших планах, не так ли?

— Да, конечно, — ответил он. — А вы мне расскажете о своих!

Был ли это намек? Он пристально смотрел на нее умоляющим взглядом. Но так как она не ответила, он подозвал метрдотеля и уплатил по счету.

ГЛАВА VI

С того момента как Глория начала надеяться на приезд своего жениха, никто в гостинице не верил в то, что ее мечта осуществится. Но однажды утром, после просмотра почты, она подошла к Амелии и, покраснев, но сохраняя гордый вид, попросила ее зарезервировать номер на следующую субботу на имя господина Паскаля Жапи. Он пробудет в Межеве три дня. Новость быстро распространилась по всей гостинице. Всем хотелось увидеть того, кому повезло покорить сердце такой очаровательной девушки. Вопреки своей сдержанности и светским манерам, Глория становилась то словоохотливой, то рассеянной, то улыбалась кому-то, то краснела некстати. В ее глазах светилась радость. Лицо сияло. Лицо же ее сестры, напротив, стало мрачным: Жак с матерью уезжали в Париж.

Расставание было печальным. В холле было слишком людно, и влюбленная пара не могла спокойно попрощаться. Пока Пьер и Амелия выслушивали слова признательности от мадам Греви за великолепный отпуск, который она и ее сын провели в «Двух Сернах», Элизабет наблюдала за молодыми людьми. Они смотрели друг на друга с таким отчаянием. В глазах Сесиль стояли слезы, уголки ее губ были скорбно опущены, а лицо Жака было необычайно бледным. Стиснув зубы, он как настоящий мужчина переносил эту муку расставания. Антуан укладывал чемоданы на верхний багажник машины. Наконец настал час отъезда. Сесиль долго стояла на крыльце, глядя на удаляющийся старенький «Рено».

Когда она вернулась, сестра нежно взяла ее за руку и увела в маленький салон. Элизабет подошла к ним. Сесиль горестно вздыхала, водя пальцем по спинке кресла. С этого дня она тоже стала с нетерпением ждать прибытия почты.

Получив первое письмо от Жака, она поднялась к себе в номер. Она пробыла там довольно долго, а когда спустилась, лицо ее сияло. А утром следующего дня в Межев приехал Паскаль Жапи. В этот день ярко светило солнце и снег сиял во всей своей красоте.

Пьер подвез сестер Легран на своей машине до автобусной станции. Вскоре они вернулись с тщедушным и бледным молодым человеком в форме младшего лейтенанта. К несчастью, он имел сходство со своей фотографией. Глория, которая просто повисла на руке у своего военного очкарика, выглядела еще более красивой, ее волосы были светлее обычного и она прямо-таки излучала здоровье. Элизабет подумала, что такая красавица, как Глория, могла бы выбрать себе в женихи кого-нибудь получше. Однако Амелия была другого мнения. Может быть, из-за военной формы? Она находила, что Паскаль Жапи выглядел серьезным, умным и покладистым. Когда он вошел под руку с Глорией в столовую вместе с Сесиль и мадемуазель Пьелевен, все взгляды устремились в его сторону. По такому случаю мадемуазель Пьелевен надела вышитую блузку с перламутровыми пуговицами. Ее душа радовалась, что за ее столом сидел мужчина. Согретая светом этой юношеской любви, она много и возбужденно говорила, кокетничала и смеялась так, словно звенел колокольчик. Большинство зрелых женщин с нежностью смотрели на эту пару. Благодаря Глории все они снова почувствовали себя невестами.

После завтрака влюбленные пошли на прогулку пешком, потому что Паскаль Жапи не умел кататься на лыжах. Сесиль предложила Элизабет пойти с ней на Рошебрюн. В присутствии матери Элизабет согласилась, оставив за собой право передумать по пути, ведущему к подвесной дороге: у нее была назначена встреча с Кристианом.

— Тогда подождите меня пять минут, я закончу письмо и приду, — попросила Сесиль.

Элизабет вошла в маленький салон и увидела там Патриса Монастье. Сидя за инструментом, он записывал карандашом ноты в нотной тетради.

— Я вам не помешаю? — спросила Элизабет.

Патрис развернулся на вращающейся табуретке и взглянул девушке в лицо. Они не разговаривали друг с другом после посещения «Мовэ Па».

— Вы мне никогда не мешаете, — галантно ответил он. — Что вы собираетесь делать сегодня после полудня?

— Пойду на Рошебрюн кататься на лыжах. А вы?

— Да вот хотел бы поработать немного, но что-то не клеится.

— Что вы пишете?

— Это вас интересует?

— Очень! — сказала она.

Он улыбнулся светло и радостно, как ребенок:

— Правда? В таком случае, когда я определюсь с темой, то я сыграю вам кусочек. Я задумал написать концерт. Дело слишком кропотливое, боюсь, что это мне не под силу.

— Я уверена, что вы с этим прекрасно справитесь, — сказала Элизабет с убеждением, удивившим ее саму.

Странно, но ей почему-то хотелось завоевать уважение этого юноши. Он разговаривал с ней серьезно, прислушивался к ее мнению, и поэтому у нее создалось впечатление, что она может привлечь мужское внимание не только своей молодостью, очарованием или склонностью к любовным утехам. Он взял первый аккорд и тихо сказал:

— Надеюсь, что вам понравится эта тема, навеянная заснеженными склонами.

На пороге показалась Сесиль:

— Я готова!

— До вечера, Элизабет! — сказал Монастье.

— До вечера, Патрис.

Элизабет заспешила. Было уже около трех. Девушки вышли вместе и расстались там, где дорога на Глез пересекалась с дорогой, ведущей к канатной. Пока Сесиль карабкалась по склону с лыжами на плече, Элизабет шла быстрым шагом в сторону деревни. От желания побыстрее дойти до цели кровь застучала у нее в висках. Ее целью была комната с закрытыми ставнями, где ее ждал Кристиан.

Когда она в шесть часов вечера вернулась в гостиницу, Сесиль тоже только что вошла вместе со студентами, которых она встретила на горе. Сидя в углу холла, Глория и ее жених тихо разговаривали, листая каталог большого иллюстрированного журнала. Они готовились к будущей совместной жизни. У Элизабет сжалось сердце. Чтобы встряхнуть с себя эту грусть, она вспомнила, что Кристиан сказал ей после любовных ласк, когда она лежала удовлетворенная, прижавшись к его боку:

— На свете есть мало женщин, которые так хорошо созданы для любви, как ты. Ты отдаешься этому без остатка. Это и есть высшая гармония. Ты отдаешь себе отчет в том, как же тебе повезло?»

Она повторяла себе, что ей, конечно, очень повезло, но почему-то на сердце не стало легче.

На обед Глория заказала шеф-повару блюда из русской и французской кухни. Пьер принес из подвала бутылку шампанского, самого лучшего с его точки зрения. Другие столы, на которых стояло простое бордо или минеральная вода, выглядели очень бедно по сравнению с этим богатым столом, за которым пили вино, брызжущее радостью. После десерта к ним подошел шеф-повар, желая услышать комплименты, которые он безусловно заслуживал. Слегка опьяневшая мадемуазель Пьелевен сказала жеманным тоном:

— Вы просто избаловали нас, шеф!

— Счастлив служить молодому воинству и красоте французских женщин, — ответил повар громовым голосом.

Он с такой силой щелкнул каблуками, что его белый накрахмаленный колпак сдвинулся на ухо. Леонтина, стоя поодаль с опущенными руками, прямо-таки пожирала его глазами. Когда повар ушел, она еще долго не могла прийти в себя и только со второй попытки господину Флеку удалось вывести ее из оцепенения; Леонтина очнулась и принесла ему хлеба. У Амелии, которая наблюдала эту сцену через раздаточное окошко, снова возникли подозрения.

На другой день, около половины шестого, когда клиенты пили чай в холле, она вошла в столовую и удивилась, что стол был уже накрыт к обеду. Обычно экономка никогда не накрывала на стол раньше шести часов. Увидев Берту, шедшую ей навстречу по коридору, Амелия спросила:

— Где Леонтина?

Щеки Берты залило жарким румянцем. Она с трудом выговорила:

— Я не знаю, мадам. Думаю, что она в бельевой или у себя. Предчувствуя недоброе, Амелия пошла на кухню, где розовенькая и пухленькая мадам Рене чистила морковь вместе с Камиллой Бушелотт.

— Шеф-повар еще не пришел, мадам Рене? — спросила Амелия.

— Нет. Он прилег, как обычно. А который теперь час?

— Скоро шесть.

— О! Что-то Владимир залежался. Мне надо пойти за ним. Мы только дочистим эту морковь… вы позволите, мадам?

Амелия открыла рот, чтобы ответить, но в этот момент к ней подошел Пьер и нарочито веселым голосом сообщил:

— Нет, нет. Оставьте его. Пусть отдохнет!

— Но, Пьер, если он сейчас не спустится, то к восьми часам обед не будет готов, — возразила Амелия.

— Подумаешь! Запоздаем немного, это не так уж страшно.

Говоря это, он взглянул на Амелию таким странным взглядом, что та промолчала. Он, очевидно, хотел что-то ей сказать, но не в присутствии прислуги.

— Идем, Амелия? — Пьер взял ее под руку.

Она послушно последовала за мужем и уже у лестницы спросила:

— Почему ты не хочешь, чтобы мадам Рене пошла разбудить мужа?

— Да потому что он не один, — шепотом ответил Пьер.

— Что-что?

— Я сейчас шел в кладовую для белья и, проходя мимо комнаты Леонтины, невольно все услышал. Он там вместе с ней!

— Этого не может быть! — воскликнула Амелия, задохнувшись от возмущения.

— Но я же тебе говорю!

— Надо немедленно пойти туда и застать их врасплох!

— Ни в коем случае! — сказал Пьер. — Ты представляешь себе, какой скандал может разразиться? А его несчастная жена?..

В этот самый момент мадам Рене вышла из кухни, вытирая руки о фартук.

— Пойду встряхну его, а то он действительно заспался.

Оглушенная этим событием, Амелия не находила больше слов. Тогда заговорил Пьер:

— Подождите немного. Не торопитесь!

— Нет-нет! Ему вредно слишком много спать после обеда. И если я его не разбужу, он рассердится на меня и скажет:

«О чем ты думаешь, позволяя мне так долго храпеть?»

Она произнесла эту фразу с русским акцентом и озорно рассмеялась. Пьеру, ничего не оставалось, как рассмеяться вместе с ней. Амелии не удалось выдавить даже подобия улыбки.

— Прошу извинить меня, — сказала мадам Рене.

Она положила руку на перила. В этот самый момент ступеньки затрещали под чьими-то тяжелыми шагами. На лестничной площадке появился шеф-повар в своих брюках в бело-голубую клетку, сияющим лицом, блестящими глазами и колпаком набекрень.

— Ты знаешь, который час, Владимир? — спросила у него мадам Рене.

— Да, — ответил он с важным видом. — Будильник не зазвонил. Главное, чтобы не было опоздания с обслуживанием, а со мной этого никогда не бывает… Морковь готова?

И он пошел на кухню следом за женой.

— Чудовище! — шипела Амелия.

— Что ты теперь намерена делать?

— Подожду Леонтину.

— Не думаешь ли ты…

— Да, Пьер. Оставь меня.

Он нехотя ушел. Едва он удалился, как на верху лестницы появилась Леонтина. Увидев хозяйку, она немного смутилась, но затем, подняв подбородок над своим накрахмаленным воротничком, продолжила свой спуск по лестнице с легкостью балерины. Ее развязная походка и наглая улыбка подхлестнули возмущение Амелии.

— Идите со мной, Леонтина, — приказала Амелия. — Мне надо с вами поговорить.

Экономка последовала за ней в ее комнату. Амелия закрыла дверь и, гневно сверкая мерным глазами, проговорила:

— Леонтина, собирайте ваши вещи, вы уволены.

Лицо экономки обмякло как от удара.

— Но почему, мадам?

— Вы отлично знаете.

— Нет! — воскликнула Леонтина, с упрямством задрав подбородок.

— Если вы не знаете, то заслуживаете еще большего наказания, чем я предполагала. Вот уже несколько дней ваше поведение можно назвать просто скандальным. Мне не нужен работник с такими низкими моральными качествами, как ваши. Теперь, я надеюсь, вы поняли?

Покраснев от нанесенного ей оскорбления, Леонтина сузила глаза, ставшие злыми как у разъяренной кошки:

— Хорошо, мадам. Когда я должна уйти?

— Завтра утром, и как можно раньше.

— Но у меня нет на примете другого места…

— У вас будет большой выбор мест, с учетом тех, которые вы ищете. Если не найдете в добропорядочных домах, то наверняка найдете в других, посещаемых подозрительными личностями.

— Но, мадам…

— Не желаю вас слушать! — отрезала Амелия.

Она указала на дверь таким резким жестом, что шов затрещал у нее на рукаве. Затем, немного успокоившись оттого, что приняла столь справедливое решение, она пошла рассказать об этом мужу и дочери, однако те нисколько не обрадовались, а только поразились такой жестокой каре.

За обедом Леонтина обслуживала клиентов с видом отравительницы, но движения ее были так точны, так грациозны, что Амелия не могла не восхититься ее работой.

На следующее утро завтрак в ее комнату принесла Камилла Бушелотт. Только что проснувшаяся Амелия поставила поднос к себе на колени и обнаружила конверт, приложенный к горшочку с вареньем.

— Что это, Камилла?

Посудомойка испуганно захлопала глазами, страшась хозяйского гнева, и подобострастно пробормотала:

— Они сказали, что это ультиматум, мадам.

— Что?

— Ультиматум. Если мадам соизволит прочесть…

Амелия вскрыла конверт, вынула листок бумаги и прочла:

«Служащие гостиницы «Две Серны», считающие, что увольнение мадемуазель Леонтины Бонно не оправдано никакой профессиональной ошибкой, выражают свой протест против этой незаконной

меры и предупреждают дирекцию о том, что они солидарны с мадемуазель Бонно и что если она будет вынуждена уйти, они все оставят работу». Внизу текста стояли подписи Берты, Леонтины, Эмильены, мадам Рене и Антуана. В самом низу стояла постыдная закорючка, которую Амелия с удивлением для себя едва разобрала: Камилла Бушелотт.

— Я не хотела подписывать! — простонала Камилла. Но меня Эмильена заставила. Она сказала, что иначе я буду против них. Но я не хочу уходить, мадам. Что со мною будет, если я уйду?

— Кто составил это письмо?

— Мадам Рене.

— Ну это уж слишком!

Она прочитала еще раз и спросила:

— Я не вижу подписи шеф-повара. Разве он не согласен с вами?

— Согласен, мадам. Он сказал, что уйдет, если уйдут все, но что он не мог поставить свою подпись. Я не знаю почему.

— Зато я знаю! — грозно сказала Амелия. — Ваш шеф-повар просто лицемер. Но я еще не сказала своего последнего слова. Ничего! Он увидит, увидит…

Она просто задыхалась от гнева.

— Сейчас же найдите мне хозяина! — приказала она.

Испуганная Камилла, не проронив ни слова, бросилась на поиски. Через пять минут Пьер и Элизабет вошли в комнату.

— Читайте! — сказала им Амелия.

Они взяли лист бумаги и прочитали вместе. Пьер первым поднял голову:

— Ну вот мы и влипли!

— Это просто бунт, ни больше, ни меньше! — воскликнула Амелия, запахивая на груди ночную розовую кофточку.

— Дело в том, что они действительно могут все сбежать, если ты будешь упорствовать, — сказал Пьер. — Я же советовал тебе не вмешиваться в их дела!

— Если я и вмешиваюсь, — возразила Амелия, — то только потому, что не могу выносить грязи в моем доме.

— Да, но ты видишь результат, мама! — ответила Элизабет. — Ты слишком далеко зашла.

— А они не далеко зашли? Они, видите ли, считают, что у меня нет причин для увольнения Леонтины! Ну так вот, я скажу им в лицо, почему я выставляю ее за дверь, я скажу это в присутствии шеф-повара и его жены!

С видом уставшего полководца, обдумывающего тактику боя, Амелия откинулась на подушки.

— Ты не можешь сказать им это, мама, — прошептала Элизабет.

— Ты думаешь, что я постесняюсь? Они-то не постеснялись написать нам это наглое письмо!

— Хорошо, — продолжала Элизабет. — Допустим, что они не правы. Но что произойдет, если ты им все расскажешь? Шеф-повар разозлится, если ты откроешь правду его жене. Его жена оскорбится, узнав о том, что муж ей неверен. Они уедут. Леонтина, которую ты уже уволила, тоже уедет. Берта последует за ней, потому что они всегда устраиваются на работу вместе. С кем же мы останемся? С Эмильеной, Антуаном и Камиллой Бушелотт? Тебе ничего не остается, как закрыть гостиницу.

— Элизабет права, — тихо вставил Пьер.

— Я не закрою гостиницу, — сказала Амелия. — Если надо, мы будем работать втроем до тех пор, пока не подыщем замены.

В дверь постучали.

— Кто там? — спросила Амелия раздраженным голосом.

— Это я, Камилла! Мадам, постояльцы требуют холодный завтрак. А ничего еще не готово.

— Хорошо! — сказала Амелия. — Иди, посмотри, Пьер. А ты, Элизабет, скажи клиентам, чтобы они немного подождали. Я встаю.

Она заканчивала одеваться, когда в комнату вошел Пьер со спокойным и победоносным видом.

— Я поговорил с шеф-поваром относительно холодного завтрака, — заявил он. — Все устроилось. Но мне хотелось бы, чтобы он повторил тебе то, что объяснил мне.

— Отлично! — сказала Амелия. — Я как раз хотела расспросить его раньше других. Где он?

— В коридоре.

— Сейчас мы его выслушаем.

Она увела мужа в маленький салон, вызвала шеф-повара и когда тот щелкнул перед ней каблуками, посмотрела на него ледяным взглядом.

— Мадам, — сказал Балаганов, — при всем моем уважении, я уже довел до сведения мсье, что был против ультиматума, равно как и против увольнения Леонтины.

— Как это удобно, — сказала Амелия с иронией в голосе, опершись рукой на пианино.

— Это совсем неудобно, — возразил шеф-повар. — Я против ультиматума, потому что я был солдатом русской императорской армии, потому что долго воевал против большевиков и потому что ультиматумы, комитеты, забастовки и все такое прочее — это то, что устраивали большевики в моей стране.

— Действительно, — сказала Амелия. — Тогда почему вы против увольнения Леонтины?

— Потому что она не заслуживает этого, — прогудел он.

— Вы так считаете?

— Да, мадам. Она не заслуживает. Если хотите, то во всем виноват я один.

Он вздохнул, опустив голову, и скорбно добавил:

— У меня слабость немного поухаживать за красивыми женщинами.

— Вы называете это немного поухаживать?! — воскликнула Амелия. — Вчера в шесть часов вечера вы были в комнате Леонтины.

— Не стану отрицать, — ответил шеф-повар. — Был. Меня подтолкнул дьявол похоти. Но Леонтина вела себя со мной как святая.

— Правда?

— Клянусь вам, мадам. Бедняжка Рене, она обо всем догадывается и закрывает на это глаза! Это правда, что Леонтина впустила меня, но только для того, чтобы урезонить… Я выслушал ее, словно это был голос моей совести, и ушел сконфуженный и невинный…

— Вот видишь, Амелия! — сказал Пьер. — Все оказалось не столь серьезно.

— Теперь же, — продолжал шеф, — я выздоровел душой и телом.

— До того дня, когда не представится новый случай, — ядовито сказала Амелия.

Балаганов стукнул себя в грудь тяжелым как камень кулаком.

— Нового случай не будет, мадам. Я казак. А казак дает слово только один раз. И я даю его вам.

Амелия пребывала в растерянности. Можно ли было верить раскаянию этого человека, который дал себе столь суровый обет и обещал не повторять ошибки? Она вспомнила испанца Вилларубиа, который когда-то в Париже отнесся к ней неуважительно и с таким же красноречием извинялся перед ней за свой поступок. Право, этих иностранцев невозможно было понять!

Пьер тихо спросил:

— Ну так что мы решим?

Погруженная в воспоминания, Амелия вздрогнула. Шеф-повар стоял перед ней плотной белой

массой, словно большой ком снега. Он ждал приговора.

— Хорошо, — сказала Амелия. — Я оставлю Леонтину. Но если я замечу что-нибудь в ваших отношениях…

— Будьте спокойны, мадам, — ответил шеф-повар. — Да благословит вас Бог! Леонтина придет поблагодарить вас.

— Это ни к чему.

— Это необходимо, мадам. Я могу идти?

— Идите, — сказала Амелия.

Он вышел, а Пьер рухнул на стул:

— Уф! Ну и история!

Амелия была недовольна тем, что уступила, и в то же время успокоена тем, что все так мирно разрешилось.

— Надеюсь, нам не придется раскаиваться в том, что мы проявили себя слишком сговорчивыми, — сказала она.

— Конечно, — ответил Пьер. — Он хороший малый, да и Леонтина не так уж плоха, хотя характер у нее не слишком приятный.

В полдень Леонтина предстала перед хозяевами и сказала, что была ни в чем не повинна, прокляла этот злосчастный ультиматум и заявила со слезами на глазах, что была привязана к дому, где с ней всегда так хорошо обходились. Амелия успокоилась. Порядок в гостинице был восстановлен, и никто из клиентов ни о чем не догадался.

На другой день Паскаль Жапи, верный воинскому долгу, был вынужден выехать на восток, где стояла его часть. Пьер предложил подвезти его до Салланша. Глория и Сесиль отправились его провожать. По возвращении с вокзала Глория была грустна и молчалива, но держалась стойко. Сесиль увела Элизабет в маленький салон и, убедившись, что их никто не слышит, прошептала с таинственным видом:

— Вы знаете, кого я видела на перроне?

— Нет.

— Этого парня, Кристиана Вальтера. Он провожал друзей на поезд. Да вы же их знаете! Они однажды обедали в гостинице: господин с седыми волосами и элегантная дама…

— Ну конечно, — сказала Элизабет и быстро сменила тему разговора.

Встретившись во второй половине дня с Кристианом в его комнате, она, однако, спросила:

— Ты сегодня утром был в Салланше?

— Кто тебе сказал?

— Никто. Я ясновидящая.

Он рассмеялся:

— Ты угадала. Я провожал друзей Жоржа и Франсуазу Ренар…

— У них закончился отпуск?

— Не совсем так. Жоржу необходимо вернуться к своим делам. А Франсуаза пробудет еще месяц в Межеве, в своем швейцарском домике.

— Значит он уехал один?

— Да.

— И ты вернулся с этой дамой в Межев?

— Конечно!

— Автобусом?

— Нет. В их машине.

— Кто был за рулем?

— Я. Но почему ты задаешь мне столько вопросов?

— Просто мне хочется знать, что ты делаешь, когда ты не со мной. Я так мало вижу тебя. Три четверти своего времени ты отдаешь другим. Это несправедливо!

Теплая и обнаженная, она сжалась в объятиях Кристиана. В перерыве между ласками они говорили о всякой всячине. Помолчав, он сказал:

— Я хочу сообщить тебе последнюю новость, Элизабет.

— Какую?

— Я переезжаю.

Она села, охваченная внезапной тревогой. Все рушилось. Она жалобно спросила:

— Ты переезжаешь? Куда?

— Помнишь, я говорил тебе об одной комнате?

— Какой комнате?

— Ну вспомни. Комната на старой савойской ферме, рядом с дорогой на Лади.

— Ах, да!

— Так вот, все в порядке. Я снял ее.

Успокоившись, Элизабет приложила руки к груди и воскликнула:

— Это чудесно!

— Еще бы! Я так давно мечтал о ней! Эти крестьяне слишком долго раздумывали. Сегодня утром, возвращаясь с вокзала, я заехал к ним. Мы поговорили. Я сделал первый взнос. Все улажено. Теперь у меня будут маленькие узкие окошки, балки на потолке, камин с вытяжкой! Я уверен, что тебе там понравится. Ты поможешь мне обставить ее?

— Да, — сказала она. — Это будет наш дом, Кристиан! Кристиан, дорогой мой! Я так счастлива!

Она бросилась ему на шею и страстно поцеловала, как будто он делал ей подарок. Наконец-то она сможет создать что-нибудь вместе с ним, интерьер, очаг, жизнь…

— Тебе будет удобнее приходить ко мне туда, — продолжил он, — без риска быть замеченной. Спустившись с Рошебрюна, ты сойдешь с лыжной тропы и через сто метров сможешь снять лыжи перед дверью моего дома. Там есть отдельный вход. Мы будем любить друг друга вдали от всех, в пустыне…

Пока они говорили, знакомая грусть охватывала ее, смешиваясь с самыми ясными и смелыми мыслями. Ее полуоткрытые губы уже искали губ Кристиана. «Он еще не понял, — думала Элизабет. — Но однажды мне удастся убедить его».

— Что с тобой? — спросил Кристиан.

Она попыталась стряхнуть с себя оцепенение, стать опять веселой и прошептала, приблизившись к нему:

— Ничего. Все прекрасно… Когда ты туда переберешься?

— На неделе. Надо только вымыть комнату и обставить ее. Я даже купил кое-что из мебели у этих славных людей просто за бесценок. Великолепная савойская мебель, цену которой они просто не знают: шкаф, ларь для хранения хлеба, стол, настенные часы, разные безделушки. Сама увидишь. Если хочешь, то завтра мы сходим на ферму во второй половине дня.

— И во все последующие дни. У нас будет столько работы! — энергично воскликнула Элизабет.

Облокотившись, Кристиан смотрел на нее сверху, потом наклонил голову и она затерялась в его глазах. Ей уже не хотелось думать о доме, о мебели, о будущем. Ее тело расслабилось, как земля перед дождем. Он принялся снова ласкать ее, Элизабет лежала, полуприкрыв глаза, а первые волны наслаждения были такими нежными, что она ощутила на губах вкус своих слез.

ГЛАВА VII

Элизабет слезла со стремянки, чтобы полюбоваться кретоновыми занавесками, которые она только что повесила на окна. Окопные простенки были такими широкими, что дневной свет проникал в комнату, как через бойницы крепости. Сундук, ларь для хлеба, резной шкаф, длинный стол с двумя скамейками выделялись вдоль стен темной массой. В камине плясал огонь, и его отблески, достающие до самого потолка, лизали бревенчатые шероховатые балки. Стоя на стуле, Кристиан собирался вбить гвоздь.

— Посмотри, — попросил он. — Нормально по высоте?

— Нет, — ответила Элизабет. — Немного пониже. Вот так! А теперь вбивай.

Он стукнул молотком по шляпке гвоздя.

— Ты действительно хочешь повесить эти гравюры над кроватью? — спросила она.

— Конечно! А что, они тебе не нравятся?

— Нравятся, но мне кажется странным, что у тебя в комнате будут висеть церковные картинки. Это на тебя не похоже. Я даже не знаю, как это тебе объяснить.

Кристиан рассмеялся:

— Необязательно быть верующим, чтобы любить эти миниатюры. Передай мне самую большую. Мы повесим ее посередине.

Это было изображение Девы Марии, вставленное под стекло с двумя прядями светлых натуральных волос, на ее белом лбу выделялись пятнышки плесени. Кристиан взял рамку обеими руками, отодвинул подальше от глаз, потом снова приблизил к себе и сказал:

— Она очаровательна! Страшно некрасивая и в то же время очаровательная! Подумай, Элизабет, об этом добром незнакомце, посвятившем столько зимних вечеров, сидя у огня, чтобы сотворить этот наивный и кустарный шедевр. И теперь Богоматерь будет добродушно улыбаться надо мной, сонным, немного скосив глаза.

Он повесил рамку, поправил ее и вбил еще два гвоздя для маленьких картинок, на одной из которых был изображен святой Иосиф, а на другой Иисус на ослике.

— Постараюсь раздобыть еще несколько, — сказал Кристиан. — Если поискать на здешних фермах, можно обнаружить чудесные вещи.

Элизабет помогла Кристиану придвинуть кровать к стене. Три лица с застывшими взглядами и нимбами из позолоченной бумаги склонялись над изголовьем. Кристиан повернулся к ним спиной, прошелся по комнате, с удовлетворением глядя по сторонам:

— Занавески восхитительные! То что надо! На сундук я поставлю большой медный чан, который папаша Рубильо все же продал мне, хотя и не хотел с ним расставаться.

Мимоходом он дотрагивался кончиками пальцев до мебели. Когда он ласково поглаживал какой-нибудь предмет, Элизабет казалось, что он больше не думал о ней. Вдруг ей пришла мысль, что она была для него поводом для радости так же, как этот сундук, этот шкаф…

— Никогда бы не поверил, что мы сможем устроить все за пять дней, — сказал он. — Без тебя я, конечно, этого бы не сделал! Ты была просто чудо, Элизабет!

Кристиан обнял ее за талию и поцеловал в шею так нежно, что она обхватила его за плечи, чтобы сдержать дрожь, которая прошла по всему ее телу. Но он продолжал целовать ее в этот обнаженный участок жаждущей плоти. Возбужденная этой лаской, она еще теснее прижалась к его большому и жаркому телу. В этот момент в дверь постучали. Кристиан отстранился от Элизабет и спросил:

— Кто там?

— Это я, мсье Вальтер, — ответил кто-то хриплым голосом. На пороге появился хозяин фермы, высокий и сухой старик с узкими и вислыми плечами. Мятая фетровая шляпа его была надвинута до самых бровей. Из длинных дряблых ушей торчали рыжие волосы. За спиной у него оказалась корзина с дровами.

— А вот и дровишки, как вы просили, — сказал он, с грохотом перевернув корзину перед камином.

— Спасибо, отец Рубильо, — сказал Кристиан.

— Хотите, чтобы я их сложил?

— Нет, спасибо. Я сам это сделаю.

Но Рубильо не собирался уходить. Он смотрел на огонь, почесывая в затылке так, что слышался скрежет ногтей о твердую, как сапог, кожу.

— И когда же вы переедете сюда жить?

— Завтра вечером, — ответил Кристиан.

— Ну и хорошо! Если вам что-нибудь понадобится…

— Я вам скажу.

— Ладно. Мы ведь рядом. Нас это нисколько не побеспокоит.

Он вздохнул, отвернулся от камина и быстрым взглядом оглядел проданную им мебель. Увидев, как она тщательно почищена и натерта до блеска, он, конечно, пожалел о том, что не запросил за нее больше.

— Вам нравится? — спросил Кристиан.

Рубильо пошевелил своими мохнатыми рыжими бровями и сказал:

— Вам здесь наверняка будет хорошо. Я и хотел как раз спросить у вас, мсье Вальтер, вы не забудете об остальном? Значит, квартплата и мебель. Чан и картинки это в дополнение.

— Я все записал, отец Рубильо, — сказал Кристиан бодрым голосом. Со мной вам нечего беспокоиться!

— Дело не в беспокойстве, мсье Вальтер. Просто время идет, а жизнь дорожает. Нас с женой устроило бы, если бы вы не тянули долго с оплатой. Мы рассчитывали на эту сумму, понимаете? И ничего другого не требуем…

— Дайте мне немного времени, и я уплачу вам все до последнего сантима. До свидания, отец Рубильо! До завтра.

Удовлетворенный, Рубильо вышел, унося обещание в своей корзине.

— Эти крестьяне невозможные люди! — проворчал Кристиан. — Чем меньше у них желания расстаться со своим скарбом, тем скорее им хочется получить деньги. Если я верну им мебель, тогда тот же Рубильо станет умолять меня забрать все назад за полцены!

Он громко рассмеялся, сел на угол стола и притянул к себе Элизабет, поставив ее между колен. Она дала разглядеть себя.

— Вот, — сказал Кристиан через минуту. — Я был в этом уверен! Ты еще красивее на этой ферме, чем в моей комнатушке в Межеве.

Снова кто-то постучал.

— Опять! — прошептала Элизабет. — Тебе надо будет запретить этому Рубильо ежеминутно вламываться сюда!

Кристиан молча встал и открыл дверь. В проеме стоял Рубильо и женщина в лыжном костюме со светлыми волосами и очень стройной фигурой. Она улыбалась ярко накрашенными губами. Лицо ее было загорелым, вокруг глаз лучились тонкие белые морщинки. Элизабет узнала эту женщину с первого взгляда: она обедала с мужем и Кристианом в «Двух Сернах».

— Франсуаза! — воскликнул Кристиан. — Какой приятный сюрприз! Входи же.

Он говорил ей «ты». Элизабет почувствовала острую неприязнь и приняла отчужденный вид. Посетительница вошла в комнату, изобразив смущение при виде девушки, и сконфуженно прошептала:

— Надеюсь, я не побеспокоила тебя?

— Конечно же нет! — ответил Кристиан.

— Так удобно добираться до тебя, стоит только спуститься с Рошебрюна!

Кристиан подвел ее к Элизабет.

— Представляю тебе одного из моих друзей: мадемуазель Элизабет Мазалег, мадам Франсуаза Ренар.

Они пожали друг другу руки. Франсуаза улыбалась. Элизабет стояла нахмурившись.

— Я вас уже видела, мадемуазель, — сказал Франсуаза. — Вот только где? Ах, да, в этом маленьком семейном пансионе, куда нас однажды водил Кристиан.

— В гостинице «Две Серны», — холодно уточнила Элизабет.

— Верно! Мы там пробовали блюда отличной русской кухни!

Она повернулась и медленно оглядела все в комнате. Потом, хлопая ресницами, проговорила сладким голосом:

— Сколько изменений за три дня! Когда я была здесь в последний раз, то задавалась вопросом, что получится из этого хлама? И посмотрите! Ты славно поработал, Кристиан.

— Правда, хорошо? — весело переспросил он, что привело Элизабет в бешенство. Франсуаза нахмурила брови и вяло покачала головой, как если бы сильное художественное наслаждение утомило ее:

— Это лучше, чем хорошо, дружок! Я просто в восторге! Я смотрю на этот сундук, и он рассказывает мне свою историю. А эти ярмарочные картинки над кроватью! Только тебе могло прийти в голову повесить их. Здесь все пронизано деревенским духом и добродетелью.

— Наконец-то хоть кто-то понял меня! — сказал Кристиан со смехом.

Франсуаза присела на край кровати, выпятила грудь и выдохнула:

— Ах! Мой маленький швейцарский домик будет мне теперь казаться безвкусным! Если бы я знала, то купила бы старую ферму вроде этой, а ты обставил бы ее по своему вкусу.

— Я тебе предлагал это, — ответил Кристиан.

— Ты же помнишь, что Жорж не хотел. Он слишком любит комфорт. Но в комфорте смертельно скучно жить, не так ли, мадемуазель?

Элизабет не знала что ответить. В присутствии этой элегантной женщины она терялась и опять становилась очень молоденькой девушкой, робкой, стеснительной и неловкой. Ей хотелось, чтобы Кристиан выпроводил непрошенную гостью, но, казалось, ему было очень приятно принимать ее у себя.

— А когда будет новоселье?

— В следующую пятницу, — сказал Кристиан.

— Отлично! Устроим ужин со свечами. Это будет очень мило! Надеюсь, вы будете свободны в этот вечер, мадемуазель?

— Нет, — хмуро ответила Элизабет.

— Как жаль! — воскликнула Франсуаза. — Ты слышишь, Кристиан, что она говорит? Ты должен убедить ее, дорогой.

— Конечно, конечно, — сказал он, взяв Элизабет за руку. — Она сможет прийти хоть ненадолго…

Элизабет высвободила руку и сказала:

— Ты отлично знаешь, что это невозможно.

— Кого ты приглашаешь? — спросила Франсуаза.

— Ну… всю компанию, — ответил Кристиан.

Франсуаза сделала испуганное лицо:

— Ты с ума сошел! Будет слишком много народа! Нам было бы приятнее побыть среди своих. Подожди немного…

Двумя пальцами она потерла переносицу, видимо желая получше сосредоточиться, и сообщила певучим голосом:

— Естественно, Сюзи, Мадлен, Боб.

— Малыш Сольнье…

— Да.

— Ги и Жан-Марк…

— Если тебе так хочется…

— О! И еще те две очаровательные девушки, которые остановились в гостинице «Гора Арбуа». Как их зовут?

— Колетта Фабр и Эвелин Деламюр…

— Да-да! Если бы мой муж был здесь, я попросила бы тебя пригласить эту пышную блондинку, при виде которой у него спирает дыхание.

— Когда приедет Жорж?

— Откуда я знаю? Думаю, что недели через две, не раньше.

— Тогда блондинка отпадает?

— Да, отпадает, — ответила Франсуаза, рассмеявшись серебристым смехом.

— Тогда мне, наверное, стоит пригласить этого австрийского красавца, имя которого я не буду называть, чтобы не скомпрометировать тебя.

Глаза Франсуазы заблестели:

— Ты это сделаешь для меня, Кристиан?

— Не раздумывая!

— Хорошо, я согласна, — сказала она, хлопнув ладонью по дивану.

Эти слова свидетельствовали о таких тесных отношениях между ними, что Элизабет вновь возмутилась. Не принимавшая участие в разговоре, Элизабет удивилась количеству людей, заполнявших жизнь Кристиана, в то время как она полагала, что занимает в ней главное место. Она вдруг ясно почувствовала, что была здесь лишней. Однако ей не хотелось уходить. Первой должна была уйти эта женщина. И действительно, обсудив последние детали праздника, Франсуаза удивилась как быстро бежит время, тряхнула блестящими локонами, взяла варежки и встала со словами:

— Мне надо бежать, дружок. У меня еще встреча с Полиной в «Избе».

— Она все еще в Межеве?

— Да. Ее муж сломал позавчера ногу, когда вылезал из саней. Эта целая история! Я расскажу тебе потом. До свидания, мадемуазель.

Элизабет с облегчением посмотрела вслед уходившей представительнице того мира, в котором она никогда не будет жить. Кристиан проводил Франсуазу до двери. На пороге она задержалась и сказала доверительным тоном:

— У тебя не слишком много проблем с твоим крестьянином, Кристиан?

— Да что ты! — ответил он. — Рубильо ворчит немного для виду. Но я сумею заставить его потерпеть.

— Во всяком случае, если ты сейчас стеснен в средствах, скажи. И мы найдем выход.

— Ты прелесть, — сказал Кристиан, целуя ей руку.

Когда она ушла, он повернулся к Элизабет с беззаботным лицом. Разве он не заметил, что она была шокирована слишком любезным приемом, который он оказал Франсуазе? Он хотел снова обнять девушку, но она так резко отодвинулась, что он ударился локтем об угол сундука. Эта боль вызвала в нем злость.

— Что с тобой? — спросил он.

— Ничего.

— Да нет же! Достаточно посмотреть на тебя, чтобы понять, что ты разозлилась.

— Мне не нравится эта женщина, Кристиан, — сказала Элизабет.

Он закинул назад голову, его глаза и зубы блеснули:

— Франсуаза? Вот это да! Уж не ревнуешь ли ты меня к ней?

Прислонившись к стене, она бросила на него огненный взгляд и ответила:

— Да, Кристиан.

— Это просто смешно! — воскликнул он. — Скорее она должна ревновать меня к тебе, Элизабет.

— Почему?

— Потому что мы с Франсуазой знакомы вот уже восемь лет, потому что она мой лучший друг и потому что, встретившись с тобой, я вижусь с ней все реже и реже.

— Ты не говорил мне, что она уже была в этой комнате!

— Я даже и не подумал об этом.

— Как ты с ней познакомился?

— Через общих друзей.

— В Межеве?

— Нет, в Каннах. У Жоржа и Франсуазы есть великолепный дом на юге. Первый раз я у них был на коктейле с товарищем. Затем они пригласили меня одного.

— Ты часто у них бывал?

— Очень часто. Они симпатичные люди. Впрочем, я больше нигде и не находил такого гостеприимства, широкого и ненавязчивого.

— Ты поедешь туда в этом году?

— Может быть, на пасху.

Элизабет испуганно посмотрела на него:

— Как… на пасху?

— Ну да! Наша школа закрывается на две недели. После окончания зимнего сезона ты уедешь с родителями в Париж. А мне что делать одному в Межеве в распутицу?

— Ты прав, — прошептала она, потупившись. Мысль о расставании удручала ее. Вдруг она подняла голову и грустно сказала:

— Кристиан, ты и вправду организуешь в пятницу этот прием?

— Конечно! А почему бы и нет?

— Все эти люди, которые придут сюда, к нам…

Он сжал ее виски обеими ладонями:

— Какая ты дикарка, моя маленькая Элизабет! Ты должна быть здесь в пятницу. Я буду ждать тебя после полуночи за гостиницей. Ты выйдешь через черный ход. Мы вместе примем моих друзей. Потом я провожу тебя домой, когда ты захочешь.

Кристиан запустил пальцы в ее волосы, поднимая и взлохмачивая их, словно играя. Но Элизабет продолжала смотреть на него с глубокой грустью:

— Нет, Кристиан, я не приду.

— Ты не права, Элизабет. Своим упрямством ты все осложняешь. С таким характером ты никогда не будешь счастливой. Дай мне научить тебя жить просто в радости…

Он обнял ее. Устав от грустных мыслей, Элизабет вздохнула:

— Ты, конечно, прав, но я ничего не могу поделать с собой. Я должна быть уверена в том, что ты

принадлежишь только мне одной.

— Но я и так принадлежу только тебе, моя любимая, — сказал Кристиан, склонившись к ней, чтобы поцеловать ее. — Тебе одной. Я и сам удивлен этому. Ты знаешь, что со мной это впервые?

Когда он почувствовал, что она задрожала и расслабилась под его поцелуями, он выпрямился и снова спросил:

— Ну, Элизабет, решено? Ты придешь?

— Нет, — ответила она и снова протянула ему губы.

ГЛАВА VIII

Неожиданно в гостинице образовалась пустота: Сесиль, Глория и мадемуазель Пьелевен уезжали вечерним поездом. Элизабет проводила подруг на машине до вокзала в Селланш. Они пообещали писать друг другу и увидеться в Париже. Элизабет с грустью провожала глазами вагоны с заснеженными окнами, исчезающие в ночи. Другие пансионеры освободили свои номера накануне. Сезон подходил к концу. Календарь спортивных мероприятий закончился второго марта «пробегом ветеранов». Внизу склонов снег становился льдистым и колючим, открывая островки прошлогодней травы. Кое-где на лыжных дорожках крестьяне стали разбрасывать пепел, чтобы ускорить таяние снега, покрывавшего их земли. Улицы деревни превращались в грязно-желтоватые дороги, по которым еще иногда проезжали сани, царапая землю своими полозьями. С лошадей, катавших в санях приезжую публику, скоро снимут колокольчики и поставят их в конюшни до того времени, когда нужно будет вывозить навоз в поля. Под неизменно лазурным небом из всех водостоков закапала вода. Иногда слой снега сползал с крыш и с глухим шумом разбивался о дорогу. На высотах Рошебрюна опьяневшие от снега спортсмены совершали свои последние спуски. Элизабет хотела присоединиться к ним в пятницу после второго завтрака, но мать попросила ее побыть в гостинице, пока они с мадам Монастье сходят в Межев. Время укрепило взаимную симпатию двух женщин, и эта прогулка развлекала их. Что касается Элизабет, то, по правде говоря, ей совсем не хотелось кататься в этот день на лыжах и, уговорив себя пойти на Рошебрюн, она обрадовалась, что пришлось отказаться от этой затеи. При ее теперешнем душевном состоянии развлечения были неуместны. Ей владела одна только мысль: сегодня вечером праздновали новоселье на ферме. Категорически отказавшись присутствовать на празднике, она не хотела теперь помогать Кристиану в его подготовке. Она увидится с ним завтра, когда все окончится, когда он снова будет в ее распоряжении. «Боже, как это глупо! Почему он не отменил этот прием. Разве он не любит меня настолько, чтобы послать всех этих людей к черту?» — с горечью думала Элизабет.

Холл был полупустым. Фрикетта дремала, свернувшись клубочком под рабочим столом. В четыре часа Амелия и мадам Монастье вышли из гостиницы и направились в «Мове Па» попить чаю. Элизабет, стоя на крыльце, задумчиво смотрела им вслед. Насколько же скромны были их требования по сравнению с теми, которые предъявляла жизни она! Стоило ли завидовать зрелым людям из-за их мудрости или жалеть их за их постоянные заботы и радости? Капли талой воды падали с навеса на волосы Элизабет. Она вернулась в холл, поправила одно боком стоящее кресло, толкнула дверь в маленький салон и увидела Патриса Монастье, который, сидя у окна, читал книгу. Он поднял голову, и лицо его озарилось счастливой улыбкой. Он, видимо, подумал, что Элизабет искала его общества. Ей же хотелось одиночества и, после ничего не значащих слов приветствия она направилась к себе в комнату. Фрикетта побежала за ней и улеглась около кровати.

Пихта как всегда заглядывала в окно, метко выделяясь на фоне голубого неба. Все вокруг было полно света, только дерево сохраняло зеленые сумерки в своих тяжелых ветвях. Оно казалось Элизабет старым и мудрым. Перед ним девушка таинственным образом вновь начинала ощущать себя, свою гордость и печаль. Чем дольше она глядела на пихту, тем больше понимала, что не было ей места там, среди этих незнакомых людей, которых Кристиан приглашал к себе с такой легкостью. Первые гости придут, наверное, часам к десяти. А когда закончится этот дурацкий праздник? Может быть, на рассвете?

Элизабет оперлась лбом об оконную раму. Солнечный свет слепил глаза, но она не двигалась, не закрывала век, бросая своей неподвижностью вызов медленно тянувшемуся времени.

Сон не шел. Элизабет протянула руку и зажгла ночник. Но это ничего не меняло: при свете в голову ей приходили все те же мысли. Может быть, Кристиан был прав, упрекая ее в дикарстве. Имела ли она право сердиться на него только за то, что он пригласил нескольких друзей, чтобы показать им свое новое жилище? Может быть, она была бы более счастлива среди них сегодня вечером, чем лежа одна в постели и представляя себе это новоселье, участвовать в котором она решительно отказалась? Час ночи. В большой комнате было уже полно народа. Все смеялись, пили, шутили и танцевали. Франсуаза Ренар своей улыбкой околдовала гостей. Резким движением Элизабет уселась, опершись о подушку. «Что я здесь делаю? Да я просто дурочка! Я должна пойти туда! Быть красивее, веселее и привлекательнее всех остальных! Да стоит друзьям Кристиана взглянуть на меня, как они поймут, что я та самая, которую он любит. Может быть, он даже представит меня как свою невесту?» Такое предположение привело ее в восторг. Она задавалась вопросом, почему так долго не могла убедить себя в том, что ей было необходимо присутствовать на этом приеме? Рефлексы пугливой девушки все еще мешали ее новой жизни — жизни женщины. Ведь это именно с ними ей надо было бороться, чтобы стать по-настоящему счастливой. «Элизабет, позволь мне научить тебя жить просто в радости!» — вспомнила она последние слова Кристиана. Она подумала, как он удивится, увидев ее, и на сердце у нее стало легко. Вскочив с постели, она умылась, причесалась и начала подкрашиваться. Фрикетта подняла голову от подушечки и с недоверием посмотрела на хозяйку. Что здесь происходит?

— Тебе этого не понять! — прошептала ей на ухо Элизабет, потрепав ее за загривок.

Она вынула из-под матраса свои самые красивые лыжные брюки, надела их и полюбовалась в зеркале на свою тонкую талию. Красный пуловер с норвежским рисунком, недавно купленный у Лидии, обтянул ее грудь и освежил лицо. Может, еще надеть шелковый платок? Да? Нет? Наконец, решившись, она завязала его узлом на шее, взяла в руки обувь и стала тихонько спускаться по ступеням.

С первых же шагов она испугалась не меньше, чем когда шла открывать дверь Кристиану. Как и тогда, она скользила бесшумно, чтобы не разбудить постояльцев. Ботинки, выставленные у каждого номера, укоризненно смотрели на нее. С развязанными шнурками, с открытыми пастями, из которых вываливались языки, они были как будто готовы залаять все разом. А что если кто-нибудь поднимет тревогу? Элизабет представила себе, как перед ней вдруг возникают отец и мать в ночных халатах. Ей казалось, что она слышит их вопросы. Сердце девушки сжалось от страха. «Не надо об этом думать, иначе у меня не хватит сил идти дальше». Оставалось не более десяти ступенек. Вот и коридор. Старые часы. «Во всяком случае, вернусь часа через два».

Войдя на кухню, она посмотрела на потолок и прислушалась. Кругом было тихо: над ее головой этажом выше спали люди. Она обулась и вышла в сад. Небо было ясным, усеянным льдистыми звездами. Элизабет быстро шла по дороге на Глез. От ночного холода грязь, смешанная со снегом, замерзла. Между комьями земли лежали темные колдобины. Внезапно она обернулась: большая черная пихта наблюдала за ней. Сокращая путь, Элизабет обошла стороной деревню и быстро добралась до дороги, ведущей на Лади. По мере того как она поднималась, снег становился плотней и тверже. От этой белой скатерти исходил какой-то неровный мерцающий свет. Между звездным небом и белой землей царило такое мирное согласие, что Элизабет почувствовала, как вся природа молчаливо поддерживала ее в тихой радости. Вдалеке, справа, виднелись темные контуры подвесной дороги. Серебряная нить уходила в пустоту. Одна кабина была вверху, другая внизу. Они никогда не смогут встретиться. «Эта ферма стоит на краю света!» Элизабет ускорила шаг. Она тяжело дышала, шагая по мягкому снегу, все время стараясь сокращать путь. Иногда она поднимала голову и вся звездная пыль попадала ей в глаза. Сколько она уже шла так? Десять минут, полчаса? В этом млечном пейзаже ее бегство казалось продолжением сна. Ей не верилось, что дом Кристиана когда-нибудь возникнет перед ней в этой белой пустыне. Вдруг остроконечная крыша, блестящая, с пятнами обледенелого снега показалась над откосом, сверкающим словно бриллиантовые россыпи. Слабо освещенные окна подслеповато вглядывались в ночную тьму. Элизабет остановилась в нерешительности: «Вот и все! Отступать уже нельзя! Я должна постучать в эту дверь, войти в этот свет, предстать перед всеми этими людьми!» От волнения ее ноги вдруг стали ватными, но она сделала над собой усилие и прошла еще немного вперед. Сквозь стены слышалась музыка патефона. Это была медленная танцевальная мелодия. Бутылки шампанского лежали прямо на снегу перед дверью. Элизабет на цыпочках подошла к окну, чтобы заглянуть внутрь. Оконное стекло запотело по краям, но было прозрачным посередине, на уровне глаз. За окном толокся народ. Горели свечи. Но основной свет шел от камина, в котором пылали большие поленья. Тени танцующих доходили до самого потолка. На полу между бокалами и грязными тарелками валялись пустые бутылки. Элизабет увидела Франсуазу Ренар, которая танцевала на месте, похотливо извиваясь всем телом, вытянув губы, готовые для поцелуя, с блондином атлетического телосложения, вероятно, с австрийским инструктором, приглашенным специально для нее. Какой-то лысый господин кружился под звуки музыки, держа в объятиях смеющуюся растрепанную девицу, кофточка которой была расстегнута до самого пупка. Два тела, лиц которых ей не удалось разглядеть, валялись на диване с переплетенными ногами. Две пары обуви образовали странный черный букет на меховом покрывале. Сидя в кресле, какой-то мужчина держал на коленях женщину, не отрываясь целуя ее в губы. Из глубины комнаты доносился нервный смех девицы в лыжном костюме и босой, она извивалась перед заметно опьяневшим парнем, который все время норовил ухватить ее за грудь. С бутылкой в руке Кристиан скользил между пар. Казалось, он был доволен собой и своими гостями, улыбался налево и направо, что-то говорил, наливал вино.

Женщины смотрели на него горящими глазами. Он подошел к молоденькому блондину, сидящему в одиночестве на табурете перед камином: это был Сольнье, его ученик. Юноша хотел встать, но Кристиан придержал его и заговорил ему что-то на ухо, одновременно поглаживая ладонью его волосы. Малыш Сольнье изгибал шею, как послушная кобылка. Кристиан налил шампанского в один бокал, потом в другой. Они чокнулись. Проигрыватель стал хрипеть. Лысый господин вскочил и снова поставил пластинку. Пока он крутил патефонную ручку, его оставленная на минуту партнерша повернулась три раза вокруг своей оси, забрала волосы на затылок, словно ей было очень жарко, сняла кофточку и на глазах у всех обнажила грудь. Ее грудь была прелестна. Раздались восхищенные возгласы. Кто-то даже зааплодировал. От оглушительного смеха Кристиана задрожали стекла. Раздался выстрел пробки от шампанского. Лысый господин, охваченный желанием, снова ринулся к своей партнерше и уволок ее в темный угол. Объятая ужасом, Элизабет подумала, что сошла с ума. Эта и есть та милая компания, в которую Кристиан ее пригласил? Как бы выглядела она среди этих мерзких людишек, если бы у нее хватило смелости переступить порог этого дома? Какой же наивной она была, полагая, что ее присутствие украсит праздник! В ней здесь

совсем не нуждались. Она взглянула на небо, такое тихое, мерцающее звездами. Красота ночи переполняла ее сердце, готовое вот-вот разорваться. С крыши свисала длинная блестящая сосулька. Элизабет снова робко заглянула в окно. Звуки танго смешивались с громкими возгласами и шарканьем ног по полу. Раскрасневшиеся от вина лица, тупые взгляды, трущиеся друг о друга тела в жалком подобии какого-то танца. Сидя на диване перед церковными картинками, Франсуаза Ренар впивалась губами в своего австрийца. Одна из девиц загасила сигарету прямо в бокале. Другая, лежа животом на скамье, казалась мертвой. Ее волосы свисали на пол. Все мужчины выглядели отвратительно. Кто-то из них прокричал:

— Кристиан! Мы хотим пить!

Боже! Сейчас он выйдет, чтобы взять бутылки шампанского в снегу. Он увидит ее. Спросит, что она здесь делает. Захочет показать ее своим друзьям. Испугавшись, Элизабет развернулась и побежала по тропинке, круто спускающейся к дороге. «Завтра приду к нему, — лихорадочно билась ее мысль, — и скажу ему все, что думаю о его друзьях! Он поймет меня! Скажет, что я права. Надо, чтобы он согласился со мной, если хочет, чтобы я продолжала любить его!» Белая дорога казалась бесконечной. Земля и небо отдыхали. Под звездами не произошло ничего существенного.

ГЛАВА IX

На другой день Элизабет вышла из своей комнаты в девять часов, нашла отца в буфетной перед большими кусками сливочного масла, которые только что принесли Куртуазы.

— Мама еще не вставала? — спросила она отца, поцеловав его в щеку.

— Нет. А что?

— Скажи ей, что я пошла на Рошебрюн.

— Довольно странно. Обычно ты ходишь кататься после обеда.

— При весеннем солнце плохо кататься во второй половине дня. Только утром теперь бывает хороший снег.

— Ну хорошо, — сказал отец. — Кстати, ты там можешь встретить клиентов. Мсье и мадам Сильвестр ушли минут десять назад. Если ты поторопишься, то догонишь их на станции канатной дороги.

— Ладно! Пока, папа.

Она побежала за лыжами в кладовую Антуана, водрузила их на плечо и пошла по дороге на Лади. Бессонная ночь, которую она провела, вернувшись с фермы, только усилила ее нетерпение.

Она была в таком замешательстве, что не смогла бы дождаться трех часов до встречи с Кристианом. Кабина фуникулера поднималась в голубое небо. Лыжники в разноцветных костюмах сновали вокруг станции канатной дороги. По склону на санках с восторженными воплями и визгом катались дети. Санки переворачивались, и все смеялись. Но Элизабет ничего не замечала вокруг. Ярче, чем солнце, в памяти вспыхивали совершенно невероятные картины. Она снова стояла перед окном и видела, как при тусклом свете свечей двигаются какие-то фигуры, словно в кошмарном сне. В конце заснеженной тропинки наконец-то показалась ферма. Ставни были закрыты. Наверное, Кристиан еще спал. Элизабет воткнула лыжи в снег перед домом, вошла в широкий коридор и постучала в дверь его комнаты. Один раз, второй. Никакого ответа. Она постучала сильнее, За дверью послышался тихий шорох, потом шаги. Наконец Кристиан спросил хриплым со сна голосом:

— Кто там?

— Это я, — тихо ответила девушка. — Открой!

Кристиан приоткрыл дверь, взглянул на Элизабет, вышел в коридор, прикрывая за собой дверь. Он накинул свой халат и теперь завязывал на нем шнур. Лицо его было помятым, глаза мутными и усталыми, он был небрит:

— Что случилось, малышка? Мы же договорились на три часа дня.

— Мне надо было немедленно поговорить с тобой, — ответила она.

— Это так серьезно?

— Очень серьезно, Кристиан. Идем в комнату.

Он покачал головой и сказал:

— Нет, Элизабет. Сейчас я не могу принять тебя.

— Почему?

— Гости ушли слишком поздно. В доме все перевернуто вверх дном. Я не хочу, чтобы ты видела это!

— То, что я увижу утром, вряд ли будет хуже того, что я видела этой ночью, — сказала она с вызовом.

— Этой ночью?

— Да. Я приходила и все видела в окно.

Он прыснул со смеху.

— Вот это да! Но почему же ты не вошла?

— А ты хотел, чтобы я вошла и была вместе с этими ужасными людьми?

Правой рукой он привлек ее за талию и шепнул на ухо:

— Бедняжка! Ты права. Тебе нельзя было находиться среди них. Я сам понял это, когда увидел, как они пьют, развлекаются… А ты такая чистая, такая невинная!

Элизабет протянула руку к дверной ручке, но Кристиан остановил ее и сказал более твердым тоном:

— Нет, Элизабет.

— Как это нет?

— Я же уже сказал тебе, что это невозможно.

— Из-за беспорядка? Плевать мне на беспорядок! Если бы ты знал, как мне надо побыть рядом с тобой после этой ужасной ночи!

На Элизабет нахлынула волна острой нежности. Она прижалась к Кристиану и дотронулась губами до его шершавых щек, до костистого подбородка, до губ, которые приоткрылись словно для поцелуя. Но она услышала его серьезный голос:

— Глупышка! Не думай об этом. Возвращайся домой и приходи в три часа. И ты увидишь, как мы будем счастливы.

Говоря это, он тихонько оттеснял ее в выходу. Шаг за шагом. Положив руку на плечо, как старику Рубильо, когда тот приходил требовать свои деньги. Это произошло так же внезапно, как удар молнии. Элизабет взглянула на Кристиана. И вдруг, не раздумывая, оттолкнула его, побежала назад и открыла дверь. Она так быстро это сделала, что он едва успел схватить ее за рукав куртки. Она ударила локтем в пустоту. Куртка натянулась и затрещала. Но Элизабет была уже в комнате. Она попыталась сориентироваться в темноте. Кристиан вбежал следом за ней.

— Уходи, Элизабет!

Его голос задрожал. Девушка сделала шаг вперед и наткнулась на пустую бутылку. Другие бутылки кучей валялись перед камином. В нос ударил запах вина, табака и каких-то духов. Со стены сияли три позолоченных нимба. На стуле валялась одежда. Вот и кровать.

— Уходи! — повторил Кристиан.

Элизабет вздрогнула, в голове стало сразу пусто: на подушке лежала женская светлая голова. Нижняя часть была прикрыта простыней. Франсуаза Ренар спала. Из-под простыни виднелось обнаженное плечо. В кромешной тишине Элизабет услышала, как скрипнул пол. Повернув голову, она увидела Кристиана, подзывавшего ее рукой, подававшего знак выйти. Но она не двигалась с места. Тогда он подошел к ней на цыпочках. «Чтобы не разбудить другую!» — Гнев захлестнул Элизабет с грохотом водопада. Она была вне себя, ее всю трясло. Она силилась что-то сказать, но не могла.

Тогда она занесла руку и влепила Кристиану пощечину, потом другую с такой силой, что удар отдался в ее лопатке. Кристиан и глазом не моргнул. Его губы расплылись в насмешливой улыбке. Тогда она еще раз ударила его по щеке. Легкий крик раздался в глубине комнаты: от звука пощечин проснулась Франсуаза Ренар. Сидя в постели, она прикрывала обнаженную грудь. На ее шее висело жемчужное ожерелье, на пальцах сверкали драгоценные кольца. Элизабет выскочила из комнаты, пробежала по коридору и, оказавшись в ослепительном пространстве, скатилась вниз по тропинке. Кто-то бежал следом за нею. Кристиан! Да как он осмелился? Она ускорила бег. Но ее ноги постепенно стали слабеть, она задыхалась. Вскоре он догнал ее, схватил за талию, и они оба упали в снег. Она лежала на спине, обхватив себя руками. Он схватил ее за запястья, развел ее руки и прижал к земле. Стоя на коленях между ног Элизабет, Кристиан склонил над ней лицо с выражением беззаботной радости. Он всегда смотрел на нее так, когда желал ее. Он тяжело дышал, раздувая ноздри. Не в силах оторваться от земли, она ощущала, как острую боль, желание кусаться, царапаться и плеваться. Он сказал, задыхаясь:

— Дурочка! Что ты себе воображаешь? Эта женщина ничего не значит для меня, а я для нее. Разве это в счет, если вот так переспишь иногда? Бывают моменты, когда нельзя отказать. Франсуаза потрясающе великодушна… И кроме того, я так давно ее знаю… Но мы с тобой — это совсем другое дело! Я люблю тебя! Даже сейчас, когда ты зла как фурия. — Кристиан склонялся к ней все ниже и ниже, обдавая своим теплом, своим дыханием. Элизабет сжав зубы замотала головой из стороны в сторону, не скрывая своего отвращения. Но он, словно играя, следовал ее движениям. Несколько раз она чувствовала его жадные губы на своих щеках, на подбородке, на шее. После каждого поцелуя она испытывала дикое бешенство. Оскверненная, униженная, побежденная, она корчилась на снегу. Сколько времени она сможет так сопротивляться? Силы оставляли ее. Элизабет закрыла глаза. И вдруг почувствовала себя свободной. Кристиан отпустил ее руки и выпрямился во весь

рост. Она видела, как он стоял над ней с искаженным лицом и зелеными немигающими глазами. Тогда она резко вскочила на ноги. Он не двигался с места. Она побежала к дороге на Лади.

Кристиан долго смотрел ей вслед, потом пожал плечами и медленным шагом вернулся в дом.

Франсуаза встретила его громким смехом. Прислонившись к подушке, она расчесывала свои волосы:

— А она драчлива, твоя малышка! Еще немного и она снесла бы тебе голову, Надеюсь, ты проучил ее?

— Нет еще.

— Признайся, что тебе неприятно было, когда она ударила тебя. Неужели эта бедная девочка влюблена в тебя?!

— Да. И это все осложняет.

— Почему? Разве это не взаимно?

Кристиан не ответил. Ему было досадно, что Элизабет ворвалась к нему в комнату, и он думал о возможных осложнениях из-за этого происшествия.

— Я шучу, лапочка, — продолжила Франсуаза. — Дай мне, пожалуйста, мою сумочку и приоткрой ставни, а то мне плохо видно как наносить грим.

— Он молча исполнил ее просьбу. Пожелтевшее, помятое лицо Франсуазы осветилось утренними лучами.

— Не смотри на меня! Я, наверное, ужасно выгляжу! — воскликнула она. Кристиан зажег сигарету, сел на табурет перед камином и стал разводить огонь. Сухие щепки сразу загорелись. Подкинув еще два полена на раскаленные угли, он отвернулся. Франсуаза подкрасила ресницы маленькой щеточкой. Во время этого занятия лицо ее удлинилось, рог раскрылся, а глаза стали словно слепые.

— Она была девственницей? — спросила она вдруг.

Кристиан секунду поколебался и ответил:

— Да. А что?

— Это потрясающе! Расскажи…

— А тут нечего и рассказывать.

— Как это нечего? Я уверена, что это чудесно для такого мужчины, как ты, сделать из девочки женщину, открыть ее для себя… Она послушна и хороша в постели?

Трещали поленья, разгораясь все сильней. Франсуаза убрала свою щеточку и провела по губам помадой.

Кристиан вздохнул:

— Она поражает меня каждый раз.

— Порочна?

— Нет.

— Это, должно быть, тебя и возбуждает!

— Может быть. Когда я с ней, у меня такое впечатление, что я держу в руках все, что дышит, что живет на этом свете…

— Ты не собираешься сделать ей ребенка?

— Господь с тобой!

— А жениться на ней?

— Об этом не может быть и речи.

— Ну тогда ты меня успокоил. А то я вижу, что ты по уши врезался. Наверное, в глубине души ты проклинаешь меня за то, что я осталась с тобой этой ночью!

— Нет, — ответил Кристиан. — Это даже к лучшему. Пора уже, чтобы она поняла, привыкла и согласилась любить меня таким, каков я есть…

— Неисправимый гуляка, аморальный тип.

— Вот именно!

— Ты прав. Ты ничего не выиграешь, поддерживая иллюзии молодой девушки. Значит, с этой стороны никаких сожалений. И с другой, надеюсь, тоже?

— С другой?

— Ну да! Ведь нам с тобой было неплохо в этой постели? Или ты уже не помнишь.

Он заставил себя улыбнуться:

— Ну конечно же, я помню!

— А ты сравниваешь?

— Ты дурочка!

— Я не спрашиваю тебя, что ты предпочитаешь. Все равно соврешь. Отвернись, я встаю…

Кристиан подошел к окну. Увидел снежный склон и огромное голубое небо. Он потянулся. Мысли его вернулись к Элизабет. Чувствуя, что она ускользает от него, она показалась ему вдвое желаннее. Она была редкой вещью, которую рано или поздно какой-нибудь идиот уведет у него. Он не любил расставаться с предметами или существами, которых он выбирал сам, по своему вкусу, чтобы украсить ими свою жизнь. Но как убедить эту взбунтовавшуюся девчонку вернуться к нему?

— Я вижу, ты огорчен! — сказала Франсуаза, положив ему руку на плечо.

Она оделась. Солнечный луч скользнул по ее светлым волосам. Только что подкрашенные губы сладко пахли. Кристиан понюхал ее, поцеловал в висок и проговорил:

— Эта история смешна! Забудем о ней!

— Наоборот, поговорим о ней! Ты напрасно беспокоишься, Крис! Ты найдешь ее, эту дикарку. Но даже если ты ее и не найдешь, велика ли беда? Есть другие. Через две недели мы поедем в Канны. Клянусь, что там ты найдешь себе развлечение!

Если надо, я буду твоей нянькой!

— Ты мне больше нравишься в другой роли, — сказал Кристиан, поцеловав кончики ее пальцев.

— Смотрите-ка! А если я больше не захочу? Если я тоже оскорбилась оттого, что ты меня обманываешь? А если бы я дала тебе пощечину?

Она подняла руку, как бы желая ударить его, но вместо этого нежно погладила Кристиана по щеке. Он позволил это сделать, стоя перед ней с озабоченным видом и глядя в пол.

— Ты позавтракаешь со мной, лапочка? — спросила она.

— Нет. Спасибо, — ответил он.

— Тогда приходи обедать.

— Возможно, приду.

— Мы будем одни. До вечера! И еще раз говорю тебе браво за твою комнату. Эта атмосфера савойской фермы так приятна. Вчера Сюзи и Жан-Марк просто обалдели от нее!

Когда она ушла, Кристиан побрился, умылся, тщательно оделся и вышел на порог. Лыжи Элизабет стояли перед домом, воткнутые в снег.

Переходя от стола к столу, Элизабет машинально вставляла в вазочки три гвоздики и две веточки аспарагуса. Вернувшись с фермы, она терпеливо выслушала упреки матери за то, что пошла на Рошебрюн, а не на рынок за цветами, как каждую субботу. В ее отсутствие за цветами сбегал Антуан и, конечно же, купил цветов второго сорта! Элизабет смотрела на розовые помятые лепестки гвоздик и подумала, что они похожи на старых кокеток. Ведь находились же люди, которым нравились полуувядшие цветы и зрелые женщины легкого поведения! Она с такой силой

поставила пазу на стол, что капли воды брызнули из нее на скатерть. У нее дрожали руки. Гнев сдавливал грудь. Элизабет подошла к столику у большого окна, на который надо было поставить вазу. Делая букет, она невольно посмотрела в окно и силы покинули ее: к гостинице шел Кристиан. На нем был черный лыжный костюм и красный шейный платок. На плече он нес две пары лыж: свои и Элизабет. Не думая о последствиях своего поведения, она выбежала из столовой, пробежала через холл, толкнула клиента и, едва извинившись перед ним, выскочила на крыльцо в тот самый момент, когда Кристиан ставил ногу на первую ступеньку.

— Зачем вы пришли сюда? — спросила она дрогнувшим голосом.

— Я принес твои лыжи, — сказал он спокойно. — Видишь, я поставил их около стены.

— Немедленно уходите!

— Только после того, как позавтракаю, Элизабет!

Он медленно поднялся к ней. Она посмотрела ему прямо в лицо и прошептала:

— Бесполезно настаивать. Вы все равно сюда не войдете!

Он остановился, опустив руки, с насмешливой улыбкой на губах:

— Ты не позволишь мне?

— Нет.

— Перед всеми?

— Перед всеми, клянусь вам! Даже перед родителями. Если надо будет, я закричу. Мне уже все равно. Уходите!

Кристиан покачал головой. Глаза его погрустнели.

Он вздохнул:

— Ну что ж, Элизабет. Я не буду врываться в твою дверь. Только ты пожалеешь о своем отказе. Ты пожалеешь, потому что все еще любишь меня, не подозревая об этом. Ты думаешь, что презираешь меня, а сама любишь. Ты будешь любить меня всю жизнь…

Пятясь назад, он спустился сначала на одну, потом на другую ступеньку, не сводя с нее глаз, словно желая загипнотизировать ее, затем повернулся к ней спиной и решительным шагом направился к дороге. Элизабет простояла на крыльце несколько секунд, абсолютно ничего не чувствуя. Ее победа удивила ее. Красный платок удалялся. Она прижала руки к груди. Ей не хватало воздуха. Слезы душили ее. Чтобы успокоиться, она обошла вокруг гостиницы, глубоко вдыхая воздух при каждом шаге. Когда она вошла в холл, ее мать разговаривала с клиенткой. Увидев дочь, Амелия остановила ее:

— Элизабет! Я как раз тебя искала! Объясни, пожалуйста, этим господам по какой дорожке им надо спуститься, чтобы попасть с горы Арбуа на Сен-Жерве.

Элизабет пустилась в объяснения, но ей казалось, что ее голос раздавался откуда-то издалека, как эхо. Сцена с Кристианом на крыльце не привлекла ничьего внимания. Амелия, видимо, была занята в буфетной, в то время как ее дочь переживала один из самых тяжелых моментов в своей жизни. Пьер спустился в подвал за яйцами. Пансионеры с нетерпением ждали, когда наступит час завтрака. При всеобщем безразличии Элизабет дала выход своему отчаянию. Леонтина пришла за Амелией, которую ждал шеф-повар. Подошла маленькая группа спортсменов. Все они были слишком возбуждены, громко говорили и смеялись. У всех покраснели носы от весеннего солнца. Мадам Монастье вернулась с прогулки с порозовевшим лицом, держа куртку в руке. Она подошла к девушке:

— Какая жара! Если такая погода постоит еще несколько дней, то снег должен скоро растаять!

— Что вы, мадам, — ответила Элизабет нехотя. — Снег еще обязательно выпадет, и можно будет кататься до конца месяца.

— Я этого вам от души желаю! Ваша мама сказала мне, что вы просто мастер по лыжам!

Элизабет заставила себя улыбнуться. Этот разговор раздражал ее, но ей пришлось из вежливости поддерживать его.

— О! Если послушать маму, то я всех обгоняю на лыжной трассе! Хотя она вряд ли видела в этом году хоть один спуск.

— Но она так занята, — ответила мадам Монастье, усаживаясь в кресло. — Ей приходится так много работать. Надеюсь, что по окончании сезона она отдохнет. Вы знаете, я нахожу Амелию такой очаровательной! Мы с ней очень подружились!

Мадам Монастье понесло. Было невозможно ее остановить и отойти от нее.

— Я сказала вашей маме, что мне очень хотелось бы принять вас у себя, в Сен-Жермене, когда вы приедете в Париж, — продолжала она.

— С удовольствием, мадам.

— Вы знаете Сен-Жермен?

— Нет.

— О! Это прелестный старинный уголок, прилегающий к сказочному лесу.

Элизабет почувствовала досадную слабость. Эта женщина разговаривала с ней заботливо и ласково, как с невинной девушкой! Значит, были еще на этой земле такие деликатные и симпатичные люди? Хлопнула дверь. Уж не Кристиан ли решил вернуться? Нет. Слава Богу! Вошла клиентка с вспотевшим лицом, блестящими глазами и с комочками грязного снега на ботинках.

— Интересно, что сейчас делает Патрис? — сказала мадам Монастье. — Вот уже несколько дней он по утрам долго валяется в постели!

Элизабет с трудом расслышала ее, тихо предположила:

— Может, он работает?

— Сомневаюсь. В эти дни он был перевозбужден из-за своего сочинения. Потом ни с того ни с сего взял да отказался от него. Мне бы хотелось, чтобы он был более последовательным, более смелым и уверенным в себе.

— Да-да, — рассеянно пробормотала Элизабет.

Ей не хотелось больше ни о чем вспоминать. Но помимо своей воли в мыслях она то и дело возвращалась к ласкам Кристиана. Потом с ужасом она стала воображать себе, как он целует Франсуазу, раздевает ее, кладет голую в их постель…

— Я рада, что вы разделяете мое мнение, — сказала мадам Монастье. — Вам нравится как он играет?

— Очень, мадам.

— Особенно, когда он импровизирует, это прекрасно!

Два тела, ласкающие друг друга, лежа в темноте. Как Кристиан мог испытать с другой удовольствие, которое, как она думала, только она одна могла ему доставить? Сколько раз он обманывал он со своей бывшей любовницей?

— У него большие способности к композиции, но он не хочет согласиться с этим, — продолжала мадам Монастье.

— Да, когда ему говорят о его таланте, он не слушает.

Элизабет пыталась вспомнить все те дни, когда Кристиан говорил, что будто бы он занят. Она подсчитывала, сколько раз он ей солгал.

— Вы уже говорили ему, что у него талант? — спросила мадам Монастье.

— Конечно, мадам.

— Тогда, клянусь, что он послушал вас! Как он, вероятно, был счастлив! Он так вас любит!

Элизабет вздрогнула от отвращения. Значит, этот человек пришел к ней в дом, лег в ее постель после того, как обладал другой женщиной! Поставленная перед очевидным фактом, она почувствовала себя морально растоптанной, запачканной, оплеванной.

На лице мадам Монастье появилась лукавая улыбка:

— Ну вот и он, наконец! И ты только сейчас встал, Патрис?

— Я встал давно, — ответил он, поцеловав мать. — Просто я читал…

— В такую погоду? Это же преступление! Я уже успела пройтись, позавтракать и нагулять аппетит!

Патрис пожал руку Элизабет и сказал:

— Ты права, мама. Но что ты хочешь? Я не создан для зимних видов спорта…

— Но ты все-таки любишь снег?

— Зато снег меня не любит.

— Что за странная мысль! Теперь, когда ты поправился, тебе надо брать уроки катания на лыжах, не так ли, Элизабет?

— Конечно, мадам…

— Ну и хорошо же я буду выглядеть! У меня нет абсолютно никаких способностей. Да и возраст уже не тот.

— Двадцать шесть лет? Да ты шутишь!

Он опустил голову, как бы выражая смирение с тем, что его никто не понимает. И тут Элизабет прошептала ему:

— Хотите, чтобы я вас научила, Патрис?

Он поднял голову, и искра благодарности зажглась в его печальных глазах:

— Вы это серьезно?

Элизабет и сама не знала, почему предложила ему это, и теперь почти сожалела, что поступила так легкомысленно. Но отступать уже было нельзя.

— Конечно, — ответила она, улыбаясь.

Амелия вышла из буфетной и с любезным видом прошла между клиентами, собравшимися в группы.

— Ну, если моим инструктором будет Элизабет, то я согласен, — весело проговорил Патрис.

— Я ловлю тебя на слове, — сказала мадам Монастье. — Когда первый урок?

— Вы свободны сегодня во второй половине дня, Элизабет? — спросил Патрис.

Она с минуту поколебалась, подумала об абсолютной пустоте своей жизни и ответила твердо:

— Да, Патрис.

Он хлопнул себя по лбу:

— Но у меня же нет лыж!

— Антуан одолжит вам пару, — сказала она.

Мадам Монастье обратилась к Амелии и сказала звонким голосом:

— Вы слышали, дорогой друг? Ваша дочь открывает лыжную школу.

Амелия взглянула на Элизабет и сказала с улыбкой:

— Это отличная новость!

Леонтина широко распахнула дверь. Словно подхваченные воздушным потоком, клиенты начали подниматься с кресел и направляться в столовую, ярко освещенную солнцем. Треть столов уже пустовала, но Элизабет и на них поставила вазочки с цветами. Сидя на своем обычном месте, она приготовилась к мучительной процедуре еды. Русские закуски, жаркое по-французски, европейский десерт. Все были явно довольны меню. Время от времени Патрис Монастье искоса поглядывал на девушку. Но за завтраком она почувствовала себя еще более одинокой и несчастной. От запаха блюд ее просто мутило. Не дожидаясь, когда подадут десерт, она поднялась к себе.

Плотно закрыв за собой дверь, Элизабет рухнула в постель. Она даже не заметила увязавшуюся за ней Фрикетту. Тогда собака поднялась на задние лапки и принялась лизать ее подбородок. Элизабет схватила ее, прижала к себе и стала целовать, в благодарность за ее любовь и преданность.

— О Фрикетта! Если бы ты знала… — простонала Элизабет.

После Кристиана у нее больше никого не будет, никогда в жизни. Исчезнуть, ничего больше не видеть, превратиться в ком земли, в траву, в камень на дороге. Почему люди не умирают от горя, от стыда, от гнева? Какая мера отчаяния была нужна, чтобы убить человека? Элизабет задыхалась, уткнувшись лицом в подушку. Горючие слезы лились из ее глаз. Испуганная Фрикетта слизывала их. Вдруг Элизабет приподнялась, опершись на локоть. В дверь постучали. По ту сторону двери раздался голос Леонтины:

— Это я, мадемуазель. Можно пойти?

Элизабет быстро вытерла ладонью слезы на глазах и щеках.

— Да, в чем дело? — ответила она как можно спокойнее.

Леонтина вошла в комнату, увидела Элизабет, сжавшуюся в комок на кровати, и воскликнула:

— Вы плачете, мадемуазель?

— Да так, пустяки, — сказала Элизабет.

— Может быть, позвать мадам?

Элизабет вскочила, и Фрикетта следом за ней спрыгнула на пол.

— Ни в коем случае, Леонтина!

— Хорошо!.. Видите ли, я к вам от господина Патриса Монастье. Он ждет вас внизу, в холле.

Элизабет совсем забыла о своем обещании. С высоты своего страдания ей пришлось спуститься на уровень банальных гостиничных обязанностей:

— Скажите ему, что я сейчас приду.

После ухода Леонтины она еще сидела какое-то время в нерешительности. Затем встала, умылась, подкрасила губы, надела солнцезащитные очки, чтобы прикрыть покрасневшие от слез глаза и вышла из комнаты. Фрикетта последовала за ней.

Когда последние клиенты вышли из столовой, Амелия увела Пьера из буфетной и тихо сказала ему:

— Идем быстрее. Мне надо с тобой поговорить.

— Может, сядем за стол?

— Попозже.

Она втолкнула мужа в их комнату, закрыла дверь и, опершись рукой о спинку кровати, заявила, сияя от радости:

— Так вот, Пьер, ты был прав относительно Элизабет!

— Вот как? — неопределенно сказал он, не понимая, к чему она клонит.

— Разве ты не говорил мне, что находишь ее в последнее время какой-то странной? — спросила Амелия.

— Да, мне так показалось…

— Я наблюдала за ней. Она и вправду какая-то странная. А ты не догадываешься почему?

— Нет.

— Потому что она влюбилась!

Пьер насторожился и нахмурил брови:

— Влюбилась? Да ты что?! И в кого же?

Радостно раскинув руки, словно готовясь обнять кого-то, Амелия сказала, отчетливо произнося каждый слог:

— В Патриса Монастье.

Удивление мужа было именно таким, каким она и ожидала. Словно в их дом входил принц. Пьер округлил глаза и прошептал:

— В пианиста?

Амелия утвердительно кивнула головой:

— Вот именно!

— А ты уверена?

— Нет никакого сомнения. Я знаю свою дочь. Видел бы ты ее, как она предлагала этому мальчику брать уроки катания на лыжах!

— Она будет учить его кататься на лыжах? — спросил Пьер, все более и более удивляясь.

— Ну да! С сегодняшнего дня. Они только что ушли.

— Вот это да!

Пьер не знал радоваться ему или огорчаться от этой новости. Как всегда, когда наступал момент сомнения или неопределенности, он посмотрел внимательно в глаза жены, чтобы утвердиться во мнении. Амелия же вся светилась от радости.

— И ты считаешь, что это хорошо? — спросил он.

— Это просто чудесно, Пьер! — ответила она, сияя. — Такой утонченный, деликатный, образованный, артистичный мальчик.

Подыскивая эпитеты, она, казалось, все выше и выше поднималась в облака.

— Оно, конечно, так… — сказал Пьер. — Но ты же не знаешь, что думает об этом молодой человек. Может, у него и нет никаких серьезных намерений…

— У него? Тут я спокойна. Когда он рядом с ней, он просто не сводит с нее глаз. Повторяю тебе, что они безумно влюблены друг в друга. А мадам Монастье, между прочим, наблюдает за этой идиллией с очень многозначительным благодушием.

— Ты говорила с ней на эту тему?

— Нет! Но матери всегда понимают друг друга с полуслова. Она замечательная женщина, с которой у меня много общего. Что ни говори, а это тоже очень важно…

— Это чудесно! — пробормотал Пьер, почесав затылок.

Чувствуя себя менее осведомленным в любовных делах, он никак не мог представить себе Элизабет замужней. Его охватила печаль и смутное беспокойство.

— Но это так внезапно, так неожиданно, — продолжил он. — Я просто не могу в это поверить. Элизабет еще очень молода!

— Ей девятнадцать лет, — сказала Амелия.

— Вот именно!

— Ты женился на мне, когда мне было столько же, Пьер.

— Да, но не станешь же ты сравнивать ее с собой. Я вспоминаю, когда пришел к тебе в Шапель-о-Буа, в маленькую бакалейную лавочку твоих родителей, когда начал ухаживать за тобой… О! Ты была более зрелой, чем Элизабет.

— Ты это придумал себе, — ответила она, слегка покраснев при воспоминании об этом давнем безумстве. — Но ты ошибаешься, Пьер. Я была такой же девушкой, как Элизабет. Такой же несведущей, как она, так же плохо подготовленной к семейной жизни…

Он едва слушал ее. Нежная улыбка появилась на его лице при воспоминании о том времени, когда он просил руки у своей будущей жены.

— Конечно, еще не все определенно, — сказала Амелия.

Он разом вернулся к действительности и сказал, слегка ошарашенный:

— Ты полагаешь, что это не точно?.. Но если этот молодой человек объяснится, ты думаешь, что нам

надо дать согласие?

— Без всяких колебаний. Я убеждена, что он сделает нашу дочь очень счастливой.

— И тогда она уедет и оставит нас, — сказал Пьер с грустью.

— Мы будем вдвоем, Пьер, — сказала Амелия. — Не забывай, что когда я последовала за тобой, папа остался один!

— Да! Такова жизнь, — сказал он, вздохнув.

— Во всяком случае, — продолжила Амелия, — этот разговор должен остаться между нами. Прошу тебя не делать даже намеков в присутствии Элизабет. Иначе ты можешь все испортить.

Внезапно Пьеру захотелось поцеловать жену. Он находил ее молодой, красивой, желанной. Он обнял ее за талию и поцеловал в шею. Амелия уже давно привыкла считать Пьера инвалидом. Вздрогнув от удивления, она положила голову на плечо мужа и прошептала:

— Скажи мне, Пьер, что ты будешь доволен этим браком.

— Конечно. Но не так, как нашим, — ответил он, поцеловав ее еще раз.

В дверь постучала Леонтина:

— Стол накрыт, мадам.

Они вошли в столовую. Сидя напротив мужа, Амелия кинула на него быстрый взгляд и, увидев себя молодой девушкой в его глазах, весело сказала, разворачивая салфетку:

— Не знаю, что со мной, но я такая голодная!

Медленно поднимая то левую, то правую лыжу, Патрис лесенкой поднимался по склону. Добравшись до вершины, он оперся о палки, чтобы отдышаться. Он не солгал, сказав, что у него нет никаких способностей к этому виду спорта. Как и всякий начинающий, он держался слишком напряженно, а его движения были удручающе неловкими. Элизабет выбрала для него самый пологий склон, в стороне от основной лыжной дорожки, за станцией канатной дороги. Стоя на несколько метров ниже его, она приложила ладонь ко лбу, чтобы защитить глаза от яркого солнца. Но глядя на Патриса, она все еще продолжала думать о Кристиане. Она смотрела на юношу, не видя его, и вновь переживала крах своей любви.

— Что мне делать теперь? — крикнул Патрис.

Очнувшись, она машинально ответила:

— Поставьте лыжи параллельно! Готово? Теперь слегка согните колени! Корпус немного вперед…

Он пытался скатится вниз уже пять раз и каждый раз падал в самом начале спуска.

— Вперед! — скомандовала Элизабет.

Стоило ему немного развить скорость, как его ноги начинали разъезжаться. Беспомощно размахивая в воздухе палками, он и на этот раз покачнулся и рухнул на левый бок.

— Ничего, пустяки, — засмеялась Элизабет. — Вставайте! Не так. Лыжи должны быть направлены перпендикулярно склону.

Он подчинился, не протестуя, весь в снегу, ссутулившийся и рассерженный. Когда он поднимался, какой-то лыжник промчался стрелой мимо Элизабет и остановился, сделав резкий поворот. Акробатический стиль езды незнакомца напомнил ей Кристиана. Элизабет почувствовала в груди укол от этого воспоминания.

— Все в порядке, Патрис?

— Да! Мне даже больше нравится карабкаться вверх, чем спускаться.

Он заканчивал спуск, покачиваясь из стороны в сторону, как утенок. Она невольно сравнила его с Кристианом, который с такой легкостью катался на лыжах. Почему красота, сила, ловкость, элегантность были даны от природы этому презренному человеку, в то время как Патрис, обладающий, без сомнения, высокими нравственными качествами, был так неуклюж? В этом была какая-то несправедливость, которую Элизабет не могла себе объяснить. Это так рассердило ее, как

будто она сама была в этом виновата.

— Ну, готовы? Вперед! — снова скомандовала она.

Юноша храбро бросился вниз, втянув голову в плечи и размахивая палками.

— Уже лучше! Браво! — воскликнула Элизабет.

В тот самый момент Патрис наскочил на бугорок, покачнулся и упал лицом прямо в снег. Ноги его задрались вверх, лыжи скрестились, напоминая некий инструмент для пыток.

Элизабет сразу же подъехала к нему, чтобы оказать помощь, потому что, лежа в таком положении, он не мог подняться самостоятельно. Когда она расстегивала крепления, чтобы освободить Патрису ноги, он повернул голову и посмотрел на нее. В его глазах была какая-то смесь стыда и злости. Встав на ноги, он взял лыжи, воткнул их перед собой в снег и гневно изрек:

— Я спрашиваю себя, а что я здесь, собственно, делаю? Вы, наверное, находите меня очень смешным.

— Да что вы, Патрис! Все начинающие часто падают.

— Может быть… может быть… Только вот что… Вы не тот человек, перед которым мне хотелось бы устраивать этот веселый спектакль.

— Что за ерунда! Тогда скажите, почему вы согласились, чтобы я вас учила кататься на лыжах?

Он тяжело дышал. Пот струился по лбу и по щекам. Нижняя губа его дрожала. Вдруг он ответил:

— Чтобы побыть наедине с вами, Элизабет.

Она с безразличием выслушала это признание, но молчала, и он сделал шаг вперед. Она увидела, как в его глазах появилось какое-то сияние, его лицо просветлело.

— Да, Элизабет, — продолжал он, — мне так этого хотелось, вы понимаете?.. Я больше не мог видеть вас среди других. Я ухватился за эту возможность, не раздумывая. Я люблю вас, Элизабет!

Она не ожидала, что он выскажется до конца.

— Да нет, Патрис, — прошептала она с досадой, — вы просто вообразили себе, что любите меня. Вы просто играете словами.

— Я знаю, что говорю, Элизабет. Когда я впервые увидел вас, приехав в гостиницу, я был потрясен. Вы не обращали на меня никакого внимания, а я следил за каждым вашим жестом, за каждым движением, за каждой улыбкой. Вы ходили на прогулки с другими, а я страдал. Вы возвращались, говорили мне хоть одно слово, и я снова начинал надеяться. Когда мы вместе пошли в «Мове Па», я подумал, что у меня хватит смелости сказать вам, что я люблю вас. Но я так и не решился. Я просто смотрел на вас, вы были такой красивой! Я подумал даже, что вы слишком красивы для меня. А потом подошел этот мужчина и пригласил вас на танец… — Его лицо помрачнело. Он глотнул воздуха и продолжил, понизив тон: — Элизабет, неужели вы еще не заметили, до какой степени вы необходимы мне?

Смущенная его настойчивостью, она не знала, как избавиться от него, не задев его самолюбия.

— Патрис, — ответила она, подбирая слова, — я очень тронута, но…

— Подождите, Элизабет, я не закончил…

Он пристально посмотрел в ее глаза, словно желая пригвоздить ее силой своего взгляда:

— Элизабет! Хотите стать моей женой?

Она вздрогнула:

— Что?

— Вы хотите стать моей женой? — твердо повторил он.

Этот вопрос, заданный ей внезапно в тот момент, когда она чувствовала себя такой несчастной, такой униженной, такой одинокой, потряс ее. Взволнованная этим предложением до глубины души, она все-таки ответила:

— Нет, Патрис.

— Почему? — воскликнул он, взяв ее за руки.

Она молча покачала головой.

— Вы не любите меня? — наконец догадался он.

— Что вы, Патрис! Я отношусь к вам с таким большим уважением, — проговорила она, — но не требуйте от меня другого…

— О! Я знаю, — сказал он, — я знаю, почему вы отталкиваете меня. Но вы не правы, Элизабет. Этот человек никогда не сможет любить вас так, как я!

— Какой человек?

— Тот самый человек, который пригласил вас на танец в «Мове Па», который обращался к вам в моем присутствии на «ты», который несколько раз обедал с друзьями в гостинице, который приходил опять сегодня утром и которого вы выгнали!

Сначала она ощутила сильную боль в груди, потом мертвое, пугающее спокойствие.

— Вы его видели? — осторожно спросила она.

— Да. Я стоял на балконе… Вы ничего не можете сказать о себе и о нем больше того, о чем я сам уже догадался. Ничего, вы слышите? Но я хочу точно знать, любите ли вы его, намерены ли вы выйти за него замуж.

— Нет, — сказала она со злостью. — Это… это… чудовищный человек!

Произнеся эти слова, она ощутила какую-то горечь. Взгляд ее потух. Она открыла рот, жадно хватая воздух.

— Тогда, — пробормотал Патрис, взяв ее за плечи, — тогда, Элизабет, ничего не потеряно! Я помогу вам забыть, что до меня в вашей жизни был мужчина. Я слишком верю в наше будущее, чтобы беспокоиться относительно вашего прошлого. Подумайте хорошенько над тем, что я вам предлагаю. Не спешите мне отказывать… Дайте мне надежду!

Слезы душили ее. Она отвернулась от него, села прямо в снег и, закрыв лицо руками, прошептала:

— Нет, Патрис, нет! Прошу вас! Останемся друзьями. Вот и все. А теперь ступайте!

— Но я не могу вас бросить вот так просто! — сказал он с отчаянием. — Вы плачете. А я… я, так любящий вас, стою тут, абсолютно бесполезный, со всеми моими чувствами.

— Ступайте, прошу вас! — повторила Элизабет, не отрывая рук от лица.

— Хорошо, — сказал Патрис через некоторое время, — я возвращаюсь в гостиницу. И я вам клянусь, что никто не узнает о нашем разговоре, если ваши родители или моя мать спросят, где вы, я скажу, что вам захотелось подняться на Рошебрюн.

Она слушала, как скрипит снег под его ботинками. Просидев долгое время неподвижно, закрыв лицо мокрыми варежками, она наконец осмелилась осмотреться вокруг себя. Солнце стояло высоко в небе. Лыжники в разноцветных костюмах, перекликаясь, скатывались по заснеженным склонам. Может быть, Кристиан был среди них? «Элизабет! Хотите стать моей женой?» Эти слова, которые она безумно хотела услышать от него, были произнесены другим. Человеком, которого она едва знала, от которого ей ничего не было нужно. Другим, любовь которого никогда не сделает ее счастливой. Подавленная этой насмешкой судьбы, она с трудом встала, надела лыжи, взяла палки и заскользила по направлению станции канатной дороги, где было полно народу и где ее никто не ждал.

ГЛАВА I

Элизабет открыла глаза и удивилась.

Проснувшись, она часто думала, что все еще находится в своей маленькой низенькой комнатке в гостинице. Бессознательно она поискала глазами в полумраке привычную мебель, светлые занавески из кретона. Но ее полусонный взгляд наткнулся на большой комод в стиле Людовика XV с массивными бронзовыми ручками, на две полоски зеленой ткани, висевшие на высоком окне, и на картину в позолоченной раме. Фрикетта спала теперь не на подушечке на полу, а в старом кресле. В постели, рядом с Элизабет, лежал мужчина. «Это не сон, — сказала она себе, — я замужем!» Спустя два месяца, после того как она покинула своих родителей, она все еще не могла привыкнуть к своему новому положению, такому естественному для других и такому странному для нее самой. Повернув голову, она посмотрела на спящего мужчину. Простыня, спущенная до живота, пижама, расстегнутая на груди из-за жары. Это лицо с закрытыми глазами принадлежало ей, ей принадлежала также и эта опущенная вниз рука, эта узкая полураскрытая ладонь с длинными пальцами, это запястье с голубыми венами, это ровное дыхание и легкий запах одеколона.

«У него действительно прекрасные ресницы, — подумала она. — А шея тонкая. Надо ему сказать, чтобы он подстриг покороче волосы на затылке». Она отодвинулась, и он сразу же потянулся и тихо вздохнул. Ей захотелось поцеловать его, но она сдержалась: не дотрагиваясь до него, она обладала им в еще более полной мере. Бесшумно встав с кровати, Элизабет накинула пеньюар и приподняла жалюзи. Фрикетта скатилась с кресла и подбежала к хозяйке, счастливо вздыхая, подпрыгивая и чихая, чтобы выразить свою утреннюю радость.

— Тихо! — приказала Элизабет шепотом, лаская ее. — Ты можешь его разбудить.

Но Патрис, пробормотав что-то во сне, уткнулся носом в подушку и продолжал спать. Было половина девятого. На цыпочках Элизабет вышла с Фрикеттой в коридор, который все здесь называли «галереей». Большие серые эстампы с едва различимым рисунком висели в рамках, чуть склонившись над проходом. Ванная комната в конце этого коридора была оклеена наивными, помпезными или даже чуть легкомысленными картинками. Элизабет проскользнула мимо двери свекрови, потом мимо двери старой мадам Монастье, которую Патрис все еще называл Мази — как в детстве, спустилась на одну ступеньку и вошла в комнату с кафельным полом, очень большую и светлую, с двумя умывальниками и огромной ванной на высоких ножках с потрескавшейся и потемневшей эмалью.

Старую газовую колонку было опасно включать, и в семье Монастье часто вспоминали о потрясающем взрыве семь лет тому назад, во время которого Мази сожгла себе брови и ресницы. Элизабет зажгла горелку, отвернула кран и храбро стала дожидаться, как поведет себя это чудовище. В трубах загудело, душевой шланг задрожал от злости, и вдруг адское пламя со свистом поднялось в своей железной тюрьме. Несмотря на силу этого локального пожара, теплая вода потекла в ванну лишь тоненькой струйкой. Уже раз двадцать решался вопрос о вызове слесаря для ремонта установки, но в семье Монастье чем чаще обсуждали какой-нибудь план, тем реже думали о его выполнении. Казалось, что совместно затраченные усилия на обсуждение практического вопроса создавали у каждого впечатление, что их желания наполовину были уже исполнены.

Элизабет щелкнула дверным замком, сняла пеньюар и посмотрелась в зеркало. За несколько дней кожа на лице, шее и на руках посветлела еще больше. Она вспомнила, как забеспокоилась Мази, когда Патрис, после возвращения из отпуска, представил ей свою невесту: «О Боже! Это в горах вы так загорели, мадемуазель?» До сих пор старая дама полагала, что у ее внука слишком смуглая супруга, она даже посоветовала Элизабет пользоваться осветляющим кремом. Когда Элизабет думала о событиях, изменивших всю ее жизнь, она удивлялась тому, что ее отчаяние так быстро сменилось счастьем. Хотя вначале она и отклонила предложение Патриса выйти за него замуж, но вскоре все-таки поняла, что это объяснение глубоко тронуло ее и сблизило их. Он больше не говорил ей о своей любви, но она чувствовала себя все лучше и увереннее в его обществе. Кристиан исчез из Межева. Наверняка он уехал с Франсуазой Ренар еще до начала школьных пасхальных каникул. Его преподавательская деятельность в колледже вряд ли помешала бы ему последовать за этой богатой и щедрой женщиной. Впрочем, Элизабет была уверена, что если бы даже она и продолжала видеть Кристиана на горных склонах, это ее задевало бы уже не столь сильно. Доверие и уважение, которыми окружил ее Патрис, поднимали ее в собственных глазах. Рядом с ним она чувствовала себя чище и спокойнее. Он залечивал рану, нанесенную ей Кристианом, стирал его из ее памяти, даже в какой-то мере заменял его. Она больше не испытывала мук, а только нежность и приятное забвение. Снег таял. Клиенты стали разъезжаться. Но Монастье, казалось, не спешили освободить свои номера. Амелия и мать Патриса часто ходили вместе на прогулки, а вечерами подолгу беседовали в полупустом холле. Наконец Патрис осмелился опять попросить руки Элизабет. Это произошло по дороге на Голгофу. Они спускались по тропинке, по обеим сторонам которой стояли часовенки с покрашенными статуями. От разогретых солнцем склонов поднимался легкий пар. На них уже кое-где пробивалась трава, но местами еще лежал снег.

Элизабет взглянула на это серьезное и умоляющее лицо и вдруг сказала себе, что оно останется в ее жизни навсегда. В глазах Патриса она увидела свое спасение. Но она не могла лгать ему. Рискуя испортить их совместное будущее, она повторила ему, что он ошибался на ее счет, что она недостойна его, что уже принадлежала мужчине. Патрис не хотел ее слушать: «Никогда мне не говори больше об этом, Элизабет. Я не хочу этого знать. Просто ответь мне: да или нет». Какой странный парень! Погруженный в свои мечты, неужели он не способен был ревновать? Их губы слились до того, как она дала ему ответ. Вечером они сообщили эту новость своим родителям, и радость Амелии, Пьера и мадам Монастье укрепила в Элизабет чувство, что ей выпала необычайная удача. Узнав об этом событии, малочисленные клиенты «Двух Серн» поздравили их вместе с сотрудниками гостиницы. А русского повара охватило особенное гастрономическое вдохновение, поэтому он отложил свой отъезд и организовал по поводу помолвки обед из борща, кулебяки и пожарских котлет.

После этого пиршества жизнь Элизабет поскакала галопом: Монастье готовились покинуть Межев к вернуться в Сен-Жермен, персонал разъезжался, Амелия, Пьер и Элизабет готовились к закрытию гостиницы. Как и в предыдущие годы, они должны были провести межсезонье в Париже. Дядюшка Дени зарезервировал для них два номера в маленькой гостинице на улице Лепик, прямо напротив своего кафе. На другой день после приезда Элизабет встретилась с Патрисом. А через месяц она стала его женой. Ей хотелось, чтобы свадьба была скромной, но Патрис настоял на том, чтобы она была в белом платье и пригласил много гостей. Она вновь переживала то чудное волнение, которое испытала при входе в церковь в Сен-Жермен-ан-Лей, идя под руку с отцом, где было много радостных лиц, музыки и цветов. Шелестело ее платье из белоснежного атласа. Все взгляды были устремлены на нее, идущую по красному ковру. Она была красива, ей тихо завидовали и бурно восхищались. Элизабет шла к алтарю с той же верой, что и в день первого причастия.

Газовая колонка зарычала, перекрыв органную музыку, звучавшую в памяти Элизабет, запахло газом. Вода из крана шла прерывисто. Элизабет улыбнулась, вспомнив, как она подходила к ризнице: члены семьи стояли у стены, а ей надо было пожать на ходу все эти руки большие и маленькие, сухие и влажные. Ее дедушка специально приехал из Шапель-о-Буа, чтобы присутствовать на этом торжестве. Среди этих людей с бледными лицами он выделялся своим медным загаром, своей белой шевелюрой и седыми усами, торчащими как у кота. На Амелии была незамысловатая шляпка с цветами, которая грациозно покачивалась, когда она поворачивала голову. Гладковыбритый Пьер стоял с видом победителя, подняв высоко подбородок над своим жестким пристегивающимся воротничком, Клементина, принарядившаяся в свой светло-голубой костюм, улыбалась накрашенными губами. Дени скучал, стоя в конце ряда.

После короткого свадебного путешествия в Динар молодые возвратились в Сен-Жермен, и Мази уступила им самую красивую комнату в доме. Конечно, Элизабет хотелось бы обставить ее по-своему, но так как у Патриса не было ни своих денег, ни положения, она понимала, что на этом этане им надо было довольствоваться жизнью с родственниками. Впрочем, все в этом доме были к ней очень предупредительны.

Газовая горелка готова была вот-вот взорваться, поэтому она завернула крап и пламя с гневным шипением угасло. Укротив таким образом огненную стихию, она сняла ночную рубашку и осталась обнаженной с обручальным кольцом на пальце. Это была уже не мадемуазель Элизабет Мазалег, а мадам Патрис Монастье, которая с удовольствием погрузилась в горячую воду. В воде ее груди слегка приподнялись. Она действительно поправилась после свадьбы или ей так показалось? Элизабет с наслаждением намылила руки, шею, подмышки, грудь. Как это она могла раньше думать, что только Кристиан мог сделать ее счастливой? С Патрисом она открыла для себя другой способ любить и быть любимой. Он был так робок, что чаще всего именно она разжигала его и управляла им. Руководя игрой до последней фазы, она испытывала еще большее удовольствие, когда под конец он властвовал над ней. От этой мысли кровь прилила к ее лицу. Было ли нормальным то, что она придавала такое значение этому интимному аспекту брака? Теплый августовский свет проникал в окно. В Межеве летний сезон был в самом разгаре. Как всегда, наверное, было много народу из провинций. Амелия и Пьер снова наняли русского шеф-повара. Вероятно, у них было очень много работы. «А я им целую неделю не писала!» Элизабет встала и потерла тело маленькой рукавичкой. В дверь постучали. Это был Патрис.

— Уже проснулся? — спросила она.

Элизабет вышла из ванной, открыла дверь и снова быстро нырнула в воду. Он с неловким видом вошел в ванную и сказал:

— Доброе утро, дорогая!

Потом подошел к умывальнику, чтобы побриться. С отяжелевшим от сна лицом он стоял в полосатой пижаме. Патрис избегал смотреть на жену. Ее позабавила эта мужская стыдливость, мешавшая ему увидеть при свете то, что он с такой жадностью искал в полумраке.

— Иди сюда, — сказала она.

Он послушался. Элизабет обняла его за шею руками, с которых стекала вода. Их поцелуй имел вкус теплой воды. Элизабет рассмеялась:

— Какой же ты сердитый после сна! Если ты не улыбнешься мне, то я как русалка затащу тебя в ванну.

— Элизабет, ты неблагоразумна. Дверь не заперта. А если кто войдет? — проворчал он.

— Ну и что? Мы женаты. Нас ни в чем нельзя упрекнуть, — возразила она, снова поцеловав его.

Почувствовав, что он начинает терять голову, она оттолкнула его:

— А теперь иди бриться!

Пока он намыливал щеки, она, облокотившись о край ванны, разглядывала его. Это чисто мужское занятие просто гипнотизировало ее. Патрис провел несколько раз помазком по щекам и превратился в старика с бородой из белой мыльной пены.

— Сними пижаму, ты замочишь ее, — сказала она.

Патрис бросил на нее подозрительный взгляд и ответил:

— Ну нет. И так нормально.

— Ты боишься показаться передо мной с обнаженным торсом?

— Совсем нет!

Но она знала, что это было так. В действительности он считал, что плохо сложен, и боялся, что она это увидит.

— Тогда чего же ты ждешь? — спросила она.

Он снял пижамную куртку. Конечно, он был слишком худ, с костистыми плечами и впалой грудью, но вообще его легкое тело выглядело стройным. Когда Патрис поднимал руку, Элизабет видела его слегка волосатую подмышечную впадину. Бритва оставляла розовые дорожки на намыленном подбородке.

— Вместо того чтобы смотреть на меня, лучше бы поскорее закончила свой туалет, — сказал он. — Если Мази раньше нас придет в столовую, это будет трагедия.

— Не бойся, — ответила она. — Я объясню ей, что во всем виновата я. У нас с ней отличные отношения.

Но несмотря на это утверждение, она быстро вытерлась и встала перед зеркалом, чтобы причесаться.

Когда Патрис и Элизабет вошли в столовую, Мази там еще не было. Сидя в одиночестве за большим столом, мадам Монастье читала некрологи в «Фигаро». При виде сына лицо ее просияло.

— Хорошо спали? — спросила она, подставив для поцелуя правую щеку Патрису, потом левую — Элизабет.

И не дожидаясь ответа, она принялась комментировать светские новости из газет. Она утверждала, что в самых изысканных столичных кругах у нее было много знакомых и что она добровольно отдалилась от них, когда овдовела. Для Элизабет Париж был населен людьми, которых ее свекровь «потеряла из виду».

— Боже мой! — вздохнула она. — Подумать только, мадам Курбиллей уже выдает замуж свою дочь, а я узнаю об этом из газет! Я, которая когда-то каждую неделю вместе с ней пила чай!

Чашка чая играла очень важную роль в жизни мадам Монастье. Даже когда она была в Межеве, любимым ее местом была кондитерская. Здесь же она ходила почти каждый день, часов в пять, к одной из своих подруг. Сама она тоже «принимала» два раза в месяц, и тогда в большом салоне в стиле Людовика XV около двадцати дам, каждая с небольшой клумбой на голове, кудахтали, осоловев от выпитого чая. Элизабет находила, что мадам Монастье была гораздо энергичнее и грациознее в Сен-Жермене, чем в Межеве. Может быть, она так молодела из-за присутствия Мази? Рядом с матерью своего покойного мужа она вновь обретала девичьи манеры, подчинялась, как молодая невестка главе семьи, которая всем заправляла в доме.

— Мне хотелось бы знать, что делает Мази? — продолжила она, положив на стол газету. — Лишь бы у нее не начался снова приступ удушья, как в прошлую ночь! Пойди постучи к ней в дверь, Патрис.

Но «молодая Евлалия» успокоила их, принеся на подносе кофейник, чайник с заваркой и кувшин с шоколадом:

— Мадам придет с минуты на минуту — ее одевают.

Со времен былого величия у Мази сохранилась привычка одеваться с помощью служанки. Это входило в обязанности «старой Евлалии» — матери молодой, которая до сих пор выполняла их, несмотря на свои семьдесят восемь лет, катаракту, рассеянность и дрожащие руки. Больше ни на что она не годилась, но речи и быть не могло о том, чтобы расстаться с ней. Все хозяйственные работы лежали на плечах ее дочери, молодой Евлалии, которой, между прочим, уже перевалило за пятьдесят. Краснощекая, с короткими сильными руками, она водрузила тяжелый серебряный поднос посреди стола и вышла. Никто даже не подумал налить себе кофе в отсутствие Мази.

Наконец она появилась, высокая, величественная, с розовым лицом, римским подбородком, шарообразным бюстом, выпирающим над животом, затянутым в корсет. Крупный завиток светло-каштановых волос спадал на ее высокий и гладкий лоб. У нее были мягкие и красивые волосы. По возвращении из свадебного путешествия Элизабет при всех восхитилась ими, что, впрочем, не вызвало радости у Мази. Позже Патрис открыл своей молодой супруге секрет: Мази носила парик. С тех пор Элизабет не могла видеть старую даму без опасения, что та каким-нибудь неловким движением сдвинет на бок этот постижерский шедевр. Патрис и Элизабет встали при ее появлении. Мази подставила свои свежие щеки для ритуального утреннего поцелуя, опустилась на свой стул и спросила бодрым голосом:

— Что нового?

Нового ничего никогда не было, да, впрочем, она презирала все, что могло бы изменить ее привычки и нарушить размеренное течение ее жизни. По словам Патриса, было просто чудом то, что она как-то сразу приняла появление в ее семье молодой женщины. На первый завтрак мадам Монастье и Мази пили чай с лимоном. Элизабет осталась верпа кофе с молоком. Патрис, которому надо было укрепить здоровье, выпивал каждое утро большую кружку какао. Мадам Монастье сама намазывала ему тосты маслом. Под неусыпным вниманием матери и бабушки он съедал завтрак с видом рассеянного ребенка.

— О чем ты думаешь, Патрис? — спросила Мази.

Что за вопрос? Он думал о своем концерте, написав всего лишь несколько первых тактов. О нем говорили как о произведении, которое в завершенном виде принесет славу ее автору. Тема была навеяна Патрису снегом в Межеве. Впрочем, для него эта тема была лишь предлогом. Он презирал образную музыку и утверждал, что импрессионизм Дебюсси завел его подражателей в тупик. Это мнение сына огорчало его мать, которая вспоминала, что в молодости имела определенный успех, исполнив «Избранницу» в одном из салонов, в 1929 году: «Тогда нимб засветился над ее головой…»

Элизабет очень нравилось слушать, как Патрис говорил о своем искусстве, и она сожалела о том, что ее музыкальная необразованность не позволяла ей участвовать в тайне творчества.

— Мне хотелось бы, — говорил Патрис, — довести слушателя до такой степени восприимчивости, чтобы моя музыка являлась бы выражением его собственного ощущения, а не только моего…

Мази одобрила его кивком головы:

— Ты на правильном пути, мой мальчик. Ты поработаешь немного сегодня утром?

— Может быть… Не знаю… Пока я еще в поиске.

С того времени как Элизабет поселилась в Сен-Жермене, он все время находился в поиске, наигрывая и мечтая целыми днями. Мать и бабушка с уважением относились к этому вдохновенному безделью.

После завтрака Элизабет и Патрис вернулись к себе в комнату. Он помог жене застелить постель и, сев за стол, стал просматривать музыкальный журнал. В это время Элизабет без особого энтузиазма вытирала с мебели пыль. Она в свое время настояла на том, чтобы молодая Евлалия согласилась передать ей эту работу, а теперь была вынуждена признать, что домашние заботы наводили на нее скуку. Да и как могло быть иначе, если она чувствовала себя временным жильцом в этой торжественной комнате, обставленной по вкусу Мази? Потемневшие парчовые обои, эстампы, альков с фигурками а-ля античный Рим, пузатый комод, кресла с гнутыми ножками, несколько маленьких столиков и банкеток — все здесь говорило о старости, живущей в дряхлеющей роскоши.

— Тебе не кажется, что мы все-таки могли бы убрать кое-какую мебель, чтобы подчеркнуть красоту другой? — спросила Элизабет.

— Даже и не мечтай! — воскликнул Патрис. — Мази разозлится. Она выбрала для нас самое

лучшее, чтобы поставить здесь, и все делала с такой любовью!

— Может быть, но ведь не она же живет в этой комнате. Когда я смотрю на этот хлам, меня одолевает скука.

Патрис не стал сморить с ней и вновь погрузился в чтение журнала. Молодая Евлалия принесла почту: письмо Элизабет (Пьер и Амелия беспокоились, что от их дочери не было известий вот уже восемь дней) и письмо Патрису. Он пробежал его глазами, положил на стол, снова взял и проворчал:

— Вот это да! Ты знаешь, кто мне пишет? Шарль Бретилло, товарищ по лицею, которого я не видел два года. Он занялся постановками фильмов и спрашивает меня, не хотел бы я сочинить музыку для документального фильма, который он недавно снял в Савойе.

— Это великолепно! — воскликнула Элизабет.

— Сразу видно, что ты не знаешь Бретилло, — ответил Патрис. — Это очень милый парень, но любит пускать пыль в глаза. Горячая голова…

— Ну и что, если у него талант? — спросила Элизабет.

— Просто его отец кинорежиссер и он продвигает его в этом деле. Без него, я уверен, он ничего бы не добился.

— Но он уже снимал другие фильмы?

— Кажется, два короткометражных.

— Ты их видел?

— Нет.

— Тогда как ты можешь говорить, что без своего отца он ничего не добился бы? Покажи-ка, что он пишет.

Патрис протянул ей письмо.

«Бонжур, Патрис!

Спешу уведомить тебя, что я только что закончил снимать документальный фильм о церквях Савойи по заказу «Косина», фирмы моего отца. Это хорошая работа, которая, я в этом уверен, наделает шуму в кинематографических кругах. Что касается музыки, я мог бы обратиться к более или менее известным профессионалам, но я предпочитаю новое имя. Впрочем, признаюсь, что несколько стеснен в своем бюджете. Так вот, я вспомнил о тебе. Последний раз, когда ты был у нас дома, ты ошеломляюще импровизировал на фортепиано. Поэтому я уверен, что ты сможешь без особых усилий сочинить что-нибудь замечательное для моего фильма. Это позволит тебе заработать немного денег и, в случае успеха, получить другие заказы. С нетерпением жду от тебя ответа: катушки с пленкой уже в монтажной. У тебя есть телефон? Я не нашел твоего номера в справочнике. Если хочешь увидеться со мной, то по утрам я всегда дома, а во второй половине дня — в конторе, адрес и телефон которой на титуле этого листка бумаги. До скорого, старик, в надежде на дружеское и плодотворное сотрудничество.

Шарль Бретилло».

Элизабет сложила листок и сказала:

— Надо согласиться, Патрис.

— Согласиться? — недовольно проворчал он. — Но, Элизабет, у меня есть другие дела…

— Твой концерт?.. Но ты же над ним не работаешь!

— Я думаю о нем…

— Ну так вот, ты будешь думать о нем немного поменьше в течение нескольких дней и напишешь музыку для этого фильма.

— Писать для фильмов — это не мое дело, — ответил он. — Когда сочиняешь для экрана, то в партитуре должны приниматься во внимание виды, монтажные листы и хронометрирование. Я не смогу творить свободно, потому что придется учитывать все это.

— Что ты знаешь об этом, Патрис? Ты так говоришь, потому что никогда не пробовал. Может быть,

наоборот, трудности, которые придется преодолевать, воодушевят тебя?

— Сомневаюсь.

— Во всяком случае, ты должен обязательно ответить твоему товарищу, поблагодарить его, встретиться с ним и посмотреть его фильм.

— А потом?

— Если фильм плохой, ты откажешься. Если хороший, ты сядешь за работу.

Патрис долго смотрел на нее с отчаянием:

— Но, Элизабет, повторяю тебе, что я не смогу, что я только буду жалко барахтаться.

Элизабет покачала головой и произнесла медленно с любовью:

— Ты все время занят тем, что сомневаешься в себе, клевещешь на себя, убегаешь сам от себя, но у тебя есть все для успеха!

— Ах, если бы ты была права! — прошептал он, кисло улыбнувшись. — Ладно, хватит говорить об этом. Я подумаю и денька через два напишу Бретилло.

— Нет, — возразила она. — Если ты будешь с этим тянуть, он обратится к другому.

— Надо хотя бы переговорить об этом с мамой и Мази.

— Мы не нуждаемся в их советах для принятия наших решений, — резко возразила Элизабет. — Ты сейчас же звонишь этому парню…

Удивившись этой внезапной решимости, он заколебался, выбирая между желанием отстоять свой покой и желанием подчиниться более сильной воле.

— Идем, — решительно сказала Элизабет, взяв мужа за руку.

Выйдя из комнаты, она повела его по лестнице, затем по длинному коридору на нижнем этаже, до самой библиотеки. Телефон стоял там, на маленьком столике, окруженный рядом запыленных книг. После смерти отца Патриса это помещение стало чем-то вроде семейного музея. На рабочем столе по-прежнему лежали очки покойного, его трубка в пепельнице, альбом с почтовыми марками, открытый на странице, которую он разглядывал перед тем, как его хватил сердечный удар. Элизабет знала о нем лишь то, что он был заядлым коллекционером и большим эрудитом, что спустя некоторое время после свадьбы он разорился, торгуя лесом, и приехал жить с женой и ребенком к матери, чье состояние и хозяйская властность избавили его наконец от всяких забот. В семье говорили, что Патрис был очень на него похож. Солнечный свет проникал сквозь щели закрытых ставней. В воздухе стоял запах заплесневелой бумаги. Шагая на цыпочках, Патрис приблизился к телефону:

— У тебя записан его номер, Элизабет?

— Да, я захватила письмо. Держи!

— Его наверняка не будет дома в этот час!

— Откуда ты знаешь? Все же попытайся…

Ответил сам Шарль Бретилло. Лицо Патриса приняло неопределенное выражение. Он крепко прижал трубку к уху.

— Алло! Это ты, старик? — спросил он. — Я получил твое письмо… Спасибо, что подумал обо мне… Да, в принципе меня это заинтересовало… Но до того, как принять какое-то решение, мне надо увидеться с тобой, поговорить…

Он вопросительно посмотрел на жену: он говорит то, что нужно?

Элизабет кивнула в знак согласия.

— Когда ты будешь свободен? — спросил он.

— Пригласи его к нам, — тихо сказала Элизабет.

— Ты можешь приехать ко мне в Сен-Жермен? Алло! Я плохо слышу… Да… В Сен-Жермен… Что? Ах, ты предпочитаешь, чтобы я приехал в Париж… Конечно, тогда я смогу посмотреть фильм…

Он снова встретился взглядом с Элизабет. Она была согласна. Тогда Патрис заговорил более уверенным тоном:

— Хорошо, я приеду… Что ты говоришь? В следующий понедельник, в половине четвертого, в бюро?..

Элизабет прошептала:

— Отлично.

— Отлично, — повторил он. — Тогда до понедельника, старик… Я тоже надеюсь, что все будет хорошо…

Он положил трубку и спросил:

— Ты довольна?

— А ты?

Патрис обнял жену:

— Я доволен особенно тем, что представлю товарищу свою жену. Ведь он даже не знает, что я женат. Я совсем забыл послать ему приглашение.

— Ты, правда, хочешь, чтобы я поехала с тобой, Патрис? — спросила она, взволнованная его вниманием.

Он поцеловал ее в щеку:

— Конечно! Что я буду делать без тебя? Я ничего не понимаю в кино!

— Я тоже.

— О! Ты все знаешь. Ты просто великолепна!

Они молча постояли обнявшись перед столом с разложенными на нем реликвиями. Вся мудрость мира взирала на них с полок, заставленных толстыми мрачными книгами. Минуту спустя Патрис сказал со вздохом:

— Надо предупредить маму и Мази.

— О чем?

— О наших планах. Я сейчас же пойду к ним.

— Подожди до второго завтрака, — сказала она.

ГЛАВА II

— Поздравляю тебя, — сказала Мази, наморщив лоб под своим пышным париком. — По крайней мере, ты действуешь быстро! Один телефонный звонок — и все урегулировано.

— Еще ничего не урегулировано, — ответил Патрис. — Просто я договорился о встрече.

Все работали ножами и вилками над ломтиками сыроватого и жесткого жаркого. Атмосфера накалялась. Мази, прожевывая кусочек мяса, продолжала наигранным тоном:

— Я думала, что ты отрицательно относишься к музыке для кино.

— Когда речь идет об обычном художественном фильме, — ответил Патрис. — Но здесь моя партитура послужит для сопровождения фильма о религиозном искусстве. Следовательно, я смогу также разработать несколько тем, которые мне дороги.

— Короче, тебя это заинтересовало? — сказала Мази.

— Очень, — кивнул головой Патрис.

Элизабет с удивлением смотрела на мужа. Глядя на его уверенность, никто и не предположил бы, что всего два часа назад он сомневался относительно того, какое решение ему принять.

— Когда ты встретишься с ним? — спросила Мази.

— В следующий понедельник, в половине четвертого. Мы поедем сразу после второго завтрака.

— Мы? — удивленно подняла голову мадам Монастье.

— Да, — сказал Патрис. — Элизабет поедет со мной.

Мази медленно отвернулась от внука и посмотрела на Элизабет, чья роль в этом деле была очевидной.

— Хорошая мысль! — сказала мадам Монастье. — Я довольна, Патрис, что ты возобновляешь связи со старыми друзьями. А то ты стал таким нелюдимым. Элизабет должна обязательно уговорить тебя немного развлечься. Если вы захотите пригласить в какое-нибудь воскресенье молодежь на чашку чая…

Патрис промолчал и снова принялся за еду. Элизабет последовала его примеру. После разнообразной кухни в гостинице обычная пища в доме Монастье казалась малосъедобной. Ей здесь никто не уделял должного внимания, и все блюда имели одинаковый вкус. Элизабет скучала по острому соусу, по поджаренному хлебу с положенными на него листьями шпината… Молодая Евлалия сменила тарелки.

Чтобы показать свое недовольство тем, что внук не посоветовался с ней по такому важному вопросу, Мази отказалась от сыра и проглотила несколько виноградин с таким отвращением, будто это были горькие пилюли.

— Мама, вы почти ничего не ели! — воскликнула мадам Монастье. — Что случилось? Вы не больны?

— И вправду, — сказал Патрис, — ты что-то сегодня выглядишь хуже, чем вчера.

Видя, что о ней так беспокоятся, старая дама вновь почувствовала себя важной персоной. Забыв о своей обиде, она соизволила улыбнуться:

— Это пустяки, — сказала она. — В моем возрасте малейшие неприятности действуют на аппетит и волнуют сердце.

— У вас какая-нибудь неприятность? — спросила с тревогой в голосе мадам Монастье.

— Нет. Сначала я так подумала, но потом поняла, что ошиблась. Я счастлива, Патрис, что ты сам принял решение позвонить своему другу, — сказала она, делая ударение на слове «сам».

Она умолкла, а слово «сам» все еще слышалось в комнате. Получив одобрение в высшей инстанции, Патрис весело посмотрел на Элизабет. Все встали из-за стола.

— Подайте нам кофе в сад, — сказала Мази, обращаясь к Евлалии.

И она направилась к двери королевской походкой, выпрямив спину и гордо выпятив бюст. Паркет поскрипывал под тяжестью ее веса.

Столовая выходила в большой, тенистый, но плохо ухоженный сад. От улицы он был отгорожен каменной стеной. Главная аллея, посыпанная мелким гравием, шла от ворот между двух лужаек, на одной из них росли густые заросли бегонии, на другой размещался круглый высохший бассейн. Далее шла площадка для крокета, вся заросшая сорняками. На детских качелях Патриса все еще была подвешена дощечка, раскачиваемая иногда только ветром. Стол стоял под дубом. Мази и мадам Монастье уселись в широкие плетеные кресла, Патрис — в шезлонг, а Элизабет, которой хотелось немного позагорать, вытащила из тенистых кустов кресло-качалку, села в него поудобнее и повернула лицо к солнцу. Раскачиваясь в кресле, она рассматривала из-под полуопущенных век большой трехэтажный дом из серого камня с широкими переплетами на окнах, с крыльцом, на которое вели три ступеньки, с черепичной крышей, на которой виднелись овальные окошечки, напоминающие птичьи гнезда. На нижнем этаже комнаты для приема еще сохраняли признаки жизни, но выше почти половина комнат служила кладовыми. Молодая Евлалия принесла кофе, у которого, как всегда, был резковатый привкус железа. Мази и мадам Монастье выпили его мелкими глотками с видом гурманок и таким достоинством, какое не поддавалось никакой критике. Мази даже позволила себе дополнительное удовольствие: обмакнув в это пойло кусочек сахара, держа его кончиками пальцев, она поднесла его ко рту. Смоченный сахар захрустел. Может, и зубы у нее были вставными?

— Вам не следует так долго находиться на солнце, Элизабет, — сказала она, поставив чашку. — Вы только испортите себе цвет лица и заработаете мигрень.

— Я привыкла, Мази, — ответила Элизабет. — Вы знаете, в Межеве солнце жарит посильнее, чем здесь.

Каждый раз, когда Элизабет употребляла какое-нибудь слово из спортивного лексикона, брови старой дамы ползли вверх по лбу.

— Если оно «жарит» в Межеве, то мне больше нечего сказать, — тихо ответила она с иронией в голосе. — Но в наше время это бы закончилось в таком случае тем, что мы сами бы «изжарились».

Довольная своим каламбуром, она склонилась к мадам Монастье, автоматически тихо засмеявшейся, покачивая головой. Казалось, она хотела сказать: «Эта Мази неисправима!»

Потянувшись, Патрис зевнул. Мадам Монастье вынула рукоделие из большой серой полотняной сумки.

— Мне надо бы продолжить, — сказал она.

Она вышивала по канве, и с каждым стежком на ткани все более ясно вырисовывался контур розы. Мази обмахивала веером из бумажных кружев свой напудренный подбородок. Наступило молчание. Легкий ветерок шевелил листьями деревьев. Над пустыми чашками летали мухи. Время тянулось, как густой сироп. Элизабет развернула свое кресло-качалку вслед за солнцем. По улице проскакали лошади. Затем стих и цокот их копыт. Видимо, наездники, выехавшие из манежа, отправились на прогулку по лесу. Мази рассказала, что в молодости у отца Патриса была собственная лошадь. Потом конюшню перестроили под гараж. Там и до сих пор стоял «форд» со спущенными колесами и грязными стеклами. На нем так давно не ездили, что он пропах уже не бензином, а заплесневелым брезентом, как старый фиакр. Из всех членов семьи только Патрису удалось получить водительские права. Совершив этот подвиг, он ни разу не сел за руль. Занятия такого рода не интересовали его. Он не любил машин, скорости, риска и часто поговаривал, что теперь уже не сможет отличить тормозную педаль от педали сцепления из-за того, что не имеет практики вождения. Элизабет сожалела об этом: она с удовольствием прокатилась бы с Патрисом за город на машине. А почему бы и нет?

Рядом с гаражом находился домик сторожа. Весь обвитый плющом, с закрытыми ставнями и заколоченной дверью, он дремал за изгородью из растрепанной бирючины. С тех пор как сторож умер, а его жена вернулась в деревню, в нем никто не жил. Соседский садовник приходил сюда два раза в месяц, чтобы скосить траву и посыпать дорожки. Элизабет перевела взгляд на Мази. Как, наверное, та страдала оттого, что ее жизнь постепенно стала ограничиваться комнатой; больше не открывались окна, уходили слуги. Сумрак и тишина селились в больших комнатах с отсыревшими обоями. Старуха продолжала обмахиваться веером.

— Отсюда домик сторожа выглядит очень живописным! — сказала Элизабет. — Как он выглядит внутри?

— Как мышиная нора, — ответил Патрис.

— Я уверена, что ты преувеличиваешь, — сказала Элизабет.

— Увы! Боюсь, что нет, — вздохнула мадам Монастье.

— Мне хотелось бы взглянуть, — продолжила Элизабет. — Вы позволите, Мази?

— Ну конечно! — ответила та. — Попросите ключи у старой Евлалии. Она теперь, наверное, в саду, в той беседке, что обвита зеленью.

В хорошую погоду старая Евлалия усаживалась обычно в этой беседке под предлогом того, что она собирается поштопать белье, на самом же деле — чтобы подремать. Когда Элизабет тихо подошла к ней, та даже не подняла головы. В накрахмаленном чепчике, с очками, сползшими на нос, она сидела сгорбившись, положив носки на колени и тихо похрапывая во сие. На этом сонном лице Элизабет с волнением читала тайну глубокой старости. Евлалия, казалось, была старше больших деревьев. Кровь больше не окрашивала ее щек, высохших и сморщенных. Можно ли было поверить, что когда-то она была резвой девушкой, любящей женщиной, матерью, кормившей грудью свое дитя? Со сжавшимся сердцем Элизабет подумала, что когда-нибудь и ее мать тоже станет похожей на это высохшее создание. А лет через пятьдесят-шестьдесят не пригнется ли она сама к земле, с пергаментной кожей на лице и с крючковатыми пальцами в узловатых прожилках? Стоя перед служанкой, Элизабет раздумывала, стоит ли нарушать ее покой, возвращая ее к жизни. Она робко дотронулась до старческой руки, и Евлалия постепенно стала просыпаться. Сначала открылись ее глаза, затем задрожали руки, и наконец, узнав Элизабет, она пробормотала:

— О, мадам Патрис! А я как раз штопала носки вашего мужа!

Элизабет пришлось долго втолковывать этой старой женщине, что она пришла не за носками, а за ключами. Старая Евлалия никак не могла вспомнить, куда она их дела. В конце концов ее дочь обнаружила их где-то на кухне.

— Я так и думала, что они лежали там, — проворчала старая Евлалия, схватив свое добро костлявыми пальцами. — Идемте!

Возбужденно блеснул ее левый глаз, правый же был прикрыт бельмом. Патрис присоединился к Элизабет и Евлалии у домика сторожа.

— Дай, я сам открою, Евлалия, — попросил он.

Но старуха упрямо качала головой в чепце: это в ее обязанности входило сопровождать посетителей. Ее рука дрожала так сильно, что ключ чудом вошел в замок после нескольких попыток. Дверь скрипнула и отворилась. Элизабет вошла в прохладную тень. Патрис открыл одно окно, потом ставни, которые оборвали ветку плюша. В солнечном свете стали видны отштукатуренные стены, потрескавшиеся, с зелеными пятнами старой краски, местами можно было увидеть красные расколотые плиты, а по всем углам паутину. Печь для топки углем и каменная раковина говорили о том, что раньше здесь была кухня. Оттуда Элизабет перешла в пустую квадратную комнату, голубые обои которой вздулись и отвалились кусками, затем в другую, забитую старой пыльной мебелью, и наконец, в туалет, где над умывальником на одном гвозде висело зеркало в бамбуковой раме.

— Вот видишь, дорогая, здесь все такое ветхое и все рушится, — печально сказал Патрис.

— А здесь у них стояла кровать, — прошамкала старая Евлалия, — здесь шкаф и большой стол…

Сгорбленная, она внимательно оглядывала все вокруг. Подбородок ее дрожал. Связка ключей позвякивала у нее на поясе. Она напоминала старую фею. Вот сейчас она махнет волшебной палочкой и пыль улетучится, а мебель вернется на свои места.

— Этот домик очень мил, и я думаю, было бы нетрудно привести его в порядок.

— Привести в порядок? Для кого?

— Для нас, — просто ответила Элизабет.

Старая Евлалия тихо засмеялась.

— О чем ты говоришь, Элизабет! — спросил удивленный Патрис. — Не можем же мы жить в местах общего пользования!

— Это верно! — сказала она вздохнув. — Но согласись, что нам здесь было бы хорошо! Спальня, столовая, кухня, туалет… Даже мебель мне нравится! А эта деревенская кровать просто великолепна!

Старуха продолжала смеяться как безумная, глядя на молодежь. Может, она наводила на них чары?

— Будь разумной, Элизабет! — сказал Патрис. — Ты увидела то, что хотела увидеть. А теперь идем. Мази, наверное, беспокоится, куда это мы запропастились.

Покорная, но грустная, Элизабет последовала за мужем. Старая Евлалия снова стала запирать

дверь ключом с такой тщательностью, словно за этой дверью скрывались сказочные сокровища. Сделав несколько шагов, Элизабет обернулась: Патрис забыл закрыть окна. Теперь дом сторожа выглядел обитаемым.

ГЛАВА III

Когда они вышли из небольшого зала для просмотра фильмов, Шарль Бретилло пригласил Элизабет и Патриса выпить аперитив в кафе на Елисейских полях. Они уселись в легкие кресла, расставленные прямо на тротуаре среди элегантно одетых праздных людей, говорящих на разных языках мира, потягивающих коктейли со льдом и лениво разглядывающих прохожих. После серьезных и немых кадров фильма движение, шум и свет на улице оглушали Элизабет. В ее голове все еще прокручивалась пленка, демонстрирующая фасады старых храмов, каменные лица святых, странно освещенные снизу, барельефы со словно бьющимися в конвульсиях фигурами, тяжелые двери алтарей, колокола с надписями на латинском языке.

А здесь, на открытой террасе кафе, перед ее взором текла жизнь. Она поминутно схватывала деталь чьего-нибудь платья, прически, ей хотелось рассказать о своих впечатлениях Патрису, но она вынуждена была сдерживать себя, потому что он обсуждал с Шарлем Бретилло свою будущую работу. Тот передал ему точный расчет хронометража музыкальных кусков, и они обменивались идеями по этому вопросу. Они даже обговорили условия контракта. Патрис прочитал его и сразу поставил свою подпись со словами: «Да, все в порядке!» Сейчас он объяснял Шарлю Бретилло, что будет в основном использовать в партитуре орган, фортепьяно, флейту, кларнет и саксафон, потому что он заметил, что магнитная запись придавала этим инструментам патетическое звучание.

— Согласен, — сказал Шарль Бретилло, — только не сочини мне что-нибудь такое ритмическое и слишком современное!

— Будь спокоен! — ответил Патрис. — У тебя будет музыка, которая понравится публике. Внимая ей, она услышит то голос камня, то кованого металла, то старого дерева. Она услышит голос храма, ты понимаешь, храма!

Когда в его глазах зажигался вот такой огонь, можно было подумать, что для него нет ничего невозможного. Элизабет была рада, что это она подтолкнула его к такому решению. Благодаря ей он окончательно освободился от своих страхов и неизвестности. Он вырастет и еще удивит мир своим талантом!

Рядом с ним Шарль Бретилло выглядел шутом с его копной светлых кудрявых волос, с ярко-зеленым галстуком, в широком клетчатом пиджаке. Было даже удивительно, что этот шалопай создал такой высокохудожественный фильм. Может быть, ему кто-то помогал?

— Вот увидишь, старик, — сказал Шарль, поднимая рюмку, — если дело пойдет, мы и дальше будем работать вместе! Я собираюсь снять еще два короткометражных фильма, а потом большой фильм, грандиозный фильм.

Говоря это, он разглядывал Элизабет, как фотограф свою модель.

— Вы любите кино, мадам? — спросил он.

Всякий раз, когда ее называли мадам, ей казалось, что перед ней расстилают красный ковер.

— Очень! — ответила Элизабет. — Если бы я жила в Париже, я бы просмотрела все новые фильмы.

— Тогда бы у вас не было ни единого часа свободного времени, — смеясь сказал Шарль.

Затем он ударился в рассуждения о тенденциях современного французского кино. Он знал всех режиссеров, всех кинозвезд. Несколько раз он прерывался, чтобы пожать небрежно, через плечо, руку людям, проходящим между столиками: все это были знаменитые личности или те, которые скоро станут знаменитыми. Красивые девушки улыбались ему издалека. Он снисходительно кивал им в ответ головой. Шарль чувствовал себя в своей стихии.

Вдруг он взглянул на свои золотые часы и присвистнул:

— Уже пятнадцать минут шестого! Прошу извинить меня, но у меня назначена встреча на другом конце Парижа. Значит договорились, позвони мне, как только у тебя продвинется дело! Пока, старик!

Он дружески хлопнул Патриса по плечу, поцеловал руку Элизабет и пружинящей походкой направился к своей машине, кабриолету «Шенар и Валькер», стоящей у тротуара. Когда машина скрылась, Элизабет дала выход своей радости:

— Я так счастлива, Патрис! Мне просто не сидится на месте! Уведи меня!

— Куда? — спросил он.

Но она и сама не знала. Он посмеялся над странной смесью нерешительности с энтузиазмом.

Переговорив, они взяли такси, которое довезло их через какофонию дорожных пробок до предместья Сент-Оноре. Там они вышли и стали рассматривать магазинные витрины. Около каждой витрины у Элизабет сладко замирало сердце. Ей хотелось купить все сразу: платья, шляпки, чайный сервиз, серебро, розовую ночную рубашку с кружевами, сумочку из крокодиловой кожи, старинные часы с боем, туфли, несессер… Патрис сжимал ее руку: ее восторг умилял и веселил его. Они заходили в магазин справиться о цене выставленных в витрине товаров. Продавцы называли астрономические числа. Патрис безо всякого смущения говорил:

— Хорошо! Я зайду в следующий раз.

Это была игра. Они выходили из магазина с пресыщенным видом и, отойдя на три шага от него, принимались дико хохотать. Элизабет и на самом деле высказывала свои желания, ничуть не смущаясь, прекрасно зная, что они не выполнимы. Ее родители, все деньги которых были вложены в гостиницу, дали ей в приданое только носильные вещи. Что касается Патриса, его бабушка определила ему после свадьбы пожизненную ренту, заверенную нотариусом, в размере шести тысяч франков в год. Она говорила, что этой суммы будет вполне достаточно для молодой семьи, которая избавлена от забот о жилье и пропитании. Но Элизабет мечтала о более богатом будущем.

— Вот увидишь, — тихо сказала она мужу, — когда ты станешь известным композитором, нам все будет казаться в магазинах дешевым!

Патрис не возражал. Встреча с Шарлем Бретилло настроила его на самый оптимистический лад. Люди толкали их, они почти оглохли от шума проезжающих машин и автомобильных сигналов, но продолжали переходить с одного тротуара на другой, чтобы не пропустить ни одной витрины. Осмотрев все в Сент-Оноре, они вышли на улицу Мира, где Элизабет была просто очарована сверкающими витринами ювелирных магазинов. Когда она вошла в семью Монастье, Мази подарила ей очень красивую старинную брошь с маленькими бриллиантами. Ее обручальное кольцо, тоже из бабушкиных запасов, было украшено большим изумрудом. Родители подарили дочери золотые часы с выпуклым циферблатом. Но эти драгоценности, которыми она так гордилась, просто поблекли перед теми, что она увидела в богатом обрамлении из бархата и атласа. Чем дольше она на них смотрела, тем радужнее ей представлялось будущность ее мужа. Перед самым закрытием магазина Элизабет купила себе две пары шелковых чулок и галстук Патрису. И только после этого они, усталые, доплелись до «Кафе вуа ля Пэ» выпить лимонада. Патрис посмотрел на часы: скоро надо было садиться на поезд. Но Элизабет предложила продлить этот замечательный день, оставшись в Париже на обед. И сразу же рядом с ними возникла тень Мази.

— Это невозможно! Нас ждут дома, — сказал Патрис.

— Но ты можешь просто позвонить, — возразила Элизабет. — Если тебе не хочется, я могу сама это сделать.

Звонить ему не хотелось, но он так же не хотел и разочаровывать жену. Они вошли в телефонную будку. Трубку взяла мать Патриса. Она была женщиной сентиментальной, и поэтому «обед двух влюбленных» очаровал ее. Только она попросила сына и невестку больше не задерживаться, иначе Мази будет беспокоиться до самого их возвращения под крышу родного дома живыми и здоровыми. Повесив трубку, Патрис перевел эту двусмысленную рекомендацию в точное время:

— Мы располагаем временем до одиннадцати часов.

Он таким образом предложил Элизабет кусочек парижской ночи. Они снова уселись на террасе кафе: Элизабет подняла глаза к небу и пожалела, что сумерки еще не наступили. Наконец все зажглось: звезды, фонари, витрины, рекламные вывески. Начался праздник ночи. Патрис вытащил все из карманов. Элизабет сосчитала вместе с ним наличные деньги: сорок семь франков. Можно было позволить себе царский обед!

— Если бы дядя Дени знал, что мы приехали в Париж и не зашли к нему в кафе! — сказала она со вздохом.

— Хочешь, мы пойдем к нему прямо сейчас?

— О нет! Мне очень хочется побыть с тобой наедине. Нам так редко это удается.

Они долго бродили по кварталу и наконец остановились у входа в большой ресторан, стены которого, покрашенные под мрамор, и позолоченные зеркала соблазняли их своим модерном. Метрдотель провел их мимо сидевших там посетителей до белого круглого столика, который они заприметили издалека. Прямо перед ними находилась зеркальная колонка. Элизабет увидела себя в платье с набивным рисунком, со сверкающей брошью на груди, в соломенной шляпке, сидящей рядом с мужем, который внимательно изучал меню. Увидев себя горожанкой, Элизабет удивилась. Куда делись ее взлохмаченные волосы, лыжные брюки и ботинки, старый свитер с засученными рукавами? Как она изменилась за несколько месяцев! Элизабет положила руку на скатерть. На пальце сверкало обручальное кольцо. Было невозможно не заметить его.

— Что вы скажете, если для начала я предложу вам лососину, мадам? — спросил метрдотель.

Она почувствовала себя красивой и утонченной светской дамой, и не сводя глаз со своего отражения, грациозно обернулась к Патрису, которому она была обязана этим счастьем. Выбор блюд не имел никакого значения. Они решили взять наугад разные закуски и морские гребешки. Они обедали, глядя друг другу в глаза, с таким аппетитом, при котором качество пищи не играло роли. Услужливые официанты порхали вокруг столика. Элизабет вспомнила ресторан, мать, сидящую перед раздаточным окошечком, Леонтину, Берту с белыми фартуками и накрахмаленными воротниками… Мужчины все-таки лучше обслуживали! Краснощекий официант с золотым галуном на лацканах пиджака разливал вино. Элизабет поднесла бокал к губам. Белое сухое вино ударило в голову. Патрис с отсутствующим видом говорил что-то о музыке. Огромный гипсовый цветок на стене бросал тень на его сократовский лоб. Вдруг выражение его лица изменилось и он с жаром сказал:

— Я люблю тебя!

— Дорогой мой! — ответила ему Элизабет взволнованным голосом, вытерев рот салфеткой. — Я тоже люблю тебя!

Их руки соединились на скатерти. Принесенный официантом десерт разъединил их. Глядя друг на друга с любовью, они принялись за охлажденные фрукты.

— Я никогда не забуду этот вечер! — сказала Элизабет.

— Тебе хотелось бы жить в Париже? — спросил Патрис.

— Нет, я предпочитаю жить за городом. В Париже слишком шумно, суетливо. Но приезжать сюда иногда — это здорово! Мы ведь приедем еще сюда, правда?

— Обещаю тебе.

Он заказал два кофе, рюмку коньяка и даже закурил сигарету, что случалось с ним крайне редко. На эстраде, расположенной в глубине зала, играл женский оркестр. Все музыкантши были одеты в зеленые платья с диадемами на головах. На транспаранте было написано название оркестра: «Ундины». Две девицы с розовыми щечками дули в кларнеты. Скрипачка вдохновенно взмахивала смычком. Из-под пальцев арфистки каскадом падали музыкальные брызги. Солидная дама с лицом кассирши восседала за ударными инструментами.

— Господи! Как же они плохо играют! — проворчал Патрис.

Элизабет нашла, что он слишком придирчив. Но вскоре он сам поддался очарованию мелодии, исполняемой под звон бокалов и громкие разговоры. Он покачивал в такт головой. Элизабет молча смотрела на него и мечтала о любовных утехах. Сегодня вечером в спальне… Она видела своего мужа преобразившимся, не робким, как обычно, а решительным, умелым, одновременно терпеливым и настойчивым в борьбе за удовольствие… Она прошептала взволнованным голосом:

— Дай затянуться один разок твоей сигареткой!

Она никогда не курила. Элизабет ощутила во рту горький вкус табачного дыма. В глазах защипало и выступили слезы. Ей захотелось домой. Патрис попросил счет и щедро расплатился, сделав это настолько непринужденно и элегантно, как будто для него это было привычным делом.

В поезде, увозившем их в Сен-Жермен, Элизабет сняла шляпку, жавшую ей в висках.

— Уф! Как хорошо! — воскликнула она, взъерошив волосы обеими руками.

Разомлевшая, она положила голову на плечо мужа. Ему захотелось поцеловать ее. Элизабет засопротивлялась, указав на пожилого господина, дремавшего напротив них. Но Патрис настойчиво поцеловал жену в губы.

— Ты знаешь о чем я думаю? — спросила она вдруг.

— Догадываюсь, — ответил он, озорно подмигнув.

— Я серьезно говорю! Странно, что тебе не хочется чаще ездить в Париж.

— Для чего?

— Ну хотя бы для того, чтобы сходить на концерт, встретиться с друзьями, тоже музыкантами, чтобы быть в курсе того, что происходит в музыкальном мире…

— Но я и так в курсе, — ответил Патрис.

— Вдали от настоящей жизни, читая газеты… Разве этого достаточно?

— Ты права, — ответил он. — Я немного в стороне от событий. Я работаю в одиночку. Это всегда опасно вначале. Но что ты хочешь? Когда живешь в Сен-Жермене, любая поездка оказывается проблемой! Во-первых, надо садиться в поезд…

— Какой же ты лентяй! — воскликнула она со смехом.

— Все интеллигенты ленивы, — возразил он с комичным высокомерием.

— Так вот, я дам тебе способ превратить поездки в Париж в увеселительные прогулки!

— Какой?

— Ты опять сядешь за руль.

Он прямо-таки подскочил:

— Ты шутишь, Элизабет! Я тебе уже говорил, что терпеть этого не могу!

— Это потому, что ты водил машину всего несколько дней, а когда привыкнешь…

— Привычка ничего не изменит! У человека или бывают к этому способности или нет.

— Ты же сдал экзамены на права?

— По знакомству. Мама была в хороших отношениях с женой экзаменатора. Нет-нет, не настаивай. Я себя знаю. Мне не хочется попасть в катастрофу.

— Но ведь это просто глупо: иметь машину в гараже и не пользоваться ею!

— Но это никогда мне не мешало быть счастливым.

— Ладно! — ответила она твердо. — Если ты не хочешь водить машину, водить ее буду я.

— Вот так, просто? Прямо завтра?

— Нет. Я буду брать уроки вождения.

Он поцеловал ее и сказал:

— А тебе не хочется стать машинистом поезда на линии Сен-Жермен — Париж?

Задетая за живое и раздосадованная, Элизабет нервно рассмеялась:

— Ты мне не веришь? Вот увидишь, Патрис. Увидишь, на что я способна!

— Я уже знаю, — сказал он, почти опрокинув ее на сиденье. Пожилой господин проснулся, зевнул и поправил галстук. Элизабет и Патрис выпрямились. Они тихо сидели рядышком, но руки их были соединены, а в глазах все еще играли лукавые искорки.

За стеклом мелькал деревенский пейзаж: темное небо, серые дороги, домики с темными окнами, в которых жили люди, рано ложившиеся спать. С каждым ударом колес Париж становился все дальше с его толпами людей и огнями. Убаюканная покачиванием вагона, Элизабет могла представить себе, что уезжала с Патрисом в Марсель, Бордо или Межев… Ей стало немного грустно, она вновь увидела горы, гостиницу у дороги на Глез, колокольню, каток, ферму в снегу… Раздался гудок паровоза. За окном замелькали огни. Их попутчик снял свой чемодан с верхней полки и недоверчиво взвесил его в руке. Внутри что-то звякнуло. Элизабет надела шляпку.

Возвратившись домой, они увидели Мази, мадам Монастье и Фрикетту, ожидавших их в салоне при свете лампы.

Патрис с жаром взялся за работу. Ему хотелось добиться совершенства, поэтому несмотря ни на какие уговоры близких, он не хотел им показывать ни одного отрывка из своей партитуры, пока не убедится в том, что его не нужно будет переделывать. Каждый день он закрывался в салоне и вновь принимался за то, что сочинил накануне. Все говорили тихими голосами, чтобы не помешать ему.

Однажды утром, вернувшись после прогулки с Фрикеттой, Элизабет увидела Мази, которая сидела к ней спиной, напряженно вытянув шею. Она подошла к старой даме и увидела блаженное

выражение ее лица.

— Он сыграл подряд два отрывка, — сказала она. Потом, посмотрев на Элизабет повнимательней, воскликнула:

— Что это с нами?

В левой руке под мышкой Элизабет держала большой пакет, завернутый в газету, а в правой — маленькую деревянную клетку, в которой прыгала серенькая птичка с красным клювом:

— Это бенгальская птичка из породы ткачиковых! Правда, красивая?

Мази поднесла лорнет к глазам, вгляделась и воскликнула:

— Просто очаровательная! Где вы ее купили?

— Я не купила ее, — сказала Элизабет. — На рынке стоял человек, дающий в качестве сувенира бенгальскую птичку всякому, кто покупал у него два килограмма мастики для пола.

— Значит, вы купили два килограмма мастики для пола?

— Да. Вот она, — сказала Элизабет, с трудом удерживая выскальзывающий пакет.

В этот момент подошла мадам Монастье. Она тоже пришла в восторг от птички. Женщины решили, что птичке будет тесно в такой маленькой клетке. Поэтому до покупки клетки большего размера Элизабет предложила поместить ее в корзину для салата. У молодой Евлалии как раз была одна, которой она не пользовалась. Достаточно было прикрыть картонкой верх, чтобы сделать из нее временное жилище. Испугавшись огромных лиц, склонившихся над ней, птичка дала взять себя в руки и перенести из одной тюрьмы в другую, не оказав ни малейшего сопротивления. Мази сказала: «Добро пожаловать!», но птичка нахохлилась и ничего не ответила.

— Любопытно, — сказала Мази, — я обожаю птиц, но у меня их никогда не было. Поздравляю вас с этой идеей, дитя мое! Когда Патрис закончит работу, мы устроим ему сюрприз.

— У меня для него есть еще один, более значительный, — сказала Элизабет.

— Да? — выдохнула мадам Монастье, и на ее лице появилось выражение такой легко угадываемой надежды, что Элизабет почувствовала, как краснеет.

Даже Мази оторвалась от корзины, внимательно посмотрев на эту молодую женщину, сказавшую, что подарит ее внуку нечто получше, чем эта бенгальская птичка. Стоя между этих женщин-матерей двух поколений, ожидавших от нее важного сообщения, Элизабет пожалела о том, что невольно ввела их в заблуждение. Опустив голову, она сказала:

— Я решила научиться водить машину.

— Что? — недоуменно переспросила Мази.

— Да, — продолжила Элизабет. — Я поступила в автошколу. Сегодня после обеда у меня первый урок.

Мадам Монастье была оглушена этой новостью. Лицо ее вытянулось, глаза потухли.

— Это и есть сюрприз? — пробормотала она.

— Да, мама, — скромно сказала Элизабет.

Мази легче пережила этот удар. Собираясь уже наклониться над люлькой правнука, она с такой же живостью заговорила об автомобиле:

— В добрый час! — воскликнула она. — Я всегда ругала Патриса за то, что он упорно отказывается водить машину. Если он увидит, что вы берете уроки, то ему тоже захочется, и он опять сядет за руль. Ведь вождение автомобиля — мужское занятие! Но его надо лишь подтолкнуть. Вы нашли самый лучший способ. Да, дитя мое, у вас есть голова на плечах! Мне это нравится. Что Вы об этом скажете, Луиза?

— Конечно-конечно, — поспешила сказать мадам Монастье. — Однако я надеюсь, что это столь неожиданное решение не рассердит Патриса.

— Чем больше он будет сердиться сегодня, тем лучше он это оценит завтра, — сказала Мази.

Она смолкла и подняла кверху палец. Из салона доносились громкие аккорды.

— Божественно! — сказала Мази.

— Божественно! — вторила ей мадам Монастье.

И подумав одновременно об этом уже взрослом мальчике, делавшем их обеих такими счастливыми, они с благодарностью посмотрели друг на друга.

Элизабет дождалась второго завтрака, чтобы сообщить Патрису о том, что приобрела птичку и поступила в автошколу.

Ни одна из этих новостей не взволновала его. Он был так доволен своей работой, что, казалось, ничто не могло отвлечь его от размышлений. По-прежнему погруженный в свою музыку, он с рассеянным видом поздравил Элизабет с ее начинаниями в области вождения автомобиля и разведения пернатых и даже посоветовал ей купить красивую клетку и, вернувшись к своим серьезным делам, заявил, что он наконец-то нашел стиль оркестровки. Убрав все переходы, всякое ненужное слияние музыкальных звуков, он сделает так, что каждый инструмент будет звучать как соло. Это позволит добиться особой эмоциональной окраски. Впрочем, соединение инструментальных партий может поставить интересные проблемы контрапункта! Он разглагольствовал, а бабушка и мать буквально упивались его словами, хотя ни та, ни другая не понимали и половины того, что он говорил. Молодая Евлалия с опаской прислуживала этому ставшему вдруг непонятным человеку, которого она знала еще ребенком. Даже Элизабет оробела перед столь глубокими познаниями своего собственного мужа.

Выпив кофе, он снова удалился в салон, куда его влекло мучительное вдохновение. Мадам Монастье ушла к себе переодеться: к пяти часам она ждала на чай важных гостей. Мази уселась в своем плетеном кресле в саду, поставила на стол корзину и принялась разглядывать птичку. В распорядок дня Элизабет входило после полудня два увлекательных занятия: покупка клетки и первый урок по вождению.

Она вернулась в шесть часов вечера, сияющая от радости, с пакетами в руках. Тут была клетка с серебристыми перегородками, птичий корм, усовершенствованная кормушка, поилка последней модели, пакет песка и книжка о разведении птиц. Распаковывая свои покупки перед Мази, она делилась своими впечатлениями о первом уроке в автошколе.

— Это так здорово! Я уже делала повороты, тормозила, выжимала сцепление, увеличивала скорость. В нашей школе точно такой же «Форд», как у нас. Значит, у меня потом не будет никаких трудностей при вождении. Инструктор сказал, что у меня очень хорошая реакция. Он считает, что дней через десять я буду готова к сдаче экзаменов на права.

Она засунула руку в корзину, вытащила бенгальскую птичку и, поцеловав в круглую головку, посадила ее, помятую и недовольную, в новое жилище.

К ночи клетку торжественно перенесли в спальню и установили на комоде. Фрикетта не проявила никакой ревности по поводу новой привязанности хозяйки. Перед тем как заснуть на плече Патриса, Элизабет послушала, как птичка клевала семечки своим острым клювом.

Однако на следующий день Элизабет заметила, что пленница скучает. Оперенье ее поблекло, глаза были полуприкрыты и она больше не слетала с насеста. Было очевидно, что ей не хватало партнера. Элизабет дождалась следующего базарного дня и принесла вторую бенгальскую птичку и два килограмма мастики. Молодая Евлалия воздела руки к потолку:

— Что я с этим буду делать, мадам Патрис? Мастики хватит на натирку полов во всех домах Сен-Жермена!

Вместо того чтобы развлекать друг друга, обе бенгальские птички снова заскучали. Однажды вечером, вернувшись из автошколы, Элизабет обнаружила бездыханное тельце с выпрямленными лапками, лежавшее на боку около кормушки. Она с грустью закопала его в саду и с еще большей любовью стала относиться к оставшейся птичке, которая, впрочем, пережила свою подругу на сорок восемь часов. Элизабет смотрела на пустую клетку. Такая красивая, а в ней никто не живет! Магазин, в котором она ее купила, продавал и канареек. Обведенный женой вокруг пальца, Патрис согласился на приобретение пары золотисто-желтых канареек, веселых и жизнерадостных. В клетке снова забилась жизнь. Новые обитатели клетки с жадностью клевали корм, купались, целовались клювиками, иногда ссорились, а когда Патрис играл на фортепиано, самец распевал что есть мочи. Теперь у Элизабет было две настольные книги: «Любителю канареек» и «Правила дорожного движения».

Музыка к фильму писалась медленно, а срок экзаменов на водительские права приближался. Трижды Шарль Бретилло звонил в Сен-Жермен, чтобы узнать как продвигается работа, заказанная Патрису. После нескольких таких разговоров Патрис пообещал ему сдать готовую партитуру самое

позднее седьмого сентября. Экзамены в школе были назначены на второе сентября. Патрис поехал с женой в Версаль.

У него было по-отечески озабоченное лицо. Элизабет, наоборот, светилась от возбуждения. Она приоделась, чтобы произвести на экзаменатора благоприятное впечатление. Но, сев в машину рядом с ним, она потеряла уверенность в себе. Патрис стоял на тротуаре, когда она слишком резко тронулась с места и довольно быстро исчезла за углом. В горле у нее пересохло, она сжала руки на руле, ощущая на своей правой щеке взгляд своего судьи. Необходимость быть грациозной и в то же время правильно переводить рычаг переключения скоростей показалась ей изнуряющей. Пот струился по ее груди, нога на педали стартера дрожала, Элизабет ангельски улыбалась. Человек, от которого зависела ее судьба, был, естественно, вежлив. Он направил ее подальше от центра на безлюдную улицу, вежливо попросил ее сделать разворот, остановиться, поехать дальше, дать задний ход, припарковаться к тротуара и не моргнул глазом, когда на обратном пути она слишком резко затормозила, чтобы не раздавить старую собаку, пересекавшую дорогу. Ни разу у нее не получалось так плохо, но в глазах ее соседа была снисходительность. Вопросы по правилам дорожного движения, которые он ей задал, были так просты, что она боялась ошибиться, отвечая на них. Наконец экзаменатор успокоил ее: она выдержала экзамен.

Разбитая от пережитого волнения, Элизабет, встретившись с Патрисом, бросилась ему на шею. Он поздравил ее, но голос его звучал неестественно. Конечно, ему было досадно, что она уже научилась водить, тогда как он сам признался, что не способен на это.

Дома все с нетерпением ожидали результатов экзамена. Мази встретила Элизабет как триумфатора и велела подать к обеду бутылку шампанского. Этим она хотела пробудить честолюбие своего внука. Он выпил бокал за успех новоявленного автомобилиста-любителя и воспользовался этим, чтобы сказать, что он никогда не будет оспаривать право на вождение автомобиля.

— Терпение! Мы убедим его, — прошептала Мази Элизабет, выходя из-за стола.

Автомеханик пришел осмотреть «Форд». Подвинтив несколько гаек, налив в бак бензина и накачав шины, он завел двигатель. Мази, мадам Монастье, молодая и старая Евлалии прибежали, чтобы полюбоваться Элизабет, садящейся в автомобиль. Патрис решил сопровождать свою жену в этой первой автомобильной прогулке. Она улыбкой поблагодарила его, когда он усаживался рядом, с напряженным и бледным, но храбрым лицом. Не осознавая опасности, Фрикетта прыгнула на заднее сиденье. Ворота сада были распахнуты. Стоя посередине тротуара, механик жестикулировал рукой, предупреждая прохожих. Элизабет подняла подбородок и робко нажала на педаль стартера. Колеса забуксовали в гравии. «Форд» зарычал, выпустил клуб сизого дыма и медленно поехал к воротам.

— Ах Боже мой! — простонала старая Евлалия. — Лишь бы с ними ничего не случилось!

Элизабет объехала квартал, перевела рычаг на третью передачу и набрала скорость.

— Куда ты едешь? — спросил Патрис.

— К лесу.

— Тебе придется ехать по улице Республики.

— Ну и что?

— Там оживленное движение!

— Увидим, — сказала она, притормозив перед большим грузовиком.

Патрис инстинктивно уперся ногой в пол, как бы тормозя одновременно с ней. Грузовик исчез за поворотом.

— Он даже не дал сигнала поворота, — проворчала Элизабет. — Вот уж действительно, сколько же этих идиотов-водителей на дорогах!

— Да, надо быть очень осторожной, — подтвердил Патрис.

Она заглушила мотор, потом снова включила, и машина рывком сдвинулась с места. Патриса на этот раз отбросило назад.

— Извини, — сказала Элизабет. — Сиденье установлено на слишком большом для меня расстоянии. Я иногда не попадаю на педали.

— Осторожно! — вскрикнул он, втянув голову в плечи.

Машина краешком задела велосипедиста и как ни в чем не бывало, рванула к перекрестку.

— Ты не заметила его? — спросил Патрис.

— Кого?

— Велосипедиста!

— Конечно, заметила.

— Ах, так!

Подъезжая к улице Республики, она замедлила ход с похвальным благоразумием и даже выставила руку в окошко, как ее учили. Водители скоростных машин, обгонявших ее, извергали ругательства.

— Мы никогда не проскочим перекресток, — вздохнул обессиленный Патрис. — Не хочешь ли ты развернуться и поехать домой?

— Нет, — ответила Элизабет. — Я хочу в лес!

— Но на этом перекрестке нет даже регулировщика!

— А он и не нужен.

Напряженно глядя вперед, стиснув зубы, она продолжала медленно приближаться к опасному участку.

«Форд» уже оказался на улице Республики, какая-то черная машина, ехавшая слева, резко вильнула в сторону, чтобы с ним не столкнуться.

— Нахал! — сказала возмущенно Элизабет. — Еще чуть-чуть и он бы задел меня. Он же был не прав! По-моему, приоритет был у меня.

— Может быть, — выдохнул Патрис. — Но, мне казалось, что та дорога главная.

— Ну и что же? Я должна сто часов ждать пока все проедут?

Возмутившись, она еще немного проехала вперед. Перед ней остановился «Бьюик» с открытым верхом. Из него выглянул водитель с побагровевшим от возмущения лицом. Блондинка, сидевшая рядом с ним, насмешливо сказала:

— Ну конечно. Ведь за рулем женщина!

В скоплении остановившихся машин раздались гудки.

— Давай вперед! — сказал Патрис. — Ты же всем загородила дорогу!

Чтобы перейти на первую скорость, Элизабет с такой силой дернула за рычаг, что раздался отчаянный скрип. «Форд» не сдвинулся ни на сантиметр, и тогда лай клаксонов усилился. Элизабет была одна против ненавидящих ее водителей. На ее лбу выступили блестящие капельки пота. Она повторила свой маневр, и на этот раз ее машина все-таки тронулась. Не обращая внимания на множество автомашин, летящих в обратном направлении, она выехала на тихую улицу. Патрис вытер пот с лица.

— Главное — это не терять голову, — сказала Элизабет. — Только очень нервные люди создают аварийные ситуации. Ты испугался?

— Нет, — ответил он, что, впрочем, получилось у него довольно искренне.

Они немного поездили по тихим лесным дорожкам.

Время от времени на песчаной аллее появлялись наездники. Фрикетта уткнулась носом в стекло дверцы.

Элизабет и Патрис вышли из машины, чтобы прогулять собачку. Та резво побежала между деревьями, обнюхала два-три куста, и, не обнаружив для себя ничего интересного, сама прыгнула назад в машину. Элизабет снова села за руль с абсолютно довольным видом. Прищурив глаза и таинственно улыбаясь, она упивалась лесным воздухом.

— Ты не хочешь сам попробовать? — предложила она.

Патрис отказался. Потом посмотрел на часы:

— Уже поздно… На первый раз достаточно…

На обратном пути они без проблем пересекли тот злополучный перекресток на улице Республики. Успокоившийся Патрис постукивал пальцами по приборному щитку. Когда они подъезжали к дому, он даже закурил сигарету. Наконец появились ворота. Они так и оставались открытыми. Стоя на тротуаре словно на конце мола, четыре обеспокоенные женщины ожидали прибытия «парохода в порт».

Выйдя из машины, Патрис сказал:

— Элизабет отлично водит машину!

На следующий день Элизабет решила закрепить достигнутое и вместе с Патрисом выехала на самые людные улицы города. Ей решительно все удавалось. Довольная своими успехами, она написала родителям, сообщив им, что теперь стала опытным автомобилистом. Они сразу же ответили, заклиная ее быть осторожной. Письмо было написано Амелией. Она сообщала новости о жизни в Межеве: в «Двух Сернах» еще было много клиентов. Русский повар по-прежнему оставался на высоте своего кулинарного искусства. Строительство канатной подвесной дороги на горе Арбуа быстро продвигалось, и в декабре она должна быть пущена в эксплуатацию. Мать спрашивала в письме виделась ли Элизабет с Дени и Клементиной в последнее время? Дочь должна была обязательно нанести им визит вместе с мужем. «Что же касается нас, — писала Амелия, — то мы думаем закрыть гостиницу тринадцатого сентября, съездить в Шапель-о-Буа к дедушке и отдохнуть в Париже до начала зимнего сезона. Какая радость увидеть тебя счастливой, деточка моя! Я считаю дни, оставшиеся до нашей встречи. Твой папа и я нежно целуем тебя и Патриса. Закончил ли он наконец свой большой труд, о котором ты нам писала?»

«Большой труд», который должен быть закопчен к седьмому сентября, был закончен только десятого.

Вечером этого памятного дня Патрис пригласил бабушку, мать и Элизабет в салон, чтобы сыграть им свое сочинение. Эти музыкальные фрагменты, написанные для того, чтобы звучать в промежутках между комментариями диктора, читающего текст, обеспокоили Элизабет своим диссонансом. Даже Мази напряглась под натиском оглушительных звуков. Когда Патрис сделал заключительный аккорд, она сказала:

— Это красиво! Очень красиво!.. Но надо иметь крепкую голову, чтобы слушать это!

Патрис всех успокоил, объяснив, что исполнение на фортепиано показывало его произведение только в общих чертах и что оно станет объемным, глубоким и необычайно поэтичным, обретет все краски и нюансы, когда будет исполнено оркестром. Они попросили его еще раз сыграть некоторые пассажи. Музыка была действительно великолепна. Элизабет укорила себя за то, что не оценила ее при первом прослушивании. Она смотрела на своего мужа, на его склонившийся над клавишами бледный и тонкий профиль, на его черные трагические глаза, на плотно сжатые губы. Его пальцы бегали по клавишам с умопомрачительной быстротой. Время от времени он поднимал плечи, раскачиваясь всем корпусом. Был ли он красив или уродлив? Она не могла себе ответить. Она любила его. Она была горда тем, что стала его женой.

Так как встреча с Шарлем Бретилло была назначена на завтра в три часа, Элизабет предложила Патрису отвезти его в Париж на машине. Он согласился.

ГЛАВА IV

Шарль Бретилло не скрывал своего скептицизма, прослушивая музыку к фильму «Церкви Савойи», исполненную на фортепиано. Но с первой же репетиции оркестра он изменил свое мнение и заявил, что музыкальное сопровождение к его фильму оказалось большой удачей.

Закрывшись с Патрисом в кабине звукооператора, Элизабет дрожала от нетерпения и восхищения. По другую сторону окна играл инструментальный ансамбль из двенадцати музыкантов. Патрис виртуозно владел громом, ветром, дождем и журчащими ручьями. Ей хотелось, чтобы все услышали произведение мужа как можно скорее. Но фильм должен был выйти на экран только в конце года, к рождественским праздникам.

Освободившись от этой срочной работы, Патрис вернулся к своим привычкам: к мечтательности и лени. Он говорил, что хотел взять свой еще незавершенный концерт за основу и сделать из него симфонию. Никто в доме поначалу не понял важности его решения. Элизабет свозила его в Париж для закупки нотной бумаги, которая теперь ему была нужна в большом количестве. После этой поездки Мази доверила машину механику для проверки двигателя, смены колес и чистки кузова. Через три дня перед крыльцом остановился «Форд» темно-синего цвета, как новенький. Семенящими шажками Мази обошла автомобиль, тщательно осмотрела его в лорнет и сказала Элизабет:

— По-моему, все хорошо. Послезавтра вы отвезете нас всех на мессу. Потом мы съездим в лес подышать свежим воздухом.

С тех пор как Элизабет вышла замуж, она каждое воскресенье ходила на мессу со всеми членами семьи, но никогда еще этот выход не имел для нее такого важного значения. Впервые она должна была везти в машине свою свекровь и Мази, поэтому, проникшись чувством глубокой ответственности, она боялась разочаровать их своим вождением. Во время короткой поездки обе дамы, сидя сзади нее, не прекращали хвалить ее. Из-за большого количества машин она не смогла, как этого хотелось Мази, поставить автомобиль перед церковью. Пришлось удовлетвориться маленькой боковой улочкой. К счастью, в этот момент по ней как раз шли их друзья: господин Розенкампф — полковник в отставке с супругой и дочерью, господин и госпожа Роше с тремя детьми, одетыми в матроски. Они видели, как Монастье выходили из «Форда». Все обменялись приветствиями.

В храме, где было полно народа, Элизабет вновь пережила приятное волнение от воспоминания о своем свадебном обряде. В Межеве ей и в голову не приходило ходить в церковь хотя бы раз в неделю. Здесь же ей было очень приятно. Впрочем, вера ее была спокойной и разумной. Она чувствовала себя чистой, элегантной, как в своей одежде, так и в мыслях. Светлая душа в воскресной одежде. Муж стоял рядом. Они были примерной парой. Чего не хватало им для счастья? Может быть, ребенка? Ей хотелось его тогда, когда она любила другого мужчину. Теперь она не думала об этом. У них еще было время. Верующие преклонили колена. Зазвонил маленький колокол. Элизабет вспомнила, что когда была еще девочкой, учившейся в пансионе, она до дурноты сдерживала дыхание, чтобы стать поближе к Богу. Сейчас она сделала то же самое. Сердце ее сильно стучало. Взгляд заблудился в позолоте иконостаса. От лика Христа исходили лучи. Но ей было не о чем попросить Его.

После мессы дамы в шляпах с цветами останавливались перед церковью, чтобы поболтать. Девушки щебетали, как птички. Хорошо одетые молодые люди продавали газету «Аксьон франсез». Несколько семей уже направлялись к кондитерской, стоявшей по соседству с церковью, знаменитой своими пирожными с кремом. Прямо на улице Мази давала аудиенцию старым дамам, смотревшим на нее с почтением. Элизабет вызывала всеобщее любопытство. Ей делали комплименты, спрашивали, нравится ли ей в Сен-Жермене. Она отвечала, демонстрируя свою грацию, опершись о руку мужа, как на свадебной фотографии. Небо было затянуто облаками. Мази подняла голову, забеспокоилась и распрощалась со всеми, кто ее окружал, сказав:

— Прошу извинить меня! Мои внуки хотели покатать меня по лесу, но кажется, скоро пойдет дождь!

И действительно, прогулку пришлось сократить из-за проливного дождя. В потоках дождя, обрушившихся на лобовое стекло, Элизабет вела машину почти вслепую. Патрис, мадам Монастье и Мази молчали, находясь под впечатлением от этого медленного «плавания» по туманным каналам улиц. Когда наконец машина въехала в сад, им навстречу бросилась молодая Евлалия, держа в руке большой зонтик.

Как и каждое воскресенье, на обед подали бледную и унылую курицу, затем им нанесла короткий визит племянница викария, затем три подруги мадам Монастье, явившиеся на чай. А после их ухода в восемь часов на ужин подали ветчину и спагетти.

Выйдя из-за стола, Патрис хотел увлечь Элизабет в их спальню. Стоя с неловким видом, с напряженным лицом и блестящими глазами, он не мог скрыть своего желания. Но она пока не испытывала того же и из кокетства оттягивала момент, когда они останутся наедине.

— Подожди немного! — шепнула она. — Мази рассердится, если мы не проведем вечер с ней и мамой.

— А ты скажи им, что очень устала. Они поймут.

— Нет, Патрис, будь разумным.

— Ты думаешь, что это смешно!

Их разговор был прерван Мази, которая предложила внуку сыграть партию в шашки. Он согласился безо всякого энтузиазма. Мадам Монастье уселась в кресло, чтобы понаблюдать за игрой. Элизабет села рядом с ней и раскрыла на коленях иллюстрированный журнал. Время от времени она отрывалась от красочных картинок, поглядывая на мужа, который переставлял пальцем маленькие черные диски с одной клетки на другую. Сидя за этими шашками, он думал, конечно, о более интимных и приятных прикосновениях.

— Как плохо ты сегодня играешь, мой бедный мальчик, — сказала Мази с видимым удовольствием.

Чтобы сократить партию, Патрис делал недопустимые промахи, попадая в ловушки, которые ему расставляла Мази. Наконец бабушка с видом сурового генерала «съела» его последние шашки, после чего Патрис заявил, что хочет спать.

— Спокойной ночи, дети мои. Пусть вам приснятся хорошие сны, — напутствовала молодоженов Мази.

Они удалились в ореоле святой невинности, который виделся вокруг них этим двум женщинам с чистыми сердцами.

Как только они вошли в свою комнату, Патрис обнял Элизабет и поцеловал ее в губы. Как всегда он был очень нетерпелив. Его страсть и неловкость были трогательны. Элизабет пришлось умерить его пыл, чтобы продлить удовольствие. После страстных объятий наступил покой, и Элизабет почувствовала страшный голод. Отбросив одеяло, она подбежала к комоду в стиле Людовика XV, открыла его и вытащила начатую копченую колбасу.

— Еще осталось? — спросил Патрис.

— Да. Хочешь немного? — спросила она, откусив добрый кусок салями.

Он с достоинством отказался.

— И напрасно: очень вкусно, — сказала она.

— Странно, что ночью тебя охватил такой голод! Ты не наелась за ужином?

— Конечно, нет! А ты?

— Я наелся.

— Потому что ты привык к этой кухне.

— Что, она настолько плоха?

— Она больше чем плоха, Патрис, ее просто не существует! Посмотрел бы ты, какие блюда я бы готовила для тебя, если бы мы жили отдельно! А вообще-то я могла бы иногда заменять Евлалию у плиты.

— Если ты ей скажешь об этом, она обидится. А Мази от этого просто заболеет.

— Тогда остановимся на колбасе, — ответила Элизабет с полным ртом.

Она была такой смешной в своей ночной рубашке, с взлохмаченными волосами, с куском салями в руке, что Патрис рассмеялся. Элизабет приложила палец к его губам:

— Тише! Ты их разбудишь!

— Кого?

— Канареек.

Она приподняла ткань, которой была накрыта клетка. Два желтых комочка, прижавшись друг к другу, сидели на насесте. Канарейки мирно спали, засунув головы под крыло.

— Посмотри, какие они милые! — продолжила Элизабет. — Подумать только, что в этот момент все птицы на свете спят, как они, засунув голову под крыло, на ветках, в гнездах, под крышами домов…

— Не все, — возразил Патрис. — Есть ночные птицы, которые сейчас охотятся, и еще есть птицы, живущие там, где сейчас день…

Эта мужская логика обескуражила Элизабет.

— Ты все портишь, — сказала она и снова прикрыла клетку тканью.

Фрикетта спрыгнула с кресла и подошла к хозяйке, чтобы попросить свою порцию колбасы. Элизабет отрезала ей кружочек перочинным ножом:

— На, держи! Тебе, наверное, тоже хочется есть. Ну ничего, завтра я куплю два куска копченой ветчины.

— Ты представляешь, что будет с Мази, если она обнаружит твой тайник? — спросил Патрис.

— Может, это возбудит ее аппетит и она будет перекусывать вместе с нами! — предположила Элизабет, завертывая колбасу в бумагу.

Фрикетта облизнула нос, обнюхала ящик комода, затем поняв, что раздача закончилась, прыгнула на свое кресло и закрыла глаза, вспоминая об этом куске колбасы, так нечаянно свалившейся ей с неба.

Утром, после первого завтрака, Элизабет стала настаивать на том, чтобы Патрис опять принялся за работу.

— У меня достаточно времени, — ответил он. — Во всяком случае, эту симфонию никогда не будут играть. Я пишу ее для себя…

Он напоминал ленивого ребенка, который ищет предлог, чтобы не пойти в школу.

«Неужели возможно быть таким ленивым и одновременно таким талантливым?» — спрашивала себя Элизабет. Чтобы убедить его, она заявила, что если его музыка для «Церквей Савойи» была замечена, то ему будет легче добиться прослушивания его симфонии.

— Ты обязательно должен иметь наготове несколько серьезных произведений на случай, если вдруг какой-нибудь великий дирижер или великий солист обратятся к тебе!

Патрис ответил ей, что не рассчитывает на столь блестящее будущее и, взглянув через окно в сад, пожаловался на то, что у него сегодня тяжелая голова, но в конце концов ушел в салон со своими нотами, тронутый тем, что Элизабет проявляет к его карьере такой интерес.

Подняв бодрый дух мужа, она занялась менее возвышенными задачами, но которые все-таки надо было выполнять. Она уже два дня не чистила как следует птичью клетку. Элизабет перенесла клетку в ванную комнату, закрыла дверь и окна, выпустила канареек и вымыла перегородки и металлический поддон этой тюрьмы, пока они порхали по комнате. Она спустила в унитаз недоеденный корм, помет и желтые перышки. Обрадовавшись большому пространству, птички обменивались радостными криками, перелетая навстречу друг другу от вешалки для полотенца до табуретки, от края ванны до шкафа для белья. Их веселье передалось Элизабет. Глядя на них, она отдыхала. Ей хотелось приобрести десять, двадцать канареек. Пусть они летают и играют в большом доме с заколоченными дверями и ставнями! Устав летать зигзагами, птички уселись на полочку над умывальником, между стаканом для полоскания зубов и помазком, и стали наблюдать, как работает их хозяйка. Под ними головокружительный водопад исчезал в фарфоровой пропасти. Огромные человеческие руки переворачивали их мебель в бурлящем потоке воды. Но птицы уже привыкли к этой процедуре и не пугались брызг, которые иногда долетали до них. Когда клетка наконец стала чистой, Элизабет уменьшила напор воды в кране. Канарейки прыгнули в умывальник и стали плескаться под тонкой струйкой воды. Они пили воду, полоскали горлышки, раскачивались на тонких ножках, трепеща крылышками, пьяные от радости свободы. А когда их оперенье отяжелело от воды, они с трудом взлетели и сели на голову Элизабет. Она не двинулась с места, пока птички копошились в ее волосах. Две пары малюсеньких лапок щекотно прогуливались по ее голове. Элизабет видела себя в зеркале в красивой маленькой желтой шляпке. «Как жаль, что Патрис не видит меня сейчас!» — подумала она. Решив, что игра слишком затянулась, она посыпала песку на металлический поддон. Канарейки сразу же слетели с ее головы, чтобы пройтись по этому пляжу. Когда птички уселись на жердочки, Элизабет закрыла задвижку и унесла клетку в спальню.

С нижнего этажа доносились приглушенные звуки рояля. Но эту музыку сочинил не Патрис.

Элизабет узнала «Сценки из детства» Шумана, которые он играл ей и раньше. «Ну вот! Он опять развлекается, вместо того чтобы работать!» — возмутилась она. И она пообещала себе, что отругает его за безделье. Клетка, поставленная на подоконник, возвышалась над деревьями. Свободные птицы, порхавшие в саду, отвечали на щебет канареек, живущих в неволе. Если бы Элизабет отошла от окна, то один самый нахальный воробей подлетел бы и украл зерна из клетки. На прошлой неделе она видела, как он нагло это проделывает. Улыбаясь этому воспоминанию, она нагнулась над балюстрадой, взглянула на аллею, потом оглядела лужайки и тут ее взгляд остановился на домике сторожа. Чем дольше она смотрела на это строение из белого камня, с серой черепичной крышей, тем привлекательней он ей казался в своей простоте. Услышав звон кастрюль, Фрикетта выбежала из кустов и устремилась в сторону кухни. «Чем бы мне заняться?» — подумала Элизабет. Рояль смолк. «Вот теперь он размышляет, сочиняет», — с удовлетворением подумала она. Выйдя из комнаты, она спустилась в буфетную и сняла с гвоздя связку ключей.

— Вы идете туда? — спросила ее старая Евлалия.

— Да, мне хочется взглянуть на это еще раз, — ответила Элизабет.

— Чего там смотреть-то?..

— Там есть кое-что интересное.

— Тогда я тоже пойду!

— Нет-нет, оставайтесь, я скоро вернусь.

И вот она снова в доме сторожа. Элизабет измерила шагами комнаты, кухню, проверила запоры на окнах и отнесла ключи служанке, недоверчиво поджидавшей ее, стоя у плиты.

— Они вам больше не нужны, мадам Патрис? — спросила та, покачивая головой над старым вытертым корсажем.

— Нет, но скоро я снова попрошу их у вас, — ответила Элизабет. — Вы не знаете, где бабушка Патриса?

— Она была тут минут десять назад, а потом, видимо, поднялась к себе.

Элизабет взлетела по лестнице, прошла по галерее, постучала в дверь Мази и, услышав голос, сказавший «войдите!», толкнула дверь и оказалась в ушедшей эпохе. Вдоль стен, обитых тканью бордового цвета, стояли широкая кровать с балдахином, дорогие кресла, круглые столики на тонких ножках, на каждом из которых — по фотографии кого-нибудь из близких сердцу людей. В воздухе витал запах валерьяновых капель и рисовой пудры. Сидя перед секретером в стиле ампир, Мази писала письмо. Подняв глаза на Элизабет, она улыбнулась ей и нежным голосом проговорила:

— Как это мило, что вы пришли ко мне.

— Я вам не помешала, Мази?

— Вовсе нет, дитя мое!

Она открыла бонбоньерку с мятными конфетами, одну предложила Элизабет, а другую положила себе в рот.

— У вас взволнованный вид, — продолжила старая дама. — Садитесь же.

Но Элизабет продолжала стоять. Сердце ее колотилось от возбуждения.

— Мази! — воскликнула она. — Мне в голову пришла отличная идея!

— Это меня не удивляет. Какая?

— Я решила привести в порядок дом сторожа.

— Вот это да! — ответила Мази, рассмеявшись. — А для чего?

— Чтобы жить в нем с Патрисом.

Наступило молчание. Смех Мази оборвался. Ее брови поползли вверх. Некоторое время она поглаживала кончиками пальцев бронзовую черепаху, служившую ей пресс-папье.

— Вам неудобно в вашей комнате? — спросила осторожно она.

— Да нет, удобно! — ответила Элизабет с воодушевлением. — Но видите ли, Мази, там мы будем

совсем у себя дома.

— Я понимаю, понимаю.

— Я все устрою по своему вкусу. Оклею комнаты обоями, покрашу кухню, туалет…

Говоря это, она энергично жестикулировала.

— Вы сможете все это сделать сами? — спросила Мази, недоверчиво улыбаясь.

— Ну конечно, Мази! В гостинице я часто помогала папе переклеивать обои между сезонами.

Занятие родителей Элизабет никогда не нравилось Мази. Рассказывая о них посторонним людям, она никогда не говорила, что они «содержали гостиницу», а с важным тоном заявляла, что они занимаются туристическим бизнесом. Что касается дяди Дени и Клементины, владельцев кафе на улице Лепик, то она просто не замечала их существования. По ее мнению, это было просто чудо, что Патрис нашел в такой далекой от их среды девушку, у которой были все нужные качества, чтобы войти в семью Монастье.

— Я уже вижу, что из этого получится, — вдохновенно продолжила Элизабет. — Понадобятся обои с цветочками, кретон для занавесок…

Лицо Мази все больше и больше напрягалось, выражая высокомерное неодобрение. Вдруг ее щеки задрожали:

— Не так быстро, дитя мое! — сказала она. — Я могу согласиться, что ваше воспитание в Межеве развило в вас склонность к переменам, к передвижениям, скажем так: к непоседливости. Но здесь мы привыкли жить все вместе, под одной крышей, разделяя наши общие заботы и радости, как хлеб за столом. Я уверена, что план переезда в домик сторожа не исходит от Патриса.

— Нет, Мази, — ответила Элизабет.

— Ну и отлично! Мне было бы неприятно узнать, что мой внук способен на такую прихоть. Он хотя бы знает, что вы пришли ко мне поговорить об атом?

Элизабет отрицательно покачала головой.

— Еще лучше! — сказала Мази. — Значит, вы пришли ко мне по собственной инициативе…

— Я подумала…

Мази выпрямилась. Ее грудь под черными кружевами тяжело дышала…

— Я знаю, о чем вы подумали, Элизабет, — сказала она с силой. — Но удовольствие играть маленькую хозяйку дома не должно заставлять вас забыть об уважительном отношении к семье вашего мужа! А как мы, Луиза и я, будем выглядеть в этом большом доме, который вы покинете для того, чтобы поселиться в какой-то лачуге? Люди могут подумать, что мы не уживаемся с вами, что вы избегаете нас, что вы жаждете независимости.

— Что вы? Совсем нет! — убежденно сказала Элизабет. — Никто не может так подумать, потому что мы будем видеться, как и прежде, будем вместе завтракать, обедать и ужинать.

— В самом деле? — спросила Мази, скривив рот в усмешке.

— Конечно, — ответила Элизабет. — А время от времени мы тоже будем приглашать вас к себе на завтрак или на обед. Я буду сама готовить…

Мази оперлась обеими руками о стол и медленно поднялась. Край ее парика слегка отошел ото лба. Мраморное лицо с фальшивыми волосами на голове.

— Девочка моя! — сказала она. — Вы очаровательны, но вы очень поспешно принимаете свои решения. Я не одобряю вашей идеи. Более того, я нахожу, что она оскорбительна по отношению ко мне. И прошу вас больше никогда о ней не говорить.

— Я больше никогда не заговорю о ней, Мази, — сказала Элизабет, едва сдерживаясь от гнева. — Но даже если мы не можем с Патрисом жить в этом павильоне, то я хотя бы могла прибраться в нем и обставить его. Мне не нравится этот мертвый дом в глубине сада!

— Если вам так хочется поработать маляром…

— Очень!

И она направилась к двери.

— Элизабет! — крикнула ей вслед Мази.

— Да? — ответила она, обернувшись на пороге.

— Надеюсь, вы хорошо поняли меня? Здесь я у себя дома, и не хочу, чтобы меняли мои привычки.

Элизабет взглянула на нее недобрым взглядом и вышла, не проронив ни слова.

Во время второго завтрака ни она, ни Мази не упомянули об утреннем разговоре. После завтрака Элизабет попросила денег у Патриса: ей надо было походить по магазинам. Что она собиралась купить? Он скоро узнает. Это был сюрприз. Она ушла, унеся в сумочке триста франков.

Она развернула на кровати два рулона обоев:

— Розовые с большими полевыми цветами — для нашей спальни, цвета желтой соломы под ткань — для салона столовой, — сказала она. — Правда, они красивые?

— Очень красивые! — подтвердил Патрис.

— И недорогие! Всего, вместе с двумя банками краски, я истратила двести семьдесят пять франков. Если бы ты нанял маляров, то они запросили бы вдвое дороже.

— Не будем же мы сами делать ремонт во всем доме! — воскликнул Патрис.

— Не мы, а я одна отремонтирую его.

— Да? А почему ты не хочешь, чтобы я тебе помог?

— У тебя есть более серьезные дела. Интерьер я сделаю сама. Я думаю, на все это уйдет дней десять, пятнадцать…

Патрис покачал головой:

— Какая ты странная, Элизабет. Ты так внезапно приняла это решение, ни с кем не посоветовавшись!

— Мази уже в курсе. Сегодня утром у меня с ней был крупный разговор.

Патрис отпрянул в удивлении:

— Что она говорит о твоем плане?

— А что же она может сказать? Она недовольна…

— Я так и знал, — пробормотал он. — У нее такой странный вид был за обедом. Она легла спать раньше, чем обычно…

— Ей от этого будет только лучше, — заносчиво сказала Элизабет.

Патрис присел на край кровати, смотрел на обои, погладил их своими тонкими белыми пальцами и сказал вдруг, подняв голову:

— Элизабет, мне кажется, что тебе придется отказаться от своей затеи, по крайней мере в настоящий момент.

— А почему я должна отказаться? — удивилась она. — Ты знаешь как я люблю Мази, я пришла к ней с таким доверием, с такой радостью! А очутилась перед самолюбием закоренелой эгоистки. Все, что я говорила ей, не тронуло ее. Она думает только о своем положении.

— Не преувеличивай!.. Мази очень любезная и уступчивая…

— При условии, если ее все и во всем слушаются. Не пожимай плечами, Патрис. Ты и мама, вы просто трясетесь перед ней. Для нее ты все еще мальчик в коротких штанишках. Так вот, это должно прекратиться! Я вышла замуж не за маленького мальчика, а за мужчину! Мужчину, с которым мне устраивать свою жизнь.

— Неужели Мази мешает тебе в этом?

— Конечно, она мешает мне в этом, Патрис. Она мешает мне, не догадываясь об этом, потому что

мы живем у нее, потому что мы зависим от нее, потому что она всегда здесь, за нашими спинами, наблюдает за нами, дает нам свои советы! Мы бываем наедине только вечером, в нашей комнате. И вот еще что. Я задыхаюсь в доме этой старой дамы, среди этой мебели, которую нельзя без разрешения переставить!

Увлеченная желанием убедить Патриса, она в гневе открыла для себя причины, которые еще вчера понимала неясно.

— Я понимаю тебя, — сказал Патрис. — Но подумай о возрасте Мази, о ее страхе перед одиночеством.

— Каким одиночеством? Мы что бросаем ее, чтобы уехать на край света, или устраиваемся в пятидесяти метрах от нее, в доме сторожа?

— Это только начало. Однажды, когда я заработаю достаточно денег, мы устроимся в Париже. Мази хорошо это понимает. Твоя идея воспринимается ею, как первый этап большого переезда. Она страдает от этого. Поэтому не торопись с обустройством этого домика. Надо подождать несколько недель. За это время Мази поразмыслит над твоим планом, свыкнется с ним, а потом я не удивлюсь, если она сама начнет уговаривать тебя осуществить его.

Разумность этих доводов приводила Элизабет в отчаяние. Она инстинктивно ненавидела различные дипломатические ухищрения. По ее мнению, препятствия следовало не обходить, а убирать с дороги.

— Значит, по-твоему, нам надо ждать разрешения Мази, чтобы стать счастливыми? — спросила она.

— Но мы ведь уже счастливы, — ответил Патрис, взяв ее за руки.

Элизабет оттолкнула его:

— Ты не знаешь, что такое быть по-настоящему счастливым, Патрис. Но я научу тебя этому. Я научу тебя этому в нашем доме, — сказала она, делая ударение на слове «нашем». — И как можно быстрее! Хочет этого Мази или нет.

Патрис долго смотрел на нее. В его глазах было столько нежности, что она разволновалась. Она чувствовала себя не такой умной, не такой доброй, как он, и все-таки, несмотря на всю свою любовь к нему, она не хотела отказаться от этой затеи, он обнял ее и сказал:

— Договорились, Элизабет. Но прошу тебя, когда ты построишь новую жизнь, не надо слишком бесцеремонно обращаться с двумя дорогими нам существами. Ты потом будешь сожалеть об этом так же, как и я, а может быть, и больше…

Все еще находясь в напряжении, она вздрогнула от поцелуя. Элизабет готова была расплакаться, на ее глаза навернулись слезы. О ком она так печалилась? О Мази, о Патрисе, о себе самой? Отвернувшись, она глубоко вздохнула и, пытаясь улыбнуться, проговорила:

— Я люблю тебя, Патрис… Но позволь мне делать так, как мне хочется… Поверь, все будет хорошо.

ГЛАВА V

Приглаженная щеткой, последняя полоска обоев приклеилась к стене без единой морщинки. Элизабет взяла ножницы и подравняла нижний край полотнища над плинтусом. Заново обклеенная спальня была похожа на цветочное розовое поле. Специалист не выполнил бы так тщательно эту работу. Когда кровать, комод, шкаф, начищенные как положено, будут поставлены на место, невозможно будет смотреть на этот интерьер без зависти. А пока вся мебель была составлена в середину комнаты. На доске, лежащей на козлах, находилось все, что необходимо для работы маляра. На полу валялись обрезки обоев, приклеивающиеся к подошвам старых ботинок. Элизабет перешла в столовую с обоями цвета золотистой соломы. Оставалось покрасить только на кухне и в туалете. Завтра она примется за эту работу. И тогда через неделю, если ей ничего не помешает, она сможет повесить занавески и натереть паркет. Чувство гордости заставляло забыть о неприятном запахе клея. Элизабет подошла к окну и стала рассматривать крючки для подвешивания карнизов, но в этот момент она вдруг почувствовала, что будто бы раздваивается. Она была здесь и не здесь. Она увидела себя на табурете с занавеской в руке, и в комнате с толстыми балками на потолке. В большом камине горел огонь. Мужской голос говорил: «Занавески восхитительные! То что надо, Элизабет!» Голова пошла кругом. Взяв себя в руки, решительно отмахнувшись от воспоминаний, Элизабет вернулась в розовую комнату. В одном месте обои немного вспучились, и это привлекло ее внимание. Она попыталась разгладить их ладонью. На песчаной аллее послышались шаги. Каждый день Патрис, мадам Монастье, старая и молодая Евлалии приходили посмотреть, как продвигается работа. Одна только Мази упорно не хотела приходить в дом садовника. «Ничего, в конце концов она тоже решится прийти сюда», — думала Элизабет. На пороге комнаты застыл изумленный Патрис.

— Браво! — воскликнул он. — Я вижу дело продвигается. Но, может быть, на сегодня достаточно? Мамины подруги уже пришли. Поторопись переодеться к чаю.

Элизабет нехотя последовала за мужем. Чай «от пяти до семи» в обществе мадам Монастье и ее подружек утомлял Элизабет, но не показаться за столом было бы невежливым. Она умылась, причесалась, надела строгое серое платье с белым воротничком, и в ней ничего не осталось от растрепанного маляра, только что занимавшегося своей работой.

Ее появление в салоне вызвало любопытство у дам, повернувшихся к ней с доброжелательными улыбками. На всех были шляпки с перьями, лентами или цветами. Все уже были знакомы с ней, но это не мешало им рассматривать ее с нескрываемой симпатией, потому что молодая жена всегда вызывает интерес. Патрис, вошедший следом за ней, стал целовать дамам руки, как садовник, склоняющийся над розами, чтобы сравнить их запах. Его поклоны были утонченно элегантны. Подруги матери просто расцветали, когда он говорил с ними. Нигде не чувствовал он себя так свободно, как среди этих увядающих женщин. Мази в своем парике, с платком на шее и напудренными щеками занимала самое удобное кресло; мадам Монастье, сидя на стуле рядом, готовая вскочить в любую минуту, оживленно щебетала со своими соседями. Дамы задвигали стульями, когда молодая Евлалия принесла чай, молоко и лимоны. Элизабет обошла стол, разливая по чашкам чай, по словам племянницы викария, «со всей грациозностью своих двадцати лет». Из всех присутствующих только Мази не поддавалась ее очарованию, когда Элизабет подала ей чашку дымящегося чая, та даже не взглянула в ее сторону и не поблагодарила ее. Дом сторожа разрушил их отношения. Мази полагала, что, возможно, эти ремонтные работы не повлекут за собой никаких практических последствий. Она никак не могла поверить в то, что ее внук и Элизабет поселятся против ее воли в «местах общего пользования», и не знала, как реагировать на сообщение об их переезде.

— Два кусочка сахара?

— Вы знаете, что я кладу всегда только один, — проворчала в ответ Мази, глядя в сторону.

Элизабет, державшей щипчики в руке, захотелось плюхнуть кусок сахара в чашку с большой высоты, да так, чтобы обрызгать выпуклый корсаж старухи. Но она сдержалась: в сущности, Мази надо было не ругать, а, скорее всего, пожалеть. Разговаривая с мадам Роше, Патрис украдкой посматривал ни них обеих. Чайные ложки весело позвякивали в фарфоровых чашках. Элизабет предложила всем сдобное печенье, посыпанное сахарной пудрой. Пальцы дам какое-то мгновение порхали над ним, а потом внезапно выхватывали понравившийся им кусочек с живостью когтистого хищника. Они пили, ели и с удивительной многословностью беспрестанно излагали идеи, рождающиеся под их шляпками. Они говорили о новых течениях в моде, о скандале, вызванном вошедшими в моду шортами, в которых этим летом женщины щеголяли на Лазурном Берегу, о чем даже писали в газетах, о помолвке английского принца Джорджа и греческой принцессы Марины, о чудесах лечения виноградом в специальных медицинских кабинетах, открывшихся недавно в Париже. Мадам Розенкампф приглашала всех присутствующих в один из них, расположенный прямо на вокзале Сен-Лазар. Выпитый там виноградный сок полностью омолодил ее. Все сразу согласились, что она действительно выглядит лучше, чем месяц тому назад. Мази попросила Патриса привезти ей несколько бутылок этого чудесного напитка.

— Нет! — сказала мадам Розенкампф. — Его надо пить сразу же. Виноград выжимают прямо в вашем присутствии. Иначе его лечебные свойства пропадают.

В этот момент пришел полковник Розенкампф, и дамы снова с небрежной грацией стали подставлять руки для поцелуя. Элизабет тоже имела удовольствие почувствовать на своем указательном пальце щекочущие усы полковника. Она не могла подавить в себе тщеславия, когда этот старый вояка согнулся перед ней пополам. У этого маленького, сухонького и нервного человека была одна навязчивая идея: усадить всех на лошадей. Он горько сожалел о том, что не смог привить любовь к конному спорту ни своей жене, ни дочери. Он снова принялся втолковывать Патрису, что люди, не являющиеся фанатиками верховой езды, были недостойны называться жителями Сен-Жермена.

— Это здоровье, дорогой мой! Мне семьдесят пять лет, а я в форме! Я даже могу раздавить кобылу, сжав ее круп ногами!

Дамы вздрогнули и переглянулись.

— Без всякого сомнения, — невозмутимо ответил Патрис. — Но конный спорт меня не привлекает.

— Потому что вы даже и не пытались, черт побери! Пойдемте в манеж, и я научу вас держаться в седле!

Видя, как Патрис упорствует в своем нежелании, полковник обратился к его жене:

— А вы, мадам, не желаете?

Не успела Элизабет и рта раскрыть, как одна из приглашенных дам принялась утверждать, что чрезмерное увлечение верховой ездой может вызвать у женщины чрезвычайно серьезные расстройства. Ее приятельница, бывшая до своего замужества отличной наездницей, молча подтвердила, кивнув головой. Все присутствующие знали, что она страдала тяжелым женским недугом и что она даже ездила в Германию и Швейцарию для консультации у знаменитых гинекологов, но ни один из них не мог ей помочь. Боясь быть втянутым в разговор о таинственных и необъяснимых женских заболеваниях, полковник ограничился тем, что обозвал врачей ослами, кашлянул и уткнулся носом в свою чашку. Дамы воспользовались этим, чтобы поговорить немного о своем здоровье, упоминая, естественно, лишь те подробности, которые прилично было произносить при мужчинах. У всех побаливало сердце, легкие, почки, желчный пузырь или суставы. Но полковник, настаивая на своем, вновь проговорил:

— Занимайтесь конным спортом, и у вас все пройдет!

Но никто не обращал внимания на его рекомендации. Произносились названия лекарств и имена врачей. С особым почтением все слушали старую Мази. Когда она принималась говорить, все умолкали. Она рассказывала им о своих страшных ночных сердцебиениях. Мадам Ариель де Буйи, которая была моложе ее на десять лет, смогла противопоставить ее недугу только свой хронический артрит. Эти доверительные разговоры возбуждали аппетит собеседниц. На блюде уже почти не оставалось печенья. Молодая Евлалия принесла еще. Нотариус господин Роше пришел за своей супругой, но та и не собиралась уходить. Он согласился выпить чашку чая и уселся на стул с отсутствующим видом. Полковник Розенкампф немедленно начал вовлекать его в разговор о политике. Господин Роше как оптимист верил в добрую волю народов, в юридический авторитет Лиги Наций и рост процветания в мире. Однако полковник Розенкампф не разделял энтузиазма собеседника, он предвидел скорую войну.

— Пока мы здесь баклуши бьем, Муссолини куст железную армию, а Гитлер готовится снова захватить Саар. Иначе зачем бы им встречаться в Венеции?

— Но они сами заявили, что не хотят перекраивать карту мира!

— Это только слова! Сразу после этого австрийские нацисты убивают канцлера Дольфуса, а Гитлер организовывает всенародный плебисцит, чтобы стать полновластным хозяином Германии. Созданный им и укрепленный Вермахт однажды нападет на нас, а мы к этому не готовы. Вот и получается, с одной стороны — полчища фанатиков, а с другой — разъединенные, изнеженные, развращенные джазом и хорошей пищей, политическими кознями и чтением скверной литературы нации. Я не поставлю и двух су за нашу победу в военном конфликте.

— Вы действительно полагаете, полковник, что разразится международный конфликт? — с беспокойством спросила мадам Монастье.

— Для нас существует только один способ избежать его, мадам, — устрашение. Чем решительнее мы проявим себя, тем больше они будут сомневаться в том, стоит ли нападать на нас. Надо бы отозвать депутатов и доверить власть военным.

— Тогда впервые мы увидели бы военных в роли защитников мира, — сказал господин Роше с саркастической улыбкой.

Они продолжали дискутировать перед аудиторией, которой совсем неинтересно было их слушать. В салоне раздавался топот сапог — Гитлер и Муссолини топтали ногами печенье, выступали с речью перед люстрой. Дамы сокрушенно переглядывались, поднося чашки ко рту. Элизабет с беспокойством подумала о бесполезности ремонта домика, если между Францией и Германией разразится война. Патрис будет мобилизован и отправлен на фронт. Как она будет жить без него? Она представила его себе солдатом, в каске, с печальными глазами и ружьем на плече. «Нет, это невозможно! Это немыслимо! Пока мы любим друг друга, на земле будет мир». Потом она вспомнила, как однажды Патрис сказал ей: «Я числюсь в запасе интендантских войск. В случае войны я буду служить в тылу». Это все-таки было не так опасно. Господин Роше успокоил дам, утверждая, что диктаторы не будут рисковать своим престижем, доводя накал страстей до военного конфликта:

— На самом деле ни Гитлер, ни Муссолини не желают кровопролития. У меня даже есть причины поверить в то, что в скором времени Германия снова вступит в Лигу Наций.

Полковник Розенкампф назвал своего оппонента «неисправимым оптимистом», а мадам Монастье поспешила перевести разговор на другую тему. Война как бы отошла в сторону. Элизабет с облегчением взглянула на мужа. Он разговаривал о музыке с племянницей викария, носившей пенсне и получившей пятнадцать лет тому назад премию за свои стихи, которую ей вручила Литературная академия в Тулузе. Гостьи стряхнули с юбок крошки и поднялись из-за стола, чтобы откланяться. Всякий раз при этом мадам Монастье начинала возражать и приходить в отчаяние, словно была намерена удержать своих гостей до самого рассвета. Элизабет с горечью подумала, сколько времени она потеряла, подавая чай, в то время как в домике сторожа ее ждала срочная работа.

Племянница викария ушла последней, в половине восьмого. Ужинать сели в восемь, но съеденное печенье перебило аппетит. Мази с пренебрежением дотронулась до холодной телятины, съела несколько виноградин, думая о чуде лечения виноградным соком. Выйдя из-за стола, она объявила, что идет спать. Все поняли, что отказываясь посидеть еще вместе со всеми, она тем самым их наказывала. Уходя, она подставила мраморную щеку для поцелуя невестке, внуку и Элизабет. Мадам Монастье была поражена. Проводив свекровь до ее комнаты, она вернулась со взволнованным лицом.

— Ах, дитя мое! — с легким укором сказала она, взяв Элизабет за обе руки. — Как нехорошо вы поступаете. Мази уверена, что вы приводите в порядок дом сторожа для того, чтобы поселиться в нем с Патрисом.

— Она не ошибается, — сказала Элизабет.

— Но ведь вначале речь об этом не шла!

— Для Мази — нет. Но я никогда не отказываюсь от задуманного.

— Да, мама, — вступился за жену Патрис. — Мы с Элизабет решили переехать туда. Мы же не можем бесконечно жить вместе. Если Мази нас не понимает, то ты-то можешь понять!

Элизабет с благодарностью взглянула на мужа. Наконец-то он открыто вставал на ее сторону.

— Я это знаю, — вздохнула мадам Монастье, — и в глубине души одобряю ваше решение. Но для Мази это будет такой удар! Когда вы думаете поселиться там?

— Как только я закончу ремонт, — ответила Элизабет. — Думаю, дней через восемь…

— Но у вас нет мебели!

— Есть, мама. В домике есть самое необходимое, а на чердаке я нашла забавные вещицы. Я спущу их вниз вместе с Патрисом. Как вы думаете, Евлалия сможет мне сделать подзор на кровать?

— Конечно! А какие у вас будут занавески?

— Кретоновые.

— Это будет чудесно! — кивнула мадам Монастье.

Обсуждая с невесткой украшение интерьера, она так увлеклась, что насилу вспомнила о том, что должна быть ею недовольна. Она поспешно сменила выражение лица и пробормотала:

— Боже мой! Боже мой! Что это будет?

ГЛАВА VI

Элизабет была уже в постели, а восторженный Патрис все еще ходил по дому, притрагивался к мебели, открывал и закрывал двери и окна, проводил ладонью по стенам.

— Ты не представляешь, как мне все здесь нравится! — воскликнул он. — Я действительно у тебя дома!

— У нас, Патрис! У нас.

— Нет, именно у тебя! Этот интерьер так похож на тебя. Подумать только! Используя старую мебель, четыре полоски ткани и кое-как починенные светильники тебе удалось создать такую приятную атмосферу!

— Значит, ты счастлив?

— Безумно счастлив, Элизабет!

— Так ты не жалеешь о моем решении?

— А почему я буду жалеть о нем? Даже мама считает, что ты была права!

Это была их первая ночь в домике сторожа.

Они переехали сюда после полудня, под ледяным взглядом Мази, которая стояла у окна в своей комнате и наблюдала, как они переносили необходимые им вещи. После ужина молодые пошли в свое новое жилище. По крыше барабанил дождь, и этот шум обострял их удовольствие, испытываемое оттого, что они были одни. Фрикетта обнюхивала углы и чихала от запаха свежей краски; канарейки громко чирикали, а затем уснули, уткнувшись клювами под крыло. Кругом все было спокойно.

— Надо закрыть ставни, — сказал Патрис.

Он распахнул окно. Серебристые капли скрывали густую темную массу деревьев в саду. В комнату ворвался прохладный свежий воздух. Патрис неподвижно постоял у окна, задумчиво вглядываясь в ночь.

— Посмотри, Элизабет, — сказал он через некоторое время. Она встала, подошла к нему и прислонилась к его крепкому теплому телу. Прижавшись друг к другу щеками, они вдыхали ночную влагу. Большой, торжественный и мрачный дом, стоящий в другом конце сада, с неприязнью взирал на своего счастливого соперника. На втором его этаже горел свет: Мази еще не легла. Элизабет представила себе, как она ходит в халате между кресел и столиков, тихо ворча себе под нос, а может быть, закипая от гнева. «Завтра утром она, без сомнения, успокоится», — сказала себе Элизабет. Патрис, видимо, считал так же. Но они оба избегали разговора на эту тему. Под порывом ветра шелестели листья деревьев. Большой дом дулся, и плевать он хотел на «места общего пользования». Патрис закрыл ставни. Наступила тишина, прерываемая тихим стуком дождя по крыше. Элизабет дала отнести себя на кровать, высокую, широкую, из темного красного дерева, с мягкой периной.

Утром следующего дня Элизабет, Патрис и мадам Монастье встретились за завтраком в столовой большого дома. По мере того как ожидание затягивалось, на их лицах стало появляться беспокойство. Время от времени мадам Монастье поглядывала на потолок и глубоко вздыхала. Чай, кофе, какао и молоко остывали. Наконец вошла взволнованная молодая Евлалия и сообщила, что мадам отказалась спуститься в столовую.

— Она попросила меня принести ей завтрак в спальню, — добавила служанка.

Потрясенные, они молчали.

Когда Евлалия ушла, Патрис взорвался:

— Я так и знал! Теперь она будет есть только в своей комнате. Это, наконец, смешно!

Элизабет медленно встала.

— Ты куда? — спросил с тревогой Патрис.

— Поговорить с ней, — ответила Элизабет.

— Я сам с ней поговорю, — сказал решительно Патрис, оттолкнув стул.

— Ах, мой мальчик! — простонала мадам Монастье. — Ты думаешь, это что-нибудь даст?

— Это необходимо, мама. Так больше не может продолжаться!

— Только умоляю тебя, будь с ней помягче, ведь она такая старенькая!

Он вышел, а мадам Монастье сжала виски руками.

— Успокойтесь, мама, — ободряющим топом сказала Элизабет, снова сев на стул. — Если кто и способен переубедить ее, так это ее внук!

— Сомневаюсь, — прошептала в ответ мадам Монастье. — Она ведь всегда была такой. В свое время мой муж очень страдал из-за ее характера. И я тоже… Всеми делами занималась только она, руководила всем только она… Может быть, мне следовало в свое время взбунтоваться, но у меня не такой характер, как у вас. Я ни разу не осмелилась перечить ей. Она привыкла, что все ей подчиняются. И при этом она такая добрая, такая отзывчивая, такая любящая.

Вскоре вернулся Патрис. Плечи его были уныло опущены.

— Ну что? — с надеждой посмотрела на него мадам Монастье.

— Я сделал все возможное, чтобы убедить ее. Но она даже не желает слушать.

— Она хотя бы встала?

— Нет, она все еще в постели, в своем ночном чепчике, с подносом на коленях, такая свирепая, такая надутая!.. Мне кажется, что теперь она и сама не знает, как ей изменить свое мнение.

— Если она кому-нибудь уступит, то это будет впервые в ее жизни, — сказала мадам Монастье. — Нельзя требовать от нее невозможного. Что же нам делать?

— Оставить ее в покое, — ответил Патрис.

— И продолжать завтракать, обедать и ужинать без нее? Но это же ужасно!

— Надеюсь, что до нее это в конце концов дойдет!

Итак, началось испытание на выдержку. Патрис налил чая заплаканной матери, кофе с молоком жене, чашку какао себе, но никому не хотелось ни пить, ни есть. Элизабет думала о Мази со все возрастающим возмущением. Доведенная до такой степени властность уже превращалась в тиранию. Эта старая дама, как наук в своем углу отлавливала и парализовала беззащитных существ. До каких же пор ей будет позволено превышать свою власть? Завтрак закончился в траурном молчании. Окончательно пав духом, мадам Монастье удалилась к себе, а Патрис пошел работать в салон. Оставшись одна, Элизабет поразмыслила немного о том, как ей поступать дальше. Она еще не закончила натирку мебели, но сейчас эта работа показалась ей ненужной. До тех пор пока Мази будет упорствовать и дуться, ее измученные близкие потеряют вкус ко всему. «Она одна всем нам отравляет жизнь. Я просто презираю ее. Если бы я могла сказать ей в лицо все, что я о ней думаю!» Разгоряченная этой мыслью, Элизабет бросилась к лестнице с гневной речью наготове. «Пусть рухнет мир, но она узнает о себе правду!»

Подойдя к двери Мази, она повернула ручку и, не постучав, быстро вошла в комнату. Старуха сидела в пеньюаре жемчужного цвета перед туалетным столиком. Старая Евлалия почтительно склонилась над ее плечом. Услышав шаги, обе женщины вздрогнули и обернулись. У Элизабет пропал голос. Мази повернула к ней бледное морщинистое лицо с посиневшими отвисшими губами. Ее маленький до смешного череп был покрыт белым пушком, сквозь который проглядывала розовая кожа. Без своего величественного парика бабушка Патриса превратилась в дряхлую, несчастную и больную старуху с затравленным взглядом. Евлалия держала в руках парик, который она, видимо, только что расчесала. Придя в себя через секунду, Мази обеими руками прикрыла свою голову. Ее глаза расширились. В них было столько боли и стыда, что волна жалости нахлынула на Элизабет.

— Уйдите! — тихо приказала Мази, все еще не опуская рук.

Но Элизабет не двигалась с места. Слова ненависти, которые крутились в ее голове, разом покинули ее. Она только пробормотала:

— Мази, дорогая! Я не хочу, чтобы вы страдали. Если бы вы были на моем месте, вы бы повели себя точно так же, как я! Тогда простите меня, простите нас… Но не мешайте нам быть счастливыми!

— Уходите, — повторила Мази.

— Кыш отсюда! — пробормотала ей в тон старая Евлалия, подняв правый кулак с зажатым в ней париком.

— Если бы вы пришли к нам, в наш домик, я уверена, что вы изменили бы свое мнение! — пробормотала Элизабет.

— Уходите!

Мази раскачивала головой и стучала ногами в домашних тапочках по полу. Верная служанка подошла, прихрамывая, к своей хозяйке, чтобы прикрыть ее от взгляда непрошенной гостьи. С фотографий, стоящих на круглых столиках, на Элизабет укоризненно взирали члены семьи Монастье.

— Кыш, кыш, — шипела старая ведьма.

Элизабет, словно очнувшись от дурного сна, вышла из комнаты.

Укладывая белье в свой шкаф, Элизабет думала об отвратительном одиночестве старых людей, когда услышала скрип гравия на аллее. В голове у нее мелькнула безумная мысль: «Мази!» Она бросилась к окну. Да, это шла Мази, опираясь на трость, затянутая в корсет, напудренная, со всеми своими цепочками на шее и парике. Она так плохо выглядела, что ее с трудом можно было узнать. Не раздумывая, Элизабет распахнула настежь дверь и кинулась навстречу старушке:

— Ах, Мази! Наконец-то! Я была уверена, что вы придете.

— Вы ждали меня? — спросила Мази со строгим взглядом и побелевшим лицом.

— Да! — ответила Элизабет и бросилась ей на шею.

Пошатнувшись от двух бурных поцелуев в щеки, Мази вяло высвободилась и, подняв брови, сказала:

— Будьте сдержаннее, дитя мое!

— Просто я так счастлива! Пойдемте, Мази, я вам все сейчас покажу!

Элизабет увлекла ее за собой в дом. Проходя из комнаты в комнату, Мази окидывала недоверчивым взглядом мебель, стены, занавески. Элизабет не отставала от нее ни на шаг, пытаясь угадать ее мысли и усыпить ее скептицизм, она трещала без умолку.

— У этого столика была сломана ножка, я ее склеила, а сверху натерла ореховой кожурой. Вы узнаете это кресло? Оно было на чердаке. А кровать? Правда, она стала красивой, после того как я ее натерла воском?!

Мази молчала, надувшись. После осмотра туалета она вернулась в комнату, села в кресло, закрыла глаза, потом открыла их и проворчала:

— Надо сменить умывальник. Он весь потрескался, а краны просто ужасны.

— Хорошо, Мази, — радостно ответила Элизабет.

Канарейки в клетке клевали зернышки. Вдруг одна из них запела.

— Мази, скажите, вам нравится этот дом теперь, когда я здесь все устроила?

Губы старухи сложились в подобие улыбки. Взгляд стал мягче.

— Он мне, конечно, понравился бы больше, если бы мне было двадцать лет, — ответила она.

Мир был восстановлен. Опершись одной рукой о трость, а другой о подлокотник кресла, Мази медленно выпрямилась во весь свой величественный рост и направилась к двери.

— Как? Вы уже уходите? — огорченно воскликнула Элизабет.

— Я еще приду, — ответила старая дама.

Когда она ушла, Элизабет спросила себя, что могло подвигнуть Мази на этот шаг? Логику людей ее возраста понять было просто невозможно. «Может оттого, что сегодня утром я и Патрис разговаривали с ней с большим уважением или потому, что я увидела ее без парика, она вдруг почувствовала себя обезоруженной? Что произошло в ее голове? Узнаю ли я это когда-нибудь? Знает ли это она сама?» Элизабет с нежностью проводила взглядом тяжелую черную фигуру, удаляющуюся по аллее, и вновь взялась раскладывать белье по полкам шкафа, словно укладывала

свое счастье стопками.

Ко второму завтраку Мази торжественно вошла в столовую, где ее с нетерпением ожидали невестка, внук и Элизабет.

Они больше никогда не вспоминали о ссоре, внесшей разлад в их семью. Неохотное прощение постепенно превратилось в открытое одобрение. Мази стала часто навещать молодых в их новом доме, а однажды она даже решила, что каждое второе воскресенье все будут там завтракать. Таким образом Элизабет в конце концов одержала победу над Мази. Вскоре старая дама подарила ей старинный чайный сервиз из саксонского фарфора. Когда взволнованная Элизабет принялась благодарить ее за такой дорогой подарок, та возразила ей ворчливым тоном, пряча свое собственное волнение:

— Не стоит благодарности. Когда-то я получила его от своей свекрови. Поэтому он по праву принадлежит вам. Разве вы не замените меня однажды в этом доме?

Теперь, когда она достаточно хорошо изучила характер Элизабет, Мази не пропускала случая принять ее сторону в их разногласиях с Патрисом. В начале октября молодая чета получила приглашение на обед от Глории, которая вышла замуж в провинции и недавно обосновалась в Париже, в маленькой квартирке на левом берегу Сены. Мысль об этой поездке наводила на Патриса скуку, потому что радости семейной жизни отдаляли его от общества и делали все менее общительным с посторонними.

— Что нам у них делать? — ворчал он. — Паскаль Жапи такой унылый, он только утомляет! Тебе не кажется, что мы можем вежливо отказаться под каким-нибудь достаточно серьезным предлогом.

Но Мази твердо поддержала Элизабет, и Патрису ничего другого не оставалось, как сдать свои позиции под напором союзников.

Впрочем, обед у семейства Жапи был очень приятным и оживленным. В роли хозяйки дома Глория удивила Элизабет своей непринужденностью. Раскованная и приветливо улыбающаяся, она внимательно наблюдала за столом и успевала следить за разговором. Сесиль, присутствовавшая на этом семейном празднике, была такой же красивой и общительной, как и раньше. Она больше не встречалась с Жаком Греви и ходила на курсы декораторов, а в сентябре должна была поехать в Швейцарию. По любому случаю она мило подшучивала над своим зятем Паскалем, важным и худым, который употреблял научные термины в разговоре о самых обыденных вещах. Недавно он открыл свой врачебный кабинет и был доволен своими первыми клиентами. Телефон, который находился у него под рукой на маленьком столике, говорил гостям о том, что хозяина дома могут вызвать в любой момент для серьезной консультации в любой конец Парижа. В комнате стоял легкий запах эфира, потому что обычно она служила приемной для больных. Вся квартира была свежеотремонтированной. В современной полированной мебели отражался свет ламп. В спальне стоял гарнитур из белого сикомора, а в кабинете — из дуба. На нескольких картинах, украшавших стены, можно было видеть геометрические рисунки пастельных тонов. Никакой бронзы, никаких столиков и старинных гравюр здесь не существовало.

Уходя от четы Жапи, Патрис спросил у Элизабет:

— Ну как тебе их квартира?

— Мне больше нравится наш старый дом, — ответила она, усаживаясь за руль.

Патрис с признательностью взглянул на жену. Живя рядом с ней, он иногда забывал, чем хорош был их союз, но потом вдруг какое-нибудь слово, сказанное Элизабет, или ее неожиданный жест возвращали ему ощущение оглушительного счастья. Да, не все в его жизни было размеренным и благоразумным. Теперь самые незначительные вещи волновали его. Благодаря Элизабет пение птицы, вкус какого-нибудь блюда, цвет платья, запах цветка, тысячи мелочей, которые раньше он просто не замечал, становились всплесками его ежедневных радостей.

Машина выехала за город и теперь набирала скорость. За ее окнами проплывали темные деревья. Свет фар разгонял ночь перед автомобилем.

— Ты знаешь, Элизабет, — тихо сказал он, — мы действительно созданы друг для друга!

Она услышала голос Кристиана, произносящего те же самые слова. Но прав был Патрис, а не Кристиан.

— Да, — ответила она тихо. — Я тоже так думаю, Патрис. Я люблю тебя…

Она сбавила скорость, и он поцеловал ее.

ГЛАВА VII

Элизабет положила телефонную трубку, выбежала из библиотеки, открыла дверь салона и крикнула:

— Патрис! Они приехали!

Патрис, работающий за маленьким столом возле рояля, резко встал, на лице его была радость:

— Уже? Они должны были быть здесь только завтра.

— Да, но они решили выехать днем раньше. Мама звонила из Парижа. Они ехали в автомобиле. И папа совсем не устал за рулем. Сейчас они у дяди Дени. Ждут нас. Собирайся побыстрее.

— Я мигом! — с готовностью сказал Патрис. — Это тебе надо поторопиться. Ты наверняка захочешь переодеть платье.

— Конечно. Но мне хватит для этого и пяти минут. Если мы поспешим, то сможем добраться до улицы Лепик к четырем часам. О, Патрис, как я рада! Мази! Мама!

Привлеченные громкими голосами, Мази и мадам Монастье появились в салоне. Элизабет выпалила им в лицо эту новость, как если бы взорвала праздничную хлопушку:

— Мои родители приехали!

Увидев, как расцвели лица обеих женщин, она взяла Патриса за руку и увела его в маленький домик. Стоя перед открытым шкафом, она заколебалась:

— Какое мне надеть платье?

— Серое с белым воротничком! — ответил Патрис.

— В нем я похожа на девочку!

— Тогда зачем ты спрашиваешь мое мнение?

— Надену-ка я синий костюм, — решила Элизабет.

Портниха из Сен-Жермена сказала ей на примерке, что этот костюм строгого покроя делает ее очень женственной. Одеваясь перед зеркалом, Элизабет наблюдала за тем, как одевается ее муж. Ей хотелось, чтобы они выглядели красивой парой. В самый последний момент она заставила его сменить коричневый галстук на бордовый с белыми полосками. Обернувшись к ней, Патрис воскликнул с восторгом:

— Бог мой! Как же ты хороша!

Она повернула голову в одну, потом в другую сторону и согласилась, что синий костюм придавал ей солидность. За руль автомобиля села уже элегантная дама лет двадцати пяти. По дороге ей удалось компенсировать свое нетерпение быстрой ездой. Патрис сидел застывший от беспокойства, искоса поглядывая на жену и не говоря ни слова. Но в Париже пробки заставили Элизабет сбавить скорость. Она нервничала, перестраивалась из одного ряда в другой, обгоняла поток машин на третьей скорости, чертыхаясь, сигналила, словно была за рулем пожарной машины, которую все другие обязаны пропускать. Несмотря на разного рода ухищрения, было уже более четырех часов, когда она наконец остановила автомобиль у кафе.

Услышав стук хлопнувшей дверцы машины, Пьер и Амелия выбежали на тротуар. Они, правда, не изменились, но у Элизабет было такое впечатление, что она уже очень давно их не видела. Она бросилась к ним в объятия, покрывала их лица поцелуями, осаждала своими вопросами, забывая ответить на их собственные. Патрис, молча наблюдая эту сцену, стоял рядом и застенчиво улыбался с видом счастливого зятя. Элизабет была очень тронута, когда услышала, как Патрис сказал:

— Здравствуйте, мама, здравствуйте, папа.

Все вместе они вошли в зал, и там семейные узы окрепли еще больше, потому что Дени и Клементина, обращаясь к Патрису, называли его кузеном. К счастью, в этот час дня в кафе был только один клиент, стоявший у стойки. Дени сдвинул два столика и налил белого вина. Три супружеские пары дружно подняли бокалы. Хотя они уже и рассказали друг другу о главном в письмах, они стали все это повторять при встрече с новым удовольствием. Разговор переходил от одной теме к другой. Говорили о музыке к фильму, о домике в Сен-Жермене, о водительских правах Элизабет, о зимнем сезоне в Межеве, о здоровье дедушки, о Мази, о мадам Монастье, о канатной дороге на горе Арбуа. Не выпуская руки Элизабет, Амелия не сводила с нее глаз, находя свою дочь

еще более похорошевшей:

— Синий костюм тебе очень к лицу, доченька!

— Правда, мама? Он нравится тебе? — воскликнула Элизабет. — Мне сшили его в прошлом месяце.

И она провела пальцами по отвороту пиджака. Сидя между родителями, она с удивлением ощущала себя одновременно юной девушкой и замужней женщиной. Ей хотелось понравиться отцу и матери, и все-таки она теперь принадлежала мужу. Конечно, Патрис чувствовал себя немного не в своей тарелке в этом парижском бистро. Но и в этой обстановке он не утратил своего очарования. Глядя на него, сидящего перед бокалом белого вина, можно было подумать, что он всегда жил среди простых людей. Элизабет была признательна ему за его естественное поведение в новой для него среде. Клементина разглядывала его с каким-то недоверчивым восхищением. Ее ногти были покрыты красным лаком, под глазом появилась родинка, а темно-каштановые волосы были перекрашены в соломенный цвет.

— Еще вина, кузен? — предложил Дени.

Элизабет опасалась, что Патрис откажется, но он охотно согласился. Дени наполнил бокалы. Клементина подняла свой, оттопырив мизинец и прикрыв подведенные веки. В это время клиент за стойкой крикнул:

— Патрон, повторите!

— Сию минуту! — ответил Дени.

Эти простые слова всплыли в памяти Элизабет и вернули ее на десять лет назад, в запах аперитивов и деревянных опилок, звон посуды и гул голосов. Волосы, завязанные узлом, голые колени под черным фартуком, мать в кассе, отец, открывающий края пивного насоса…

— Расскажи же нам Элизабет, как вы все-таки обставили дом сторожа? А у твоих канареек еще нет птенцов? А как поживает Фрикетта?

Элизабет вспоминала, как она возвращалась из школы, как взрослые расспрашивали ее об успехах…

— Это винишко я покупаю не в Берси, а прямо у изготовителя, — сказал возвратившийся Дени.

— Это чувствуется! — одобрительно кивнул Пьер, прищелкнув языком.

Он с минуту подумал и затем добавил:

— На обратном пути в Межев мы поедем по шестой национальной дороге. Мне хочется заскочить в Бургундию. Водить этот старый «Рено» — сплошное удовольствие! Ни одной поломки от Шапель-о-Буа до Парижа, вы представляете?

Дочь и зять изобразили вежливую заинтересованность на лицах, и Пьер ударился в подробный рассказ о своей поездке. Воспоминание об этом подвиге подстегивало его. Он перечислял названия всех населенных пунктов, через которые они с Амелией проезжали. Когда он говорил, жена подбадривала его улыбкой, в которой ощущалась материнская гордость. — Твой отец водит превосходно! Я ни разу не испугалась. А ведь мы ехали очень быстро!

— Да, я ехал со средней скоростью, — сказал Пьер, — по крайней мере до Шатору. Потом пошла разбитая дорога. А в стороне от Вьерзона она стала еще хуже после дождя. Буксовали как на масле!

— Но отец крепко держал руль, — быстро вставила Амелия. — И нас ни разу не занесло в сторону.

— Твоя машина здесь? — спросила Элизабет.

— Нет, — ответил Пьер. — Я оставил ее в гараже у Орлеанских ворот. Я не люблю ездить по Парижу.

— А я уже привыкла, — сказала Элизабет, — теперь уже совсем не боюсь.

Амелия с недоверием взглянула на дочь, словно засомневалась относительно пола своего ребенка, и тихо проронила:

— Странно, что тебе нравится водить машину!

— Я хотел бы взглянуть на вашу тачку, — сказал Дени. — Я не успел разглядеть ее. Это «форд»?

— Да, — ответил Патрис.

Трое мужчин вышли из кафе и направились к автомобилю. Клементина склонилась к Элизабет и, закатив глаза, прошептала:

— Как он хорош, твой Патрис!

— Правда? — спросила Элизабет, покраснев от удовольствия.

— О да! — продолжила Клементина. — Такой представительный, воспитанный, артистичный! Я все время боюсь ляпнуть перед ним какую-нибудь глупость. Как он сочиняет музыку? Он придумывает ее в голове или прямо на рояле?

Тронутая наивностью этого вопроса, Элизабет ответила ей со снисходительностью знающего человека. Описывая работу Патриса, она чувствовала, что говорит о каком-то существе высшего разряда, который как бы и не был ее мужем, и чей мозг производил огромное количество мелодий так же естественно, как источник, извергающий воды. Портрет Патриса, нарисованный ею, был столь лестным благодаря качествам, которые она ему при всех приписывала, что она почувствовала себя взволнованной, когда он вернулся в зал. Он сел на свое место как небожитель, запросто общавшийся со смертными.

На следующий день Элизабет встала очень рано, чтобы натереть все до блеска и расставить цветы в домике сторожа. Ее родители должны были приехать без четверти час. Мази хотелось бы принять их у себя, но все убедили ее в том, что гостям будет приятнее пообедать в маленьком домике. Элизабет составила меню и решила приготовить блюда по-своему, в своей кухне, не прибегая ни к чьей помощи. До самой последней минуты они переносили из главного здания в «место общего пользования» кастрюли, посуду, стулья, скатерти, салфетки, полотенца. Пока Патрис наблюдал за расстановкой обеденных приборов в салоне-столовой, его жена, надев фартук, хлопотала перед газовой плитой. Она готовила кур и грушевый торт. Больше всего времени ушло на приготовление закусок: торталетки с анчоусами, артишоки, помидоры, фаршированные овощами с майонезом, причем верхняя часть каждого помидора срезалась и из нее делалась ручка, как на корзинке. Элизабет загубила три помидора, пока у нее получилось. Руки нетерпеливо дрожали. Иногда она с тревогой поглядывала на будильник, тикающий как адская машина. Без четверти час все было готово, включая хозяйку дома, надевшую серое платье с белым воротничком, кожаным лакированным поясом и туфли на высоком каблуке.

Как только Мазалеги приехали, их провели в большой дом, где все сели выпить аперитив. Однако Элизабет не стала долго задерживаться и быстро ушла в свой домик: ей надо было проследить за курами и тортом. Через десять минут она выглянула в окно на кухне и увидела шедшую по аллее группу экзаменаторов. Впереди шли Амелия и мадам Монастье, за ними следовали Пьер и Мази. Шествие замыкали Патрис и Фрикетта. Молодая Евлалия, которую прислала Мази для обслуживания, стояла уже наготове в столовой.

— Идут! — торжественно сказала она.

Элизабет распахнула дверь. Гости вошли в жилище молодой супружеской пары. Пока Пьер и Амелия восхищались красиво сервированным столом, светлыми шторами, полировкой деревенской мебели, Элизабет наслаждалась удовольствием принимать у себя дома родителей и показать им, привыкшим видеть ее ребенком, на что она способна как замужняя женщина. Удовлетворение, которое она читала в глазах своей матери, дало ей понять, что все ей удалось. Когда Евлалия принесла закуски, все гости ахнули от восхищения.

— Это вы сами сделали и нафаршировали эти изумительные корзиночки? — спросила Мази.

— Да, Мази, — скромно ответила Элизабет.

— Я в восторге! Их просто жалко разрезать.

Сидя с краю стола, Патрис весь сиял. Куры были немного пересолены, но этого никто не заметил. Пьер пил вино с серьезным видом дегустатора. Мадам Монастье расспрашивала Амелию о Межеве. Мази ела медленно, говорила мало, но выглядела вполне счастливой. Фрикетта иногда высовывалась из-под скатерти, чтобы схватить кусочек, протянутый ей чьей-то доброй рукой. Элизабет огорчилась по поводу торта: по краям тесто немного подгорело, а фрукты не допеклись. Это привело ее в настоящее отчаяние. Чтобы утешить ее, каждый попросил еще по кусочку.

— Лучше бы я испекла торт с кремом! — проговорила она со вздохом.

— Это было бы слишком! — сказала Амелия.

Мази кивнула головой в знак согласия: в своем доме она никогда не ела таких вкусных блюд. Кофе решили выпить в хозяйском доме. Разговор медленно тянулся под огромной люстрой с подвесками. Мази боролась со сном. В половине шестого Пьер и Амелия поднялись: им было пора. Они хотели ехать поездом. Но Элизабет воспротивилась этому: она вместе с Патрисом довезет их в машине.

Они доехали быстро и весело. Сидевшая с Элизабет Амелия была горда дочерью, таланты которой были столь разнообразны: от умения приготовить курицу до вождения автомобиля. Мужчины, сидевшие на заднем сиденье, изредка перебрасывались фразами, в то время как их жены болтали без умолку, глядя на убегающий горизонт.

Когда они доехали до кафе, Дени сообщил им ошеломляющую новость, которую только что передали по радио: король Югославии Александр был убит террористом в Марселе вместе с Барту, французским министром иностранных дел, который встречал короля у трапа парохода. Все клиенты бистро с возмущением обсуждали это событие. По общему мнению, Франция была слишком терпимой к иностранцам, прожинающим на ее земле: президент Думерг был убит Горгуловым, русским, а Луи Барту и король Югославии — хорватом! А разве Ставицкий не был иностранцем? Никто точно не знал русский он или поляк?..

— Чего же мы ждем, чтобы избавиться от этой швали, — хмуро сказал Пьер. — И вы еще хотите, чтобы Гитлер уважал нас, видя, что у нас творится?

Дени подавал вино разгневанным патриотам.

Это уже вошло в привычку: каждый день Элизабет уезжала на машине в Париж, чтобы провести с родителями вторую половину дня. Иногда Патрис сопровождал ее, но чаще всего он предпочитал оставаться дома и работать над своей симфонией. Если дочь приезжала одна, то Амелия неизменно устраивала походы по большим магазинам. До возвращения в Межев ей надо было так много разного купить! Список лежал у нее в сумочке, но всякий раз она добавляла к нему какие-нибудь новые необходимые покупки. Элизабет очень правилось ходить с матерью. Они переходили от отдела к отделу, копались в платьях и белье, обменивались мнением о моде, не находя нужных им товаров, соблазнялись другими, которые были совсем им не нужны, и выходили на улицу, нагруженные пакетами, и с чувством того, что они сэкономили. Так Амелия купила Элизабет платье на дешевой распродаже, а себе костюм баклажанового цвета, на котором вполне могла бы висеть наклейка какой-нибудь известной фирмы. Но главным для нее было — отыскать подходящую шляпку.

— Зачем тебе шляпка в Межеве? — спрашивала Элизабет.

— Я хочу ее купить не для Межева, а для Парижа.

— Та, которая на тебе, очень мила.

— Ну и что! Но меня в ней слишком часто видели.

— Кто?

— Папа… все…

— Но вы же через две недели уезжаете.

— Но я имею право хотя бы две недели пощеголять в шляпке, которая мне нравится!

Чем дольше Элизабет ее урезонивала, тем упорнее Амелия настаивала на своем. Они ходили от одной модистки к другой, чтобы найти шляпку, о которой она мечтала. Наконец, в небольшом магазинчике в предместье Сент-Оноре, среди груды некрасивых и нелепых головных уборов, она увидела что-то похожее на большой берет из черного бархата, прихваченный сбоку бантом из атласа гранатового цвета. Амелия и шляпа сразу признали, что они созданы друг для друга. Даже Элизабет пришлось с этим согласиться:

— Мы обязательно должны ее купить, мамочка. Только надвинь ее пониже на ухо. Вот так! Не трогай больше. Ну, ты просто шикарна!

Амелия вышла из магазина в новой шляпе с видом победительницы, запихнув старую в бумажный пакет. Элизабет привела мать в ресторан со стенами под мрамор и с зеркальными колоннами, где однажды вечером она обедала с Патрисом. Там они заказали себе чаю с пирожными. Вокруг раздавались приглушенные голоса элегантной публики. Оркестра на эстраде еще не было. Время от времени Амелия поглядывала в зеркало, висевшее напротив. Шляпка сидела на ее голове как влитая. «Неужели это моя мама? — спрашивала себя Элизабет. — Какая же она молодая и красивая!» Может быть, их принимали за сестер? Как и всегда, когда оказывались вдвоем, они принимались говорить о своих мужьях: о характере, таланте, планах на будущее Патриса, здоровье Пьера и о его трудолюбии. За чашкой чая у женщин возникало трогательное взаимопонимание. Брак дочери удовлетворял Амелию вполне, тогда как брак ее брата очень огорчал ее. По ее мнению, Клементина была не той женой, которой он был достоин. У Клементины были манеры простолюдинки, и она тратила слишком много денег на свои туалеты. Вместо того чтобы помочь

мужу и перейти на более высокий уровень, выйти из своего круга, она тянула его вниз. Стоит им сэкономить немного денег, как она тут же покупает на них себе платья. Впрочем, она и за кассу-то села, чтобы кокетничать с клиентами.

— Твой отец и я, мы оба огорчены той атмосферой, которая царит у них в доме, — заключила Амелия.

Элизабет пыталась защитить Клементину, но в действительности она разделяла недовольство матери. Появился женский оркестр и занял свое место на эстраде. Потекла сентиментальная до слез музыка, и все разговоры разом смолкли. Тогда Амелия и Элизабет проплывали с мелодией на гондоле под мостом Вздохов. Когда музыка смолкла, они заметили, что за большими окнами ресторана потемнело, и поспешили вернуться в кафе на улице Лепик, где их ждал Пьер, играя с посетителями в белот.

Было еще несколько запомнившихся прогулок: Элизабет водила мужа и родителей в кино, где они менее чем за неделю пережили приключения человека-невидимки, скачущих и стреляющих ковбоев и Тарзана — властелина девственных лесов; затем в театр, где они аплодировали исполнителям оперетты Дювернуа и Саши Гитри.

Но дата отъезда неумолимо приближалась, и Элизабет немного завидовала родителям, которые снова увидят снег. Она очень надеялась съездить в Межев с Патрисом после новогодних праздников. Провести зиму в Сен-Жермене ей казалось просто невыносимым. Несколько ночей подряд она видела во сне, что летит на лыжах в ослепительно белом пространстве.

В свой последний вечер в Париже Пьер и Амелия пригласили дочь, зятя, мадам Монастье и Мази пообедать в большом ресторане. Элизабет боялась, что Мази откажется от приглашения, но та приняла его весело и с удовольствием. Старой Евлалии понадобилось два часа на то, чтобы одеть хозяйку. Наконец Мази появилась на крыльце в фетровой шляпе бутылочного цвета с черными перьями, на ее плечах был шиншилловый палантин. Это видение из другого века медленно, опираясь на палку, продвигалось к машине, дверцу которой предупредительно открыл Патрис. Мази плюхнулась всем своим весом рядом с Элизабет; Патрис с матерью расположились на заднем сиденье. Салон заполнился запахом женских духов.

Часть пути Мази молчала, по, подъезжая к Парижу, заметно оживилась:

— Сколько огней! Сколько машин! — воскликнула она. — Настоящая карусель.

— Вы давно не были в Париже? — спросила Элизабет.

— Вот уже три года, — ответила Мази, — но мне кажется, что это было в другой жизни и не со мной!

Пьер и Амелия ждали гостей в ресторане. Появление Мази вызвало оживленное любопытство среди сидевших за столиками посетителей. Все они казались какими-то мелкими перед этой величественной дамой. Официанты засуетились, помогая ей сесть. Метрдотелю, угодливо протянувшему ей меню, она сказала:

— Спасибо, мой друг, — и покровительственно покачала головой так, что перья заколыхались на ее шляпе.

Пьер, уже изучивший меню, решил взять на себя выбор блюд, так как его гости не могли решиться. Но каждый хотел заказать свое блюдо. Обед был очень вкусный и прошел весело. При каждом наклоне Мази ее цепочки со звоном стукались о тарелку. Она рассказывала о Париже своего детства:

— Я, кажется, уже говорила вам, что помню, как совсем близко к городу подошли пруссаки в марте 1871 года, расстрел коммунаров!..

— Как вы все это помните, Мази! — сказала Элизабет.

— Я была уже не младенцем, моя девочка! Мне было семь или восемь лет… Мой отец был капитаном конных разведчиков. Художник Мессонье приходил к нам в форме национальной гвардии. Он выглядел таким смешным со своей квадратной бородой и маленьким брюшком!

Перед Элизабет сидел прошлый век Франции. До одиннадцати часов Мази без усилий владела разговором и была душой общества. Потом вдруг взгляд ее потух, губы стали безвольными, напудренные щеки приняли сероватый оттенок. Она совсем обессилела. Пора было возвращаться. Элизабет хотела отвезти родителей, но те отказались. Они, конечно, боялись, что Мази и мадам Монастье будут разочарованы, увидев бедное бистро на улице Лепик, еще открытое в это время. Холодная и вязкая влага спускалась на Париж. Патрис остановил такси. Со сжавшимся сердцем Элизабет поцеловала мать и отца, которые послезавтра уезжали в страну каникул. Они

расставались под моросящим дождем:

— До свидания!.. Спасибо!.. Счастливого пути!..

Садясь в такси, Амелия повторила:

— Ждем вас в Межеве!

Дверца захлопнулась. Элизабет осиротела. Патрис нежно взял ее за руку и подвел к машине. Он прошептал ей на ухо:

— Ты с ними скоро увидишься.

Она оперлась о его плечо. Мази и мадам Монастье шли за ними. Глотнув свежего ночного воздуха, Мази воспряла духом.

— Эта поездка была очень милой. Надо будет ее повторить.

ГЛАВА I

Первые покровы снега встретились на дороге в трех километрах от Комблу. От одного поворота горного серпантина к другому его толщина увеличивалась. Вскоре послышался стук цепей, надетых на колеса машины, ехавшей между кучами снега, счищенного на обе стороны дороги.

Пьер вел машину осторожно, устремив взгляд на асфальт и держа руль обеими руками.

Холодный ветер проникал через полуопущенное боковое стекло. Элизабет вдыхала полной грудью запах снега и сосновой коры, сердце ее радостно билось. Она повернулась к Патрису, сидевшему с Фрикеттой на заднем сиденье, и сказала:

— Какая разница по сравнению с парижским воздухом и даже воздухом в Сен-Жермене! Здесь так легко дышится, просто крылья вырастают!..

От резкого толчка чемоданы на верхнем багажнике старого «Рено» сдвинулись.

— Здесь плохой переезд, — проворчал Пьер.

— А в гостинице много народа, папа? — спросил Патрис.

Пьер с гордостью ответил:

— Все номера заняты.

Разговаривая, Пьер замедлял ход. Элизабет начинала терять терпение. Отец встретил их на вокзале Салланша, но если он и дальше будет ехать так медленно, маршрутный автобус скоро догонит машину. Двигатель стучал, чихал и грозил вот-вот заглохнуть.

Вдоль дороги возвышались величественные пихты. Элизабет залюбовалась ими.

— Правда красиво, дорогой? — спросила она мужа.

— Очень, — ответил Патрис, больше глядя на Элизабет, чем на пейзаж.

На его лице играла счастливая улыбка. Эта поездка пришлась как раз на тот период, когда он мог лучше оценить всю ее прелесть. Две недели назад в Париже состоялся первый публичный показ документального фильма о савойских храмах. Фильм и музыкальное сопровождение к нему были очень хорошо приняты прессой. Один режиссер, друг Шарля Бретилло, сразу же договорился с Патрисом о музыке к художественному фильму, который будет сниматься в мае будущего года по повести Флобера «Иродиада». Патрис уже приступил к поиску музыкальных тем для тех сцен, на которые режиссер указал ему. Этот проект так сильно увлек его, что он больше не думал о своей симфонии.

— Ты знаешь, — сказал он Элизабет, — в поезде мне пришла одна идея относительно танца Саломеи.

— Надеюсь, ты не будешь работать в Межеве?! — воскликнула она.

— Нет-нет! — ответил он с виноватым видом. — Просто я хотел бы записать кое-какие мелочи, которые мне пришли в голову…

Она рассмеялась:

— Ты совсем не умеешь лгать, Патрис!

Фрикетта, узнавая знакомые места, повизгивала, прижавшись носом к стеклу. Она уже чувствовала приближение своего родного края. Вскоре дорога стала менее наклонной; Пьер увеличил скорость и сказал:

— Кое-кто уже проявляет нетерпение, стоя на крыльце!

— Мама уже поднялась?! — спросила Элизабет.

— Конечно! В такой-то день! Ночью она просыпалась два раза и все смотрела на часы!

А вот и первые дома деревни. Онемевшая от волнения Элизабет увидела каток, магазин Лидии, церковную площадь, кладбище, старую круглую башню со снегом на крыше…

На улицах в этот час еще было мало народа. Прошла группа отдыхающих с лыжами на плечах и палками в руках. Элизабет подумала о Кристиане. Жил ли он еще в Межеве? Если да, то она могла бы встретиться с ним на лыжных дорожках. Но такая возможность не беспокоила ее. Счастливая в

браке, она с трудом могла поверить в то, что когда-то другой мужчина что-то значил в ее жизни. Кристиан был забыт, это был пройденный этап. Она его даже уже и не презирала. Она игнорировала его существование.

В конце дороги сразу вдруг возникла гостиница «Две Серны» со своими квадратными окнами, деревянными коричневыми балконами и большой пихтой с поникшими ветвями. Солнце ярко освещало фасад здания. Входная дверь открылась, и стекла ее засверкали. Амелия бросилась к приехавшим, а Антуан — к их чемоданам. Расцеловавшись, все весело вошли в холл. Несколько незнакомых пансионеров в лыжных костюмах собирались уходить кататься. Их лица так загорели, что они были похожи на австралийских аборигенов. Рядом с ними Элизабет почувствовала себя несколько неловко. Она уже не принадлежала к постоянным обитателям этого дома, а была клиенткой, приехавшей из города отдохнуть.

— Антуан, отнесите побыстрее чемоданы наверх, — сказала Амелия.

— В третий номер, мадам? — спросил он.

— Разумеется!

— Почему в третий, мама — воскликнула Элизабет.

— А почему бы и нет?

— Это самый красивый номер в гостинице!

— Поэтому будет вполне естественно, что в нем поселитесь вы, — возразила с улыбкой Амелия.

— О мамочка, спасибо! Но нам было бы хорошо и в моей маленькой комнатке наверху…

— Она занята.

— Правда? — воскликнула Элизабет, немного разочарованная.

Ей так хотелось жить с Патрисом в своей девичьей комнате.

— Увидите, что в третьем номере вам будет очень хорошо, — продолжила Амелия. — Но что же мы стоим на самом проходе? Пьер, возьми ключ на доске.

Она на секунду прервалась, чтобы поздороваться с клиенткой, спускавшейся по лестнице, со свежим сияющим лицом и в тяжелых ботинках.

— Здравствуйте, мадам Костаре. Какой прекрасный день, не правда ли? Позвольте представить вам мою дочь и зятя…

Мадам Костаре, сделав дежурный комплимент, удалилась.

— Это жена крупного судовладельца из Гавра, — тихо сказала Амелия. — В этом году у нас много новых клиентов.

— А из старых? — спросила Элизабет. — Жак здесь?

— Нет.

— Жаль.

— Зато у нас снова мадам Лористон со своими семейными несчастьями, вздохами и телефонными звонками!

— Тихо, Пьер! — сказала Амелия. — Тебя могут услышать.

Элизабет звонко рассмеялась и побежала на кухню, крикнув на ходу:

— Патрис, ты идешь?

Дверь открылась, и блеск кастрюль резанул по глазам. Патрис нагнал жену в тот самый момент, когда русский шеф-повар щелкнул перед ней каблуками:

— Счастливого прибытия, мадам! Счастливого прибытия, мсье! Осмелюсь сказать, что вы стали еще красивее, чем прежде! Поздравляю вас с тем, что вы прекрасно выглядите!

Рене стояла рядом с мужем, горя от нетерпения вставить хоть словечко. Он закончил свою приветственную речь словами:

— Моя жена такого же мнения.

И ей пришлось смириться. Стоявшая у раковины Камилла Бушелотт расширила глаза, словно при виде ангелов, спустившихся на ее кухню:

— О, мадемуазель Элизабет! — проговорила она, сложив руки в молитвенном экстазе и заливаясь слезами.

— Она уже не мадемуазель, а мадам, — поправил сурово шеф-повар.

Элизабет схватила посудомойку за руки и закружила вокруг себя:

— Здравствуй, Камилла! Как твои дела, Камилла?

— О! Все хорошо! Все хорошо! — ответила та. — Мы все очень довольны, что маде… что мадам Элизабет приехала… и ее супруг тоже…

Оставив фею мытья посуды, Элизабет повернулась к подбежавшей Леонтине. Затем наступила очередь Берты и Эмильены. Немного смущенный, Патрис стоял около двери и улыбался всем этим людям в белых фартуках. Тут вмешалась Амелия:

— Идемте быстрее, дети мои. Вам необходимо отдохнуть после ночи, проведенной в поезде. Берта, вас ждут в шестом номере! Эмильена, приготовьте ванну.

Персонал разошелся по делам, Амелия отвела Элизабет и Патриса в их комнату. На круглом столике стоял букет розовых гвоздик. Элизабет поблагодарила мать за этот знак внимания и взглянула на кровать со свежими простынями и двумя мягкими подушками. Окно выходило на гору Жоли.

— Я вас оставлю, — тихо сказала Амелия.

Элизабет и Патрис распаковали чемоданы, приняли ванну и спустились в холл незадолго до второго завтрака. Несколько старых клиентов окружили их, высказывая им свои поздравления. Забыв о своих проблемах одинокой супруги, мадам Лористон заявила, что ничто так не красит женщину, как замужество.

— Взгляните на нее, вы только взгляните на нее! — воскликнула она визгливым голосом. — Куколка превратилась в бабочку! У нее не глаза, а темно-красные рубины!

Патрис, виновник этой метаморфозы, скромно стоял в стороне, опустив голову. Порозовевшая от удовольствия Амелия продолжала знакомить:

— Доктор Туке. Моя дочь мадам Патрис Монастье.

Старый и лысый доктор поцеловал руку молодой женщине. Амелия как-то вскользь сказала дочери, что он был гинекологом. Элизабет покраснела.

Несколько человек прошли в столовую. Амелия решила, что на этот раз они всей семьей позавтракают вместе, после пансионеров. Пока отдыхающие завтракали Пьер и Патрис разговаривали в холле. Элизабет подошла к матери, сидевшей у раздаточного окошка. Привыкнувшая к тишине в Сен-Жермене, она была просто оглушена звоном посуды, кастрюль, криками повара, а также гулом голосов за столами. Затем на нее внезапно нахлынули воспоминания. Она взяла салфетку и помогла Амелии стирать пятна соуса с краев тарелок, на которых лежали блюда, уже готовые к подаче. Иногда она даже осмеливалась давать советы на кухню:

— Шеф, побольше картофеля для второго, пожалуйста.

— Слушаюсь, мадам!

Когда последний клиент ушел, Амелия, Пьер, Патрис и Элизабет сели за стол в зале, где еще витал запах пищи. Шеф-повар приготовил для них специальный завтрак, «чисто русский». Им так много надо было сказать друг другу, что они засиделись за кофе до четырех часов. После этого Элизабет увела Патриса в деревню.

Запах чистого снега опьянял ее. Она шла под руку с Патрисом и ей хотелось кричать, бежать, смеяться по каждому пустяку. Он спросил:

— Ты не хотела бы покататься на лыжах?

— О да! Я просто сгораю от нетерпения! Но сегодня уже поздно. Мы завтра наверстаем!

— Мы?

— Конечно! Я же не могу кататься совсем одна!

— Но Элизабет, ты же знаешь, что я не смогу кататься как ты!

— Я научу тебя!

Они прошлись по магазинам, купили солнцезащитные очки, газеты, смягчающий крем, зашли к Лидии, осыпавшей их комплиментами, раскладывавшей при этом перед ними новые товары, и закончили в «Мовэ Па», где беззаботные пары топтались под музыку. Элизабет уверенно вовлекала мужа в эту толчею. Танцевал он плохо. Но ей было приятно быть в его объятиях. Она сама вела его. Он двигался с покорным лицом и чувствовал, что познает жизнь только благодаря жене.

Утром следующего дня они возобновили уроки катания на лыжах в том самом месте, где они были прерваны признанием Патриса в любви. Женившись на спортивной девушке, он, однако, сам не стал спортивнее и не мог научиться даже элементарным движениям. Но как муж он больше не стеснялся показаться неловким перед ней. Когда он падал, они оба смеялись. С небольшой возвышенности, где она встала, чтобы руководить своим учеником, Элизабет вновь открывала для себя лыжную дорожку горы Рошебрюн, испещренную следами множества лыж. Вдали виднелся черный квадрат: это была ферма Кристиана. Одно окно было открыто. Стекло сверкало на солнце. «Он там», — думала Элизабет.

Патрис отчаянно ругался: вот уже в который раз он терял равновесие на одном и том же месте. Элизабет помогла ему подняться.

— С меня хватит! — сказал он.

— Ты не прав. Ведь ты уже начал кататься более уверенно.

— Я устал и хочу пить. Пойдем выпьем чего-нибудь в баре около канатной дороги.

Возле бара, на воздухе, стояло несколько столиков напротив лыжной дорожки. Подняв к солнцу лица, в темных очках посетители наслаждались покоем и солнечными лучами. Элизабет и Патрис сели за столик в первом ряду, среди солнцепоклонников. Они наблюдали, как подъезжали на головокружительной скорости лыжники, с раздувающимися на ветру брюками и куртками. Другие спускались медленно, боязливо, на широко расставленных лыжах. Дети катались на санках. Инструктор вел стадо учеников к долине. Кабины фуникулера поднимались и спускались с гипнотизирующей размеренностью.

— Взгляни на этого типа! — воскликнул Патрис.

Какой-то дьявол летел прямо на них, подпрыгивая с одной ноги на другую. Волнистый горный склон уносил его все дальше, как отливная морская волна уносит брошенную на берегу лодку. Казалось, он разобьется о стену станции, но в последний момент лыжник сделал резкий поворот и остановился перед ней.

— Это Эмиль Аллэ, — сказала Элизабет. — Пекарь из Межева. У него потрясающая техника!

— А второй! Да это просто сумасшедший! Он точно собьет кого-нибудь!

— Это Ролан Аллар!

Щеки Элизабет горели от возбуждения.

— Патрис, дорогой, можно я тебя покину и пойду покатаюсь?

— Нужно! — ответил он. — Иди быстрее, а я тебя здесь подожду.

Она побежала к станции канатной дороги.

На Рошебрюне было полно народа. Пушистый снег блестел на солнце и резал глаза. Дрожа от предвкушаемой радости, Элизабет надела лыжи. Гора ждала ее. Она бросилась вниз с вершины своего нетерпения. Несмотря на то, что давно не каталась, Элизабет осталась такой же гибкой. Но она рисковала меньше, чем раньше. Теперь у нее был муж, и она не имела права подвергаться опасности.

Спустившись вниз, Элизабет увидела его стоящим перед столиком и не сводящим с нее глаз. Она затормозила перед ним.

— Ну ты даешь! — тихо сказал он. — Мне казалось, что ты свернешь себе шею!

— Да что ты! Я была очень осторожна!

Тяжело дыша, с разгоряченным лицом, она улыбалась, видя его беспокойство.

— Я хочу еще раз спуститься. Ну в последний разочек! — попросила она.

— Ладно, — сказал он. — Мне здесь хорошо. Но только умоляю тебя, не лети так быстро.

Он сел, с нежностью и тревогой провожая взглядом удаляющуюся бесстрашную женщину — свою жену.

В этот день они снова обедали все вместе. А потом, чтобы молодые почувствовали себя более свободно, Амелия попросила их перейти в столовую, к клиентам. Элизабет наслаждалась тем, что могла побыть наедине с мужем. Мази и мадам Монастье не могли больше вмешиваться в их жизнь. Родители были заняты. Она сидела одна за столом со своим мужем, и ей не надо было ни перед кем отчитываться. Она была в свадебном путешествии. Взгляды, которые она на себе ловила, доказывали, что они являлись отличной парой. Элизабет была счастлива и сожалела лишь о том, что Патрис пока еще не мог разделить ее страсть к лыжам. Однако она была уверена, что через неделю он научиться делать хотя бы элементарные движения.

Они спускались с Рошебрюна медленно, с большим трудом. Следуя ее советам и все-таки падая, несчастный Патрис наконец скатился вниз, побледневший от усталости, с дрожащими коленями и нервным тиком. Но едва он пришел в себя после сна, как Элизабет решила отвезти его на гору Арбуа, где уже работала новая канатная дорога. Второе испытание оказалось для него еще более трудным, чем первое. Когда она заговорила о Рошебрюне, он категорически отказался:

— Дай мне передохнуть немного. Мне хотелось бы подумать о чем-нибудь другом, а не о твоих чертовых лыжах! Ты знаешь, чего мне хочется?

— Нет.

— Покататься на санях.

Она рассмеялась:

— Ты с ума сошел!

— Почему?

— Патрис, ты хоть раз на них катался?

— Да, в прошлом году с мамой.

— И тебе понравилось?

— Очень!

— Ну и шикарно же будем мы выглядеть, сидя в санях, которые везет ломовая лошадь!

Но он настаивал, и она согласилась исполнить эту его прихоть.

На другой день они отправились на Церковную площадь и выбрали голубые сани, в которые была запряжена старая рыжая лошадь, мосластая, с торчащими ребрами и волосатыми бабками. Кучер усадил клиентов на жесткое сиденье, накинул на их колени покрывала, от которых несло конюшней, а сам влез на козлы, причмокнул, и лошадь со скрипом повезла сани по снегу. Сани не были поставлены на рессоры, и Элизабет с Патрисом подпрыгивали на каждом ухабе. Прохожие оглядывались на них.

— Ты и впрямь считаешь, что это приятно? — недоверчиво спросила Элизабет.

— Во всяком случае, приятнее, чем на лыжах! Вот увидишь, когда мы выедем за деревню…

Лошадь с трудом поднималась по склону горы Арбуа. Доски саней скрипели, звенели колокольчики, морозный воздух бил в лицо. Элизабет прижалась к Патрису и сказала:

— Мне кажется, что мне семьдесят лет! Что мы старички, страдающие ревматизмом, и наши внуки катаются на санках возле гостиницы…

Голос ее, подпрыгивающий вместе с ней на ухабах, был прерывистым. Патрис же смеялся, довольный прогулкой, восхищаясь пейзажем, вдыхая чистый морозный воздух. Она вдруг вытянула шею: кто-то ехал им навстречу на лыжах. Даже не успев узнать его, Элизабет почувствовала, что ей стало дурно. Человек быстро проехал мимо нее. Но взгляды их успели встретиться. Она повернулась

к Патрису, который, видимо, ничего не заметил.

— За гостиницей «Гора Арбуа» есть небольшая деревенька. Хорошо бы заехать туда.

— Ладно, — ответила она слабым голосом.

Элизабет была в бешенстве, что Кристиан увидел ее в этих нелепых санях, завернутую вместе с мужем, как хилые горожане, в покрывало. Уж если и суждено ей было встретиться с ним, так при более выгодных для нее обстоятельствах. Кучер покачивался на козлах. Лошадь, вздрагивая крупом, задирала хвост, роняя на снег кучи навоза.

— Какое счастье! — воскликнул Патрис. — Этот снег, эта тишина, этот звон колокольчиков! Но только в следующий раз оденемся потеплее!

— В следующий раз? — пробормотала она.

— Да. Мне хочется еще покататься на санях. А тебе?

Она вздохнула, прислонилась к нему и сказала со смехом:

— Да, дедуля.

ГЛАВА II

Стоя в очереди перед кассой канатной дороги, она вдруг услышала тихий голос за спиной:

— Здравствуй, Элизабет.

Она узнала любезную ироничную интонацию и обернулась.

Кристиан протиснулся к ней через ряд пассажиров. Он улыбался ей с высоты своего роста. Белые зубы и зеленые глаза сверкнули на его смуглом лице. Элизабет мгновенно смутилась, но тут же взяв себя в руки, спокойно ответила:

— Здравствуй.

Он сделал еще один шаг и встал с ней рядом. Ее это не смутило. Освободившись от своих воспоминаний, она теперь смотрела на него с таким спокойствием, словно он был обыкновенным приятелем, который через несколько минут исчезнет с горизонта.

— Ты надолго в Межев? — спросил он.

Обращение на «ты» взволновало ее. Но это была реакция девушки. Она же была женщиной. Ее муж сидел в барс около первой опоры подвесной дороги. Элизабет сделала над собой огромное усилие, чтобы выдержать взгляд Кристиана и ответила:

— Я пробуду здесь еще несколько дней…

Казалось, он не слышал ответа. Его пристальный взгляд начал беспокоить ее. Как она могла вообразить себе, что он потерял свое очарование после того, как она разлюбила его? Ее удивляло, что после стольких месяцев разлуки он был все еще привлекателен для нее. Они приблизились к кассе, взяли билеты и вместе вышли на посадочную площадку. С грохотом подъехала кабина. Пассажиры быстро стали расставлять свои лыжи в грузовой корзине. Подталкиваемая нетерпеливыми лыжниками, Элизабет оказалась посреди кабины вместе с Кристианом. Было невозможно даже шевельнуться. Рукой он упирался в оконную раму. Эта сильная напряженная рука образовала некий барьер между ней и окружающим миром. Кабина стала подниматься. Земля уходила из-под ног Элизабет. Под ней была пустота, а над ней — лицо Кристиана. В уголках его глаз были видны тонкие белые морщины. Лучи солнца осветили волосы на его мускулистой руке. Они прошли через опору, и кабина вздрогнула от толчка.

Сквозь одежду Элизабет ощутила теплоту его тела. Кристиан нагнулся. На нем был серый пуловер, ворот рубашки расстегнут.

— Хочешь спуститься вниз вместе со мной? — спросил он.

— Нет, — быстро ответила она, ощущая запах табака и теплой кожи.

До площадки оставалось еще несколько метров. Кабина резко остановилась, и все высыпали наружу. Элизабет надела лыжи на заснеженной платформе, рядом с которой начиналась лыжная трасса. Кристиан внимательно наблюдал за ней. Элизабет начала спуск. Кристиан преследовал ее. Она спиной ощущала его присутствие. Он обогнал ее снизу склона. Снег брызнул из-под его лыж на повороте, и он остановился как вкопанный, тихо улыбаясь. Ей пришлось резко затормозить, чтобы не столкнуться с ним.

— Ты завтра придешь? — спросил он.

— Да, — ответила Элизабет, запыхавшись.

— Я буду в три часа у кассы.

И ничего к этому не добавив, он нарочито медленно стал спускаться к станции канатной дороги.

Элизабет подошла к Патрису, терпеливо ждавшему ее на террасе первой опоры со стаканом подогретого вина. Она поглядела на мужа влюбленными глазами, словно благодаря его за то, что он был здесь, такой надежный, заботливый, в темных очках, с покрасневшим на солнце лицом и нежной улыбкой.

— Снег хороший? — спросил он.

— Отличный.

— Хочешь спуститься еще раз?

— Я предпочитаю вернуться в гостиницу.

— Уже? Но нет и пяти часов!

В холле несколько клиентов играли в бридж. На столиках дымились чашки с кофе и стояли тарелки с тостами.

— Вы не хотите выпить чаю, дети мои? — спросила Амелия.

— Нет, мама, спасибо, — ответила Элизабет.

Ей не терпелось побыть наедине с Патрисом. Она не успокоится до тех пор, пока он не обнимет ее. Закрыв дверь комнаты, она бросилась в его объятия, повисла у него на шее и, подставив ему губы для поцелуя, страстно прошептала:

— Я люблю тебя, Патрис! Я люблю тебя! А ты действительно любишь меня?

— Конечно, дорогая!

— Я хочу, чтобы ты все время мне это повторял! — сказала она, вздохнув.

Он поцеловал ее. Элизабет закрыла глаза и крепко прижалась к его груди, дрожа от нетерпения, ища его ласки и защиты.

ГЛАВА III

Утро выдалось какое-то странное, белое и холодное, небо было свинцовым. Но эта мрачная погода не испортила Элизабет настроения. Она проснулась, чувствуя себя лихорадочно возбужденной и веселой и, как обычно, пошла с Патрисом кататься на лыжах по пологому склону за гостиницей, потом с аппетитом позавтракала, а после кофе решила подняться на Рошебрюн. Муж проводил ее до станции канатной дороги.

— Ты меня будешь ждать в баре? — спросила она.

— Не знаю. Сколько раз ты намерена скатиться?

— Ну раза два-три, если, конечно, снег будет таким же хорошим, как вчера, — ответила она уклончиво.

— Тогда я вернусь в гостиницу. Сегодня пасмурно. Я лучше немного поработаю.

— Я вижу, что в глубине души ты рад, что сегодня плохая погода, — сказала она со смехом.

Он тоже засмеялся, утвердительно кивнув головой.

— Ты же знаешь, этот танец Саломеи не дает мне покоя. Я уже слышу его, а когда пытаюсь перевести на ноты, то все путается. Это очень досадно.

Она обожала его: он был такой милый, такой простой и умный!

— Знаешь, мне хочется поцеловать тебя на виду у всех! — воскликнула она.

— Не делай этого, иначе подумают, что мы не женаты.

Когда он ушел, Элизабет решительно направилась к станции канатной дороги. Перед ее воротами стояла огромная толпа, ощетинившаяся лыжами. Повсюду слышались громкие разговоры. Элизабет стащила зубами варежки и стала искать мелкие деньги в сумочке, подвешенной к поясу. Вдруг перед ней как из-под земли вырос Кристиан. В руке он держал два билета.

— Ты идешь? — спросил он.

Уши его прикрывала повязка из черной шерсти, на шее был все тот же красный платок. Купив билеты заранее, он ждал ее, потому что был уверен, что она придет вовремя. Эта самоуверенность возмутила ее. «Спущусь с ним один раз и достаточно!» — подумала она. Они стояли в кабине, тесно прижатые друг к другу. Как и накануне, Кристиан рассматривал Элизабет с серьезным видом, не произнося ни слова. Она задавалась вопросом, что мог думать о ней этот упрямый человек с загорелым лицом. Как бы Элизабет себя ни вела, она не в силах была запретить ему думать о ней, как ему заблагорассудится. Она не знала, какое впечатление производит на него. Видел ли он ее такой, какой она стала теперь — замужней и недоступной или же такой, какой он знал ее раньше, когда она таяла в его объятьях? О чем он говорил с ней? Ласкал ли он ее в своем воображении? Элизабет изо всех сил боролась с наплывом воспоминаний. Кабина медленно ползла вверх, а они так и стояли, тесно прижавшись друг к другу. «Я больше не люблю его, — думала Элизабет, — а он все еще желает меня». Это тягостное молчание, эта неподвижность были столь утомительны, что она никак не могла дождаться, когда же они наконец поднимутся. Но вот кабина остановилась, и Элизабет ступила на снег. Лыжники стали быстро прикреплять лыжи к ботинкам. Всем не терпелось поскорее выйти на склон. Первые пары уже бросились на лыжню. Кристиан посмотрел им вслед и предложил:

— Давай выпьем кофе у Шварца, а потом сделаем спуск.

Она решила «нет», но ответила «да». Они поднялись к домику, воткнули лыжи в снег перед дверью и вошли в темный зал, где находилось несколько человек. Кристиан выбрал отдельный столик и заказал два кофе. Официантка принесла две чашки, сахар и молча удалилась. Внезапно очнувшись, Элизабет подумала о том, что сюда могли войти друзья, пансионеры их гостиницы и застать ее вместе с посторонним мужчиной в темном углу. Но страх быть замеченной не только не смутил ее, а даже наоборот, заставил острее почувствовать очарование этой тайной встречи. Закурив сигарету, Кристиан посмотрел ей прямо в глаза и, помолчав немного, внезапно задал вопрос:

— Ты тогда в санях была с мужем?

Элизабет отпила глоток обжигающего кофе и, вздохнув, ответила:

— Да.

— Кажется, я его узнал. Ты ведь была вместе с ним в «Мовэ Па» в прошлом году, когда я пригласил

тебя танцевать?

— Да, — щеки Элизабет горели.

Кристиан стряхнул пепел сигареты прямо в блюдце.

— А где он сейчас?

— Ждет меня в гостинице.

— Почему? Разве он не умеет кататься на лыжах?

— Не очень.

— Ты живешь в Париже?

— Нет, в Сен-Жермен-ан-Лей.

— Не жалеешь о Межеве?

Она не знала, что ответить. Ответить положительно, значило бы, что она несчастлива в своей семейной жизни, ответить отрицательно — забыть свои юные годы, когда она занималась спортом и вела беспечную жизнь.

— Да, конечно, — сказала она. — Я немного жалею о том, что уехала из Межева… Грустно было оказаться без снега и лыж…

Элизабет смутилась, и ей показалось, что она одновременно разговаривала с Патрисом.

— Но нам хорошо и в Сен-Жермене, — продолжила она. — Там есть большой сад, рядом лес… У мужа есть все условия для работы…

Произнеся слово «муж», она успокоилась.

— Кажется, он композитор? — спросил Кристиан.

— Да.

Элизабет не осмелилась спросить, откуда ему это известно. Он продолжал смотреть на нее с вызывающим любопытством. Она отвела глаза.

— А чем занимаешься ты, когда он сочиняет свою музыку? — спросил Кристиан.

— О! Я очень занята: дом, друзья, поездки в Париж, обеды, концерты…

Кристиан громко расхохотался и сказал:

— Короче, ты стала просто светской дамой.

— Ты глуп!

Она сама теперь сказала ему «ты», и это ей не понравилось. Чтобы взять верх над этим человеком, Элизабет, сделав над собой усилие, добавила спокойным тоном:

— А как поживают твои друзья Ренары?

— Я с ними не виделся уже месяцев восемь, — ответил Кристиан. — У Жоржа Ренара были неприятности в делах. Они решили продать свой швейцарский домик.

— При случае ты сможешь им построить новый, — ответила Элизабет.

Эта мысль пришла ей в голову внезапно. С тех пор, как она вышла замуж за Патриса, ее жизнь так изменилась, что ее прежнее самолюбие стало казаться ей вызовом судьбе. Теперь она не испытывала никакого чувства ревности к блондинке, которую когда-то увидела в постели Кристиана. Иногда ей даже казалось, что эта неприятная сцена была выдумана ей самой.

Кристиан допил свой кофе, затушил сигарету в блюдце и, сощурив глаза, медленно проговорил:

— Неужели такой красивой сделало тебя замужество, Элизабет?

Она и глазом не моргнула, услышав этот комплимент, который, впрочем, был ей приятен.

— Возможно, — ответила она.

— Еще немного и я узнаю, что ты счастлива.

Она резко подняла голову:

— Да, Кристиан, я счастлива…

Он недобро улыбнулся:

— Счастлива? Может быть, действительно счастлива… этим маленьким счастьем, которое тебе хотелось бы иметь со мной и которого я не захотел! И тебе этого достаточно, Элизабет?

Он склонился над ней, взял за руку и крепко ее сжал:

— Тебе достаточно этого, после того, что ты со мной познала? Вспомни.

Каждое сказанное им слово глубоко проникало в нее, причиняя резкую боль. Она чувствовала, что по-прежнему зависит от его взгляда, от его голоса. Элизабет готовилась к неизбежному.

— Я не понимаю тебя, Кристиан, — тихо промолвила она.

Она ощущала тепло в пальцах, потом возле локтя и выше. Ей хотелось освободиться от всего этого. Но он прижал ее к себе еще крепче.

— Ты не понимаешь меня! — саркастически улыбнулся он. — Тогда зачем ты здесь, со мной? Если ты согласилась прийти сюда, значит, понимала, что эта встреча была необходима! Идем, Элизабет!

— Куда?

— К нам, на ферму.

Неужели она ожидала этого предложения, потому что не почувствовала никакого удивления? Он встал и бросил со звоном на стол несколько монет. Ноги Элизабет были словно ватные, в голове — туман. Она не поняла, как оказалась на улице. Не говоря друг другу ни слова, они надели лыжи и покатились вниз.

Кристиан приехал первым. Элизабет догнала его, запыхавшись, с раскрасневшимся лицом. Они оставили перед дверью лыжи. Те, которые принадлежали Элизабет, были совсем маленькими по сравнению с лыжами Кристиана.

— Входи, — сказал он, распахнув перед ней дверь.

Элизабет перешагнула порог с гордо поднятой головой. Но оказавшись в комнате, она почувствовала, что уверенность покидает ее. Она внимательно смотрела на большие скамейки, на сундук, на чугунные котелки, на все столь знакомые ей вещи, которые теперь звали ее в другую жизнь. Кристиан присел перед камином и разжег его. Пламя поднялось вверх. Элизабет стояла неподвижно, как загипнотизированная движениями этого мужчины с лицом, освещенным огнем. Нет, она не бросила его. Она не вышла замуж. Она все еще жила с родителями. Он медленно выпрямился. Она продолжала смотреть на него, не в силах выйти из оцепенения.

— Где ты, Элизабет? — нежно спросил Кристиан.

Ей показалось, что она не сдвинулась с места. Но расстояние между ними неумолимо сокращалось. Какой-то волной ее несло к этому лицу, ожидающему ее у огня, несло в прошлое. Она думала, что все еще находится вдалеке от него, когда вдруг ощутила себя в плену его объятий. Он стал нежно целовать ее в губы. Вкус этого поцелуя пробудил в ней такие глубокие, такие интимные воспоминания, что по ее телу пробежала волна нетерпеливой дрожи. Она думала, что замужество помогло ей забыть Кристиана, но, оказывается, на самом деле она всегда принадлежала ему. Может быть, даже не подозревая об этом, она всегда ждала этой встречи с ним? Все ее сомнения исчезли под наплывом страсти. Горя желанием, Кристиан поднял ее на руки и, пронеся мимо потрескивающего камина, положил на постель. Как и раньше покрывало из шкурок сурка приняло ее. Она глубоко вздохнула и едва слышно произнесла:

— Нет, Кристиан…

Опустившись перед ней на колени, он стал неистово целовать и ласкать ее, а она извивалась, призывая его взглядом. Когда он принялся раздевать ее, она попыталась воспротивиться. Но он оттолкнул ее руки. Лицо его стало суровым:

— Любовь моя! Моя маленькая дикарка… ты моя, только моя…

Он снова склонился над ней. Она выговорила как в бреду:

— Кристиан!.. Я люблю тебя…

Он тоже разделся, и тела их сплелись. Тьма сгущалась. Мужчина входил в нее. Он был в ней. Она застонала в ритме этих движений. Ее наслаждение было выше физического. Она никогда не была так трагически и неистово счастлива. Он ускорял темп. В ее мозгу плыли огоньки. Она умирала с каждым ударом сердца, с безумной благодарностью к тому, кто уничтожал ее. Потом она почувствовала, что ее голова раскололась и она вознеслась в какую-то сияющую пустоту, кипя и дрожа от блаженства.

Кристиан отодвинулся от нее. Они долго молчали в темноте. Элизабет готова была расплакаться, сама не понимая отчего. Потом она с облегчением вздохнула и вложила свою мягкую маленькую ладонь в большую ладонь Кристиана. Время остановилось лишь для них одних.

Она шла по старым следам.

Было так же темно и пасмурно, Элизабет шла по той же заснеженной дороге. Она испытывала то же беспокойство при возвращении в гостиницу, что и в первый раз, когда она убежала из объятий Кристиана, пытаясь при этом сохранить спокойное выражение лица. Но раньше только родители могли упрекнуть ее в том, что она поздно возвращалась, теперь же ее ждал муж. Муж, которого она любила и которому сегодня вечером она действительно изменила. Время, проведенное ею на ферме, как бы составляло отдельную жизнь, включенную в ее собственную взрывом демонической страсти, не имеющей ничего общего с ее привычками, каким-то отдельным приключением, за которое она не могла отвечать, как за сон, о котором она забывала, встав с постели. Если она встретится с Кристианом завтра и послезавтра, как они договорились, она сделает так, чтобы Патрис ничего не заподозрил и не страдал. Но разве можно было любить одновременно двух мужчин: одного за его чистоту, другого — за чувственность и страсть. Ей так хотелось этого! Пока она сможет делать счастливым своего мужа, она будет сама счастливой. Лыжи легко скользили по проторенной дорожке. Ночной холод омывал ее лицо. Входя в гостиницу, Элизабет была чиста и свежа, разве что немного запыхалась.

В холле она столкнулась с Патрисом. Лицо его было искажено волнением.

— Наконец-то! — воскликнул он. — Я так беспокоился!

— Прости, дорогой! — пробормотала она. — Все получилось так глупо! Я хотела покататься на Рошебрюне, но не заметила, как пролетело время!

— Где ты была?

— О, это целая история! Подожди! Я хочу присесть: я так устала!

Она рухнула в кресло и, раздвинув ноги, оперлась на ступни.

— А если бы с тобой что-нибудь случилось? — продолжал выговаривать ей Патрис. — Ты же была одна!

— Да что ты! Катающихся полно. После Рошебрюна я пошла на Тур, потом поехала дальше на лыжах до канатной дороги на горе Арбуа. Поднялась наверх, скатилась до горы Жу, а потом с Планеле…

И странное дело: по мере того, как она все это ему плела, ложь превращалась для нее в подобие правды. Она видела себя катившейся по этим местам. Ей даже приходили в голову подробности, такие точные, что она сама словно бы только что вспомнила о них:

— На Арбуа было столько народу! А на Жу холод просто кусал лицо. Зато снег был отличный.

Подошла Амелия и вмешалась в разговор со знающим видом:

— Увидев, что тебя в пять часов еще нет, я сказала Патрису, что ты, вероятно, решила пойти на гору Арбуа!

— Я конечно, понимала, что ты беспокоишься, — нежно сказала Элизабет, — но удержаться от соблазна было невозможно.

Он наклонился к ней, словно хотел что-то сказать на ухо, и нежно поцеловал ее в шею. Она приняла этот поцелуй без малейшего стеснения.

В этот момент из буфета вышла Фрикетта. Собака с радостным лаем прыгнула на колени хозяйки, затем, заинтригованная, принялась обнюхивать ее свитер, шею, волосы. Элизабет показалось, что ее разоблачали. Она могла заморочить голову кому угодно, но не этому существу с чутким безошибочным нюхом. Она несколько раз пыталась оттолкнуть мордашку, пытающуюся дотянуться

до ее лица. Тогда Фрикетта лизнула ее в подбородок, взглянув ей прямо в глаза: «Я знаю, где ты была, кого видела», — всем своим видом говорила ее любимица, виляя хвостом. Элизабет погладила ее по спине и спросила у Патриса:

— А чем ты занимался во второй половине дня, мой дорогой?

— Я работал.

— Успешно?

— Да, я доволен. Скоро сыграю тебе этот отрывок. Только тебе сейчас надо переодеться, ты, наверное, вся измокла.

Они поднялись к себе в комнату. Фрикетта последовала за ними. Избегая взгляда собаки, Элизабет дала своему мужу поцеловать себя.

ГЛАВА IV

Как и каждое утро, они позавтракали в постели, и Элизабет отдала мужу кусочек тоста со сливочным маслом. Пока он допивал свою чашку какао, она встала и накинула пеньюар.

— Ложись, — сказал Патрис.

— Так поздно? Ты с ума сошел!

— А чем ты намереваешься заняться?

— Пойду поздороваюсь с мамой.

— Да она наверняка еще спит!

— Вот именно. Я смогу пообщаться с ней наедине! Ты же сказал, что хочешь поработать утром. Так и воспользуйся моментом. Потом пойдем прогуляться в деревню.

— Я передумал, у меня сегодня нет желания работать, — сказал Патрис, протянув к Элизабет руки.

Это зовущее движение заставило Элизабет поскорее выйти из комнаты.

— Нет, — твердо сказала она. — Вот тебе бумага, ручка. Действуй!

Он взял все это с кислой миной.

— Ты не очень-то меня балуешь.

— Будь серьезным, — ответила она, взъерошив ему волосы надо лбом.

Он схватил ее за запястье и стал целовать ее пальцы, один за другим, приговаривая при этом:

— До, ре, ми, фа, соль…

Это была игра, которая раньше их всегда развлекала, но на этот раз Элизабет пришлось сделать над собой усилие, чтобы рассмеяться:

— Да ну же! Оставь меня, Патрис.

Но он потребовал свое.

— А теперь здесь.

Она дала ему свою ладонь.

— Вот так!

Элизабет склонилась над мужем и поцеловала его в нос.

— Дальше!

Она подставила ему губы.

— Ну вот, теперь ты можешь идти, — сказал он.

Элизабет улыбнулась ему, как ребенку, тщательно застегнула пеньюар, чтобы не было видно прозрачной ночной рубашки, и вышла. Она сама не могла понять, почему ей вдруг захотелось увидеть мать. Все, что напоминало ей девичьи привычки, как-то успокаивало ее. Постучав в дверь, она пропела:

— Мама, это я! Можно войти?

Амелия сидела, прислонившись к подушкам с накинутой на плечи розовой кофточкой. На коленях у нее стоял поднос с завтраком.

— Подумать только! — воскликнула она. — Ты одна?

— Да… Мне захотелось немного побыть с тобой.

— А Патрис?

— Он работает.

Женщины поцеловались, и Элизабет присела на край кровати.

— Вы бы лучше погуляли утром, — сказала Амелия. — Смотри, какая сегодня отличная погода.

— Мы пойдем попозже, мама, — сказала Элизабет.

— Мне кажется, Патрис доволен тем, что написал вчера.

— Да, мама.

— Он сыграл тебе?

— Нет.

— Почему?

— Не знаю… Это всего лишь набросок.

Элизабет отвечала сквозь зубы, нехотя. Почему мать все время говорила о Патрисе?

— А где папа? — спросила Элизабет, чтобы хоть как-то сменить тему разговора.

— Наверное, в котельной. Тебе не кажется, что в номерах очень холодно?

— Да, немного, — ответила Элизабет, передернув плечами. — Подвинься, пожалуйста, я хочу полежать с тобой.

Амелия отодвинулась вместе с подносом, и Элизабет забралась к ней в постель.

— Вернулась моя маленькая доченька! — нежно сказала мать, прижав ее к своей груди.

Прильнув к матери и ощущая запах знакомых ей духов, Элизабет таяла от блаженства. Увидев на тарелке два кусочка хлеба, она взяла один и стала его есть.

— Ты разве не завтракала? — спросила Амелия.

— Завтракала, но глядя на тебя, у меня снова проснулся аппетит.

Они обе рассмеялись. Взгляд Элизабет вдруг упал на деревянную скульптурку, стоящую на комоде: крестьянин, опирающийся на косу; у него был усталый вид, согнутые плечи, грубоватое лицо, взгляд, устремленный на горизонт.

— Что это? — спросила Элизабет.

— Работа дедушки, — ответила Амелия с гордостью. — Он прислал ее нам из Шапель-о-Буа в подарок.

— Но это же великолепная вещь! — воскликнула Элизабет. Вскочив с постели, она бросилась к статуэтке.

— У него получается все лучше и лучше, — продолжала Амелия. — Это его развлекает! Я бы сказала, что это стало его страстью. Когда у него появляется свободное время в кузнице, он начинает заниматься резьбой по дереву. Как это у него выходит? Ведь он никогда не учился ни рисовать, ни работать по дереву. Я ничего не понимаю.

Элизабет погладила деревянную скульптурку, отполированную и темную. На подставке было выгравировано: «Жером Оберна».

— Он поставил свою подпись! — воскликнула она.

— Да, — подхватила Амелия. — Он гордится своим творчеством. И это естественно. В его-то возрасте!

Элизабет взяла статуэтку и снова легла к матери в постель.

— Я напишу ему и попрошу прислать мне тоже одну, — сказала она.

— Обязательно напиши! — сказала Амелия. — Ему это доставит такое удовольствие. Эта вещичка украсит интерьер вашего домика в Сен-Жермене.

Элизабет нахмурилась. Она прижалась к матери, словно та была для нее единственной опорой в этом безумном мире. Мудрость, честность, спокойствие и любовь — все это было в Амелии, лежавшей рядом с ней в этой знакомой розовой кофточке, накинутой на плечи, и с подносом на

коленях.

— О, мамочка, мамочка! — сказала Элизабет со вздохом.

Она ощутила во рту какую-то горечь.

— Что с тобой? — спросила мать.

— Ничего.

Открылась дверь. В комнату вошел Пьер и, увидев обеих женщин в кровати, рассмеялся.

— Что вы здесь делаете?

— Тебя это удивляет? — спросила Амелия кокетливо. — Мы просто болтаем.

— Минуту! Может, это я выпил? — спросил себя Пьер. — Но у меня в глазах двоится.

Он склонился над женой, потом над дочерью, и чуть было не упав, поцеловав их обеих.

— Ты колючий, папа, — сказала Элизабет.

— А я как раз пришел побриться, — ответил Пьер.

Он всегда вставал в семь утра, но ждал, когда Амелия проснется, чтобы умыться, не побеспокоив ее. Он снял пиджак, отстегнул воротничок, повязал салфетку вокруг шеи, встал перед зеркалом и, погладив рукой подбородок, задумался.

— Ты знаешь, шеф-повар решил увеличить на завтрак порцию шпината.

— Почему? — с беспокойством спросила Амелия.

— Потому что у нас в подвале его полно и он начинает портиться, — ответил Пьер.

— Я же говорила тебе, что в прошлый раз ты купил его слишком много. Поты, как всегда, настоял на своем.

— Это неважно! — сказал Пьер, намыливая щеки.

Он прервался и подставил руку под воду. Брови его нахмурились. Взгляд стал подозрительным.

— Да уж! — сказал он.

— Что? — спросила Амелия.

— Вода не очень теплая.

— Котельная включена?

— На полную мощность.

Он подошел к батарее, дотронулся до нее и сказал:

— Греет, но очень слабо.

— А пока клиенты дрожат от холода, — сказала Амелия.

— Ну, не преувеличивай!

— Нет, Пьер! Надо признаться, что с тех пор как ты поменял уголь, в гостинице стало холоднее. А все ради экономии. Что же это даст в конце сезона?

— Пока еще никто не жаловался.

— Ты ошибаешься. Вчера мадам Костаре сделала мне по этому поводу замечание. А позавчера мадам Пикар жаловалась мне, что ее дети схватили насморк. Если ты и дальше будешь упорствовать, мы растеряем наших лучших клиентов!

Элизабет втайне позавидовала заботам своих родителей. Только счастливые люди могли ссориться из-за таких пустяков. Огорченный упреками жены, Пьер брился очень медленно, с трагическим видом, как приговоренный к смертной казни.

Когда одна щека стала розовой и гладкой, а вторая оставалась еще намыленной, он спросил:

— Что же мне делать? Хочешь-не хочешь, а этот уголь надо сжечь. А на следующий год я возьму уголь лучшего качества.

— Ну конечно, мамочка! — вставила Элизабет. Стоит ли так расстраиваться? Люди понимают, что зимой трудно сделать так, чтобы все было хорошо.

— Вот! Она уже стала теплее, — сказал Пьер, сполоснув руки под краном.

В коридоре послышался голос Антуана:

— Почта, мадам!

Пьер приоткрыл дверь, взял из рук Антуана толстый пакет писем, почтовых открыток, газет и передал их Амелии. Она принялась рассортировывать их, помечая номера над адресами красным карандашом. «Для мсье и мадам Монастье», — сказала она, протянув конверт Элизабет.

Элизабет узнала почерк свекрови и вскрыла конверт. Она сразу же представила себе большой дом в Сен-Жермене. Там, вдали от снежных гор и от мелких гостиничных проблем, жизнь шла своим чередом, спокойная и серая. Обе женщины обедали вдвоем. В саду шел дождь. Они скучали о детях, с нетерпением ждали их возвращения, надеясь, что те проведут в Межеве хороший отпуск и поправят свое здоровье. Научился ли наконец Патрис кататься на лыжах? Не слишком ли он много работает? Дышит ли он чистым горным воздухом?

Мази забрала канареек к себе и уделяла им очень много времени. «Надо сразу же показать это письмо Патрису», — подумала Элизабет и поднялась в свой номер.

Патрис сидел на постели с ножницами и подстригал ногти на ногах. Пижама на его груди была распахнута. Он прочел письмо и решил ответить на него этим же вечером. Потом предложил Элизабет одеться, чтобы пойти погулять. Она повернулась к нему спиной, сняла пеньюар и ночную рубашку. Патрис поцеловал ее в обнаженное плечо.

— Патрис! — сказала она с упреком.

Но он улыбался. Его свежевыбритое лицо пахло мылом, а изо рта шел запах пасты. Почувствовав его желание и смутившись, Элизабет оттолкнула мужа. Пока он был в пижаме, она делала вид, что не замечает его. Когда же он надел лыжный костюм, она спокойно подставила губы под его поцелуи.

Они вышли на дорогу, свистнули Фрикетте, забавляющейся игрой с другими собаками, и направились в деревню купить газеты. Идя под руку с мужем, она думала о том, дома ли Кристиан. Вчера она сказала ему, что не сможет освободиться раньше полудня, поэтому он обещал ждать ее до четырех часов. Потом ей вдруг захотелось, чтобы какое-нибудь непредвиденное обстоятельство помешало ему увидеться с ней.

— Ты не хочешь покататься со мной на лыжах после второго завтрака? — спросила она Патриса.

— Мне не очень хочется, — ответил он. — Но ты можешь спокойно подняться на Рошебрюн.

— Неужели ты хочешь просидеть весь день в гостинице, как вчера?

— Нет. Я буду ждать тебя в баре у первой опоры, а потом пойдем в «Мовэ Па» попить чаю. Ну как, согласна?

Элизабет взглянула на него с благодарностью. Волей-неволей ей придется пойти вместе с мужем.

Все прошло так, как предложил Патрис. В половине третьего, когда он садился за столик в баре, Элизабет поднималась вверх. Затем она спустилась с горы Рошебрюн вместе с остальными лыжниками и, сменив направление, поехала по проторенному следу прямо на ферму. У нее словно выросли крылья. Но в ногах Элизабет почувствовала противную дрожь, и ей не захотелось входить в дом. Не снимая лыж, она постучала палкой об оконный переплет. Кристиан выглянул в окно. Элизабет сделала ему знак выйти. Выходя, он едва не задел головой за притолоку, небрежно демонстрируя свой рост и широкие плечи. Не глядя ему в лицо, Элизабет быстро проговорила:

— Я не могу долго здесь оставаться! Патрис ждет меня внизу.

Был ли он готов к такому известию? Кристиан насмешливо улыбнулся, обнажив свои белые зубы.

— Жаль! — ответил он. — Я договорился перенести на завтра частный урок, который у меня должен был быть сегодня.

— Я же не знала…

— Естественно… Когда я увижу тебя?

— Завтра, — ответила она на всякий случай.

— Я же сказал тебе, что это невозможно.

— Тогда послезавтра.

— Ты сможешь освободиться, Элизабет?

— Постараюсь.

— Тогда я буду ждать тебя до трех часов.

— Хорошо, — сказала она.

Она была рада тому, что свидание откладывалось. Кристиан сделал шаг вперед. Неужели он попытается удержать ее?

— До свидания, я убегаю, — быстро сказала она.

Элизабет покатилась с горы, и мысли ее летели быстрее, чем ее собственное тело. Она радовалась тому, что переборола свой соблазн. И в то же время сожалела об этом. Она до сих пор не могла забыть сладостных минут, испытанных ею в объятиях Кристиана. Но чем больше она думала об этом, тем больше ей хотелось быть с Патрисом, с которым она ни разу не испытала подобного удовольствия. «Кто же ты, Элизабет?» Этот вопрос не выходил у нее из головы. Она с одинаковой силой обвиняла и оправдывала себя. И не могла определить, где была права.

— Как скоро ты пришла, — сказал Патрис.

Она посмотрела на него, удивившись, что была уже перед ним, принадлежала ему.

— А теперь довольно лыж! — заявил он. — Я приглашаю тебя в «Мовэ Па».

Она последовала за ним, успокоенная, чувствуя, что принадлежит своему мужу без остатка.

День выдался спокойный. Немного покатавшись утром неподалеку от станции канатной дороги, Элизабет и Патрис решили пойти после обеда на соревнования по прыжкам с трамплина в Межеве. Амелия, которая тоже не хотела пропустить это зрелище, присоединилась к ним в последний момент. Несмотря на мороз, народу собралось очень много. Патрис обмотал вокруг шеи шарф. Он хрипло дышал и кашлял. С регулярным интервалом один из спортсменов скатывался сверху, взмывал с трамплина в воздух словно птица, парил в небе, наклонившись вперед, затем приземлялся, хлопнув лыжами о снег, вздымая искрящуюся морозную пыль. Некоторые прыгуны приземлялись неудачно и летели кубарем по наклонной плоскости. Другие доезжали до конца площадки и резко притормаживали под дружные аплодисменты и одобрительные крики. Элизабет была в восторге от этой демонстрации силы и красоты. Прыгуны, лица которых она могла разглядеть, были похожи на полубогов, загоревших на солнце. Все они напоминали Кристиана. Наблюдая за соревнованиями, она непрестанно думала о нем.

Когда вечером они вернулись в гостиницу, веселое настроение Элизабет очаровало Патриса, и он с юношеским пылом признался жене в любви. Элизабет была растрогана, однако она подумала: «Ну как можно быть таким наивным? Он же знает, что до него я любила мужчину из Межева. Ведь должен же он бояться моей встречи с ним! А он, кажется, об этом даже и не думает…» И чем дольше она размышляла о поведении Патриса, тем больше убеждалась в том, что он напрочь забыл о ее прошлом. Его собственная честность заставляла его думать, что любимые им люди были такими же, как он.

После обеда Патрис сыграл в салоне кусочек к «Иродиаде». Это было начало восточного танца, медленного и сладострастного. Элизабет похвалила его за работу. «Да, — призналась себе Элизабет, — Патрис не такой как все мужчины. Он живет как во сне. И у него есть все положительные качества: гениальность, доброта, честность…» Она истово любила его сегодня, точно зная, что завтра встретится с Кристианом. Глядя на Патриса радостными глазами, она думала, что истинную природу этой радости он никогда не должен знать.

— Послушай, Патрис, — сказала она вдруг, завтра во второй половине дня мне хотелось бы попасть на гору Арбуа через Рошебрюн. Это будет такая великолепная прогулка!

— И ты вернешься так же поздно, как и в прошлый раз? — спросил муж.

— Я постараюсь вернуться побыстрее. Во всяком случае, тебе не придется беспокоиться, потому что ты будешь знать, где я.

Патрис запротестовал было, но так как ему очень хотелось сесть за сочинение «Иродиады», он в конце концов одобрил проект жены.

— Сыграй мне еще раз первые такты танца Саломеи, — попросила она.

— Тебе, правда, нравится? — спросил он, положив свои нервные пальцы на клавиши.

Когда он взял несколько аккордов, Элизабет мысленно перенеслась на ферму, где огонь согревал и освещал два обнаженных тела.

Кристиан подбросил несколько поленьев в камин, из него сразу полетели искры. Дрова занялись. Лежа в постели, удовлетворенная и расслабленная, Элизабет лениво прошептала:

— Я хочу пить, Кристиан. Дай мне воды.

— Хочешь лимонного сока? — спросил он.

— Да.

— Сейчас приготовлю.

Он встал. Пояс на его халате развязался. Когда Кристиан двигался, халат распахивался. Элизабет видела все его тело. Она была уверена в том, что движения этого демона-искусителя были точно рассчитаны, и сердилась на себя за то, что не могла противиться его чарам. Он выдавливал лимон, наливал воды из кружки в стакан. Она видела его со спины. Не обернувшись, он спросил:

— Сахар нужен?

— Нет, спасибо.

Он протянул ей стакан. Элизабет залпом выпила этот кислый напиток. Ее губы опухли от поцелуев.

— Ты держишь стакан двумя руками, как маленькая девочка, — сказал Кристиан. — Ну как, вкусно?

Она кивнула головой, как маленькая девочка, — точно так, как ему хотелось. Он сел рядом с ней и начал гладить ее обнаженные плечи и возбужденные груди.

— А теперь тебе пора одеваться, — сказал он.

— Почему?

Кивком головы он показал на окно, за которым уже начало смеркаться.

— Уже поздно. Тебя ждут.

Элизабет не ответила, продолжая вдыхать запах лимона, оставшийся в опустевшем стакане. Его стенки запотели. Да, Кристиан не изменился. Как и прежде, он упорно добивался ее желания, доставляя наслаждение, но боясь при этом осложнений, которые могут быть вызваны каким-нибудь ее неосторожным поступком. Если раньше он отправлял ее к родителям, то теперь — к мужу. Он, который с такой страстью только что обладал ею, мог спокойно выносить, что уйдя от него, она вернется к другому мужчине! Неужели он был так наивен и уверен в том, что она с безразличием откажется от ласк Патриса? Неужели у него не хватало воображения увидеть их обоих в одной постели? Нет, раз он согласен был делить ее с мужем, то только потому, что стремился сохранить свое личное спокойствие. То, что происходило за порогом этой комнаты, его просто не интересовало.

— Ну вставай же! — сказал он ей нежным голосом. — Будь умницей! Ты же придешь завтра…

Ей хотелось дать ему пощечину, но вместо этого она сладко потянулась и заложила руки за голову. Не сводя глаз с подмышек и полураскрытых губ, Кристиан проворчал:

— Маленькая мерзавка! Зачем ты делаешь это?

— Просто так, — ответила она.

А сама подумала: «Я уже давно в нем разочаровалась. Я презираю его. И все-таки не могу без него жить!» Мир менялся, как только она приближалась к нему. Она растворялась в наслаждении, парила в небесах, забыв обо всем на свете, а добравшись до вершины блаженства, она спускалась на землю, ощущая какой-то животный и вместе с тем религиозный экстаз. Здесь и речи не могло идти о здравом смысле. Несмотря на свою власть над нею, Кристиан как человек был ей уже безразличен. Она уступала не ему, а некоей таинственной силе, исходящей из каких-то неведомых глубин, проводником которой он являлся. Были ли у него другие любовницы после Франсуазы

Ренар? А может, у него была сейчас другая женщина, богатая и опытная, например, мать его ученика?

Но это уже не имело никакого значения. Склонившись над Элизабет, Кристиан целовал ее ладони. Он уже не говорил ей, чтобы она уходила — он был объят любовным жаром. Она чувствовала, что необходима ему, что он простил ее. Бедра Элизабет напряглись, по спине бежал холодок. Кристиан уже хотел лечь на нее, но в этот самый момент он нечаянно столкнул стакан, стоявший рядом с постелью на маленьком столике. Тот упал и разбился.

— Как неудачно! — поморщился Кристиан и протянул руку с осколком.

Струйка крови потекла с пальцев по его предплечью. Он поднял полотенце, валявшееся на полу и хотел вытереться.

— Подожди, — сказала Элизабет и приложила губы к его ране.

ГЛАВА V

Мадам Лористон попросила соединить ее по телефону с Парижем. Ко второму завтраку она еще так и не получила связи и села за стол вместе с остальными. Ела она нервно, опустив глаза в тарелку. Элизабет и Патрис, сидевшие за соседним столиком, беззвучно хохотали, наблюдая за ее движениями.

— Она раскрошила весь свой хлеб по столу, — тихо сказал Патрис.

— Бедняжка, — вздохнула Элизабет. — Сколько проблем, да еще с таким некрасивым мужем! Как можно ревновать этого лысого толстяка с одежной щеткой под носом?

Патрис прыснул со смеху. Элизабет взглядом показала ему, чтобы он успокоился. Патрис вытер губы салфеткой и выпил глоток воды. С каждым днем его пребывание в Межеве казалось ему приятнее. Благодаря своим успехам на лыжах, он стал чаще сопровождать жену в коротких прогулках. Но он быстро уставал и не любил съезжать с накатанной трассы. Впрочем, спортивные упражнения не мешали ему постоянно думать о музыке. Когда на него находило вдохновение, он отпускал Элизабет кататься одну и работал в номере или в салоне. Освобождаясь во второй половине дня, Элизабет спешила к Кристиану. Он никогда не знал заранее, когда она может прийти, поэтому говорил обычно, что будет ждать ее в три часа, а после трех она могла не застать его дома. Дважды она приходила слишком поздно. В другие разы их встречи были столь страстными оттого, что они не были уверены, что им удастся встретится на другой день. Еще три недели украденного удовольствия, легкой лжи, и уже было пора возвращаться в Сен-Жермен. Но Кристиан собирался поехать в Париж на пасхальные каникулы. Элизабет с удовлетворением думала об этом, помешивая ложечкой апельсиновое суфле.

— Как это вкусно! — сказал Патрис. — Узнай рецепт у шеф-повара.

Она кивнула головой и спросила:

— Который час?

— Без десяти два. А что?

— Я не хочу подниматься слишком поздно на Рошебрюн. Вчера не было толчеи у канатной дороги. Тебе действительно не хочется пойти со мной?

— Нет, дорогая. Сегодня нет. Мне хочется доработать тот кусок, который я сыграл тебе утром. Ты извинишь меня?

— Придется, — сказала она, сделав обиженное лицо и скрывая радость в душе.

В холле раздался телефонный звонок. Мадам Лористон сразу вскочила с кресла: «Это мне!» И кинулась к далекому голосу супруга. Но у двери она столкнулась с Амелией. Женщины обменялись несколькими словами, после чего мадам Лористон снова села в свое кресло с уныло опущенной головой. Амелия подошла к Патрису.

— Идемте быстрей! — сказала она. — Ваша мама звонит из Сен-Жермена.

Патрис сделал удивленное лицо и бросил салфетку на стол. Элизабет поднялась одновременно с ним. Они выбежали из столовой. В холле Патрис взял трубку и спросил:

— Алло! Мама? Что случилось?

Элизабет приложила вторую трубку к уху и услышала далекий голос, который ответил:

— Я очень огорчена, мой мальчик, что беспокою тебя, но Мази очень больна.

— Что?

Черты его лица исказились, глаза расширились, как будто он увидел нечто ужасное.

— Да, — продолжала мадам Монастье. — Она очень больна. В последнее воскресенье она ходила в церковь и простудилась. Доктор Бежар сказал, что у нее воспаление легких. В ее возрасте это очень опасно. Она с трудом дышит. Бредит. Я так за нее беспокоюсь! Я почти не отхожу от ее постели. И вы так далеко от нас! Ах, дети мои, мне кажется, что вам следует вернуться!

Патрис с отчаянием посмотрел на Элизабет и тихо сказал:

— Мы выезжаем сегодня вечером.

— Спасибо, малыш! Целую тебя.

Элизабет положила трубку. Вся ее радость разом улетучилась. Мази больна, каникулы следовало прервать, она уже не свободна и вскоре не увидит ни снега, ни гор, ни… Кристиана. Всего один телефонный звонок смог разрушить ее счастье, а она так надеялась еще испытывать его в течение трех недель!

— Надеюсь, мы будем вовремя, — сказал Патрис.

Он был бледен. На лбу пролегла морщина.

— Конечно! — воскликнула Элизабет. — Иначе и быть не может!

— Раз мама позвонила мне и попросила срочно вернуться, значит, бабушка очень плоха.

— Может быть, мама напрасно так расстроилась?

— Я не думаю.

— А я думаю. Ведь она ухаживает за Мази вместе с Евлалией. Вполне естественно, что она позвонила нам и попросила нашей помощи.

Элизабет говорила все, что ей приходило в голову, лишь бы успокоить Патриса, но ей самой не удавалось убедить себя в этом. Может, Мази и вправду очень плоха? С одной стороны старуха, находящаяся при смерти, с другой — Элизабет и Кристиан, два молодых существа, жаждущих любви, наслаждения, жизни! Мази мешала им встретиться. Она втискивала между ними свое тело, старое и дряблое. Сначала Амелия, а затем Пьер подошли к ним узнать новости, и Патрис повторил им разговор с матерью. Они отреагировали как Элизабет, пытаясь убедить его в том, что он напрасно видел худшее: несмотря на свой возраст, Мази была еще крепкой женщиной, да и врачи уже хорошо разбираются в подобных заболеваниях. Элизабет сжала руку мужа. Он был так опечален, так взволнован, он так нуждался в ней. «Я останусь с ним, — подумала она. — Кристиан подождет меня до трех часов и уйдет. Я напишу ему из Парижа и все объясню…» Она почувствовала, как слезы наворачиваются на ее глаза.

Страх потерять Мази, сожаление о том, что ей придется расстаться с Кристианом — все смешалось в ее голове.

Патрис опустился в кресло. Элизабет села рядом на подлокотник, не выпуская его руку. Сжав пальцы, они почувствовали большую нежность друг к другу.

— Я куплю вам билеты на поезд, — сказал им Пьер.

В тот самый момент снова зазвонил телефон.

— Ну на этот раз мне! — воскликнула мадам Лористон, выйдя из столовой.

Амелия подняла трубку и протянула ее клиентке. С блестящими глазами, сложив губы сердечком, мадам Лористон тихо сказала:

— Алло, Майо двенадцать-пятнадцать? Это ты, Гастон? Колетт у телефона… Я с трудом дозвонилась до тебя! Что?.. Я плохо слышу! Ты сможешь приехать в следующую субботу?

Она глубоко вздохнула, радостно посмотрела на Амелию и добавила, жеманно прижав губы к трубке:

— Да-да! Жду!

ГЛАВА VI

Два часа пополудни. По окнам стучит дождь. В большой, заставленной мебелью комнате необычный свет падал на столики, уставленные лекарствами. Тяжелые бордовые занавески закрывали широкое окно. Постельный балдахин отбрасывал на потолок угрожающую тень. Под этим похоронным сводом лежала неподвижная Мази, с закрытыми глазами, впавшими щеками, с обострившимся носом, который блестел, словно полированная кость. Вот она закашлялась и опять уснула. Ее большое серое лицо, обрамленное ночным кружевным чепцом, было вмято в подушку. Мази тяжело дышала, и в уголках ее губ виднелась слюна. На простыне лежали две худые веснушчатые руки. Уже вторую ночь проводила Элизабет в изголовье старушки. Врач еще не терял надежды. Если сердце больной выдержит, то ему удастся спасти ее. Но она была так стара, так слаба, что эта возможность становилась все менее и менее вероятной. На столике у кровати тикали часы, стоявшие между серебряных и из слоновой кости коробочек. На остальных столиках стояли фотографии в рамочках с подставками на палисандровых или из розового дерева островках, на этих фотографиях еще жили люди, ушедшие в мир иной. Перед камином из розового мрамора стояла переносная печка, пышущая жаром.

Воздух в комнате пропитался лекарствами. Элизабет стоило большого труда не заснуть. Тихо отворилась дверь — на цыпочках вошли Патрис и его мать.

— Как дела? — прошептала мадам Монастье.

— Она задремала, — ответила Элизабет. — Но перед этим она тяжело дышала и сильно кашляла.

— Вам следует прилечь, а я сменю вас.

Элизабет отрицательно покачала головой:

— Нет, мама. Вы и так слишком долго дежурили у постели Мази! Теперь моя очередь.

— А я? — спросил Патрис. — Разве я не могу провести ночь около нее?

— За ней придется ухаживать, а ты не сможешь…

— А Евлалия?

— Ни Евлалия, ни мама, никто… Оставьте меня одну. Мне очень удобно в этом кресле.

— Но она тяжело дышит, — продолжал Патрис. — Нос у нее очень заострился… Может быть, следует позвонить врачу?..

— Успокойся, если бы ей стало хуже, я дала бы ей капли. Доктор Бежар сказал мне, что без опаски могу увеличить дозу.

Мадам Монастье поцеловала невестку со слезами на глазах:

— Ах, дитя мое, с тех пор как вы вернулись, я чувствую себя более уверенной. Вы такая… беззаветная! Но не слишком утомляйте себя. Я скажу Евлалии, чтобы она принесла липовый отвар для Мази. А в пять часов сменю вас.

— Хорошо, мама, — сказала Элизабет. — Не беспокойтесь, ради Бога! Поспите сами немного. И ты тоже, Патрис, иди, — тихо добавила Элизабет.

По возвращении из Межева молодые обосновались в своей бывшей комнате, на втором этаже большого дома, чтобы быть ближе к Мази.

Словно с сожалением мадам Монастье пошла к двери. Сын последовал за ней. Элизабет слышала, как они еще немного пошептались в коридоре. Приехав утром, она была просто поражена усталым и подавленным видом свекрови. С покрасневшими глазами, вытянутым лицом, скисшая, мадам Монастье абсолютно не была похожа на ту элегантную даму, устраивавшую у себя претенциозные чаепития. Теперь в доме повсюду был беспорядок, жизнь остановилась. Надежда исчезла. Все плакали и молились. Дождь падал на опечаленный город. Элизабет сразу же взяла все дела в свои руки. Ничто не возбуждало ее так, как слабость других. Эта болезнь стала ее полем битвы. Теперь она давала указания, говорила, как надо лечить, принимала врача и выслушивала его советы. Сможет ли она до конца продержаться на вершине, исполняя добровольно взятые на себя обязанности.

В дверь постучали. Вошла молодая Евлалия с большой кружкой на подносе. За ней в комнату проскользнула Евлалия старая. На ее лице мелко дрожали все морщины, все бородавки. Сгорбившись, вытянув шею по-черепашьи, она подошла к умирающей хозяйке.

— Ох, мадам, мадам! Бог не может допустить этого.

Она мелко перекрестилась и прослезилась:

— Господи Иисус, Святая Мария, Святой Жозеф!..

Элизабет взяла ее за руку и увела в коридор:

— Вам не стыдно так плакать, Евлалия?

— Бедная мадам! Когда я вижу ее так неподвижно лежащей, то мне начинает казаться, что она вот-вот уйдет от нас в иной мир. Надо бы обратиться к господину кюре для последнего причастия.

— Оно не понадобится ей, — сказала Элизабет.

— Так всегда думают, а потом, хлоп, — и человека больше нет!

— О Боже, Евлалия! Успокойтесь! Даже доктор совершенно спокоен за нее.

Старая Евлалия воткнула свой нос в огромный платок, трижды шумно высморкалась, словно дула в трубу, и сказала:

— Я все же пойду намелю кофе, а то вдруг кому-нибудь захочется на ночь глядя выпить кофе.

В это время ее дочь подкидывала уголь в печку. Когда она стала засыпать его в камин, уголь зашипел. Комнату заполнил неприятный запах. После этого обе Евлалии, взявшись под руки, удалились.

Элизабет уселась на маленькую кушетку и положила ноги на подставленную табуретку. Вокруг дома стояла тишина. Ночь вступила в свои права. Устремив взгляд на лицо Мази, Элизабет никак не могла поверить в то, что жизнь может замереть в этом ставшем дорогим ей существе. О смерти легко думать только тогда, когда речь идет о посторонних людях или о тех, кто уже давно ушел из жизни. А под неусыпным оком Элизабет Мази должна стать неуязвимой. «Я спасу ее… — подумала Элизабет. — Надо только очень сильно захотеть, призвать на помощь всю свою любовь!» Потом, задумавшись, она вспомнила о давней истории, увидела себя в Сент-Коломбе перед телом своей подружки Франсуазы Пьеру. Впервые в жизни она увидела покойника. Белое восковое лицо, руки с четками, сложенные на груди. Девочка была такой красивой, такой нежной. Она мечтала выйти замуж за австрийского принца. И вдруг — холод, пустота, гроб… Все молитвы, все надежды оказались бессмысленными. А если также будет и с Мази? Дрожь пробежала между лопатками, а потом по всему телу. Элизабет тихо склонилась над тяжело дышавшей маской. «Она еще здесь! — подумала Элизабет. — Но если дыхание угаснет, что же тогда случится с этим мыслящим существом? Превратится в ничто? Перейдет в мир иной?» Рот Мази скривился, руки задрожали. Элизабет смутно припомнила несколько фраз из катехизиса: «Смерть есть отделение души от тела… После страшного суда наша душа попадет в чистилище, в рай или в ад, по заслугам ее…» Элизабет все еще слышались детские голоса, произносящие эту молитву. Мадемуазель Керон ходила между столами. Правда была, конечно, куда страшней и сложней. Не в молитвенниках, а в молчании ночи, высоко в небесах, в бесконечном водном потоке следовало искать ответ на тайну потусторонней жизни. Элизабет чувствовала это и все-таки, чтобы хоть как-то противостоять этой сверхъестественной силе, она не нашла ничего другого, как прочитать самую простую молитву, выученную в детстве: «Отче наш…» Она тихо шевелила губами, и разум ее затерялся в иллюзии веры.

— Пить!..

Элизабет вздрогнула. Мази восставала из небытия. Ее глаза лихорадочно блестели на лице землистого цвета. Дыхание было прерывистым От приступа кашля лицо стало багровым, на висках вздулись синие вены. Выгнув спину, она с силой прижала тощие руки к груди, чтобы сдержать удары, раздирающие ее изнутри. Элизабет подала ей плевательницу. Мази нагнулась над ней. Кружевной чепец соскользнул на ухо, обнажив вспотевшую лысину с пушком седых волос. Когда кашель немного утих, Элизабет вытерла ей губы и лицо полотенцем, помогла сесть и дала выпить отвар. Старческие пальцы Мази дрожали на желтой фаянсовой кружке. Немного жидкости стекло по углам ее рта. После каждого глотка она открывала рот с болезненной гримасой и делала глубокий вдох. Наконец она снова легла. Глаза ее медленно закрылись. Прерывисто дыша, она с трудом спросила:

— Вы приехали из… Межева?

— Да, Мази, — тихо ответила Элизабет. — Мы приехали еще позавчера.

— А где… канарейки?

— Мы отнесли их в нашу комнату.

— Я хочу взглянуть на них.

— Мы принесем их вам попозже, а пока они спят. И вам тоже надо поспать.

— У меня болит вот здесь, в боку. А еще в груди… Я задыхаюсь… Что делает Патрис? Он играет на рояле?

— Нет, он отдыхает.

— Странно, я слышу звуки фортепиано. Очень тихие… Не оставляйте меня, Элизабет!

— Не беспокойтесь, Мази. Я буду рядом с вами всю ночь.

Мази с трудом приоткрыла морщинистые веки. В ее глазах промелькнула благодарность. Она, видимо, хотела еще что-то сказать, но не смогла издать ни звука. Вялая и горячая рука легла на запястье Элизабет. Затем старушка разжала пальцы. В горле у нее раздалось клокотанье, челюсть отвисла, и она уснула.

Элизабет прикрыла салфеткой ночную лампу, чтобы свет не был таким ярким, и снова уселась на кушетку, накинув на ноги плед. Она поворачивала голову то налево, то направо, но глаза все равно слипались. Элизабет прикрыла отяжелевшие веки, и вещи в комнате стали принимать какие-то странные очертания. В полутьме печка была похожа на маленький домик с сильно освещенными окнами. За ним как будто камин из белого мрамора, словно занесенный снегом. «А ведь я еще не написала Кристиану! Он, конечно, думает о том, что со мной случилось. Завтра я напишу ему подробное письмо…» Она не могла оторвать глаз от блестящих слюдяных окошек. Внутри, наверное, было так тепло, так хорошо! Яркий огонь. Кровать, покрытая покрывалом из шкурок сурка… Две руки, протянутые к камину. Профиль улыбающегося дьявола. Она вдруг захотела его до боли, до крика. В животе что-то шевельнулось. Сухие губы встретили пустоту. «Почему, но почему я думаю о нем с такой силой, с такой болью, хотя уверена, что больше не люблю его?»

Мази приподнялась на подушках. Ей было жарко. Она пыталась расстегнуть свою фланелевую рубашку. Элизабет подбежала к ней и, не позволяя этого сделать, обтерла ее лицо салфеткой и накрыла одеялом.

— Пить…

— Вот, Мази, — сказала Элизабет, протягивая ей чашку.

— Мне мешает складка на простыне, вот здесь.

— Сейчас поправлю, Мази.

— Кто-то стучал?

— Никто…

— Мне показалось…

И снова гробовая тишина. Дождь перестал. За тяжелыми бордовыми шторами тихо шумели ветви деревьев. Здесь же не было никакого движения, ничто не менялось. Время обходило эту комнату стороной. Элизабет казалось, что она навеки уселась перед кроватью с балдахином, в которой лежала умирающая королева. Часы тикали все громче и громче. Двадцать минут второго. Элизабет сомкнула веки и увидела короткий сон, но через пять минут она снова встрепенулась и снова склонилась над больной. Дыхание Мази было относительно спокойным. Печка все так же потрескивала в своем углу. Элизабет снова задремала. Но едва она закрыла глаза, как кто-то тихо дотронулся до ее плеча. Она подскочила. Перед ней стояла мадам Монастье. Часы показывали четыре часа утра.

— Я пришла пораньше, потому что мне все равно не спалось. Все нормально?

— Да, мама.

— Тогда поскорее идите спать, дитя мое! Вам это просто необходимо!

От неудобной позы ноги Элизабет затекли. Она медленно встала, чувствуя себя совершенно разбитой физически, и еще потому, что она ничего не сделала для того, чтобы Мази стало лучше. Выйдя в коридор, Элизабет вдохнула свежего ночного воздуха, который ей показался таким здоровым после того, которым она надышалась в комнате больной Мази.

Услышав шаги жены, Патрис тотчас же проснулся и включил ночник.

— Что? Как Мази? — воскликнул он. — Мази?

— Все хорошо, дорогой. Она задремала, — ответила Элизабет.

Канарейки заволновались в своей клетке, затем, успокоившись, умолкли. Фрикетта открыла глаза, но положив голову на лапы, снова заснула на своей подушечке.

— Уже так поздно — продолжал Патрис. — Ты, наверное, едва держишься на ногах, моя любимая. — Элизабет разделась и прямо-таки рухнула рядом с ним в широкую и теплую постель. Он обнял ее. Она ощутила тепло этого мужского тела. Она чувствовала себя такой усталой, такой разбитой, неспособной к малейшему сопротивлению, к тому же она не в силах была бороться со своими инстинктами.

— Милая моя, дорогая моя, любимая, — повторял Патрис, поглаживая ее по волосам.

Он ласкал ее нежно, не возбуждая. Она взяла его руку и приложила к своей обнаженной груди. Он понял, наклонился над ней и поцеловал в губы. Элизабет стонала, извиваясь в животной страсти. Все ее существо протестовало против смерти. Наконец Патрис снял свою пижаму и накрыл ею лампу у изголовья.

— О! Элизабет, прошло уже столько времени с тех пор, как мы не были вместе! — страстно прошептал он.

ГЛАВА VII

Выходя из аптеки с пакетом лекарств под мышкой, Элизабет увидела небольшое кафе на противоположной стороне улицы. Именно это ей было надо. Она вошла в зал, села за отдельный столик и заказала лимонного соку. Затем вынула из своей сумочки авторучку, блокнот и конверт. С момента, когда она решила написать Кристиану, ей казалось, что текст письма уже сложился в ее голове. Однако, когда она начала писать, то почувствовала нерешительность. Как обратиться к нему: «дорогой мой… милый мой… любовь моя»? Все эти слова, которые она могла бы произнести в минуту страсти, она не осмеливалась перенести на бумагу. Они, будучи такими наивно нежными, так мало подходили для столь опытного мужчины, который прочтет их. За то время, что она не видела его, он вполне мог стать чужим для нее. Вдали от него она хранила в тайниках своей души воспоминания о том страстном наслаждении, которое он доставлял ей, но при этом ей никак не удавалось вызвать в памяти его образ. Может быть, он был всего лишь плодом ее воображения, и поэтому она не могла найти ему места в своей новой жизни? Как же начать? «Мой дорогой Кристиан!»? Пожалуй, это обращение тоже не подходило, но по другим причинам. Наконец она решила написать так: «Кристиан, любовь моя!»

Выпив сок до половины, она принялась за письмо.

«Ты, вероятно, задаешься вопросом, почему я не прихожу к тебе? Мне пришлось срочно покинуть Межев, потому что бабушка моего мужа заболела. Если бы ты только знал, как мне было нелегко уехать так срочно! Я хотела предупредить тебя, но это невозможно было сделать. Даже здесь я была очень занята в первые дня, и мне не удавалось ни одной минуты побыть одной, поэтому у меня не было времени, чтобы написать тебе.

Пойми меня и извини. Я до сих пор в тревоге. Как ужасно жить в доме, над которым нависла угроза смерти! Я все бы отдала за то, чтобы эта старая дама выздоровела. Но, к сожалению, она очень и очень слаба. Особенно трудно бывает по ночам. Я одна. Я думаю о тебе…

По мере того как она писала, Элизабет вдохновлялась все больше и больше.

— …Ты мне так нужен. Ты ведь приедешь в Париж на пасхальные каникулы? А до этого напиши мне до востребования в Сен-Жермен-ан-Лей…

Она перечитала эти несколько строчек и нашла их слишком банальными. Но разве могла она доверить бумаге свои самые сокровенные, самые безумные и жгучие мысли. На расстоянии они были слишком чистыми и выхолощенными. Как можно было еще написать о любви? Она закончила свое послание обычными поцелуями. Гарсон, моющий свою полку, наблюдал за молодой женщиной, занятой письмом. Ему казалось, что она пишет целый роман. Элизабет написала адрес, приклеила марку на конверт и, заплатив за лимонный сок, оставила гарсону хорошие чаевые.

— Почтовый ящик в двух метрах от входа справа, — сказал официант, многозначительно улыбаясь.

Элизабет поблагодарила его и поторопилась выйти. Она сильно прижимала к груди конверт, словно боялась потерять его. Когда она просовывала письмо в щель почтового ящика, ее сердце сильно забилось. Ящик поглотил белый конверт. Теперь ее послание лежало в его черном чреве вместе с другими письмами, брошенными туда чьими-то руками, и заполучить его обратно было уже нельзя.

Когда Элизабет вернулась домой, доктор Бежар уже сидел у изголовья больной. Консультация продлилась на этот раз дольше обычного. Выйдя из комнаты Мази, доктор был настроен не очень оптимистично, несмотря на некоторые улучшения состояния больной: температура немного спала, кашель утихал, дыхание в области воспаления стало мягче. Если в течение следующей недели будет наблюдаться улучшение, то можно с некоторым оптимизмом смотреть в будущее. Но, к сожалению, в ее возрасте возможен сердечный криз. Стало быть, необходимо продолжать вводить вакцину против воспаления легких и кофеин. С самого начала болезни каждый день делать уколы приходила медсестра. Старая, тощая, как палка, и болтливая, мадемуазель Гиз не нравилась Мази. Ее раздражало, что та всегда резко стаскивала с нее одеяло, говоря при этом с солдатским юмором:

— Так! Поищем свободное место, куда я еще не колола!

Шприц воинственно поблескивал в ее руке. Она прищуривала глаз, словно в предвкушении удовольствия. Из уважения к Мази родственники отворачивались в этот момент. Раздавался приглушенный крик больной.

— Ну вот и все! — удовлетворенно говорила мадемуазель Гиз.

Однажды утром после ее ухода старая дама с трудом приподнялась на подушках и сказал загробным голосом:

— Это не женщина, а пикадор.

Члены семьи, собравшиеся вокруг кровати, облегченно рассмеялись: Мази пошутила — значит, она была спасена.

И действительно, на следующий же день состояние ее здоровья улучшилось. Доктор Бежар заявил, что он больше не сомневается в выздоровлении больной, но предупредил, что оно будет долгим и трудным.

В дом вернулась радость. Оставив Патриса и его мать у изголовья больной, Элизабет поехала на машине в город. Там она купила одеколон, эфир, букет роз для Мази и, на всякий случай, заглянула на почту. Шесть человек стояли в очередь у окошка «До востребования»: старый господин и пятеро женщин, из которых самой молодой было на вид не больше двадцати, а самой старшей — лет сорок. На всех была поношенная обувь и бедная одежда, в руках они держали удостоверения личности. На их лицах можно было прочесть смущение, смешанное с некоторым вызовом. Неверные жены, влюбленные девицы, скрывающие что-то от родителей. Элизабет попыталась представить себе их проблемы и удивилась, что находится среди этих людей. Одна женщина отошла от окошка с пустыми руками, другая, схватив три толстых конверта, прислонилась к батарее отопления, чтобы сразу прочесть их. Ее хлопчатобумажные чулки были забрызганы грязью, а из хозяйственной сумки торчал рыбий хвост. Очередь продвигалась. Элизабет незаметно огляделась по сторонам. Она боялась встретить здесь кого-нибудь из знакомых мадам Монастье. Если бы это произошло, она купила бы марок в соседнем окошке. Но кругом были незнакомые ей люди. Наконец подошла ее очередь. Элизабет робко назвала свое имя и протянула водительские права. «Наверняка для меня ничего не будет», — подумала она. Чтобы избежать разочарования, она старалась думать именно так. Служащая почты порылась в ящичке, помеченном буквой «М».

— Для мадам Монастье…

И рука в чернильных пятнах протянула ей бесценный подарок — письмо от Кристиана. Элизабет взяла себя в руки, чтобы скрыть свою радость от почтовой служащей, и заплатила за письмо.

Только на улице она с нетерпением вскрыла конверт. Четыре страницы, исписанные мелким почерком. С первых же строк волнение ее усилилось. Она еще никогда не получала посланий в столь страстных и смелых выражениях. Кристиан писал ей о ее губах, грудях, нежной шелковой коже, о запахе, который она оставила в его постели после любви… Подобное объяснение в любви она не могла продолжать читать на тротуаре: прохожие толкали ее, машины гудели прямо в самые уши. Элизабет села в автомобиль, доехала до леса и остановилась на проселочной дороге. Здесь, в полной тишине она снова стала читать письмо, медленно, не пропуская ни одной строки, ни одного слова, чтобы сильнее проникнуться его очарованием. Все, что Кристиан говорил ей раньше при встречах, не потрясало ее так сильно, как то, что он написал ей. Письменная форма придавала этому мужскому вожделению восхитительную правдоподобность. Элизабет почувствовала себя объектом поклонения. Среди множества эротических метафор она нашла важное для себя сообщение: «Я точно буду в Париже 15 апреля». И в конце: «Я люблю тебя, кладу тебя рядом с собой обнаженную и теплую, целую тебя везде, моя маленькая дикарка».

Она оторвала взгляд от страницы и посмотрела на голые деревья, застывшие на фоне серого неба. Осталось еще полтора месяца. А до этого придется ждать других писем от Кристиана, таких же жгучих, как это. Сможет ли она ответить ему в таких выражениях? Конечно, нет. Но чем сдержаннее она будет в своих письмах, тем больше ему захочется увидеться с ней. Она вспомнила волнующие строки его письма. Слова прочно осели в ее памяти. Когда ей показалось, что она запомнила текст наизусть, Элизабет задумалась над тем, что ей дальше с ним делать. В какой тайник спрятать это столь важное письмо? Самым лучшим было бы сразу же его разорвать. Но ей не хотелось и она положила письмо в потайной карманчик в подкладке своей сумочки.

Медсестра укладывала шприц в стерилизатор, когда Элизабет, сияющая от счастья, с розами в руках вошла в комнату больной.

По мере того как здоровье Мази шло на поправку, характер ее становился все капризнее и капризнее. Ей не нравилась еда, она была недовольна отоплением, ей было то душно, то зябко, она требовала себе дополнительного одеяла, а потом сбрасывала его под предлогом того, что оно давит на ноги. Она просила, чтобы ее невестка почитала ей что-нибудь, а потом внезапно отсылала ее назад, говоря, что устала. Или вдруг принималась ворчать на доктора, считающего, что ее выздоровление будет долгим, а потом с кокетством готовилась к его очередному визиту. Все свое плохое настроение она выливала, в основном, на бедную мадам Монастье. Она жаждала сопротивления, но в ответ получала только улыбки. Все семейство радовалось тому, что она довольно быстро набирала силы. А через некоторое время она потребовала свою самую красивую ночную рубашку, свои серьги и парик. Доктор Бежар разрешил ей вставать, но не покидать пределов комнаты.

Успокоившись, Патрис снова принялся за свою работу. Ведь кроме танца Саломеи ему надо было представить до конца апреля два военных марша для римских легионеров, плач закованных в цепи рабов и три застольные песни, которые должны быть исполнены на большом празднестве,

организованном тетрархом. В доме снова зазвучала фортепианная музыка. Элизабет чувствовала, что ей совершенно нечем заняться в этом доме. Время от времени она писала Кристиану коротенькое письмо и с нетерпением ждала от него ответа. Он писал реже, чем ей хотелось бы, но когда она получала от него ответ, то его тон был таким горячим, что она была полностью вознаграждена за свои ожидания. Он всегда находил такие удивительные слова о ней, о ее красоте, о желании, которое она вызывала в нем даже на расстоянии. Он также описывал во всех подробностях свою жизнь в Межеве: «Вчера я спустился с горы Сен-Жерве… Сегодня проехал по перевалу Вери с двумя товарищами…» Она была с ним. Вдыхала чистый и холодный воздух, видела далеко внизу огоньки небольшого домика. Изгнанница, читающая вести с родины! Сладостное волнение отделяло ее от городского шума. Она даже не могла точно определить, что она любила больше: Кристиана или горы. Но потом вдруг перед ней возникала садовая решетка и ее мечта рассыпалась прахом. Городская грязь приходила на смену горному снегу. Неизменно улыбающийся мужчина встречал свою жену в доме, забитом мебелью, почти всегда покрытой чехлами.

— Тебя долго не было, моя дорогая!

Она целовала его, не испытывая ни малейших угрызений совести: не было ничего общего между женщиной, ходившей на почту за письмом до востребования и той, которая сейчас беспокоилась о здоровье Мази.

— Она чувствует себя хорошо, — сказал Патрис. — Я даже сыграл с ней партию в шашки.

Они дождались окончательного выздоровления Мази и только потом вернулись в свой домик.

ГЛАВА VIII

Явившись с простым дружеским визитом, доктор Бежар мирно болтал с Мази в ее комнате, когда Патрис постучался в дверь и, войдя, сказал сдавленным голосом:

— Доктор! Скорее! Моей жене плохо!..

— Что?! — вскрикнула Мази, поднимаясь с кресла.

— Она сейчас едва не потеряла сознание, — продолжал Патрис. — Я уложил ее в постель. Но она не хотела, чтобы вы знали об этом. Но я очень обеспокоен, доктор! Она такая бледная!

Доктор Бежар поднялся на своих коротких ножках и, выпятив животик, сказал:

— Не стоит так паниковать. Видимо, это не очень серьезно. Сейчас возьму свой чемоданчик и пойду с вами.

Мази хотела последовать за ним, но врач запретил ей это, так как она была еще очень слаба, а в саду после дождя было холодно.

— Во всяком случае, перед уходом я обязательно зайду к вам, чтобы вас успокоить, мадам, — добавил он, направляясь к двери.

— А Луиза ушла на чай к Розенкампфам! — сказала Мази со вздохом, откинувшись к спинке кресла. — Да, она удачно выбрала время для визита! Боже мой! Боже мой! Бедняжка Элизабет! Возвращайтесь побыстрее и скажите мне, что с ней? Патрис вывел доктора из дома.

— Сюда, доктор.

Он быстро зашагал по аллее. Врач что-то бормотал, семеня рядом с ним. Между темными стволами деревьев висел печальный туман.

Элизабет села на край постели и, взглянув в окно, откинулась назад, видя две приближающиеся фигуры. У нее началось головокружение. Она почувствовала тошноту. Все ее тело обмякло и покрылось потом. Дрожь прошла по спине. Она разозлилась на Патриса за то, что он привел этого доктора Бежара. Хотя, может быть, лучше выяснить все поскорее и зря не тревожиться? Вот уже неделю подряд она испытывала эту тошноту и слабость, вызывающе холодный пот на лице. Ее не стало бы так сильно беспокоить это недомогание, если бы другой признак более интимного характера и куда более серьезный не заставил ее насторожиться. Неужели она ошиблась в числах? Она снова стала считать, обманывая себя немного, но так и не пришла к успокоительному решению. Патрис, разумеется, ничего не знал обо всех ее волнениях. Накануне, когда он сказал ей, что она плохо выглядит, Элизабет сослалась на усталость, вызванную бдением у изголовья Мази. Мадам Монастье сказала, что невестка права, так как и она сама, теперь, когда опасность миновала, чувствовала себя ослабленной и нервной.

Мужчины подошли к дому. Неуверенность Элизабет достигла предела. Через несколько минут решится ее жизнь. А ведь на следующей неделе Кристиан обещал приехать в Париж! С глазами, полными слез, она шептала безумную молитву: «Господи Боже, умоляю тебя, сделай так, чтобы это было не это!»

Дверь открылась:

— Ну, — сказал доктор с ободряющей улыбкой. — Вы нас пугаете, мадам! Расскажите-ка мне, что случилось.

В сильном беспокойстве Патрис ходил из угла в угол по кухне, ожидая результата консультации. Вот уже целую четверть часа врач находился в комнате Элизабет. Не было ли это плохим признаком? Стук переставляемого стула, перешептывание, покашливание… и снова тишина. Наконец ручка двери повернулась. Доктор Бежар появился на пороге со значительным выражением на лице:

— У меня для вас хорошая новость, — сказал он. — Ваша жена ждет ребенка.

Оглушенный счастьем, Патрис почувствовал, что у него подгибаются колени.

— Вы уверены, доктор? — пробормотал он.

— Насколько это возможно после первого осмотра, — ответил врач. — Мы сделаем небольшой биологический анализ, чтобы быть более уверенными. Но я считаю, что сомневаться не стоит. Она на втором или третьем месяце. Будьте уверены! У вашей жены отличная конституция. Все будет в порядке.

— О, доктор, но это же просто невероятно! — сказал Патрис, заикаясь.

— То есть, вы хотите сказать, что это вполне естественно! — возразил врач, громко рассмеявшись. — Может быть, у вас есть какие-то сомнения?

— Никаких!

— Женщины, знаете ли, любят делать из всего тайну. Да, — сказал он, спохватившись, — я обещал вашей бабушке зайти к ней на обратном пути. Она станет задавать мне вопросы…

— Ну так скажите ей… Она будет счастлива! Я сейчас и сам к ней пойду. А пока мне надо… Извините меня, доктор!..

Он не знал, как ему закончить фразу и, оставив доктора на кухне, ринулся в комнату. Элизабет причесывалась перед зеркалом.

Полный благоговения, Патрис подошел к ней сзади, взял ее за плечи и осторожно повернул к себе. Она подняла голову. По ее щекам катились слезы. Он подумал, что она плачет от радости, и, прижав к себе, тихо произнес:

— Родная моя! Я просто без ума от счастья! Я даже не могу в это поверить! Спасибо, Элизабет! Спасибо!

Она слабо улыбнулась ему в ответ. Но бледность ее лица была пугающей.

— Приляг, — сказал он. — Этот осмотр, видимо, утомил тебя.

— Нет, — ответила она. — Все хорошо.

— Тебе надо теперь беречь себя. Доктор с уверенностью сказал, что все будет хорошо.

Она села в кресло, а он устроился рядом с ней на стуле, взяв ее за руку, глядя с любовью в глаза.

— Ты не ожидала этого? — спросил он.

— Ожидала.

— Почему же ты мне ничего не сказала?

— Я не была уверена.

— И ты вот так ждала? Ты надеялась? Вот уже несколько недель? Бедняжка! Подумать только, если мы вернемся на два с половиной месяца назад, то наш ребенок будет, как я считаю, уроженцем Межева!

Он засмеялся и стал нежно целовать ее в лоб, щеки. Кожа Элизабет горела. Она едва слышно выдохнула воздух через приоткрытые губы.

— Мази и мама будут довольны! — сказал он.

Она испуганно взглянула на него и прошептала:

— Не говори им пока об этом!

— Почему?

— Не знаю… Я стесняюсь… Доктор, может быть, ошибся. Он сам сказал, что надо сделать еще лабораторный анализ…

— Успокойся, — сказал Патрис. — Если бы у него было хоть малейшее сомнение, он не стал бы предупреждать об этом Мази.

— Он пошел к ней? Сразу же?

— Да.

— Это глупо! — сказала Элизабет, и ее плечи опустились.

— Дорогая! — воскликнул Патрис. — В чем дело? Ты рассердилась?

— Вовсе нет!

— Тебе так же, как и мне, хотелось иметь ребенка, Элизабет?

— Конечно, Патрис!

— Женщина, должно быть испытывает волнующее и странное чувство, узнав о том, что она скоро станет матерью!

— Да.

— Ты только подумай! В тебе зреет новая жизнь. Жизнь, вызванная двумя нашими. Эта невероятное и великолепное явление! Интересно, какое лицо будет у нашего ребенка? Будет ли это мальчик или девочка, я хочу, чтобы ребенок был похож на тебя!

— Почему?

— Потому что ты — самое красивое, самое нежное создание, самое веселое и умное, самое чувствительное существо, которое когда-либо носила земля!.. Потому что ты — моя жена! Потому что я люблю тебя!

В дверь постучали три раза. Элизабет вскочила:

— Кто там?

— Я пойду посмотрю, — сказал Патрис.

Но дверь уже открывалась. На пороге появилась огромная, закутанная в мех фигура, опирающаяся на палку.

— Мази! — воскликнул Патрис. — Доктор запретил тебе выходить!

— Ты прекрасно понимаешь, что я не могла усидеть одна с такой радостью на сердце! — сказала она, медленно двигаясь по комнате.

Как постарела Мази после болезни! Словно в тумане Элизабет увидела склонившееся над ней тяжелое лицо, сплошь покрытое морщинами, с фальшивыми завитками на лбу. Тяжелая рука легла ей на плечо. Элизабет почувствовала прикосновение к виску холодных губ. Мази глубоко вздохнула и сказала дрожащим голосом:

— Да благословит и да защитит вас Господь, дитя мое! Теперь я буду ухаживать за вами.

ГЛАВА IX

— Тебе не стоило бы пить кофе, дорогая, — сказал Патрис.

— Почему? — спросила Элизабет и залпом допила чашку.

В салоне наступило неодобрительное молчание всей семьи, которая, как всегда, собралась после обеда. Мази и мадам Монастье обменялись огорченными взглядами, восседая в креслах эпохи Людовика XV.

— Какая неосторожность, дитя мое! — сказала Мази. — Вы же хорошо знаете, что в вашем положении возбуждающие напитки вредны.

— Этот кофе некрепкий, — сказала Элизабет.

— Это правда, — согласилась мадам Монастье. — Должна вам сказать, что он немного отдает цикорием. Евлалия, вероятно, подогрела нам вчерашний. И все же, согласитесь, вам надо бы отказаться от него. Когда я ждала Патриса, то врач — вы помните, мама, этого милого доктора Годфруа? — так вот, этот врач рекомендовал мне питательную и простую пищу, но запрещал специи, вино, крепкие напитки, кофе… Он говорил, что не следует утомлять себя, ни в коем случае не волноваться и советовал хотя бы немного поспать после каждого приема пищи. Вы очень мало отдыхаете, Элизабет.

— Я отдохну, если почувствую, что устала. Сейчас я очень хорошо чувствую себя. Вот уже четыре дня, как я не испытываю больше неприятных ощущений.

— Они могут повториться, дорогая, — сказал Патрис. — Позволь мне поехать с тобой в Париж.

— Нет-нет, — ответила Элизабет. — Глория пригласила меня к себе на чай, где будут ее сестра и подружки. Паскаля не будет дома. У нас собирается чисто женское общество. Что ты будешь делать там с нами?

— Это верно, — поддержала Элизабет мадам Монастье. — Единственный мужчина всегда некстати в женской компании, собравшейся выпить чаю.

— Хорошо, хорошо! Я не настаиваю! — сказал Патрис.

Поколебавшись с минуту, он добавил с наигранной небрежностью:

— Ты скажешь Глории, что ждешь ребенка?

— Конечно нет, — возразила Элизабет. — Еще слишком рано! И потом… я стесняюсь.

Мази, которая мелкими глотками пила вербену, поставила чашку на круглый столик и проворчала:

— Я понимаю, что вы не торопитесь рассказать вашим друзьям об этом счастливом событии, но со своей матерью вы не должны поступать так же. Несправедливо, что все мы здесь испытываем чувство радости, в то время как ваши родители ничего еще об этом не знают! Я уверена, что, узнав эту новость, они не поедут в Шапель-о-Буа, как они намеривались, а приедут в Париж, чтобы провести межсезонье вместе со своей дочерью.

Элизабет побледнела и тихо сказала:

— Да, конечно.

— Я буду рада встретиться с ними при таких благоприятных обстоятельствах, — сказала Мази.

Она оглядела Элизабет с головы до ног влюбленными глазами. С тех пор как доктор Бежар сказал, что она беременна, Элизабет стала идолом для всех членов семьи. Ее лелеяли, исполняли малейшие желания, терпеливо и даже с благодарностью выносили ее настроение.

— Надо будет также предупредить Дени и Клементину, — сказал Патрис.

Ему не терпелось довести до сведения всего мира о своем счастье.

— Да-да! Я съезжу к ним на днях, — подхватила Элизабет.

Она, сама того не желая, излишне пылко произнесла эти слова. Но никого это и не удивило. Теперь она была не такой, как все остальные женщины. Ее будущее материнство предоставляло ей все права.

— Ну что ж, пора ехать, — твердо сказала она.

— Уже?! — воскликнул Патрис. — Но сейчас только половина третьего!

Элизабет пожала плечами:

— Мне надо переодеться. Ведь Глория просила приехать пораньше. Потом, не могу же я ехать на большой скорости!

— Отлично, дитя мое! — сказала Мази. — Но только, Бога ради, будьте осторожны! Между нами говоря, я даже удивлена, что доктор Бежар позволяет вам водить машину в вашем состоянии.

— Ах, эта современная медицина! — сказала со вздохом мадам Монастье. — А по-моему, делай, что тебе нравится, и все будет хорошо!

Элизабет поцеловала свекровь, Мази и направилась к двери.

— Только оденьтесь потеплее! — крикнула ей вслед мадам Монастье. — А ты, Патрис, будь с женой построже! Я уверена, что она наденет свои туфли на тонкой подошве. Если у нее озябнут ноги, то будет поздно сожалеть об этом после ее возвращения!

Патрис присутствовал при том, как Элизабет переодевалась перед зеркалом. Фрикетта радостно крутилась вокруг своей хозяйки в надежде на то, что та возьмет ее с собой.

— Нет, — твердо сказала ей Элизабет. — Только не сегодня!

— Тебе очень идет беременность, — сказал Патрис. — Ты никогда не была такой красивой!

— Ты находишь?

Она неестественно рассмеялась и подставила ему щеку для поцелуя.

— До вечера, дорогой!

— Когда ты намереваешься вернуться?

— Думаю, к половине восьмого. А ты будешь работать?

— Да! Этот военный марш мне никак не удается. Это потому, что у меня не бойцовский характер.

Он проводил ее до гаража, открыл ворота сада и вышел на тротуар, чтобы понаблюдать за отъездом жены, такой маленькой за рулем такой громоздкой машины. Элизабет помахала ему рукой в окно и нажала на акселератор. В зеркале заднего вида она видела фигуру мужа, которая становилась все меньше и меньше, а потом и вовсе скрылась из виду. Но только выехав на центральную дорогу, она с облегчением почувствовала себя в одиночестве.

Кристиан приехал в Париж накануне. Он написал ей об этом в письме, и она сразу же позвонила ему с почты. Они договорились о встрече сегодня во второй половине дня. Он остановился в квартире своего друга, который привез его на машине из Межева и этим же вечером улетел в Лондон. Устраиваться таким образом было в духе этого человека. Во всех обстоятельствах он находил кого-нибудь, кто помогал ему в затруднительном положении. Неужели в нем было столько очарования, что никто не мог отказать ему в услуге? Ей хотелось верить в это всей душой, чтобы извинить свою слабость к нему. Она могла рискнуть чем угодно ради удовольствия увидеться с ним. Предлог чаепития в кругу подруг послужил именно этому. Патрис не будет проверять… Впрочем, даже мысль о том, что он может позвонить Глории, уже не пугала Элизабет. Она перестала быть осторожной. Наоборот, теперь ей был необходим шок, взрыв, объяснение, которые освободили бы ее от необходимости лгать и двойственного положения. Ее свекровь, Мази и Патрис были слишком добры к ней и потому доверчивы. Но они утомляли ее своим вниманием. Они обожали ее за ту надежду, которую она им дала, не догадываясь о той лжи, которая с каждым часом созревала в ее чреве. Ребенок был от Кристиана, и она была уверена в этом! Физические ощущения, даты — все совпало! Она прибавила скорость, обогнала грузовик и была вынуждена резко затормозить, чтобы не столкнуться с «ситроеном», ехавшим в противоположную сторону. Мимо проносились деревья, холмы, поля, деревенские и городские дома… Нет, она не станет обманывать Патриса до конца. Она никогда не сможет увидеть его склонившимся с любовью над ребенком, который ему не принадлежит, над ребенком другого мужчины… Она порвет с ним и построит свою жизнь с Кристианом. Возможно, он сожалел о том, что не женился на ней, когда будучи совсем еще юной она так наивно предложила ему это. Для них обоих настало теперь время исправить эту ошибку. Они были созданы друг для друга. «Мы с тобой одной породы, Элизабет!»

Дорожный указатель говорил о приближении Нантера. Она сбавила скорость и встала в ряд медленно едущих автомашин. Серые дома, люди на тротуарах, перекрестки, улицы…

При выезде из города машины увеличивали скорость. Элизабет обогнала несколько громыхающих

грузовиков и пристроилась за большим «бьюиком». «Патрис! Он ни о чем не подозревает. Когда он узнает… — «Бьюик» затормозил на перекрестке. Его занесло, но водитель справился с управлением, и «бьюик» скрылся из виду. — Мне так хотелось бы сделать его счастливым! А Мази? Она такая старая и больная! Может быть, это убьет ее. А мама, папа? Они никогда этого не поймут. Они будут стыдиться меня. Не захотят больше видеть!» Она задохнулась от жалости ко всем этим людям, которых любила и которых предала. Особенно она переживала о матери. Амелия! Она была такой благоразумной, такой бескомпромиссной! Как же далеко находится Сен-Жермен от Межева! В тот самый момент, когда Элизабет больше всего будет нуждаться в защите и поддержке, она не сможет рассчитывать ни на кого. Грядущее одиночество испугало ее. И тогда она решительно и гневно сказала себе: «Нет, я не одна. У меня есть Кристиан!» Именно в него она вкладывала всю свою надежду. Приборная доска, скользкая ненадежная дорога. А где-то там ее ждал *он.* «Я люблю его! Я люблю его! Он все уладит! Он спасет меня!» Еще несколько километров. Голубой туман над крышами, блестящими от влаги. Автомобильные пробки на дорогах, поворот на площади Согласия, мост Нейи, ворота Майо, ведущие в загрязненный Луна-парк.

Кристиан поселился на проспекте генерала Балфурье. Элизабет остановилась, чтобы спросить у полицейского, как ей доехать до места. Тот не спеша вытащил справочник из своего кармана и стал его внимательно перелистывать. Сколько времени пропадало даром! Элизабет устала от напряжения, в желудке было пусто, губы горели.

— Вам надо ехать направо, вдоль леса, по бульвару Ланнов, Бульвару Сюше и въехать со стороны Отейя…

Она последовала его совету и, дважды ошибившись улицей, поставила машину перед современным пятиэтажным зданием, построенным в форме подковы, окруженным газоном. «Наконец-то!». «На третьем, направо, — сказал ей Кристиан. — Позвони три раза, и я буду знать, что это ты». Элизабет быстро проскользнула мимо стойки консьержки и вошла в лифт. «Как сообщить ему об этом?» Стеклянная кабина поползла вверх. Перед глазами проплывали лестничные марши. Сердце Элизабет тревожно сжалось. Поднявшись до лестничной площадки третьего этажа, она почувствовала такую слабость, что испугалась: не начнутся ли у нее опять тошнота и головокружение. Но нет: она уже снова нормально дышала и была в полном сознании. Элизабет подошла к двери и позвонила: раз, два… За дверью раздались быстрые шаги, затем звук отпираемого замка. Луч света, падавший из прихожей, становился все шире и шире.

— Кристиан!

Она бросилась к нему в объятия, словно ища защиты от неведомого преследователя. Уткнувшись лицом в его плечо, вдыхая его запах, она вновь обрела его. Она больше не боялась никого!

Он приподнял пальцем ее подбородок и, не переставая смотреть ей в глаза, медленно склонился над ней. Она вся задрожала, ожидая его поцелуя. Казалось, он никогда не приблизит свое лицо. Когда их губы слились, Элизабет опустила глаза, отдавшись ощущению счастья, волной растекавшемуся по всему ее телу. Потом он отпрянул, чтобы лучше разглядеть ее.

— Элизабет в туфлях на высоком каблуке, в шелковых чулках, в парижской шляпке. Как это мило! — воскликнул он.

— Да, я наверное, выгляжу смешно, — ответила она, поднося руку к шляпке, чтобы снять ее.

— Нет-нет! Будь такой, какая ты есть. Ты восхитительна!

Она опустила руку.

— Восхитительная и неожиданная, — продолжил он. — Когда ты вошла, то у меня создалось такое впечатление, что у меня сегодня званый ужин. Ты пришла первой. Входите же, мой друг…

Нежная ирония читалась в его глазах, в изгибе губ, в крыльях носа, в его ямочке на подбородке. На нем был костюм из легкой фланели и темно-серый галстук. На белых манжетах сорочки блестели золотые запонки. Элизабет всегда видела его в лыжном костюме, и поэтому его городской вид удивил ее своей элегантностью. Хотелось сказать ему, что она находит его очень красивым, но Элизабет спохватилась и лишь произнесла:

— Как ты загорел!

Он засмеялся и увлек ее в небольшой кабинет, вдоль стен которого стояли книги в дорогих переплетах. Букет красных роз красовался в вазе на полированном столике из черного дерева. Все кресла были обтянуты кожей светло-коричневого цвета. К мольберту прислонился портрет бледной женщины с длинными руками, у которой не было ни носа, ни рта. На полу — коричневый палас. На широком окне — белая занавеска из легкого тюля.

— Здесь очень мило, — сказала Элизабет.

Ее голос прозвучал неестественно. В этом незнакомом ей интерьере она почувствовала некоторую скованность. Она была не у Кристиана, а у какого-то другого человека, среди чужих, бездушных вещей. Чувствуя себя неуютно, она с недоверием понюхала букет роз, запах которых смешивался с запахом табака, нагнула голову и снова тихо повторила:

— Очень мило!

— Да, — сказал Кристиан. — У моего друга Бернара Шавеза отличный вкус.

— Он женат?

— Нет.

— Он живет один в такой шикарной квартире?

— А почему бы и нет?

— И он позволил тебе остановиться у него?

— Конечно! Мой друг уехал на месяц. Но это еще не все! Он оставил мне свою машину! Я смогу заезжать к тебе в Сен-Жермен…

Взволнованная подобным предложением, Элизабет не нашлась, что ответить, и резким движением сияла шляпу. Кристиан обнял ее и взъерошил ее волосы, лаская их и нашептывая:

— О Боже! Неужели вновь обретаю тебя?! Ты знаешь Элизабет, что ты такое маленькое необычное животное? Я со страстью думаю о тебе, когда ты далеко, но когда я вижу тебя, ты становишься для меня в тысячу раз желаннее, чем в моих грезах!

Он усадил ее в кресло, а сам встал перед ней на колени.

Она смотрела сверху вниз на загорелое лицо с глазами цвета морской волны. Его кадык резко выделялся над неестественно белым воротничком.

«Мне хочется, чтобы у нас был мальчик…» — подумала она вдруг.

— О чем ты думаешь, Элизабет?

— Смотрю на тебя.

— И что же дальше?

— Ты тоже, Кристиан, необычное животное!

Он повернул ее руку и поцеловал ладонь, нежную кожу запястья… Элизабет почувствовала, как спадает ее напряжение.

«Сказать ему сейчас? — подумала она. — Нет. Мне так хорошо!.. Я хочу быть счастливой!.. Ей казалось, что она произнесла эти слова про себя, но вдруг услышала собственный голос:

— Я хочу быть счастливой, Кристиан!.. После того как мы расстались, я жила лишь тобой! Дни тянулись так медленно… Я больше не могла ждать!

— Дорогая моя! — сказал он. — Я тоже словно сошел с ума от нетерпения. А теперь это кончилось. Надеюсь, ты устроишь так, чтобы мы могли видеться часто? Хорошо бы каждый день!

— Не знаю, — ответила она неуверенно, отвернув лицо.

Она опять входила в болото.

— Как это ты не знаешь? — спросил он. — Ты ничего не предусмотрела, ничего не придумала?

— Нет еще.

— Ну хотя бы завтра ты свободна?

— Да… может быть…

— В Париже ты кажешься какой-то таинственной, — тихо сказал он.

— Ты ошибаешься…

Ей хотелось закричать. Но на нее строго смотрел женский портрет без рта и без носа. Элизабет

вздохнула:

— О, Кристиан! Мне так много надо тебе сказать!

— Да, девочка моя, — сказал он тихо, встав. — Ты должна мне все рассказать. Я люблю, когда ты мне все рассказываешь о себе!

Он потянул ее за руки. Она встала так медленно, словно в нее вселилось что-то тяжелое. А потом были губы Кристиана. Он долго и сладострастно целовал ее и, наконец, повел в спальню. Элизабет вошла в комнату фисташкового цвета, с задернутыми шторами. На низком широком диване, конечно же, не было покрывала из шкурок сурка, а лежал чехол из блестящего красновато-коричневого сатина.

Она ему еще ничего не сказала. Он отдыхал, лежа рядом с ней, удовлетворенный, держа в пальцах наполовину выкуренную сигарету. Она же по-прежнему ощущала в себе струящийся огонь, обжигающий, легкий и нежный. Сладостные ритмы еще продолжали отзываться в ее сознании. Ей не удавалось вырваться из этих чар. «Я полна им. Он думает, что отдалился от меня, но я его удержала. Он живет теперь во мне». Эта мысль восхитила ее. Элизабет склонилась над Кристианом и поцеловала его в висок, там, где начиналась граница волос. Губами она ощутила, как кровь пульсирует в его жилах. Ей казалось, что она пила из теплого источника.

— Ты счастлив?

— Думаю, что ты не сомневаешься в этом, моя глупышка! Наша встреча — единственная в своем роде, она — само совершенство!

Он повернулся и прижал ее обнаженное тело к своей груди так нежно, что Элизабет отбросила все сомнения:

— Кристиан!

— Да?

Солнечный луч, пробившийся в щель между шторами, осветил профиль его лица, шею, мускулистую волосатую грудь. Прижавшись к плечу этой античной статуи, Элизабет продолжила тихим голосом:

— Кристиан, любовь моя…

— Что?

— Я жду ребенка…

Слова прозвучали странно в этой никому из них не принадлежащей комнате. Устремив взгляд на Кристиана, она ждала его реакции с огромной надеждой. Но он лежал неподвижно, молчал, как бы мечтая о чем-то, даже не нахмурив лба. Сигарета продолжала дымиться в его пальцах. Он медленно поднес ее к губам.

— Ты не слышал? — прошептала она.

— Слышал, Элизабет, — ответил он.

— Ну и?.. Ответь мне. Ты доволен?

Кристиан посмотрел на нее спокойным взглядом.

— У меня нет никаких причин быть довольным, — вздохнул он. — То, о чем ты мне сказала — удручающе для нас обоих, в особенности для тебя!

— Но почему? — спросила она в полной растерянности. — Почему, Кристиан?

— Потому что, я полагаю, что будучи замужем, ты не можешь точно знать от кого этот ребенок, от меня или от твоего собственного мужа.

Он словно вылил на нее ушат грязной воды. Чуть не задохнувшись, Элизабет пробормотала:

— Но я это знаю, Кристиан! Я даже в этом абсолютно уверена! Этот ребенок от тебя!

Он затянулся сигаретой и, выпустив дым через нос, сказал:

— О Боже! Не будешь же ты уверять меня, что после того, как мы виделись с тобой в Межеве, между тобой и твоим мужем ничего не было, что он живет с тобой, как маленькое облачко?

Нервным движением Элизабет натянула простыню по самую шею. Услышанные ею слова оскорбили ее до глубины души. Да, она перешла от одной любви к другой, из одной постели в другую. Но если про себя она и могла согласиться, что подозрения Кристиана в чем-то оправданы, то никак не могла согласиться с тем, что нужно было так холодно выражать их. Аргументы, которые он привел, были слишком мерзкими, чтобы она могла признать их неоспоримыми. Против мужской правды, простой и резкой, стояла другая правда, которую Кристиан не мог понять, — женская правда, сложная, полная тайн и оправданий.

— Да ну же! — сказал он. — Будь со мной откровенной: я не ревнив. Для меня абсолютно естественно, что ты и твой муж…

Она сухо прервала его:

— Нет!

Эта ложь слетела с ее губ так естественно, что теперь она испытывала одновременно облегчение и стыд. Кристиан поднял брови, и на его лице появилась дьявольская улыбка, исказившая его:

— Вот это да!

Они помолчали.

— Значит, ты вышла замуж за импотента? — продолжал он.

Элизабет вздрогнула, ее охватил гнев, она хотела выразить ему свой протест, но вместо этого тихо сказала:

— Оставь моего мужа в покое, Кристиан, и не говори о нем.

— Однако о нем все же надо поговорить, — возразил он. — Если он импонент, как он отреагирует на твою новость?

— Я не сообщу ему этой новости, — ответила Элизабет, погрузив свой взгляд в глаза Кристиана. — Я уйду от него.

— Да, это решение вполне серьезное! Уйти от него. Это очень красиво! И что же ты будешь делать дальше?

— Вот я и пришла спросить тебя об этом, Кристиан.

Он встал, надел халат и сел на край дивана с задумчивым лицом, нахмурив брови.

— Дорогая моя, — сказал он наконец, — ты собираешься сделать огромную глупость. Раз ты спрашиваешь моего совета, то я отвечу тебе, что никогда не надо драматизировать подобные ситуации. Подумай только: из-за небольшой неприятности — поверь мне, это всего лишь неприятность! — ты собираешься испортить себе жизнь!

— Я испортила себе жизнь, выйдя замуж за Патриса! — воскликнула Элизабет. — Вернувшись к тебе, я восстановлю ее в полной гармонии и буду по-настоящему счастлива!

— Ты хочешь вернуться ко мне? Но каким образом?

— Я разведусь! Мы поженимся! И у нас будет ребенок…

Произнеся эти слова, она вдруг почувствовала, что этот план был трагически невозможным, как и возвращение к Патрису. Но вопреки голосу разума, ей хотелось ухватиться за это свое предположение, являющееся для нее последним шансом к спасению. Глаза Кристиана недобро сверкнули:

— Право, ты хочешь все усложнить, все разрушить вокруг себя. У тебя нет состояния и у меня тоже: как я могу жениться на тебе с теми грошами, которые я зарабатываю? А к тому же надо будет воспитывать ребенка!

— Вначале нам будут помогать мои родители, — неуверенно сказала Элизабет.

— И ты думаешь, что я удовлетворюсь этим, Элизабет? Все что угодно, но только не жалкое существование, ограничение себя во всем, лишь бы только не разрушение бедной семьи, которое легко предвидеть в такой ситуации. Я слишком люблю тебя, чтобы согласиться на то будущее, которое ты нам предлагаешь. Решение проблемы состоит совсем не в этом.

— Другого нет, Кристиан!

— К счастью, есть! Ты на каком месяце беременности?

Она покраснела, пораженная грубой прямотой этого вопроса, и прошептала:

— На третьем.

— Отлично. Тебе надо найти какой-нибудь предлог, чтобы уехать от мужа дней на десять. Ты можешь договориться с какой-нибудь подругой? Она пригласит тебя, скажем, в деревню, где нет телефона.

— Может быть, — ответила Элизабет. — Но к чему ты клонишь?

— Ты поедешь не к этой подружке, а в Женеву.

— В Женеву? — переспросила она. — Что за странная мысль! Что мне там делать?

— То, что запрещено французским законом, швейцарский закон терпит при некоторых условиях, — сказал Кристиан. — В Женеве я знаю отличную клинику. Один из моих друзей, парижский врач, даст тебе рекомендательное письмо к своему швейцарскому коллеге. За тобой будут ухаживать как за королевой. Придется немного потерпеть, зато потом никаких забот.

— Я не понимаю тебя, Кристиан, — сказала Элизабет сдавленным голосом.

Она всем сердцем почувствовала что-то страшное и боялась услышать продолжение. Кристиан взял ее за руку и сказал нежным убедительным голосом:

— Этот ребенок будет мешать нашей любви, Элизабет. Ты не имеешь права родить его!

Из всех ударов, которых она опасалась больше всего, этот был самым жестоким и незаслуженным. Она встретила его, не изменившись в лице. Чрезвычайная жестокость, невероятная простота этого предложения разоружали ее разум, который вначале готов был возмутиться. Втянутая в кошмар, она должна была принять его неизбежное развитие. У нее даже больше не было сил презирать Кристиана. Теперь она видела его таким, каким он был — способным околдовывать и развращать! Ничто не могло удержать его от стремления получать удовольствия. Там, где проходил этот человек, горела земля, растлевались души, со смехом растаптывались самые чистые помыслы. И она ждала от него ребенка! Элизабет с отвращением подумала, что в ее чреве росло маленькое чудовище, которое питалось ее кровью и было ее плотью. Второй Кристиан! За неплотно закрытыми шторами угасал день. Огонь зажигалки вспыхнул и погас. Кристиан зажег сигарету.

— Ну так ты поняла? — продолжал он.

— Да, — ответила она.

— Ты сможешь совершить эту поездку?

— Я попробую все устроить.

— Мы поедем вместе на машине Бернара.

— Я предпочла бы поехать одна.

— Нет, Элизабет! Я поеду с тобой.

— Зачем?

— Так будет вернее… — он закашлялся. — Ты будешь чувствовать там себя одиноко. Доверься мне!

Может быть, он боялся, что в последнюю минуту она переменит решение?

— Как хочешь, — сказала она, пожав плечами.

— Когда мы прибудем на место, я оставлю тебя. Ты будешь ждать меня в клинике. А затем я приеду за тобой и довезу до Парижа.

— Да, Кристиан.

С губы Элизабет слетали слова, но она не чувствовала их движения. Ее голова была как в тумане, тело ничего не ощущало.

— Относительно денег не беспокойся, — сказал Кристиан. — Я их где-нибудь раздобуду.

— Да.

— Ты позвонишь мне, как будешь готова?

— Да.

— Но, конечно, мы еще увидимся. Нам не надо так спешить! Я хотел бы побыть в Париже еще с неделю. Хочешь пить?

Она подумала: «Мне, наверное, следовало бы сохранить ребенка. Воспитать его самой». И тут же в голове возникла картина: расставшись с мужем, отвергнутая родителями, она живет в мансарде чужого дома — люлька рядом с кроватью, спиртовая горелка на туалетном столике, — просыпаясь с рассветом, оставляя ребенка на соседку, она бежит на работу, работает до изнеможения, обслуживая клиентов в большом магазине, экономит деньги на ползунки, пинетки, соски, стареет в одиночестве и лишениях, она видела, наконец, своего сына, ставшего уже взрослым: у него зеленые глаза, очень белые зубы и резкий нахальный смех. Все ее существо напряглось, говоря ей о том, что она заблуждалась. Эта жизнь была не для нее. «Ты не имеешь права родить его…» И опять Кристиан был прав. Значит, надо было соглашаться с чудовищным предложением, которое он сделал ей.

— Я спросил тебя, хочешь ли ты пить! — повторил Кристиан, протягивая ей стакан мутной жидкости, в которой плавали льдинки.

— Что это?

— Джин-фиц.

Пока она с жадностью пила, он снисходительно смотрел на нее:

— Любовь моя! Моя растерявшаяся девочка! На этом свете нет ничего страшнее болезней и смерти!

— Но ты ведь убиваешь! — с болью воскликнула она.

— Кого-то, кто еще не родился, — ответил он. — Это меняет постановку вопроса. Сколько женщин попадают в подобное положение! Представь себе, что если бы они рожали всех детей, которых зачали, на земле не хватило бы места для всего этого огромного потомства. Ну же… не думай больше об этом!

Он взял стакан из ее рук.

— Не думай больше об этом, — повторил он. — И улыбнись мне!

Кристиан сел рядом с Элизабет и обнял ее за плечи своей сильной рукой. Ей хотелось его оттолкнуть, но его тепло притягивало ее. В той степени отчаяния, в котором она сейчас находилась, все было лучше, чем одиночество.

Осмелится ли он поцеловать ее? Она испугалась этой мысли, но потом сама стала страстно желать этого. И чем больше она презирала себя за желание, которое он вызывал в ней, тем меньше было у нее сил сопротивляться ему. С какой-то бешеной страстью она погружалась в желание и стыд. Да, они — два животных, которые ищут друг друга и находят. Одной рукой он обнажил ее грудь, и ласка доставила ей неизъяснимое удовольствие. Она уже была готова отдаться. Ее ноги шевелились под простыней.

— Дорогая, — прошептал он, — как я люблю тебя!

— Замолчи! — приказала она ему гневным голосом.

Элизабет обняла его обеими руками за шею и с силой притянула к себе, чтобы не видеть его, чтобы забыть обо всем.

Было без четверти девять, когда Элизабет вернулась в Сен-Жермен. Машину слегка тряхнуло, когда она переезжала бордюр, отделяющий тротуар от центральной аллеи сада. Когда спет фар осветил фасад большого дома, на его пороге появился Патрис. Мази и мадам Монастье вышли следом за ним с белыми лицами, освещенными светом фар. Элизабет выключила двигатель, вышла из машины и быстрым шагом направилась к крыльцу.

— Боже мой! Элизабет, что с вами случилось? — воскликнула Мази. — Мы просто умирали от беспокойства!

— Прошу извинить меня, — тихо ответила Элизабет. — Я слишком задержалась.

— У вас, вероятно, сломалась машина? — спросила мадам Монастье, увлекая ее в гостиную.

Элизабет взглянула на Патриса. Тот стоял молча, держа руки в карманах и опустив голову.

— Да, — ответила Элизабет. — Была поломка… Глупая, конечно, поломка.

— Что-нибудь случилось с мотором? — предположила Мази.

Элизабет не приготовила ни предлога, ни оправдания. Она вернулась домой как лунатик, увлекаемая событиями, ход которых она не могла контролировать.

— Да там стартер… стартер заклинило, — сказал она на всякий случай.

— Вы отремонтировали его у механика? — спросила Мази.

— Да.

— В Париже?

— В Париже.

— Ну слава Богу! — вздохнула мадам Монастье. — Вот видишь, Патрис, ты был прав.

— Конечно, — буркнул он.

— Когда Глория сказала Патрису, что вы выехали более часа тому назад, он сразу же подумал, что у вас произошла какая-то поломка, — заявила Мази, взяв за руку внука.

— Да, — сказал Патрис. — В девятом часу все начали волноваться, и я позвонил Глории. Она нас немного успокоила…

Глаза на его совершенно спокойном лице явно что-то скрывали. Конечно, Глория ответила ему, что не видела Элизабет во второй половине дня. Но он никому не сказал об этом, оставив мать и бабушку в беспокойстве о молодой беременной женщине, затерявшейся ночью на дороге. Теперь Элизабет придется изображать невинность перед Мази и мадам Монастье. Лгать и лгать, лгать из вежливости, жалости, любви.

— Я просто как выжатый лимон! — сказала Элизабет.

— Ах! — воскликнула мадам Монастье. — Какая неосторожность отправиться в столь дальний путь в вашем состоянии. Во всяком случае, это так утомительно ездить в Париж на чай! Кругом много народу!

— О, очень много! — сказал Элизабет, и кровь прилила к ее щекам.

Патрис наблюдал за ней критическим взглядом, как бы желая оценить ее актерские способности.

— Наверное, одна молодежь?

— Да.

— Вы расскажите нам…

— Конечно, мама, — сказала Элизабет. — Но сначала я хочу переодеться и причесаться.

— Не спешите, дитя мое, — сказала Мази. — Мы подождем вас, а потом сядем за стол.

Патрис пошел с женой в маленький домик и проследовал за ней в ее комнату. Элизабет сняла шляпку, села на стул и подняла голову. Она была готова к любым оскорблениям.

— Где ты была? — спросил Патрис, закрыв за собой дверь.

— Я не знаю. Я ничего не могу тебе сказать, — прошептала она усталым голосом.

Он вздрогнул, и глаза его засверкали:

— Это было бы слишком легко, Элизабет! Я звонил Глории! Она не видела тебя. Она даже никого не приглашала на чай. Она собиралась пригласить гостей только на следующий понедельник.

— Это правда, Патрис.

— Значит, ты солгала мне?

— Да, Патрис, — тихо ответила она.

— Зачем?

— Я потом тебе объясню.

— Нет. Ты должна все рассказать сейчас! Ответь мне, Элизабет, что произошло? Чем ты занималась весь вечер?

Элизабет посмотрела на мужа умоляющими глазами:

— Оставь меня. У меня нет сил. Ты же видишь!

— Ну расскажи хотя бы в двух словах.

Она покачала головой.

— Завтра, завтра, Патрис.

— Ты беспокоишь меня, Элизабет. Видимо, тебе действительно есть за что упрекать себя, если ты не можешь признаться мне в этом прямо.

— Ничего серьезного. Все очень хорошо.

— Ты не больна?

— Нет.

— Может быть, ты несчастна? Посмотри на меня.

Элизабет посмотрела ему в глаза, в которых было столько смиренной мольбы. Она страдала из-за него, так же как и из-за себя. Ей хотелось высказать ему всю правду, немедленно, прямо здесь, в этой комнате, чтобы как можно быстрее покончить со всем этим страданием. Прорвать нарыв! После этого она бы успокоилась.

Патрис по-прежнему ждал ответа на свой вопрос. У него было такое нежное лицо! Лицо жертвы. Она не могла нанести ему последний удар. Он повторил:

— Ты несчастна?

— Нет, Патрис, — ответила она уставшим голосом.

— Ты любишь меня?

— Да… Но только оставь меня… Пойди к Мази и к маме и скажи им, что я так устала, что легла в постель, отказавшись от ужина.

— Тогда я остаюсь с тобой.

— Нет, мне нужно побыть одной.

— Не слишком ли долго ты была одна сегодня вечером?

— О, Патрис! Избавь меня от упреков! Уходи, пожалуйста! Завтра мы поговорим об этом.

— Тогда поцелуй меня…

Он наклонился, чтобы поцеловать ее в губы, но она уклонилась, и он наткнулся на ее щеку. Удивленный, он медленно выпрямился, молча, с упреком взглянул на жену и вышел из комнаты, хлопнув дверью.

Элизабет рухнула поперек кровати. Слезы душили ее. Ей хотелось позвать кого-нибудь на помощь.

— Патрис! Патрис!

Она услышала лай Фрикетты, кружившей вокруг дома. Но у нее не хватило сил встать, чтобы открыть дверь собачке.

«Это письмо причинит тебе сильную боль, Патрис. Ты чудесный человек и мне хотелось бы прожить с тобой всю жизнь. Но я поняла, что не имею на это права. Я слишком уважаю тебя, чтобы продолжать обманывать и впредь. Да, Патрис, я была неверна тебе. Я солгала тебе, твоей матери, Мази, в надежде, что однажды смогу порвать с человеком, который оторвал меня от тебя, и снова стать такой, какой я была в начале нашего брака. Но я больше не в силах продолжать эту игру. Я

уезжаю. Я уезжаю совершенно несчастной и в полном отчаянии. Я оставляю всех тех, кого я так нежно люблю, чтобы последовать за ничтожным ужасным человеком, от которого я жду ребенка. О, Патрис, если бы ты знал, как я поверила в нашу любовь, если бы ты знал, как я страдаю из-за того, что погубила ее! Может быть, это наказание Господне? Мне страшно. Надо покончить с этим. Поцелуй маму и Мази. Какое воспоминание останется у них обо мне? Позаботься о Фрикетте. Я не могу взять ее с собой. Прощай, Патрис!

Элизабет».

Она перечитала письмо, вложила его в конверт, надписав «Патрису». Квадрат белой бумаги четко вырисовывался на коричневом дереве стола. Было десять часов утра. В маленьком домике было чисто, тихо и солнечно. Ветка плюща свисала перед окном. Канарейки прыгали и чирикали в своей клетке. Несмотря на мольбу мужа, она еще не рассказала ему, где провела вечер накануне. Разгневанный, он покинул ее после завтрака и сел за работу в гостиной. Мази и мадам Монастье, наверное, вязали в библиотеке. Одна — пинетки, другая — детскую распашонку голубого цвета. Сейчас был подходящий момент для отъезда. Смена белья и несколько предметов туалета были уложены в небольшой чемодан из рыжей кожи. Элизабет не хотела брать с собой ничего другого. Брошка Мази и кольцо, подаренные ей при помолвке, останутся лежать в шкатулке. Она медленно огляделась в этой комнате, которую она обустроила для счастливой жизни и которая скоро, без сомнения, придет в запустение. Каждая вещь стояла на своем месте. Элизабет оставляла все в полном порядке. Этот солнечный луч на натертом до блеска паркете… У нее защемило сердце. Переступив порог, она поставила свой чемоданчик перед дверью и направилась к большому дому. Фрикетта, гулявшая в саду, бегом пересекла площадку и бросилась в ноги своей хозяйки.

— Ну-ну! — тихо успокаивала ее Элизабет.

Собака, вероятно, копала норку в саду, потому что ее нос был весь в земле. Она радовалась, глаза ее блестели, грязный язычок свисал из пасти.

— Сиди здесь! Ты слишком грязная и тебя нельзя пускать в дом, — сказала Элизабет, шагая по ступенькам подъезда.

Фрикетта села на первую ступеньку. Звуки рояля разносились по всему дому. Это была слезная жалоба, бесконечное монотонное рыдание, ритм которого Патрис отбивал ногой. Неужели это было его сочинение? Может быть, ей было бы лучше не видеться с ним? Но страдание, которое она должна была вынести из этой последней встречи, было почти необходимым для завершения ее жертвы.

Элизабет открыла дверь: мадам Монастье читала Мази газету. Напудренная, затянутая в корсет, с многочисленными цепочками на груди, старая дама боролась с дремотой. При виде Элизабет взгляд ее прояснился.

— Не беспокойтесь, — тихо сказала Элизабет. — Я еду, чтобы сделать несколько покупок в городе.

Как всегда, доверяя ей, обе дамы улыбнулись. Ей захотелось поцеловать их, но она сдержалась, едва не расплакавшись. Выслушав их советы, которые были обращены как бы к другой, оторвавшись от всего, что она разрушила, Элизабет быстро вернулась в коридор. Серые эстампы на стенах указывали ей дорогу. Вот одна дверь, вторая, вот и гостиная с бархатными занавесками бутылочного цвета. За закрытой дверью гремел рояль. Она вошла. Патрис сидел к ней спиной. Он ударял по клавишам с яростью маньяка. Ногой он нажимал на педаль до самого пола. Вдруг он перестал играть и положил руки на колени.

— Патрис! — окликнула она его.

Он повернулся на своем табурете, бросил на жену недовольный взгляд и проворчал:

— В чем дело?

— Я ухожу.

— Куда?

— Купить корм для птиц, — сказала она.

Это будет ее последняя ложь Он печально посмотрел на нее в упор. Он все еще верил ей. Несмотря ни на что, он все еще надеялся, что ей не в чем упрекнуть себя.

— Хочешь, я пойду с тобой? — спросил он.

— Нет, Патрис.

Наступила такая напряженная, такая болезненная тишина, которую Элизабет не смогла бы выдержать, не упав в обморок, если бы она не знала, что приближался конец ее мучению.

— До свидания, — сказала она.

Он не ответил. Элизабет вышла из гостиной и закрыла за собой дверь, отрезая путь к человеку, который еще некоторое время останется в неведении о своем несчастье. Он снова заиграл, но на этот раз нежную, почти успокаивающую мелодию. Фрикетта ждала хозяйку у подъезда. Элизабет схватила ее в охапку и, сильно прижимая к груди, покрыла поцелуями и слезами, высказав ей этим самым все свое горе, которое вынуждена была скрывать от других.

— Фрикетта! Моя Фрикетта! Прости! — простонала она.

В ответ собака лизала ее, вздыхая и повизгивая. Не выпуская из рук свою пушистую ношу, Элизабет пересекла сад с шелестящими деревьями и веселыми лужайками. Мир преображался по мере ее продвижения. Дорожная сумка ждала ее у двери домика. Она поедет в Париж поездом, остановится в какой-нибудь гостинице, позвонит Кристиану, попросит сразу же отвезти ее в Женеву. А потом? Потом все будет черным, грязным, отвратительным. Она нагнулась, чтобы взять сумку. Фрикетта спрыгнула на землю. До ворот было не более десяти шагов. Элизабет прошла очень быстро. Она не осмеливалась обернуться. Может быть, кто-нибудь наблюдал за ней из окна большого дома! Патрис? Его мать? Мази? Старая и молодая Евлалии? Еще раз она потянулась всей своей искалеченной любовью к этому дому, где скоро никто не осмелится произнести вслух ее имени. Потом, словно испугавшись, что ее разоблачат, вернут в последний момент домой, она выбежала на улицу и закрыла железную калитку. Удар калитки отозвался в ее сердце острой болью. Все было кончено.

Черный собачий нос просунулся между прутьями изгороди. Жалобный лай стал еще громче. Вытянувшись на земле, Фрикетта пыталась разглядеть, куда уходила ее хозяйка.

ГЛАВА X

Совершенно разбитый, сидя в кресле, с глазами полными слез, с сердцем, словно раздавленным тяжелым камнем, Патрис был не в силах перечитать письмо Элизабет. Он смотрел на него с каким-то суеверным ужасом, словно это был предмет, содержащий в себе все зло мира. Еще четверть часа назад он надеялся, что их ссора закончится примирением, что в их доме вновь воцарятся покой и любовь. Он упрекал себя даже за то, что продолжал играть, когда его жена, как он предполагал, уже вернулась из похода по магазинам домой. А когда он пошел к ней в комнату, то вместо нее обнаружил на столе этот белый конверт: «Патрису». С вершины своей надежды он скатывался в грязь. Мать и бабушка ждали их к столу, а он сидел здесь, обессиленный, уничтоженный ударом этого страшного открытия. Самые худшие предположения, возникшие вчера, когда она отказалась объяснить ему свое поведение, были сущим пустяком по сравнению с той горькой правдой, которую он узнал. Почему она предала его, человека, который жил только ею и только для нее? Как осмеливалась она изображать невинность перед теми, кого ежедневно втаптывала в грязь? Такое двуличие у существа, на вид такого невинного, туманило его разум, словно при внезапном раздвоении личности. Патрис уже не знал, кем была Элизабет, кем был он сам. Уничтожая себя, она уничтожала и его. У него теперь не было ничего в прошлом, За что можно было бы уцепиться и найти утешение. Его воспоминания, которые она оставила о себе, были пронизаны ни чем иным, как ложью. С каких пор она была ему неверна? В своем письме она ничего не говорила о том, с кем уехала. Но ему нетрудно было догадаться о ком идет речь. Неужели он был настолько наивен, что воображал себе, что она забудет этого человека?! Во время их последнего пребывания в Межеве он ни на секунду не заподозрил ее в том, что ее снова охватит страсть к этому человеку! Но нет никакого сомнения, что именно в Межеве она вновь встречалась с этим человеком, которого сама же называла ничтожеством! Именно там она снова попала под его очарование. Там и был зачат ребенок. Как же Патрис был смешон в своем счастливом и гордом ожидании появления на свет этого ребенка. Этот ребенок будет принадлежать другому, другому будет принадлежать и красота Элизабет, ее ласки, ее смех, ее нежность… А что же остается ему после того счастья, которым он обладал благодаря ей? Ничего! Одиночество, отчаяние, отвращение…

Канарейки прыгали в своей клетке. Фрикетта лаяла в саду. Скомканный носовой платок Элизабет валялся на ночном столике. Ее запах еще витал в воздухе. Но ее уже здесь не было. Она никогда не вернется. Сейчас, став свободной, она летела, полная нетерпения, к своей новой жизни. Может быть, уже встретилась со своим любовником? Патрис уронил голову на сжатые кулаки. Какая грязь! Какая подлость! Он задыхался. По коже пробежали мурашки. На губах он чувствовал вкус солоноватых слез. «Но почему, почему она сделала это?» Послышались шаги, приближающиеся к дому: его мать. Патрис быстро вытер слезы и спрятал письмо в карман. Если до этого момента он думал только о себе и о своем горе, то теперь его ждало новое испытание. Трясущимися руками он зажег сигарету. В зеркале платяного шкафа он увидел отражение человека с мертвенно бледным лицом, сидящего в кресле у окна.

— Ну, Патрис, — сказал мадам Монастье, войдя в комнату. — Что случилось? Уже четверть двенадцатого! Мы ждем вас на второй завтрак!

Он думал о боли, которую причинит ей, и не осмеливался смотреть матери в лицо.

— Элизабет ушла, — сказал он слабым голосом.

— Ушла? — воскликнула мадам Монастье. — Как это ушла? Утром она пошла по магазинам и еще не вернулась. Ты это хочешь сказать?

— Она больше не вернется.

Мадам Монастье вздрогнула и посмотрела на Патриса так внимательно, словно спрашивала себя, уж не рехнулся ли ее сын.

— Что ты мне тут рассказываешь? — спросила она.

— Она больше не вернется, мама. Между ней и мною все кончено.

— Что?.. Мо почему?

Он не ответил.

— Почему, Патрис, маленький мой? — снова спросила она дрожащим голосом. — Это… это невозможно! Вы что, поссорились?

— Нет.

— Тогда как же объяснить…

— Она оставила мне письмо.

— И что она говорит в этом письме?

— Я не могу повторить тебе этого, мама.

— Да нет же, Патрис! Речь идет, конечно, о ребячестве! Видишь ли, я заметила, что Элизабет тяжело переносит свое положение и порой очень нервничает. Может, ты был неловок с ней, обидел ее, сам того не желая?

— Нет, мама.

— Но куда она уехала?

— Я ничего не знаю.

— Ее необходимо разыскать.

— Я больше не хочу ее видеть.

Нахмурив брови, мадам Монастье отказывалась поверить в услышанное. Голосом, в котором слышались упрек и страх, она прошептала:

— Ты больше не хочешь ее видеть?

— Да, мама.

— Но Патрис, я не понимаю тебя… Она твоя жена… Она ждет от тебя ребенка!..

Патрис бросил недокуренную сигарету в пепельницу и сказал, глядя через окно вдаль:

— Она не ждет от меня ребенка… Она думала так… Но это неправда.

— Но доктор сказал же…

— Он ошибся.

— А эта проверка, этот лабораторный анализ?

Патрис резко встал:

— Прошу тебя, мама, оставим это! Я сказал тебе, что Элизабет не ждет ребенка. Разве тебе этого недостаточно?

Мадам Монастье сжала рука на груди и простонала:

— О Господи! Вы оба потеряли голову! Возьми себя в руки, Патрис! Что произошло с моим сыном, таким нежным, таким чутким, таким уравновешенным? Я вижу, ты, вероятно, упрямишься из-за какой-нибудь глупости. Элизабет должна быть где-то рядом! Позвони ее дяде Дени. Я не удивлюсь, если узнаю, что она уехала к нему после вашей ссоры.

— Я уже сказал тебе, что никакой ссоры не было! — возразил Патрис, полный отчаяния.

— Ты действительно не хочешь позвонить ее дяде?

— Нет.

— А если это сделаю я вместо тебя?

— Ни в коем случае, мама! Ни во что не вмешивайся. Оставь Элизабет, оставь меня…

— Нет, мой мальчик, я чувствую, что ты очень сильно настроен против Элизабет и забываешь о том, как много она для нас значит. Конечно, ее уход глуп и огорчителен, но вместо того, чтобы осуждать ее так беспощадно, тебе следует догнать ее, уговорить остаться. Ведь ей всего двадцать лет! Это еще ребенок. Она бросила тебя в порыве скверного настроения. Во всяком случае, я уверена, что у нее есть на это основания.

Разгневанный, Патрис повернулся к матери. Он тяжело дышал, болезненный тик искривил нижнюю часть его лица.

— Мама, — произнес он глухим голосом. — Элизабет совсем не такая жена, какой ты ее себе представляешь. Она мне изменила.

— Что?

— Да, мама. Она мне изменила. Она сбежала с другим мужчиной!

Ошеломленная, мадам Монастье провела дрожащей рукой по лбу:

— Сбежала с… Я не могу в это поверить!

— Однако это правда.

— Какой ужас!

— Теперь ты снова будешь ее защищать? — спросил Патрис.

Мадам Монастье присела на край кровати. Растерянность делала ее глаза еще больше на поблекшем увядающем лице. Они долго сидели неподвижно, уставившись друг на друга, не произнося ни слова.

— Покажи мне ее письмо! — сказала вдруг мадам Монастье.

Патрис отрицательно покачал головой.

— Нет, мама, это письмо только для меня. Впрочем, прочитав его, ты не узнаешь большего. А теперь… предупреди Мази. Потом вернешься ко мне. Ты мне так нужна сейчас!

Она с отчаянной жалостью оглядела Патриса, хотела еще что-то сказать, но мысли ее были рассеяны, а слезы катились из глаз, мешая говорить. Наконец она встала, поцеловала сына и пробормотала:

— Мой бедный мальчик!

И, шатаясь от горя, медленно пошла к двери.

ГЛАВА XI

Патрис взял чашку кофе из рук матери. Сидя напротив него в большом кресле, Мази как всегда пила свою вербену, высоко подняв голову, держа блюдце на уровни груди. Спустя два дня после ухода Элизабет из дома, старая дама приняла скорбный вид овдовевшей королевы. Несчастье ее внука так потрясло ее, что она не могла найти для него ни слов утешения, ни совета. С общего молчаливого согласия никто в семье больше не говорил об Элизабет. Но она была в мыслях у каждого. Любое молчание было полно воспоминаниями о ней. Когда напряжение становилось слишком тяжелым, мадам Монастье произносила несколько банальных фраз, чтобы избавиться от наваждения.

— Сегодня не пришел садовник. Надо бы позвонить ему, — сказала мадам Монастье.

— У него нет телефона, — заметил Патрис.

— Правда? Какая я глупая! Тогда Евлалия могла бы зайти к нему, не правда ли, мама?

Спрошенная так неожиданно, Мази оторвалась от своих раздумий с таким выражением лица, словно она накануне провела ночь у постели усопшего.

— Да… да, конечно, — прошептала она. — Пусть она сходит предупредить его.

— Центральная аллея заросла сорняками, — продолжала мадам Монастье. — Надо бы расчистить ее, и потом я думаю, что уже пора вынести мебель в сад, потому что намечаются хорошие дни.

— Хорошие дни, — повторила задумчиво Мази, и лицо ее застыло.

Маленькие ложечки печально позвякивали в чашках. Кресло, в котором обычно сидела Элизабет, было пустым, затерянным среди других кресел. Журналы мод, купленные совсем недавно, все еще валялись на столике. Через открытое окно проникал запах влажной земли и распускающихся почек. В саду лаяла Фрикетта.

— Ох, уж эта собака! — вздохнула Мази. — Заставьте ее замолчать!

В тот самый момент в библиотеке раздался телефонный звонок. Патрис поставил чашку на стол.

— Не беспокойся, мой мальчик, — сказала мадам Монастье. — Евлалия ответит.

Через две минуты Евлалия действительно вошла в гостиную. Она тоже была в курсе случившейся драмы. Лицо ее было растерянным.

— Это из Межева, — сказала служанка. — Слышно очень плохо.

Мать и Патрис с беспокойством переглянулись. Лицо Мази сразу стало тяжелым и приняло свинцовый оттенок. Ее ложечка упала на ковер. Все подумали об одном и том же: Элизабет звонила от своих родителей.

— Сиди, — сказала сыну мадам Монастье. — Если понадобиться, я позову тебя.

Она побежала в библиотеку, схватила трубку и, задыхаясь от волнения, проговорила:

— Алло!.. Алло! Я слушаю…

Тихий, едва слышный голос раздался издалека, обрадовав ее:

— Здравствуйте, мадам Монастье… У вас все хорошо? Говорит мадам Мазалег… Не кладите трубку! Алло!? Могу я поговорить с Элизабет?

Амелия положила трубку и оперлась о стол двумя руками. Пьер, который держал наушник аппарата и слышал весь разговор, тоже положил свою. Оба смотрели друг на друга потрясенные.

— Я ничего не понимаю! — прошептал Пьер. — Они выглядели такими счастливыми, когда приезжали к нам погостить!

Лицо Амелии словно застыло. Кровь отхлынула от ее щек. Взгляд был холоден и жесток.

— Пьер! — произнесла она через некоторое время. — Наша дочь — чудовище!

— Не осуждай раньше времени, — сказал Пьер с болью в голосе. — Может быть, еще не все потеряно. Наверняка есть подробности, которых мы не знаем. Это… Это мерзость! Это так

непохоже на нашу дочь!

— А у меня другое мнение, Пьер! Вспомни, сколько огорчений она доставляла нам, когда была еще ребенком.

— Какие огорчения?..

— Но Пьер… дома… в школе. Ее взбалмошность, грубость, строптивость! Она же сбежала из Сент-Коломбе, когда ей было одиннадцать лет!

— Но это же несерьезно!

— Да, Пьер! Элизабет всегда жила так, как ей подсказывал ее инстинкт. Снег, цветы, животные — все, что ей нравилось, она любила чрезмерно. Она неспособна контролировать свое поведение, неспособна устоять ни перед каким соблазном. С таким характером она была уготована для самых худших катастроф. Я никогда ей не прощу обиду, которую она нанесла Патрису! А эта бедняжка мадам Монастье! Она плакала в трубку! Такие замечательные, такие чистые люди! Разве они заслужили это?! Ах, если бы она сейчас была бы здесь, я бы выплеснула ей свое презрение прямо в лицо!

— Амелия, успокойся, дорогая, прошу тебя! — сказал Пьер умоляюще, взяв жену за руку.

Она резко вырвала руку.

— Теперь я понимаю, почему она не писала нам целых две недели! Мы должны разыскать ее, Пьер!

— Да, — ответил Пьер. — Но как?

— Сегодня вечером я поеду в Париж.

— И что это даст?

— Не знаю. Попытаюсь увидеться с Монастье.

— Примут ли они тебя?

— Буду настаивать, умолять. Мне надо знать подробности. По телефону невозможно…

— А если, пока ты будешь там, она вдруг объявиться в Межеве?

— У нее никогда не хватит смелости встретиться с нами здесь после того, что она натворила!

Пьер подумал с минуту, нахмурив лоб, потом вдруг воскликнул:

— Слушай, Амелия! У меня идея! Надо позвонить Дени. Элизабет может быть у него.

Амелия пожала плечами:

— Полно, Пьер! Подумай хорошенько! Ведь она уехала не одна! Она с мужчиной…

— Это она так написала в своем письме Патрису. Но ничто не доказывает, что это обстоит именно так. Кто бы поручился, что она не придумала эту историю просто так, в момент гнева, после ссоры?

— Бедный мой Пьер, — вздохнула Амелия. — Ты так стараешься выгородить свою дочь. Ты не хочешь признать того, что она оказалась способной на такую подлость. Но факты — вещь упрямая. Она разъезжает со своим любовником! И ей совершенно наплевать на то, что нам стыдно за ее поведение!

— Ладно, — ответил Пьер, — допустим, что ты права. Но я все равно не хочу, чтобы ты ехала в Париж. Если и будут какие-то новости от Элизабет, то мы их получим именно здесь.

— Вот уже ровно два дня как она покинула свою семью!

— Вот именно! Дай ей время опомниться, подумать хорошенько. Сезон здесь закончился. Наши последние клиенты уезжают послезавтра. Добавь дней десять на уборку и закрытие. Если через десять дней не будет никаких известий, то, согласен, мы уедем в Париж. Но ехать раньше было бы глупо, поверь мне!

— И ты воображаешь себе, что я смогу прожить эти десять дней в полной неопределенности?

— Речь не идет о десяти днях неопределенности. Я уверен, что в скором времени все разрешится. Я не знаю, что произошло между ней и ее мужем, знаю только, что наша дочь не может быть очень плохим человеком. Пойду, позвоню Цени.

— Как хочешь.

Пьер снял трубку и попросил связи. Пока он дожидался, когда его соединят, Амелия нервно ходила по холлу. Вошла хромая Камилла Бушелотт, совершенно подавленная, желая поговорить с мадам по срочному вопросу.

— Потом! — резко ответила Амелия. — Вы же видите, что я занята!

Посудомойка удалилась каким-то деревянным шагом. Леонтина напевала в буфетной. Какой-то клиент спустился по лестнице и направился к выходу, но Амелия даже не улыбнулась ему. Наконец раздался резкий и настойчивый звонок. Пьер снял трубку и протянул один наушник Амелии.

— Алло! — прокричал он. — Это ты, Дени? Говорит Пьер… Как поживаешь? Как Клементина?

— Очень хорошо, — ответил Дени. — А у вас все в порядке?

— Да-да.

— Сезон был удачным?

— Очень удачным.

— Амелия не очень устала?

— Нет… Она здесь рядом. Она целует вас. Я звоню просто так, узнать как вы там. Кстати, вы давно не виделись с Элизабет и Патрисом?

— Да больше двух с половиной месяцев. А что?

Пьер с жалостью взглянул на жену и тихо сказал:

— Да так…

— Ты знаешь, — сказал Дени, — меня не удивляет, что Элизабет нас редко посещает. Ей так хорошо в Сен-Жермене! Думаю, что она не часто приезжает в Париж.

— Нет, конечно, не часто, — сказал Пьер.

— Ты по-прежнему получаешь от нее хорошие вести?

Пьер помолчал, вздохнул и пробормотал:

— Алло! Алло!.. Нас сейчас разъединят, старик! До свидания!.. Рад был тебя слышать…

Когда он повесил трубку, Амелия спросила:

— Почему ты не сказал ему правду?

— Я не смог, — ответил Пьер.

Крупные слезы потекли из его глаз.

ГЛАВА XII

Элизабет уперлась локтем в угол подушки, повернув голову и глядя на часы, лежащие на ночном столике; стрелки едва передвинулись после последнего раза, когда она смотрела на них: два часа ночи. Она подумала, что часы встали, но регулярный «тик-так» убедил ее в обратном. Время едва сочилось в этой маленькой комнате с голыми стенами. Ночник, прикрепленный над кроватью, освещал голубоватым светом кресло, стол и белый шкафчик, на котором стояли весы для взвешивания грудных детей. Через двери доносились приглушенные крики из комнаты, где находились новорожденные. Весь этот дом хранил тайну деторождения. Но вот крики затихли. Элизабет сжала пальцы так, что ногти вонзились ей в ладони. После короткого затишья в ее животе снова появились болезненные ощущения. Но ей было не так больно, как она предполагала. Незадолго до полудня доктор Эбель ввел ей ламинарию. Накануне он осматривал ее в своем кабинете, в городе.

Сквозь окно виднелось озеро. Кристиан ждал результата консультации, сидя в кафе. Все прошло хорошо благодаря рекомендательному письму, написанному французским врачом, его другом. Ей не задали ни одного нескромного вопроса. Доктор Эбель оказался молодым человеком, плотного сложения, с волосами, торчащими ежиком. Он носил твердый пристегивающийся воротничок и очки в золотой оправе. С первого взгляда Элизабет почувствовала к нему доверие. Этим же вечером она легла к нему в клинику.

Кристиан поместил ее в отдельную палату. Он принес ей цветы, фрукты, иллюстрированные журналы. Его предупредительность по отношению к Элизабет свидетельствовала о беспокойстве, которое она в нем вызывала. Удалось ли ей убедить своего мужа в том, что она уехала дней на десять к своей подруге в деревню? Не потребует ли он новых объяснений после ее возвращения? «Будь спокоен, Кристиан, он ничего не заподозрит!» Она как сейчас слышала свой голос, произносящий эту фразу. Он встал, его зеленые глаза блестели, довольная улыбка осветила его лицо. Она правильно тогда поняла его. Он никогда не согласился бы ей помочь, если бы заподозрил, что после аборта она не вернется в Сен-Жермен. Главным для него было, чтобы она оставалась замужем и он мог продолжать заниматься с ней любовью, не обременяя себя семейными обязанностями. Он расхаживал по отдельной палате, свободный, ни от кого не зависящий в своем элегантном костюме из серой фланели. Весь его вид говорил о том, что он был очень оптимистичен.

— Ну вот, все в порядке. Я позвоню тебе, чтобы узнать как идут дела. И когда ты будешь чувствовать себя хорошо, я приеду за тобой на машине. Мы поедем в Париж на малой скорости. Увидишь, поездка будет отличной!

Ему и в голову не могло прийти, что она потом откажется следовать за ним. Она еще не знала, куда поедет, выйдя из клиники, но в чем она была уверена, так это в том, что после этих испытаний она не будет искать убежища ни у него, ни у Патриса, ни у кого бы то ни было. Она будет жить одна, работать… Боль постепенно отпускала. По ее вискам струился холодный пот. «До скорого, малышка…» Последний поцелуй. Взгляд фальшивого сострадания. В палате не осталось от Кристиана ничего, кроме этого прекрасного букета красных роз, распустившихся в вазе.

Элизабет захотелось пить. На ощупь она нажала кнопку звонка. Наконец дверь открылась. Детские крики стали громче. В палату тихо вошла дежурная сестра в белых тапочках. Элизабет еще не видела ее. Это была толстенькая, розовощекая, опрятная женщина с голубыми глазами и большими руками.

— Я хочу пить, — прошептала Элизабет.

— Хорошо, — сказала медсестра. — Вы хотите воды, лимонада или апельсинового сока?

— О! — застонала Элизабет, почувствовав внезапно новые боли в животе.

— Ничего, ничего, — сказала медсестра. — Потерпите немного.

У нее был ярко выраженный швейцарский акцент.

— Апельсиновый, — с трудом пробормотала Элизабет.

Сестра удалилась, тихо закрыв за собой дверь. От грохота проезжающего по улице грузовика ваза с розами задрожала. Какая циничная насмешка эти розы с бархатными лепестками! Элизабет смотрела на них и думала о сверкающем операционном блоке, в котором было сильно натоплено. Всюду эмаль, стекло и сталь. Лица с белыми стерильными повязками. Руки в резиновых перчатках, ловкие, лишенные человеческого тепла. И посреди всего этого она, разложенная на гинекологическом столе. «Самое трудное позади. Теперь остается только ждать». Медсестра принесла сок. Элизабет жадно принялась пить.

— Еще долго? — спросила она.

— Нет, — ответила медсестра, взяв у нее из рук пустой стакан. — Доктор Эбель осмотрит вас, наверное, завтра утром. А теперь надо быть благоразумной. Закройте глаза и попытайтесь заснуть.

— Вы не побудете со мной немного?

— Нет, мне надо дать лекарство пациентке в соседней палате.

— Она родила?

— Да, только что.

— Кого?

— Мальчика.

Медсестра ушла. Элизабет сжала зубы и решила думать только о себе. Стебель ламинарии медленно расширялся в ее чреве, подготавливая выброс зародыша. Каждый раз, когда мускулы ее сжимались, она думала о ребенке, который мог бы родиться.

В ее чреве велась глухая борьба против него. Живот, который она трогала рукой под простыней, стал местом неотвратимого убийства. А если она ошиблась? Если ребенок был от Патриса? Если она собиралась убить ребенка Патриса? Вот уже в сотый раз, лежа в этой больничной койке, она задавала себе этот вопрос и в сотый раз уклонялась от ответа, ссылаясь на неопределенность. «Нет, ребенок от Кристиана! Я в этом уверена!» Она вздрогнула от своих слов, произнесенных вслух. Голубой цвет ночника образовал круг на противоположной стене. Почему оставили весы в комнате? Пустое корытце было маленьким, трогательным. Элизабет попыталась вообразить себе розовое тельце, свернувшееся в своей колыбельке. Как выглядит новорожденный? Она никогда не видела. Крики новорожденных вновь стали громче. Чем дольше она их слушала, тем больше чувствовала себя обделенной, униженной, никому не нужной. Рыдание готово было вырваться из ее груди. В глазах стояли слезы. Она протянула руку к звонку. В коридоре раздались шаги. Звук открываемой двери. Сидя в постели, Элизабет прошептала жалобным голосом:

— Мадемуазель, позовите доктора! Немедленно! Сейчас же.

Невозмутимая медсестра пощупала пульс Элизабет, любезно улыбнулась и спросила:

— В чем дело, мадам?

— Мне надо поговорить с доктором!

— Но в чем дело? Все идет очень хорошо.

Она приподняла простыню и обнажила Элизабет до бедер.

— Ребенок, — еле проговорила Элизабет, — я хочу сохранить его!

Медсестра опустила простыню и покачала головой:

— Это невозможно, мадам. У вас скоро будет выкидыш. Сам доктор Эбель ничего не сможет сделать.

— Сможет, попросите его! Пусть он придет! Умоляю вас!

— Хорошо, — ответила медсестра. — Он сейчас принимает роды в клинике. Я предупрежу его. Как только у него появится свободная минута, он придет к вам.

— Я хочу сохранить его! — повторила Элизабет.

И вся в слезах, она уронила голову на подушку.

После чистки ее привезли в палату. Придя в себя, она испытала страшное ощущение пустоты в своем теле, в своей жизни. Разбитая, слабая, она с ужасом смотрела на эти голые белые стены, в которых она теперь пролежит до своего постыдного выздоровления. Ей хотелось умереть, а она видела свет наступающего дня. Ее мучила чудовищная жажда, а ей вежливо давали пить маленькими дозами. Ей было больно, и ее жалели, ухаживали за ней. Ей было трудно выносить предупредительность медсестер. Не было ли презрения за всеми этими улыбками и ободряющими словами?

Дети по-прежнему кричали в детской. Чувствуя к себе отвращение, Элизабет металась на подушке из стороны в сторону и до крови кусала губы.

Вечером она попросила ручку, бумагу и полулежа на больничной койке написала слабой рукой:

«Дорогая мамочка!

Мне надо увидеться с тобой. То, что происходит со мной, ужасно. Я больше не знаю как жить, зачем жить! Я все объясню, клянусь тебе! Я жду тебя с таким нетерпением! В верхнем углу этого письма есть адрес. О, моя мамочка! Приезжай ко мне! Приезжай! Я больше не могу! Поцелуй за меня папу. Прости меня.

Элизабет».

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.

О книге

Книга подготовлена пользователями библиотеки . Читайте или скачивайте эту и другие книги на сайте библиотеки бесплатно и без регистрации.

Адрес публикации:

Примечания

1

Танангра — город в Греции, знаменитый своими статуэтками из терракоты (прим. переводчика).

2

Названия французских вин и минеральной воды (прим. переводчика).

3

Сорт пирожного (прим. переводчика)

4

Карточная игра (прим. переводчика)

5

«Сионский шаг», «Козья спина» — названия гор (прим. переводчика).